

Йель.



Царство

женщин

Сердце Аризеля

Погибая от тяжёлых ран, мечник княжеской армии молит Бога о спасении. И, открыв глаза, обнаруживает себя в теле двадцатилетней хранительницы наследия страны, населённой одними только женщинами. Мирный край, не ведающий насилия и войн, сталкивается с военизированным государством. Судьба, прежде свободных от чужого гнёта, людей кажется предрешённой.

История одной души | От общины до царства

Забравшись в самую чащу леса вслед за врагом, я не оглядывался на оставшихся позади товарищей, и шум всё отдаляющегося сражения успели полностью заглотить деревья. Меня заворожила мелькающая за массивными морщинистыми стволами низкорослая фигура. Монгольские доспехи, отороченные мехом, окрасились кровью, и алые пятна сверкали среди сочной зелени огнём. Он быстро обернулся, проверяя не делся ли куда волк, направляющийся по следу за добычей, знающий, что если упустит её, то окажется вынужден голодать ещё много недель (так я себя ощущал, неспособный унять стремительно колотящееся от предвкушения скорого убийства сердце). Воспалённые налитый кровью глаза полные ненависти и страха вызвали лишь невольную улыбку на моих губах. Ему не сбежать.

Утратив всякую осторожность, ордынец хрустко ломал ветки, плутал, надеясь запутать своего настойчивого преследователя, но лишь заблудился сам в чуждых ему лесах. Я всё приближался, пока искорёженный в битвах клинок, занесённый над моей головой не заставил замереть на месте. Враг решил напасть первым, застать врасплох, раз уж уйти не удалось. Но я был готов. Звон столкнувшихся мечей пронёсся пугающим эхом, потревожил дремавших на ветвях птиц. Они вспорхнули, хлопая крыльями и пронзительно крича, будто предупреждая остальное зверьё о кровавой схватке в этой части леса.

Выпученный глаза ордынца уставились на меня, в них растворилась жажда убийства, пульсировала в каждой распухшей вене (разве не странно, что два столь похожих в этот момент существа сражались друг против друга?). Замахнувшись в очередной раз, он стал осыпать меня яростными и стремительными ударами. Руки дрожали, но стойко держались, пока я отбивал их. Сердце бухало в груди от волнения, а рассудок заставлял следить за мельчайшими движениями противника. Не упустить бы момент, чтобы нанести ответный могучий удар, от которого ему не увернуться. Я был готов, все мышцы натянуты как струна, но крепче всякой струны.

От звона стали заложило уши. Я уже не различал звуков леса (шёпота деревьев и возни животных), не слышал тяжёлого дыхания ордынца, хотя до сих пор ощущал его смрад. Боец превратился в объёмную картинку. Иллюстрация из детской книжки, должная внушить неокрепшему уму истинное лицо его исконного врага. Всегда немного преувеличенный ужасающий и уродливый образ ныне оказался живым.

Загнанный, я почти врезался в дерево, но успел увернуться и уберёг затылок от удара, резко развернувшись, взмахнул мечом и глубоко располосовал ордынцу спину. Выронив меч из ослабевших пальцев, он вскинул руки, изогнувшись, падал, казалось, целую вечность на, незнающую косы, траву. Я впитывал это мгновение, наблюдая, как угасали последние искры жизни в крепко сколоченном теле. Спрятал меч обратно в ножны, готовясь вернуться к остальным и продолжить биться с всё наступающим супостатом.

Отчаянный выпад обезумевшего существа так мало схожего с человеком застал врасплох. Холодный кинжал вонзился в кольчужную щель, приобретённую в жарком бою, несомненно, он целился прямо туда. Последний раз выдохнув, ордынец издох, так и не

закрыв выпученных глаз. А я пошёл, шатаюсь и хватаясь за грубую кору деревьев, подальше от тела врага. Ушёл не далече, тяжело упал, споткнувшись о первый же торчащий из земли камень.

Кровь вытекала сквозь свежую рану. Я перевернулся на спину, но липкая красная жидкость продолжала упрямо оставлять моё тело. Из груди торчал кинжал с грубо обтёсанной рукоятью. Попытался вынуть дрожащей от нахлынувшей слабости рукой, но дикая боль оборвала безуспешную попытку. Мне чудилось, будто сердце бьётся о лезвие. И чем быстрее оно колотилось, тем сильнее царапалось о металл. Кровь начала хлестать сильнее. Неужели вот так и ощущалась близость смерти?

Дождь закапал на лицо. Быстро нарастая, своим шумом он заглушал беспорядочные, терзаемые предсмертной агонией мысли. Вдруг почувствовав страшную жажду, я приоткрыл рот. Соль на языке сменил вкус воды. Запахло сырой землёй. Вспомнился родной дом, плуг, которым отец вспахивал поле. Я гнал от себя эти картинки, стараясь видеть лишь посеревшее небо над головой и кудрявые деревья.

Но кроны зелёных клёнов расплывались перед глазами, уступая место образам из прошлого. Пьяный смех товарищей по оружию, приятная похвала воеводы, звон монет в потяжелевшем от награды кошельке, короткий поцелуй в щёку, овеянный розами, от симпатичной деревенской девчонки...

Я не желал вспоминать. Мой черёд присоединиться к гордым и доблестным воителям прошлого ещё не наступил! С малых лет я верил в грядущую славу и величие. Будущее виделось не омрачённым печалью. Но холодный и болезненно острый клинок ордынца не спрашивал о моих надеждах.

Мне ещё не время умирать, ностальгируя о прошлом, предаваясь воспоминаниям о счастливых деньках.

— Молю, Господь Вседержитель, спаси и сохрани.

Кажется, я плакал. Горячие капли стекали вниз, смешиваясь с холодным дождём. Перед лицом одного только Господа я оказался не в силах сдержать слёз ужаса, ожидая неминуемую кончину, против которой нельзя было выступить с мечом наперевес. Какой же я никчёмный, потерявший бдительность, самодовольный дурак... Пошарив ослабевшей рукой по шее, нащупал серебряную цепь и вытащил на свет крест, сжав его изо всех оставшихся сил.

Стало настолько шумно, что я уже больше не различал шелеста золотых колосьев, не ощущал их жёсткого прикосновения к мозолистым кончикам пальцев. Солнце не слепило, урожай не радовал, как в далёком детстве, когда я только играл с деревянным мечом, мечтая, что однажды и обо мне сложат былины.

Веки потяжелели. Внутри в самом теле наступило безмолвие. Дождевые капли затекали в пылающую рану. Оказавшись больше не в силах пошевелить и пальцем, я задышался.

Слишком поздно для сожалений, для всего слишком поздно...

Сделав последнее усилие, открыл глаза, чтобы в последний раз увидеть небо. Даже пасмурное оно было воплощением великолепия. Прекрасная серость, в которой оставалось лишь потонуть всем своим существом.

Жуткая боль пронзила затылок, словно череп расколот надвое, не удосужившись перед этим снять голову с плеч. Всё те же равнодушные к бесславной смерти бравого бойца деревья возвышались надо мной. Я попытался припомнить удар по затылку, как будто это имело хоть какое-то значение. Но умирающему каждая мелочь казалась существенной.

Однако вскоре, уставший от усилий, просто потерял всякую связь с миром, который накрыла беспросветная ледяная тьма.

— Не знаю, как она вообще выжила с такой раной на голове, — дивился хриловатый старушечий голос.

— Но самое страшное уже позади, верно? — отозвался кто-то ясно и чисто подобно звону церковных колоколов. — Ты же сама сказала.

— Твоя сестра охранена Предками.

Женские голоса. Они снились мне? Должно быть я уже в Раю, и это ангелы решали, как поступить с моей душой. Но почему я ничего не видел? Или мёртвые лишались зрения, сохраняя лишь слух?

Что-то влило мне в рот. Тёплое и горьковатое. Оно приятно растеклось по нутру. Стало очень уютно и захотелось спать. Не противясь, я просто отдался в руки сна, полного звона боевых клинков и горящих от ярости глаз врагов, которыми повелевал сам Дьявол.

Не знаю в какой момент и через сколько дней, но ко мне вернулись ясность сознания и ощущение жизни. Лёгкая головная боль всё ещё тревожила. Распахнув веки, для начала я попробовал повертеть шеей. Слева обнаружил тумбу с почерневшей от частого использования газовой лампой, а справа у самой стены широкий обшарпанный деревянный шкаф, перекрашенный в розовое под цвет кирпичных стен помещения, в котором я теперь находился. В своей жизни мне ещё не доводилось видеть так много розового. Он обескуражил, но не нашлось причин для сомнений в реальности происходящего.

Лёгкие наполнял свежий воздух, а живот корчился от голода. До кончиков ушей доносилась птичья свиристель со стороны открытого окна. Ноздри щекотал аппетитный пар, клубившийся с нижнего этажа. К своему удивлению, я обнаружил, что точно знал — у здания имелись этажи. Словно уже бывал здесь прежде, но напрочь позабыл, когда и по какому поводу довелось сему приключиться.

Терзаемый любопытством, собравшись с силами, сел. Длинные волнистые локоны упали на плечи и полностью закрывали грудь, обтянутую ночной белоснежной рубашкой. Сколько же месяцев я пролежал без сознания, раз волосы теперь можно было в косы девичьи заплетать? Это внушало неподдельную тревогу.

Отдёрнув одеяло, коснулся ступнями пола, покрытого мягкой на ощупь козьей шкуркой. Ещё раз окинул взглядом комнату, размышляя, кому она могла принадлежать. Наверняка, в меру состоятельной особе. Мебель не вычурная, но ладная. Здесь светло и чисто. Открыл дверцу шкафа, чьё нутро заполняли одни лишь пёстрые сарафаны. Их владелица и ухаживала за мной столь чутко всё это время. Может и не рискнула постричь, но (я провёл рукой по гладкому как пяточка младенца подбородку) брить не забывала. Скорее бы познакомиться с этой девушкой, но сперва стоило привести себя в порядок. Будучи в сознании, я не должен был ударить в грязь лицом перед доброй хозяйкой, стоило показать себя благодарным и учтивым гостем, благородным и гордым воином.

Завертев головой в поисках зеркала, я наткнулся на длинный почти до самого потолка овал. Его владелица, несомненно, любила собой любоваться, значит, было чем. Неплохо было бы и мне оценить собственный облик, проверить не растерял ли обаяние из-за долгого вынужденного сна.

Приготовившись к самому худшему, уже представил тёмные круги под запавшими глазами, исхудавшее и ослабленное от долгого бездействия тело. То ещё зрелище. Но от правды не убежать. Да и многое из этого было поправимо.

Лишь пара шагов и вот я уже смотрел на родное отражение. В единый миг все прежние мысли и переживания просто улетучились. Как оказалось, я вовсе не был готов к самому худшему...

Подняв и опустив руку, я повторил это движение обоими ногами, фигура в зеркале вторила. Тогда я обошёл предмет по кругу, проверяя не спрятался ли кто на его обратной стороне с намерением разыграть поправившегося воина. Но и там никого не нашлось. А само зеркало не было двойным, гладкая медная поверхность едва отражала полное недоумения и недоверия лицо.

Это просто не могло оказаться правдой.

Встав обратно, я взгляделся внимательней. В зеркале отражалась мелкая на вид девчонка с моим русым цветом волос и моим зелёным цветом глаз. Но это были единственные схожие черты. С неохотой я схватился за мягкую женскую грудь, поместившуюся в крохотную ладонь лишь на добрую половину. Затем с сжимающимся от сердца ужасом шлёпнул рукой между ног, надеясь, что внезапная боль пробудит, избавив от жуткого наваждения. Движение оказалось слишком резким, и я рухнул на твёрдый пол, ударившись копчиком.

— Ай!

Обхватил шею и, вслушиваясь в тонкий голосок, проговорил:

— Этого не может происходить со мной. Всё просто снится мне.

Такое точно не исправить... Огромные от шока глаза смотрели в зеркало на щуплое девчоночье тельце, которое, без сомнения, можно было назвать привлекательным, не будь оно моим собственным. От суетливой возни волосы залезли в рот, и я неаккуратно убрал их, нечаянно вырвав пару прядей. Только теперь заметил перевязанный белой тканью лоб. Неужели глубокая рана от торчащего из груди кинжала, чьё лезвие лишь чудом не пронзило сердце, успела давно затянуться?

Подняв рубаху, на всякий случай проверил наличие шрамов, невольно смутился глядя на обнажённую женскую грудь. О чём я только думал? Ведь это тело точно не сражалось с ордынцем. Судя по виду, оно вообще никогда ни с кем не сражалось! Неужели такова воля Господа, спасшего меня подобным коварным способом?

В голове бурлила настоящая каша. Память девушки и полученные ею в течение жизни знания смешивались с моими, превращаясь в весьма странное блюдо. Постепенно я начинал узнавать каждый предмет в чужой комнате.

Вот эта лампа на комод — подарок Новжи на Воспение Предков. Она не такая уж и обыкновенная, как может показаться на первый взгляд. Я подошёл ближе, разглядывая вещицу. Рисунок колючей лозы опутывал, наполненное маслом, основание. А почерневшее от сажи стекло на самом деле было цветным. Стоило зажечь огонёк, и он расцветивал серую темень яркими красками. Я так и не узнал, как Новже удалось достать столь редкую вещицу.

... меня накрыл ступор. Кто такая эта Новжа?

Желудок громко заурчал, напоминая о нуждах чуждого тела, почему-то ощущавшегося как моё. Я подошёл к одежному шкафу, сарафаны в нём, конечно, никуда не исчезли. Но теперь я оглядывал их без прежней приподнятости духа. Попытки отправиться на поиски еды, надев это, не увенчались успехом. Во всём без исключения выглядел нелепо, а непрестанно путавшиеся волосы лезли в рот и глаза, мешались, вынуждая убирать их с лица. Обнаружив деревянный гребень на тумбе, попытался расчесать спутавшиеся локоны, но, спустя несколько тщетных и болезненных попыток, гребень просто застрял волосах. К тихой пульсирующей боли в голове прибавилось нарастающее раздражение.

Напрягая чужую память, отыскал ножницы. Необычной формы похожие на овал, распиленный посередине, но достаточно острые, чтобы избавить от спутанных волосяных комков. Сорвав повязку и бросив её на пол, я стал торопливо резать, глядя в зеркальное отражение. Выходило криво, независимо от приложенных стараний. Длинные локоны бесшумно падали на пол, вскорости обратившись в целый ковёр. Лишь когда русые кончики едва доставали до мочек ушей, я опустил лезвия, убрав ножницы обратно в ящичек.

Собрав и выкинув остатки волос в сколоченную из дерева, стоящую в углу, мусорную корзину, я вернулся к шкафу с одеждой. Солнце уже заливало комнату целиком, а сарафаны валялись повсюду, когда, наконец, удалось обнаружить пару штанов и рубаху цвета сочной травы. Они лежали в самом тёмном и дальнем углу шкафа под грудой другой одежды, запрятанные подальше от глаз. Но одежда пришлась впору этому телу. И, удовлетворённый, я натянул на крохотные ноги пару кожаных сапожек и с некоторым нетерпением покинул комнату. Что за мир скрывался за её пределами?

Коридор, в который ступил, оказался выполнен в коричневых тонах — привычных для деревянного материала, покрывавшего здешние стены, хотя дом и был выстроен из белого камня. Солнце пронизывало здание лучами как швейными иглами с яркими жёлтыми нитями в узких ушках. Сейчас, вероятно, время обеда и может получится успеть до его завершения. Желудок совсем слипся.

Спустившись вниз по натёртой до блеска деревянной лестнице, я поспешил в столовую, двери в которую были широко распахнуты. Внутри уже обедали две женщины. И я замешкался на проходе, разглядывая до ужаса знакомых незнакомок.

Самая старшая сестра, Айя, сидела во главе длинного стола, гордо выпрямив спину, пила своё любимое молоко с мёдом из деревянной кружки. Её смуглое лицо отличала непреложная серьёзность: густые тёмные брови сведены, рот как воплощение порядка — прям и сжат. Свобела, средняя сестра, устроившаяся по левую руку от Айи, ломала горячий хлеб, макая его в жаркое. Голубоглазая, белокожая и светловолосая, она всегда сверкала хитрой лисьей полуулыбкой. Как будто за одним столом, решив разделить трапезу, собрались ночь и день.

Облачённые в просторные рубахи и брюки, а не сарафаны, от которых ломился мой шкаф, сёстры не вели бесед. Погружённые в личные думы, они не особо озаботились о причёсках этих утром, да и роскошными девичьими косами похвастаться тоже не могли. Выглядели как два молодых мужа при княжьем дворе, только грудь и выдавала в них женщин.

Проходя в столовую, я нервничал, но голод возобладал над страхом. Спешно переступив порог, занял место за столом — по правую руку от Айи. Обе отреагировали на внезапный скрип стула, который я отодвинул, садясь. Прервав умиротворённый приём пищи, сёстры уставились на меня.

— Доброе утро, — попытался откликнуться я на их взгляды и даже выдавил из себя непринуждённую улыбку.

Айя вскочила:

— Нужно срочно позвать целительницу.

Я узнал этот голос, обсуждавший моё состояние со смутно знакомой старухой.

— Как твоя голова? — спохватилась Свобела, тоже вставая и спешно обходя стол, прильнула ладонью к моему лбу.

— Просто хочу есть, — уверил я, наполняя тарелку ароматным овощным жаркое с

добротным куском мяса.

Айя опустила обратно на стул, нисколько, впрочем, не успокоившись. Хотя хороший аппетит — первый признак здорового организма.

— Она впервые надела одежду, которую я ей подарила, — заметила Свебела, возвращаясь на место.

— И обрезала волосы, на которые была молиться готова, на каждый их сантиметр. И теперь ты будешь уверять меня, что она всё ещё в своём уме?

Испугавшись, что самозванца в теле их младшей сестры раскроют, я съёжился. Было действительно не по себе, хоть эти лица и отзывались чем-то родным в сердце. Серьёзное Айи и весёлое Свебелы. Мы были знакомы всю мою жизнь, росли вместе. Всю МОЮ жизнь! Я уронил на пол кусок хлеба и наклонился, чтобы поднять.

— Васха!

— Да? — откликнулся я тонким голосом.

— Вот видишь, Айя, она отзывается на своё имя, значит, и нам не стоит драматизировать.

Выпрямляясь, я вдруг понял, что позабыл, как звали меня, настоящего МЕНЯ. И от этого всё нутро обьял ужас, и сердце ухнуло куда-то вниз.

Глава 1. Мой дом у быстрой реки

Почему я не мог вспомнить своего имени, при этом ясно представляя лица всех, с кем воевал бок о бок? Детские воспоминания, когда родители окликали меня покрыл шум похожий на одновременный шёпот сотни людей. Остаток обеда я с усилием впихивал в себя содержимое тарелки, которую наполнил в голодной спешке. Позже обеспокоенная Айя всё-таки вызвала целительницу. И я узнал этот хрипловатый старушечий голос.

Полуслепая Кóра ловко и быстро осмотрела мою рану здоровым глазом, сиявшим по сравнению с блеклым и как будто затянутым изнутри паутиной вторым. Одета в похожие на мешок штаны и такую же рубаху, опоясанную разноцветной верёвочкой, опиравшаяся на гладкую ровную палку, Кора гордо держала голову. А её посеребрённые от старости волосы не покрывал шерстяной платок, как я привык видеть у женщин подобного возраста. В белую вату были вплетены цветастые лоскутки. И всё время осмотра я не мог оторвать от них глаз, настолько затейливые они были.

— Насколько я могу судить, Васха вполне здорова, — вынесла свой вердикт Кора.

— И как же ты объяснишь вот это? — раздражённо поинтересовалась Айя, указывая на всего меня.

Кора почесала в затылке:

— Возможно удар по голове сказался, но ничего что бы грозило здоровью, я не примечаю.

— Чтож, благодарствую, — вздохнула Айя, недоверчиво мотая головой.

Пожав плечами, целительница оставила нас вдвоём. Довольно резво передвигалась, несмотря на дряхлость и необходимость пользоваться тростью. Мы с сестрой переглянулись. Айя продолжала хмуриться:

— Ты точно хорошо себя чувствуешь?

Мне было трудно честно ответить на данный вопрос. Я, взрослый мужик, заперт в теле щуплой девчонки, которая, наверное, и меч поднять будет не в силах, не то что сражаться. А ещё я напрочь забыл данное мне при рождении имя. Описать словами мучительные чувства, терзающие душу, оказалось слишком непросто. И потому я просто сменил тему:

— Что со мной случилось?

— Не помнишь? Не удивительно... Новжа отыскала тебя в чаще леса. Земля намокла от дождевой влаги, ты поскользнулась и упала, ударившись затылком о камень.

Какая нелепая смерть. По сравнению с этой моя точно была получше, пусть и бесславная.

— Кстати, насчёт Новжи, — продолжала Айя. — Она каждый день ломилась в наши двери, навещая тебя, пока ты лежала без сознания. Советую зайти к ней перед тем, как будешь заниматься делами, которыми ты там обычно занимаешься.

Сказав это, Айя широкими шагами пересекла гостиную и скрылась за дверью. У меня возникло ощущение, что Васху тут не воспринимали всерьёз. В голосе старшей сестры сквозило неприкрытое пренебрежение по отношению к моим занятиям и подругам. Новжа... снова. В любом случае следовало её отыскать, чтобы она показала мне место в лесу, где было обнаружено тело Васхи.

Поднимаясь с дивана и направляясь к выходу из дома, сам себе удивился, что ищу

объяснения происходящему. Ещё совсем недавно я был почти готов просто уверовать в божью волю. Так было проще всего. Возможно это память Васхи, говорила во мне. Память девушки, погибшей в лесу в одиночестве, ударившись головой о камень. Была ли её смерть мгновенной или долгой и мучительной как моя? Взывала ли она к Предкам, молила ли их о помощи?

Стоило выбраться наружу, как тишину здания сменил шум живого города. Яркий солнечный свет ударил в глаза, он заливал собой всю округу и меня, ступившего на мощённую камнем улицу. Деревянные бревенчатые домики стояли рядами по бокам. Из камня были сооружены всего несколько зданий, включая дом хранительниц, к которым принадлежала Васха.

Несмелым шагом я направился к дому Новжи. Прохожие приветствовали меня, лучась искренней радостью, светло улыбались при встрече. Одна женщина, высунувшись из окна, неожиданно всучила кусок морковного пирога прямо в руки.

— Васха на ногах, какое счастье! Не придётся репетировать траурные песнопения.

— Тебе идёт новая причёска, Васха, выглядишь замечательно.

— Это Васха? Я и не сразу узнала. Здравствуй, дорогуша!

Лишь неловко кивая, я бессознательно выискивал в толпе тех, кого там быть никак не могло. Принятие этого далось мне даже тяжелее нахождения в чужом теле. В целом городе, нет, во всём Светлом крае жили одни лишь женщины.

Облачённые в рубахи и штаны, сапоги, мужскую одежду, они носили её как свою собственную. И маленькие девочки не являлись исключением. Несколько из них перебежали мне дорогу, играя в салки. С обрезанными волосами, а не с косами, словно не девочки вовсе, слишком легко было принять за мальчишек. Хотя некоторые всё-таки наряжались в юбки, женщины, что радостно и лукаво подмигивали мне, хвастаясь новой вышивкой на сарафане.

Я оказался в эпицентре странного мира, который вихрем окутывал меня, намереваясь не то задуть, не то приютить в своих тесных объятиях.

Новжу я обнаружил у входа в ткацкую лавку. Узнать подругу оказалось проще простого. Одета в длинную пачкающуюся краями о землю ярко-красную юбку, а с макушки водопадом спадали ярко-рыжие волосы до самого пояса. Она о чём-то громко спорила с ткачихой.

— Это же в честь выздоровления моей лучшей подруги! Ну, уступи мне отрезок. А я обещаю поработать задарма пару дней.

Я остановился в паре метров, окликнув:

— Новжа!

Мой собственный голос прозвучал неуверенно и от того глухо. Новжа услышала его и обернулась, готовая расплыться в счастливой улыбке. Однако, увидев меня, она просто обомлела, примёрзнув к месту, на котором стояла, а ведь сейчас был самый разгар лета. Чтобы как-то развеять возникшую неловкость, я сам сделал несколько шагов ей навстречу.

— Кто ты и что ты сотворила с моей лучшей подругой? — строго и с укором проговорила Новжа, тыкая пальцем в моё плечо.

Эта девушка была выше меня на целую голову и приходилось смотреть снизу-вверх. За всю жизнь мне ни разу не приходилось смотреть на кого-то вот так, но по сравнению с этим телом почти каждая оказывалась выше ростом хотя бы на пару сантиметров.

Я аккуратно опустил руку Новжи, оглядываясь по сторонам в поисках непрощенных свидетельниц.

— Отведи меня в лес, в то место, где нашла.

— Зачем?

Новжа недоверчиво сверлила меня взглядом. Она сразу раскусила странного незнакомца в теле её подруги. И я действительно сожалел, что не мог поведать всю правду, потому что и сам ничего не понимал.

— Затем, что я об этом прошу.

Беспомощный довод, но Новжа кивнула, больше не став спорить или набрасываться на меня с обвинениями.

Мы довольно скоро оказались за чертой на поверку крохотного города и, миновав, полузаброшенную лесопилку, устремились в чащу леса. Благодаря маленьким размерам нового тела, было проще пролезать меж деревьев, от того мы двигались быстрее, и Новже не приходилось меня ждать.

Когда подруга, наконец, остановилась, показалась полянка. Я сразу же узнал её. Не хватало только тела ордынца, распластанного неподалёку и свежей крови, испачкавшей траву и пропитавшей землю. Я лёг на то место, где недавно лежал, умирая, и узрел то самое небо, только теперь ясное и голубое, а не завешенное тяжёлыми тучами. В сердце больно защемило.

Новжа наблюдала за мной со стороны. Через некоторое время, пока я лежал, зажмурившись и словно надеясь вернуться таким образом в своё настоящее тело, она потребовала:

— Назови наше место!

Не размыкая век, проговорил:

— В заброшенной части Сада Древних, там, куда даже старшая садовница не ходит, — конечно, я это знал, не мог не знать.

Чуда не случилось, а может моё тело уже обглодали волки и пожрали черви, и возвращаться было просто некуда. Я сел, открыв глаза. Свет ослепил. Руки Новжи сжали меня в объятиях, притискивая к ярко-красному сарафану.

— Васха, это ты! Ты вернулась ко мне. Я счастлива, что ты цела.

Я слышал короткие всхлипы. Новжа плакала. Нечто внутри меня переворачивалось, в уголках глаз пощипывало. Левой рукой обхватив спину Новжи, я откликнулся немного грустно:

— Разумеется, это я. Кто же ещё может быть?

Тело этой девчонки отныне моё, а другого мне не видать. Теперь я был в состоянии описать свои чувства. Стыд, смешанный с сожалением. Необъятная тоска о несуществующем для меня мире, в котором больше нет верного товарища и любящего сына по имени... по имени...

— Васха?

— А?

— Почему ты обрезала свои волосы? Пока мы шли, мне показалось, что даже твоя походка стала иной. Менее прыгающей и более твёрдой. Неужели всё из-за удара по голове?

Я встал, отряхиваясь и стараясь не встречаться с Новжей взглядом:

— О чём ты спорила с ткачихой?

Подруга что-то отвечала, пока мы возвращались в город, но я слушал в пол уха, рассеянно кивая. Кто я теперь? Васха? Если верить всем вокруг, то не очень-то я на неё походил. Но и на себя прежнего тоже не смахивал. Кто же я?

— Так вот, — продолжала Новжа, когда мы уже миновали лесопилку, — я хотела успеть

покрасить кусок хлопковой ткани, чтобы сшить платье по твоему последнему эскизу. То самое, которое ты очень хотела, — подруга спешно вытащила у себя из-за пояса свёрнутый в трубку пергамент и развернула перед моим лицом.

Не знаю, может нахмуренность, отпечатавшаяся на лице, выдала меня с головой, но энтузиазм Новжи быстро поугас. Несмотря на то, что ранее она удостоверялась в том, что Васха была Васхой, разочарование, казалось, поселилось в её сердце с самой нашей первой встречи. И я не мог её в этом винить.

Однако рисунок женской фигуры и платья, в который та была наряжена, показался мне очень хорош. Я совсем не умел рисовать, но эта маленькая рука обладала способностью изобразить абсолютно всё, чего только ни пожелает душа. Невольно опустил взгляд на свою кисть. Короткие пальцы, под ногтями застряли разноцветные кусочки мелков. Больше зелёного, по цвету платья на эскизе.

Я не успел ответить подруге, как кто-то потянул меня за край вылезшей из штанов рубахи. Крохотная девчушка смотрела большими ясными глазами в моё лицо, держа большой палец другой руки во рту. Я вспомнил её. Васха часто показывала девчужке корову и игриво бодала в живот, вызывая тем самым залиvistый смех малышки. Но я просто глупо оторопел, выдавив из себя неловкую улыбку. Очередной разочарованный взгляд стал красноречивым ответом.

Девчушка отпустила рубаху, убежав дальше по улице.

— Пожалуй, теперь и смысла нет с ткачихой договариваться, — с неприкрытой горечью проговорила Новжа, опережая меня на пару шагов. — Всё равно ведь носить не станешь.

Наверное, в подобные моменты к людям в голову и приходят мысли вроде «лучше бы моя лучшая подруга умерла, чем вернулась совсем чужим человеком». Вот только она действительно умерла на той поляне, и с этим уже ничего не поделаешь.

— Что-то у меня голова кружится, — отозвался я. — Вернись-ка к себе.

— Тебя проводить?

— Не стоит. Спасибо за сегодня, — и когда я стал таким вежливым?

Махнув на прощание рукой, направился к дому хранительниц. Они копили, хранили и создавали память. Помимо жилых комнат в здании располагались библиотека, учебный класс и приёмная. Свобела преподавала детишкам грамоту и математику, также вела городскую хронику, в этом ей помогали самые усердные ученицы. Ая разбирала местные конфликты и регулировала городское хозяйство, направленное на общие нужды. Обычно должность хранительницы передавалась следующей в роду. Но это нисколько не роднило её с князем. Среди женщин не существовало главенства одной над другой. С рождения равные они оставались такими до конца дней своих.

Оглядываясь на молодых девушек, я невольно думал о том, что им не суждено стать жёнами. За них не будут предлагать преданного, и им не предстоит ждать своих мужей с поля или с войны, растя детей и присматривая за домом, проводя свои дни в кротости и послушании перед мужем. От подобных мыслей почему-то становилось страшно, но одновременно очень спокойно.

Чтобы зачать, женщинам не требовался мужчина, забеременеть могла любая женщина, состоящая в паре. Обычно это не происходило спонтанно, всем было хорошо известно, в какие дни они точно могли зачать. Пары часто сформировывались только ради рождения ребёнка, а потом так же легко распадались. Однако желающих завести дитя находилось не много, и весьма редкая женщина беременела больше одного раза за свою жизнь, потому

город не рос, вот уже долгие годы оставаясь в своих границах.

Васха и её сестры имели одну общую и три разных матери. Общая и являлась прошлой хранительницей. Она была ещё жива, но несколько лет назад покинула город, передав полномочия своим дочерям. Насколько я мог судить по обрётённым воспоминаниям, всё чем занималась Васха — это придумывала необычные наряды и причёски, уверяя всех и каждую, что однажды и её работа станет частью наследия Быстроречья. Весёлая и беззаботная, она проживала свои дни непринуждённо и легко. Мне даже стало немного завидно.

И вишенкой на моём горьком на вкус пироге стал один неотвратимый факт: Светлый край не ведал войн. Слов «война» и «оружие» вовсе не существовало в здешнем языке.

Ступая по мощённой дороге и глядя исключительно себе под ноги, я желал лишь как можно дальше убежать от этого города и от этого мира. Вырвать сердце Васхи из её груди, заставив его остановиться.

Достигнув местной кузницы, я только сейчас заметил сгустившийся вечер. Вдоль главной улицы на высоких фонарных столбах в чугунных домиках уже плясали яркие огоньки. Их тёплые отблески касались моего лица или, лучше сказать, лица Васхи. Это всё словно сон, который растает стоит лишь открыть глаза, а потом удивиться, что тебе вообще могло привидиться нечто подобное.

Огни всё сильнее расплывались перед моим взором, превращаясь в размытые пятна, а окружающие звуки перемешивались, что в конце концов я уже не мог их различать. Ослабленные ноги подкосились, и я лёг, сразу же провалившись в пучину бессвязного сна.

Солнечное тепло защекотало кожу, заставив пробудиться. Стоило распахнуть веки, и я снова погрузился в реальность, которая, как дворовый пёс в ожидании подачи, всё не оставляла меня в покое. Но единственное, что я мог — это дать ей пожрать самого себя.

Пахло утренней свежестью, обильная роса намочила волосы и одежду. Я стряхнул влагу, обнаружив себя сидящим на сырой земле перед молодой вишней. Половина ладони в объёме, она почти не плодоносила. Посаженная всего две зимы назад, с кривыми, но острыми ветками, торчащими во все стороны, дабы не подпускать чужаков к стволу дерева. Приглядевшись, я заметил обрывок ткани, привязанный к самой нижней и толстой ветке. Там красовалась надпись, оставленная красной засохшей жидкостью. Моей кровью... кровью Васхи.

— «С вечной любовью», — прочитал я, слегка дотрагиваясь до лоскута.

Сзади послышались мягкие приближающиеся шаги. Я сделал вид, будто ничего не заметил. Но затем посторонний голос, не дожидаясь приглашения, ворвался в моё уединение:

— Даже когда мы меняемся, всегда остаётся нечто неизменное, — Свобела опустилась рядом на землю, лучась столь присущей ей полуулыбкой. — Вот и ты, Васха, всегда приходишь к дереву своей первой матери, когда чувствуешь в ней нужду.

Первая мать? Та, что выносила и породила на свет.

— Потому я точно знала, где тебя искать, когда ты не обнаружилась в своей комнате, — ласково продолжала сестра.

Она легонько коснулась моей макушки, трепая и без того спутанные волосы. Почему-то от этой навязанной нежности по телу пробежала неприятная мелкая дрожь.

— Может пойдём завтракать? Ты, наверняка, голодна.

Свобела поднялась и протянула мне руку. Промедлив секунду-другую, я всё-таки схватился за неё.

Сад Древних, в котором мне довелось почивать этой ночью, хранил в себе прах умерших женщин. На тех местах, где он был зарыт, сажались деревья. Чаще всего плодовые, но выбор всегда стоял за родственниками умерших, потому это могло быть что угодно, порой даже цветы.

Ноги Васхи привели меня к могиле её первой матери. Нечто столь сентиментальное нисколько не воодушевило.

Пока мы пробирались меж деревьев, из-за одной скрюченной хурмы навстречу выпрыгнула девушка лет пятнадцати в накидке с вышивкой, изображавшей распустившиеся алые розы.

— Стоять на месте, — велела незнакомка, выставляя перед собой ладонь. — Что вы делали в Саду Древних в такой ранний час? А ну-ка отвечайте мне!

Свебела раздражённо прикрыла веки, но затем ответила с прежней полуулыбкой:

— Разве у нас существует запрет на посещение? Я не слышала объявления.

— Несколько деревьев было попорчено, неизвестная выстругала рисунки на коре. И произошло это ночью, из-за чего старшая садовница велела ввести ночной патруль по периметру Сада. А я не видела, как третья хранительница пересекала территорию Сада сегодня утром. Значит, она под подозрением, — теперь острый ноготь девушки был направлен на меня, смертоносный клинок не иначе, я едва сдержал усмешку.

— И рисунки какого рода были выструганы на коре, и какие конкретно деревья пострадали? — терпеливо поинтересовалась Свебела.

Девушка задумчиво почесала в затылке.

— Вам об этом лучше у старшей садовницы спросить. Она пошла в дом хранительниц.

— Какое удивительное совпадение, мы направляемся туда же, — отозвалась Свебела, потянув меня за рукав.

— Но нарушительница... — всё, что успела бросить нам вслед суровая ревнительница порядка.

Мы благополучно покинули Сад Древних.

— Порой я боюсь за будущее этого города. Некоторые люди не видят дальше своего носа, — проговорила Свебела с досадой.

— Она просто старается справиться со своими обязанностями и никого не подвести, — возразил я.

Свебела поражённо вздёрнула брови, окинув меня коротким взглядом. Неужели всем известная Васха в этом случае бы просто промолчала? Я оказался озадачен реакцией старшей сестры.

У входа в дом хранительниц обнаружилось целое столпотворение. Человек семь в таких же накидках, как та упорная девушка, попавшаяся нам в Саду. Все с трудом подавляли зевоту, одна дремала стоя, безуспешно расталкиваемая подругой. Дежурили ночью, не иначе.

Свебела даже не взглянула в сторону младших садовниц, пока мы проходили мимо.

— Иди в столовую, там уже накрыто, — бросила сестра, стоило переступить порог, а сама направилась в приёмную.

Но я не спешил строить из себя послушную младшую сестрёнку и, выждав минутку, пошёл следом за Свебелой. Дверь в приёмную оказалась закрыта, но я заглянул в замочную скважину. Комната, где меня осматривала целительница, и которую я принял за гостиную, и была приёмной. Помимо обеих хранительниц там присутствовали ещё четыре женщины, три из них горланили вовсю, перебивая и усердно заглушая друг друга.

Я мигом узнал садовницу. Это оказалось легко даже без воспоминаний Васхи. Косички длинной до плеч полностью покрывали морщинистую голову, похожую на высушенный абрикос. Статная и худая, одетая в самую красивую накидку, которую мне доводилось видеть, вышивка напоминала Сад Древних в миниатюре. Садовница Ярша, названная в честь путеводной звезды, широко жестикулировала, тем самым, не позволяя никому к себе приблизиться и оттеснить в сторону.

Две другие женщины — полные близняшки лет тридцати промышляли собирательством диких ягод и бортничеством в ближайшем лесу. Они произносили почти одно и то же, и два голоса сливались в один, делая обеих ещё громче.

Последняя гостья, облачённая в тёмный дорожный плащ, устроилась в сторонке. Короткие волосы собраны в тугий пучок. Морщины выдавали её уже преклонный, но ещё достаточно крепкий возраст. Кажется, Васха прежде не общалась с этой женщиной, потому что я её не узнал. Стараясь отрешиться от происходящего, седовласая гостья неспеша наполняла деревянную кружку яблочным сидром из кувшина, стоящего на комодe.

Осмотрев место, я приложил ухо к двери и прислушался.

— Медведь, хранительница Айя, мешает нам собирать ягоды в наших обычных местах, — вторили сёстры друг другу. — Мы понимаем, что медведю тоже нужно есть, но территория обширна, а он облюбовал всё, и если с этим не разберёмся, то лишимся заготовок и не сможем обменять излишки по всеми одобренному плану.

— Выгода должна стоять последней в списке наших дел, — возразила Ярша, приправив доводы толикой напускного драматизма. — Когда беда наступает Сад, когда деревья Предков оказываются поруганными, долг потомков отыскать и обличить преступницу, пока она не задумала, что похуже обычной порчи коры. Вдумайтесь, первая хранительница, в каком упадке наша духовность, если такое вообще приходит кому-то в голову?

— Деревья могут и подождать, не убегут же они, в самом деле, вырвав из земли свои корни. А медведь представляет угрозу уже сейчас. Мы пытались его отвадить, устраивали кормушку вниз по реке, но всё без толку. А ещё он до смерти перепугал одну из наших собирательниц, девчонка едва ноги унесла и семь лун боялась в лес выбираться.

— Преступницу нужно ловить по горячим следам, а что ваш медведь? Он и так никуда не торопится.

Когда проблема становилась трудно разрешима или касалась всего города, обращались к хранительницам. Лишь они имели полномочия выносить вопросы на всеобщую повестку. Потому Айя внимательно слушала и, кажется, даже что-то разбирала из этого гвалта, потому что затем я услышал её твёрдый и ясный как церковные колокола голос.

— Ты уже проверила тех, у кого могли быть счёты с предками, которым принадлежали испорченные деревья?

— Безусловно. Но все подозреваемые имеют свидетельниц, могущих точно подтвердить, что те не бродили в Саде Древних тёмной ночью. Я настаиваю на обыске, который непременно обнаружит виновницу.

— Ты предлагаешь обыскать все дома Быстроречья лишь из-за пары царапин на коре? — вмешалась Свела с короткой усмешкой.

Я заглянул в замочную скважину. Ярша поджала губы и крайне враждебно взглянула в сторону второй хранительницы, но ничего не ответила провокационный выпад, а снова повернулась к Айе:

— Я уверена, что, когда эпизод станет всеобщим достоянием, люди сами вызовутся

помочь нам в поисках.

— В этом нет сомнения, — согласилась Айя.

— Медведь? — вклинились близняшки.

Я затаился, стараясь не упустить ни слова.

— Ничего не поделаешь, в этом году придётся немного отклониться от плана. Этот лес нам не принадлежит. Может в следующем году медведь уйдёт в другое место.

Поражённый услышанным, я толкнул дверь и выпалил, не сдерживая себя:

— Почему бы просто его не убить?

В ещё мгновение назад такой шумной приёмной повисла тишина. Все взгляды были устремлены на меня. Близняшки смотрели с нескрываемым испугом, Ярша с недоверием, будто сказанное мной было нелепой шуткой. Незнакомая гостья замерла, недонеся кружку до рта. Я перевёл взгляд на сестёр. Свобела стояла, прикрыв рот рукой, скрывая не то усмешку, не то в кои-то-веки отсутствующую на лице улыбку. Хмурая складка меж бровей Айи стала глубже.

— Убить? — повторила она за мной, добавив жёсткости голосу. — Ты хорошо себя чувствуешь, Васха?

— Она всю ночь проспала на земле, может простудилась, — заметила Свобела, наконец, убирая руку от лица, приобретшего своё обычное выражение.

Но я не отступал:

— Медведь мешает. Он — проблема. К тому же опасная. Почему мы должны терпеть его там, где трудятся наши собирательницы? А что если он ранит кого-то? А что если пересечёт городскую черту и окажется на наших улицах?

Айя внимательно слушала, но стоило мне закончить, изрекла непреклонно:

— Тебе нечего делать в моей приёмной.

— Я такая же хранительница, как и ты.

Этот упрямый и неожиданный выпад с моей стороны накалил и без того напряжённую атмосферу. Но старшая сестра оказалась терпелива.

— Мы выслушали твоё предложение, Васха, и единогласно отвергли его.

Оглядел присутствующих в поисках поддержки, но даже близняшки, в чьих интересах всё это и было, просто отвели взгляды. Развернувшись, я ушёл.

Какая глупость! У меня чесались кулаки. В Быстроречье не охотились, отдавая предпочтения домашнему скоту. И лес всегда считался территорией животных. Конечно же я об этом знал, но всё же медведь это вам не лисёнок. Как можно оставлять освоенное место в лапах свирепого и опасного зверя? Это просто в голове не укладывалось.

Но, несмотря на весь пыл, мне было не по силам теперь завалить целого медведя, и оружия подходящего тоже не имелось в наличии. Садясь завтракать, я ощущал горечь во рту. Наверное, я показался этим женщинам монстром во плоти, так сильно я жаждал чужой крови на своих руках. Даже если это было ради безопасности Быстроречья всё равно непростительно. Или я убеждал себя, что хочу сделать это ради других, а сам напротив мечтал лишь погрузить острый клинок в мягкую плоть и запачкаться в горячих алых брызгах?

Поедая клубнику, замер, разглядывая красный сок, оставшийся на пальцах. Стоило ли извиниться перед сёстрами за безумное, по меркам этого мира, поведение? Так или иначе я просидел за столом даже дольше, чем потратил на трапезу, а они так и не явились, слишком занятые повседневными делами, и я просто поднялся в комнату Васхи.

Со вчерашнего дня здесь ничего не переменялось, и розовый всё ещё раздражал взор. Как вообще удалось получить такой цвет? Верно она немало постаралась. А меня подташнивало от здешней обстановки. Отражение в зеркале в свою очередь напомнило, что Васха — это я, а не какая-нибудь канувшая в лету девчонка. Вот она во плоти стояла посреди комнаты и смотрела недоверчиво и враждебно.

Странно, но, приглядевшись, я узнал взгляд этих тёмно-зелёных глаз. Точно такой же был у прошлого меня. Неосознанно коснувшись ладонью зеркала, тяжело вздохнул.

Может в чём-то я оказался неправ изначально. Может этот шанс был предоставлен вовсе не мне, а нам обоим... обоим... неважно. Я просто хотел понять, почему всё произошло именно так, если на то вообще имелась причина. Ведь обычно люди просто умирали, независимо от искренности их молитв. И, видят Предки, был кто-то более заслуживающий ходить по этой земле, дышать этим воздухом. Но чем в итоге я занимался, получив в дар сокровище под названием «жизнь»? Только жалел самого себя.

Грустная усмешка отпечаталась на губах. Я с силой сжал правую ладонь в крепкий кулак, прочувствовав скрытый в теле нереализованный потенциал. Да, маленькая, но, наверняка, ловкая и юркая. Без сомнения, выносливая, ведь все женщины такие. И умная, в этой голове содержалось больше знаний, чем когда-то водилось в моей.

Внезапный порыв подтолкнул меня раздеться до нага. Часть тела, обычно скрытая под одеждой, оказалась белее открытых участков кожи, потому что совсем не загорела на солнце. Мягкие линии груди и, вдруг затвердевшие от соприкосновения с воздухом, соски невольно заставили меня нахмуриться. Волосы между ног темнее, чем на голове, как и волосы подмышками. Это показалось забавным. Я повернулся, осматривая обнажённую спину, щедро усыпанную родинками. Также одна имелась на ягодице.

Повернувшись обратно, коснулся пальцами между ног, ощутив приятный прилив. Оказавшись во власти этого ощущения, я уже не мог остановиться и просто продолжал, пока пальцы не начали скользить. От нахлынувшего блаженства закружилась голова. Увлёкшись, попытался засунуть палец глубже в себя, как если бы в этом мире всё-таки существовали мужчины, но резкая и неприятная боль заставила передумать. Неужели женщинам всегда так больно? Но они всё равно терпели там, в другом мире.

Снова посмотрев в зеркало, увидел молодое женское тело, прекрасное каждой своей чёрточкой. На всякий случай больно ущипнул себя за бок, дабы осознать, что это моё собственное тело.

Я оделся обратно. Заняться оказалось больше не чем. Это заставило вернуться к мыслям о медведе и злоумышленнице, портившей деревья. Хотя второе тревожило куда меньше.

Хоть официально я и являлся третьей хранительницей Быстроречья, никто не воспринимал меня всерьёз. Быть младшей не всегда привилегия. Ая на десять лет старше Васхи, а Свебела на шесть. И обеих с молодых ногтей готовили к их будущей роли, а Васху нет. Выросшая в любви и заботе, она была сама вольна избирать себе занятие и ничем важным не обременялась. Вот так жизнь! Если на этих руках и имелись мозоли, то только от использования иглы.

Я стал рыться в ящичках комода. В его нутре обнаружилось множество эскизов, аккуратно сложенных в папки. В глубине самого маленького ящичка лежала дощечка — плоская деревянная фигурка изображавшая солнце, вырезанная умелыми руками младшей садовницы из вишнёвого древа моей первой матери. Она была прикреплена к длинной бечёвке. Не задумываясь, я повесил дощечку себе на шею и спрятал под одеждой.

Сундук у окна был до краёв наполнен отрезками ткани. Здесь же лежала коробка с нитками и иголками. Я удовлетворённо улыбнулся. Пришло время полностью поменять свой гардероб, эти руки были на такое способны.

В итоге я трудился весь день, спустившись лишь к ужину. Но и с ним покончил как можно скорее, не перемолвившись с сёстрами ни словечком. Впрочем, они тоже не выглядели расположенные к разговорам. Каждая погружена в себя. Это наталкивало на мысль, что наша странная семья не из дружных. И по каким законам мы жили? Васха всегда воспринимала как должное старших сестёр и не задумывалась над их отношениями друг с другом. К ней были добры как к самой младшей, этого оказывалось довольно. Всерьёз увлёкшись шитьём, я тоже не нашёл времени на сторонние мысли.

Так пролетел второй день моего пребывания в городе Быстроречье, который с северной и восточной стороны огибала река. Сам городок пребывал в окружении тёмного леса, что обеспечивало постоянный доступ к древесине. Это поведала карта, висящая на стене в пустующей приёмной, куда я заглянул после ужина.

У верхнего края выцветшей кожи изображалось море, омывающее берега двух поселений. Правый нижний угол занял рисунок острых как волчья пасть гор. А посередине разливалась светло-зелёная равнина. Между немногочисленными поселениями змеёй растянулась дорога. Крохотный рисунок повозки, запряжённой парой лошадей, натолкнул на мысль о неразрывной связи между обитательницами разных частей карты. Светлый край — полная чаша. Наверное, лучшее место, в котором мне повезло очутиться.

Глава 2. Новая жизнь

Я был на ногах с рассветом. Наряженный в новый костюм, состоящий из рубахи, расшитого красными нитями зипуна и пояса, я ощущал себя почти так же как в прежние времена, если это сравнение вообще могло быть уместным.

Покрытой утренний дрёмой город ворочался как медведь в берлоге после длительной зимовки. Он медленно пробуждался. И я гулял по пустынным улочкам, освежая в памяти его знакомые и такие чуждые мне места. Лавки служили частью жилых домов и представляли собой их продолжения. Вот булочная, откуда в дом хранительниц всегда приносили свежий хрустящий и горячий хлеб. Тацкая мастерская, в чьи двери вчера настойчиво ломилась Новжа. Каменное здание кузницы, очень ладное на вид, похожее на белый игрушечный домик с занавешенными оконцами.

Сквозь мощёные дорожки пробивались травы, кое-где возвышались деревья. Быстроречью была не одна сотня зим, но поверить в это оказалось трудно. Слишком ухоженным и чистым выглядел город. Деревянные домики должны сгнить за давностью лет продолжали стоять не хуже каменных, потому что возводились из железной древесины, мягко переливающейся миллионами крохотных огоньков при солнечном свете. Многие подоконники украшали цветочные горшки, а с верхушек оконных рам свисали деревянные фигурки птиц и зверей, разукрашенные в неестественные пёстрые цвета. В голове запульсировала внезапная острая боль. То, какими я помнил животных, и каковыми природа создала их здесь... всё путалось перед внутренним взором.

Я протёр веки, надавив на глаза, надеясь прогнать смешавшиеся картинки. А когда снова распахнул веки, то увидел женщину в длинном кожаном плаще, накануне присутствовавшую в эпицентре жаркого спора в приёмной Айи. Широкими шагами незнакомка пересекала мостовую, держа руки глубоко в карманах и, кажется, что-то напевала себе под нос. Только теперь я заметил, какая же она высокая. Если бы не знал, что это женщина, то непременно принял бы за мужчину. Дерзко и уверенно она глядела перед собой, тем самым всё больше разжигая моё любопытство. И я направился следом, держась на достаточном расстоянии, чтобы оставаться незамеченным.

Мы прошли половину города, никуда не сворачивая, пока не добрались до широкого каменного моста, растянувшегося через реку Быструю в её самом узком месте. Здесь недалеко от единственной городской конюшни стояла пустая деревянная повозка. Остановившись, незнакомка прислонилась к ней, повозка тихо скрипнула. Глядя на другой берег реки, женщина вынула из правого кармана трубку, а из другого огниво. Чиркнув, вызвала искру, и, поднеся тонкий край трубки к губам, втянула порцию дыма. Серое облачко достигло и моего носа, заставив закашляться. Незнакомка обернулась. Заметив меня, скривила физиономию, обнажив почерневшие от продолжительного курения зубы.

— Вот и наша убийца, — сказала она скрипучим грубым голосом.

— Разве? — отозвался я как можно непринуждённое, отгоняя дым вокруг себя рукой. — А ты кто?

— Имя мне Вралета. Я — обменщица. Вожу всякое туда-сюда. В основном в равнинные города, моя телега недостаточна крепка для холмов, а лошади недостаточно молоды для пересечения больших расстояний.

— Не видела тебя прежде.

Вралета сделала очередную затяжку и выпустила серое дымное облачко.

— Я редко выхожу за пределы постоянного двора, с чего тебе меня видеть?

— Что же ты делала в приёмной моей сестры?

— Столько вопросов... — судя по скучающему виду, этот случайный разговор не был обменнице интересен, но она продолжала отвечать мне, явно не без причины. — Чтож, скажу. Моё поселение промышляет выращиванием табака. Я уже предлагала его на обмен прошлой хранительнице, но она отказала мне. Но, узнав, что на посту другие люди, я решила вновь испытать счастье. Более того, мне удалось уговорить хранительницу Айю вынести этот вопрос на общее обсуждение на городском сходе. Наверняка, там же выступит ваша старшая садовница, обеспокоенная судьбой священных древ.

Я не сдержал ухмылки:

— Времени ты не теряла.

Вралета постучала трубкой о край телеги, вытряхивая на землю остатки тлеющего табака.

— Не так уж много его осталось у меня в запасе, чтобы тратить впустую, — она задумалась. — Хотя женщины в нашем роду и живут до ста лет, боюсь, что ближе к девяноста годам мне будет трудновато управляться с телегой и лошадьми. Вон они, кстати, — указала морщинистым пальцем в сторону конюшни. — Сигарка и Дымок величают.

Я повернул голову, разглядев яркого серебристого скакуна и лошадку цвета нефрита. Необычный окрас для коней, но только не здесь. Глаза животных сверкали подобно драгоценным камням, вторившим цветам их шкур. Я невольно восхитился:

— Отменные лошади.

— У меня только самое лучшее, — улыбнулась Вралета, игриво подмигивая и пряча трубку обратно в карман.

Поняв намёк, я отрицательно качнул головой:

— Табак не интересует.

— Какая жалость, — посетовала обменщица, ни капли не огорчившись.

— И что же ты хочешь получить за него?

— То, да сё, — явно уходя от ответа, прищурила левый глаз. — Но что в такой ранний час третья хранительница делает у обменного моста? Или ты в странствие собралась?

Я не нашёлся, что на это сказать. Не хотелось признаваться в случайной слежке. Какое-то время мы молчали, просто сверля друг друга взглядами. Кажется, Вралета находила меня любопытным экземпляром для изучения после той выходки в приёмной. Если о случившемсяйдёт слух по всему Быстроречью, то так глядеть на меня станет не только она. Но я сомневался, что хоть одна из свидетельниц обмолвится и словом за завтраком с избранной парой, в кругу семьи или просто на встрече с подругой. Хранительницы исполняли священный долг перед своими людьми, ничто не должно было нас опорочить и никто.

— Мне пора идти. Спасибо за приятную беседу.

Вралета молча кивнула, снова направив задумчивый взгляд на другую сторону реки. Может она уже успела истоскаться по дому? Или кто-то значимый ждал её возвращения?

Бросив пустые догадки, я повернулся на пятках и пошёл в обратном направлении. Быстро достигнув пустыющей лесопилки, я стянул зипун и закатал рукава. Дальше работа спорилась. Сваленные кем-то брёвна поддавались моим усилиям одно за одним. Руки

дрожали, мышцы болели и молча молили о пощаде, но я не слушал, орудуя пилой. На время у меня появилась цель. Я решил это ещё вчера, заканчивая с шитьём. Крайне необходимо вернуть своему телу форму, или, лучше сказать, сделать это хилое тело сильным, способным на мощные и размашистые удары. Потому я пилил брёвна и перетаскивал их, складывая у стены в ближайшем к лесопилке сарае. Всё равно на зиму будут нужны дрова, хоть зимы здесь и не лютые.

Ближе к полудню неподалёку стали проходить люди. Услышав шум, доносящийся с лесопилки, они приближались, чтобы посмотреть, кто там работает. Но, заметив меня, торопились обратно с глазами величиной с блюдца. С трудом веря в то, чему стали свидетельницами, даже забывали поприветствовать третью хранительницу.

Я трудился до самого заката, делая редкие перерывы на приём пищи, которую тоже заранее взял с собой, чтобы не возвращаться в самый центр города. Ночью заснул без сил, а утром не мог шевельнуть и пальцем, ощущая при этом дикую ноющую боль. Моё усердие и желание как можно скорее стать сильным вышли боком. Я еле-еле добрался до лесопилки и просто рухнул на пенёк, не в силах заставить себя сдвинуться с места, пялился на голубеющее небо без единой мысли в голове.

Тут меня и нашла Новжа. Узнал я её не сразу и только по рыжим волосам, ныне сплетённым в длинную косу. Расставшись с ярким платьем, она переделалась в рубаху и штаны, которые были так распространены у жительниц города. Я не смог скрыть недоумение на лице, но, лишь заведев меня, Новжа улыбнулась.

— Так это правда? — поразились подруга. — А я думала, все врут, болтая, будто Васха работает одна на лесопилке. Либо же шутят. Но кому могло прийти в голову так меня душить?

— Почему ты так одета?

— Ну... — протянула Новжа и села рядом на гору опилок. — Я вела себя глупо и дулась на тебя, хотя должна бы радоваться, что моя лучшая подруга жива-здорова. Увидев меня в таком состоянии, моя первая мать сказала, что люди меняются, и это естественно. Порой эти внутренние перемены разлучают тех, кого раньше нельзя было и водой разлить. Но это тоже часть жизни. И ты изменилась, Васха, а я нет. И мне стало страшно, что мы перестанем быть подругами. Потому я решила догнать тебя. И тоже изменилась, чтобы мы всегда оставались вместе. Слышишь, — она положила ладони мне на плечи, — куда бы ты ни пошла, чтобы бы ни стала делать, я всегда буду рядом с тобой.

— И ты не станешь скучать по созданию безумных и необычных нарядов?

— Если только совсем капельку, но я уверена, что твоя новая затея такая же увлекательная.

Новжа ярко улыбалась, едва не затмевая собой утреннее солнце. Я поразился преданности подруги, готовой пойти со мной хоть на край света. Может даже на медведя? Кстати, о нём...

— Ты слыхала о звере, мешающем нашим собирательницам?

Новжа скрестила колени:

— Да, об этом говорили в городе.

— И что говорили?

— Что в этом году мы останемся без заготовок из диких ягод, которые можно обменять.

— И всё?

— А что ещё должны были говорить?

— Просто... — я загнулся, немного страшась такой же дикой реакции как тогда в приёмной. — Я думала, может медведя можно было бы убить...

— Ну... — Новжа задумалась, её ноздри немного раздулись от напряжённости размышлений. — Можно было бы взять яд у целительницы, который она использует в лечебных целях, и подмешать в кормушку к медведю, но целительница не даст. То есть, я хочу сказать, что если бы они хотели убить медведя, то давно бы это сделали.

Я испытал облегчение, не столкнувшись в очередной раз с недоверием и страхом, но потом вспомнил, что матери Новжи разводили домашний скот. Уж она-то к убийствам привыкшая и не считала это чем-то из ряда вон выходящим.

— Так зачем ты деревья пилишь? — спросила подруга заинтересованно.

— Чтобы стать сильной.

— Для чего?

— Пока не могу сказать. Но это очень важно.

— Тогда можно и мне с тобой?

— Если хочешь.

Получив моё согласие, Новжа широко улыбнулась и побежала искать пилу. На волне её воодушевления и я наскрёб остатки сил. В конце концов войны не должны легко сдаваться и пасовать перед трудностями, как бы больно при этом ни было, тело привыкнет. Должно привыкнуть. Оно не посмеет меня подвести.

Первая неделя работы на лесопилке обернулась пыткой. Айя язвительно, но сдержанно обмолвилась, что я наконец-то стал приносить хоть какую-то пользу. Впрочем, говорила она это неуверенно и словно бы с сожалением. Свобеле же не нашлось до моих занятий никакого дела. Похоже, забота старших сестёр проявлялась лишь в критических для моей жизни ситуациях. Чтож, лучше, чем совсем ничего.

Полностью выжатые и уставшие, мы с Новжей решили устроить себе выходной в день, на который был намечен общегородской сход.

От каждого дома в Быстроречье направлялась одна или две представительницы. Всё происходило на городской площади, только туда могло поместиться разом около двух сотен человек. Некоторые приносили с собой табуретки, прочие стояли в задних рядах. Обычно сходка начиналась, когда день только шёл на убыль, длилась под управлением хранительниц, и я оказался в самой серёдке у края круга, расчищенного для выступлений отдельных ораторов. Пусть моё присутствие здесь и было не более чем формальностью, я предвкушал интересное зрелище.

Ярша прихватила с собой половину младших садовниц, служивших под её началом, в будущем одной из них предстояло занять место старшей. Близняшки не явились, несколько разочаровав меня, пусть я и знал, что тема с медведем исчерпала себя, по крайней мере, так все считали. Прислонившаяся к фонарному столбу Вралета снова дымила трубкой, отпугивая желающих устроиться рядом с ней.

Стоило солнцу начать двигаться к горизонту, как Айя встала, более никого не дожидаясь, заговорила, а стихшая толпа внимала её речам.

— Объявляю общегородской сход открытым. Сегодня на повестке две темы для обсуждения. Полагаю, одна из них уже стала предметом сплетен.

Женщины, переглядываясь, закивали.

— Но мы начнём обсуждение не с этого, — продолжала первая хранительница. — Гостя в нашем городе, обменница Вралета, пожелала внести предложение по обмену

табака.

Многие повернули головы в сторону, облачённой в кожаное, женщины, которая так выделялась на общем рубашечном фоне. Она криво улыбнулась свободным от трубки уголком рта в подтверждение слов Айи.

— Исключено! — подала хриплый голос целительница Кора, устроившаяся на табуретке с мягкой подушечкой. — Табак вреден для здоровья. Плохо влияет на лёгкие, зубы, кожу и здоровье будущих детей, если вы их намереваетесь завести. Я лично исследовала это ещё при предыдущей хранительнице, и сомневаюсь, что с тех пор хоть что-то переменялось.

— Не существует в мире вещей исключительно полезных, — возразила Вралета, выступая вперёд с трубкой наперевес и выходя в круг ораторов. — Но у табака есть и масса положительных свойств. К примеру, он успокаивает нервы, расслабляет. А как порой приятно прикорнуть на веранде собственного домика, развалившись в кресле-качалке и затянувшись щепоткой табака, — она довольно прищурилась. — Я всячески советую табак в употребление женщинам, живущим в постоянном напряжении и беспокойстве. И, хочу заметить, что все мои бабки и прабабки дожили до ста лет, при этом не выпуская трубки из рук.

Кора скрестила руки на груди, отвернувшись от обменщицы, и посмотрела на Айю:

— Знай, что я против, — грозно оглядела окружающих. — И не приходите мне потом жаловаться на кашель и одышку, если решитесь употреблять эту дрянь.

Окружающий говор наполнили смешки и ворчание. Кто-то считал обсуждение вредной для здоровья травы пустой тратой времени, но некоторых это заинтересовало. Подняла руку одна из подмастерий кузнечихи, Айя кивнула, дав ей слово.

— Я думаю, — сказала молодая женщина, — что можно сделать пробный заказ, а потом решить нужно нам это ли нет.

— Чепуха! — воскликнула целительница. — Табак вызывает привыкание. Начнёте употреблять и никогда не отучитесь, даже если станете худо себя чувствовать. Эта... — она сдержалась, не став оскорблять гостью Быстроречья, — обменщица Вралета хочет подсадить нас на эту траву, чтобы в будущем мы не смогли от неё избавиться и были вынуждены идти на обмен.

Вралета на это ничего не возразила, молча вытряхнула тлеющий табак на мостовую и вернулась на своё место у фонарного столба. Но, несмотря на грозные и веские предостережения целительницы, в толпе всё равно нашлись заинтересованные «чудесными» свойствами табака. Айя попросила проголосовать, и большинством поднятых в воздух рук было решено, что в общий план табак вноситься не будет.

— Если желаете, то можете лично договориться с обменщицей Вралетой, — вставила слово Свобела с доброжелательной полуулыбкой.

— Теперь перейдём к делам насущным, — снова поднялась с места Айя. — Кто-то с неизвестной для нас целью оскверняет деревья в Саду Древних, рискуя накликать беду на всех жительниц города.

Присутствующие притихли и напряглись, нахмурившись. Молчаливое осуждение повисло в воздухе. В круг вышла старшая садовница Ярша. Широко расставив руки, она подобно священнику обратилась к своей пастве:

— Не выразить словами наше возмущение, и гнев, и недоумение. Чем Предки могли не угодить одной из нас? Чем её обидели мёртвые, подтолкнув на столь бесчестный и чудовищный поступок?

Свебела, сидящая по правую руку от меня, скрыла за ладонью усмешку. Чрезмерную показушность Ярши и правда было трудно не найти забавной. Но никого кроме Свебелы не развеселило выступление старшей садовницы.

Оглядывая женщин, я заметил первую мать Новжи, её оказалось легко узнать по ярко-рыжим пусть и очень коротко обречанным волосам. Сама Новжа на сход не явилась, отдыхала после тяжёлого труда. Хотелось бы и мне сейчас оказаться в своей постельке, а не сидеть здесь, отгоняя комаров. У самых ступней Свебела зажгла пахучую палочку в медном блюде. Хорошее средство от насекомых и один из товаров, который мы получали в обмен на нечто другое.

— Мы провели тщательное расследование, но так и не смогли обнаружить виновницу, — продолжала Ярша на высоких нотах. — Теперь это дело в наших общих руках.

— А можно узнать, что именно вырезали на деревьях? — поинтересовалась незнакомая мне женщина из толпы.

И без того тонкие губы Ярши обратились в ниточки. Даже я всерьёз встревожился, вдруг вспомнив про древо первой матери Васхи.

— Мне действительно больно говорить об этом, — изрекла старшая садовница драматично, — но рано или поздно вам всем бы это стало известно, — она тяжело вздохнула, заставив окружающих напрячься ещё сильнее.

Младшие садовницы раздали листочки с изображением символа, который выцарапывался на коре деревьев. Один оказался и в моих руках. Широкая алая спираль, отдалённо напоминающая символ солнца. Ни мне, ни кому-либо другому этот рисунок ничего не говорил. Очевидно, старшая садовница любила драматизировать на пустом месте.

— Это же ведьмовской знак! — донёсся голос из толпы, все разом уставились на её обладательницу. — Правильно будет, если я предположу, что символы были начертаны только на очень древних деревьях, потому никто кроме садовниц их и не заметил?

Ярша коротко кивнула.

— Ага-ага, — продолжала женщина. — Тогда это точно ведьма. Она уже две зимы как у нас в лесу поселилась в самой чаще. А метки оставляет, чтобы вызывать духов умерших.

В этот момент я узнал в женщине нашу следопытку, которая забиралась в лес дальше остальных, когда выслеживала селящихся неподалёку от города зверей.

— Но я сразу рассказала о ведьме хранительнице Свебеле. И докладывала о всех новых находках, хотя об этом знаке совсем позабыла. Уж простите, — она виновато улыбнулась.

— Ты встречалась с этой ведьмой? — поинтересовалась Айя.

— Мы всего несколько раз пересекались в лесу. Я спрашивала, почему она в город не захаживает и о том, чем занимается. Сóши, так ведьму кличут, говорила всё без утайки, я даже удивилась. Но я не думала, что она всерьёз станет деревья Древних губить.

На блеклом и сухом лице Ярши отпечталось раздражение.

— Значит, никто из наших не виновата? — раздалось в толпе.

— Старшей садовнице не стоило вот так сразу своих обвинять.

— Вот-вот.

Гомон возмущения становился всё громче. Пришлось вмешаться Айе, чтобы это прекратить.

— Прошу тишины! — подняла она ладонь, легко добившись этим движением желаемого, затем повернулась к следопытке. — Отведёшь меня завтра поутру к той ведьме, чтобы мы с ней могли поговорить?

— Как скажешь, первая хранительница.

Ярша вернулась к своим девушкам несколько уязвлённая.

— Полагаю, сходку на этом можно считать законченной, — заявила Айя во всеуслышание.

На город уже стали опускаться сумерки. За обсуждениями жительницы стали расходиться. Несколько женщин отошли в сторонку с обменщицей Вралетой, чьи попытки обменять любимую отраву не оказались совсем бесплотными.

По возвращении домой я услышал медвежий рёв, принесённый вечерним ветром. Но спустя мгновение, уже не мог поклясться, что мне не померещилось.

Минул целый месяц работы на лесопилке, прежде чем я почувствовал первые крупницы силы в своём теле и уверенности в сердце, которые и привели меня на порог жаркой кузни. Здесь вовсю кипела работа. Когда, заметив меня, кузнечиха оторвалась от раздачи команд своим подмастерьям, и выглянула на улицу, я ощутил себя жалкой букашкой рядом с этой высокой, могучей и плечистой женщиной, способной, казалось, прихлопнуть меня своей большущей ладонью как мелкую вошь.

— Чем могу помочь, Васха? Не частая ты гостя в моей обители, — голос у неё был такой же мощный, настоящий грудной бас.

Я высоко задираю голову, отвечая ей, аж шею сводило:

— Наверное, моя просьба покажется слишком дерзкой.

Кузнечиха усмехнулась, может, вспомнив мои прежние наряды.

— Все знают, что третью хранительницу отличает дерзость.

— Спасибо, наверное, — неуверенно промямлил я, протягивая листок с рисунком, который сделал накануне.

— Хм... — кузнечиха почесала в потном затылке, забирая рисунок и рассматривая его.
— Что за вещица?

— Меч, — ответил я, пряча взгляд.

— Меч? Какой такой меч? Больше на иглу похоже, только здоровенную. Какого размера должен быть сарафан, сшитый такой иглой?

«Твоего?» — подумал я, но вслух не сказал.

— Сделаешь?

— Ты так всё подробно расписала, что только неумелая новенькая не справится. Но работа непростая, не ковала я прежде подобного. Что дашь за неё?

Я нервно переступил с ноги на ногу, украдкой глядя по сторонам, чтобы никто не подслушивал нашей беседы.

— А что хочешь? — спросил я.

Губы кузнечихи расплылись в улыбке.

— Наряд хочу такой, какой ты раньше носила, — я едва успел испугаться такого объёма работы, как она прибавила, — но не для себя. Для пары своей. В подарок.

— Ладно. Тогда договорились?

— Договорились.

Пара кузнечихи оказалась куда как скромнее в размерах и худенькая настолько, что поразительно, как её ветром не сдувало. Сняв все мерки, я обсудил эскиз и готовился сесть за шитьё в предвкушении новенького блестящего меча, который в дни ожидания стал являться мне во снах.

Когда в назначенный день кузнечиха вручила мне оружие, заботливо укрытое в

украшенных резьбой в виде густых лесов ножах, стук собственного взволнованного сердца стоял у меня в ушах. И я почти не слышал вопросов, которые мне задавала мастерица относительно цели использования такого странного предмета. Всё, чего мне хотелось, это поскорее начать тренироваться, сжав в руке обмотанную кожей ещё не истрепавшуюся от времени рукоять. Я ощущал тяжесть оружия, но рукам хватило сил его поднять и привязать к поясу. Дни, проведённые на лесопилке в поту и боли, не прошли даром.

Покончив с искренней благодарностью, которую не мог в полной мере выразить словами, и, вручив новенький сарафан, я отвернулся, направившись в сторону дома Новжи, так мне не терпелось похвастаться. Но не успел сделать и десяти шагов, как услышал истошный, полный ужаса крик.

— Прячьтесь!

Я дёрнулся, быстро перейдя на бег. Встречающиеся мне женщины напротив разбежались в стороны, повторяя без остановки: «Медведь. В город ворвался медведь».

Я минул ещё пару улочек, пока вдруг резко не затормозил, увидев громадного зверя с синей как ночное небо шкурой, шерсть которой росла будто заборчиком. Жительницы поспешно прятались в домах, запирая двери и ставни. На улице не осталось ни единой живой души, пока из-за поворота не показалась маленькая девочка. Та самая кроха, знакомая Васхи, просившая меня с ней поиграть.

Заметив медведя, она лишь улыбнулась и бесстрашно тыкнула в него указательным пальчиком. Зверь не нашёл этот жест дружелюбным. До этого просто обнюхивая местность в поисках еды, теперь он встал на задние лапы, закрыв небо над девочкой. Моё сердце сжалось. Считанные мгновения медведь поднимал лапу, чтобы ударить ребёнка. Никто не успел бы ничего предпринять. Что вообще можно было сделать с разъярённым зверем?

Но у меня не было и лишнего мига, чтобы над этим размышлять. Вбежав на сложенные у внешней стороны стены одного из домов дрова, те самые, что мы рубили вместе с Новжей, я забрался на крышу. Обнажил меч, шелестящий звук касания лезвия о ножны невольно пробудил что-то глубоко в душе. Вздохнув полной грудью, с криком, вырвавшимся из самого нутра, я прыгнул на медведя сверху, заставив его отшатнуться от девочки, и вонзил лезвие ему в шею, крепко схватившись за жёсткую шерсть. Взревев от боли, зверь стал метаться из стороны в сторону, отчаянно стряхивая меня. Липкая горячая кровь из свеженанесённой раны испачкала зипун и пропитала рубаху.

Испуганная малышка убежала в слезах. Вздохнув с облегчением, я спрыгнул с медвежьей спины, прихватив меч с собой. И, ловко уворачиваясь от мощных громадных лап, просто резал медвежьей плотью в открытых и уязвимых местах, пока вся мостовая не оказалась окрашена красным, как если бы над нами прошёл кровавый ливень. В конце концов обессиленный и израненный зверь тяжело рухнул на землю, издав свой последний вздох, и затих.

Дыша полной грудью, сжимая рукоять полностью окровавленного меча, я широко улыбался. Это тело оказалось лёгким и быстрым, в то время как предыдущее вряд ли позволило бы мне миновать все медвежьи удары. Эти руки помнили своё дело, новое оружие ощущалось как родное.

Я возвышался над побеждённым зверем, над мёртвой тушей, пока двери и окна медленно распахивались, выпуская наружу жителей города. В молчании и шоке они окружали эту устрашающую сцену, пока не заняли собой всё свободное, незапачканное в крови, пространство. И лишь теперь я очнулся, вспомнив об окружающей реальности,

поспешил стереть улыбку со своего лица.

— Васха убила медведя! — доносились громкие разговоры за спиной, но никто и не пытался говорить тише.

— Как она вообще это сделала? И что за штука у неё в руках?

— Васха спасла дочь одной из подмастерий кузнечихи, о чём вы толкуете?

— Спасла, говоришь? Но почему-то мне не по себе.

— А я говорила, что медведь опасен, и так оставлять это нельзя.

Гомон нарастал. Обескураженный, я отступил от медведя на пару шагов. Толпа внезапно стихла и расступилась перед явившейся как раз вовремя Свобелой. Сестра взглянула на меня, потом на медведя, а затем на меч в моей руке.

— Ты сама это сделала? — спросила она ровно.

— У меня не было выбора. Либо он, либо девочка. Так всё и было, — пытался оправдаться, сам не зная почему.

— Разве я об этом спрашивала?

— Да, я сама это сделала, — я потупил взор, вдруг ощутив себя глупо.

Краем глаза заметил потрясённую Новжу, сдерживающуюся только из-за присутствия второй хранительницы от того, чтобы не выбежать ко мне.

— Всем расходиться! — скомандовала Свобела. — И уберите мёртвого медведя, ради Предков.

Женщины послушались. От толпы отделилась кузнечиха и взвалила тяжёлую тушу зверя себе на спину словно пушинку. Я не сомневался, прибеги она раньше, то могла бы завалить медведя голыми руками, если бы захотела, конечно.

Новжа всё-таки подошла ко мне, когда большинство уже разошлись.

— Всё случилось так внезапно. Ты в порядке? — беспокоилась она.

— Зверь не ранил меня. Можешь не волноваться.

— Неужели ни единой царапины? — удивилась Свобела. — Идём к реке. Не представляю, какое количество воды нужно, чтобы смыть всю эту кровь.

— Разве Васха не героиня? — обратилась Новжа к моей сестре, пока мы шли, ловя на себе испуганные и недоверчивые взгляды.

— Героиня чего? Героиня Быстроречья? Может ещё деревянное изваяние ей поставить?

— Почему бы и нет?

Свобела усмехнулась, но беззлобно. Она скорее выглядела озадаченной, нежели рассерженной. А я так и шёл с обнажённым мечом, не сразу сообразив спрятать его в ножны.

— Теперь мне становится понятно, зачем ты тратила время на лесопилке, но до сих пор не ясно, как тебе удалось уложить огромного зверя без единой раны, — говорила Свобела.

— Повезло, наверное, — попытался я разыграть удачливую дурочку, но не было похоже, что сестра мне поверила.

Когда мы оказались у реки, я оставил оружие на берегу, а сам полностью погрузился в быстрые воды. Издали я заметил, как Свобела разглядывала меч, а затем положила его на место с видом исследовательницы, обнаружившей нечто непредсказуемое и смертельно-опасное. Не превратил ли я себя в изгоя, устроив кровавое представление посреди города? А ведь тогда это казалось очень хорошей идеей.

Выбравшись на берег, я обнаружил, что даже бурным водам реки Быстрой оказалось не под силу смыть алые следы с одежды там, где впиталась кровь. Но теперь я куда меньше походил на человека, только что вернувшегося с бойни.

— Лучше тебе будет вернуться к себе, — сказала Свебела, — пока я тут наведу порядок.

— Ладно.

К дому хранительниц я уже шёл только вместе с Новжей, которая вдруг притихла и словно не находила себе места.

— Так ты об этом деле говорила? — тихо поинтересовалась она, когда до каменного здания оставалось рукой подать.

— Можно и так сказать.

— Искусство убийства, — задумчиво протянула подруга, и я понял, что она видела моё сражение с медведем от начала до конца. — Но зачем? Только из-за одного медведя? Он мог и не ворваться в город.

Я вздохнул:

— Возможен ли мир, в котором нет ни единого врага, от которого бы тебе пришлось обороняться?

— Мы живём в таком мире, разве нет?

— Сейчас может быть. Но что, если однажды он явится, как вот этот медведь. И что тогда мы станем делать? Просто попрячемся по домам, пока враг не поднесёт факел и не подожжёт их?

Новжа посмотрела на меня большими глазами:

— Ты говоришь страшные вещи, Васха.

— Нет, самые обычные. Спасибо, что проводила.

Махнув подруге рукой, я закрыл широкую деревянную дверь дома хранительниц, скрывшись внутри. Стало тревожно на душе без всякой видимой на то причины.

Глава 2.5. Глазами ведьмы: шёпот грядущего

Музыка леса ласкала слух. Шёпот деревьев приносил с собой отголоски вестей из человеческого поселения. Но я едва к ним прислушивалась, нечто странное творилось с самим мирозданием. То ли землетрясение, то ли тайфун, но никем незамеченные. Пока что... Но волны докатятся и до людей и коснутся даже меня.

Тревога всё нарастающая, непрерывная и жгучая заполнила грудь. Захотелось разорвать её в клочья лишь бы избавиться от невыносимого чувства. Длинные и острые ногти вполне это позволяли. Но вместо этого я подставила обнажённую грудь прохладному ветру, надеясь хотя бы так немного остудить растревоженное сердце. Лёжа под густыми кронами самих высоких и необъятных древних деревьев, не должно испытывать ничего кроме покоя. Кому как ни этим старухам, покрытым морщинистой, местами потрескавшейся, корой, не знать, что время стирает всё, а потому нет причин для тревог. Однажды все мы сольёмся с землёй, став кормом для будущей жизни.

Чистый лесной воздух пропитался солью, я вскочила, оглянувшись, надеясь успеть уловить откуда доносился этот запах, но он тут же испарился. Ведьмы не верили в иллюзии. Я нахмурилась, запахивая грудь. Как раз вовремя, чтобы встретить приближающихся гостей.

Всё утро они брели по лесу, ломая помертвевшие ветки и спотыкаясь о камни. Одна, впрочем, была проворней и внимательней другой. Вторая тормозила ход из-за своей неопытности перемещения по лесу. Мне оставалось лишь дожидаться незваных посетительниц, либо скрыться среди густых сочно-зелёных листьев, прикинувшись совой.

Обнажив нутро тряпичной сумки, я вытащила круглую деревянную баночку с краской, открыла её. Вязкий, тяжёлый запах ударил в нос. Щедро обмакивая пальцы, я стала рисовать линию за линией на своём лице — оранжево-жёлтый окрас полуночной совы. Перья птицы торчали в моих спутанных чёрных волосах, позволяя довершить превращение.

Захлопнув баночку, поспешно спрятала её обратно в сумку. Посторонние шаги становились всё ближе, нет времени на промедление. Повесив сумку на плечо, я трижды обернулась вокруг себя и, вот уже яркие большие крылья заменили руки. Когтистые лапы чиркнули землю, когда я взлетала, затем спрятавшись среди веток.

— Мы уже близко, первая хранилищница, — звучал голос следопытки, взрослой женщины в одежде цвета осенней листвы, её отличали большие слегка оттопыренные уши и добрый нрав. Только из-за любви этой женщины к лесу я заговорила с ней в первый раз, но до сих пор несколько жалела об опрометчивости своего поступка.

— Надеюсь на это, — тяжело выдохнула высокая незнакомка, выходящая на недавно занимаемую мной полянку.

Смутные руки, высокий лоб и тёмные волосы. Будучи одета как любая жительница местного городка, держалась она совсем иначе. Гордо расправив плечи, на которых словно бы висело по никому незаметному бревну. Что за бремя она на себе тащила?

Выйдя так, что я могла отлично их видеть, вторженки остановились.

— Вот это место, — указала следопытка. — Я часто примечала Соши отдыхающую здесь. Думаю, это её любимая полянка. Хотя добираться сюда далече.

Незнакомка устало выдохнула, опускаясь на землю.

— Погоди-ка, — спохватилась следопытка. — Тут примято. Похоже будто человек

лежал совсем недавно, — она задрала голову, глядя по сторонам, скользнула взглядом по моему укрытию. — Может статься, ведьма наблюдает за нами прямо сейчас?

Вторая вскочила, быстро позабыв об изнеможении, выпрямилась и произнесла громко и чётко:

— Ведьма Соши, я вторая хранительница Быстроречья Айя! Я здесь, чтобы побеседовать с тобой о Саде Древних, в котором ты портила деревья. Это священное место для всего моего народа. Могла ли ты не догадываться об этом, когда покусилась на них?

Выпорхнув из листвы, я ударилась о сырую землю, снова обратившись в человека. Эта вторая хранительница уже начинала раздражать.

— Я — ведьма Шепчущего леса, мне ли не знать, что представляют собой деревья? — ответила я, негодуя.

Глаза женщин были широко открыты, настолько их удивило моё диковинное превращение. Следопытка опасливо отступила, но первая хранительница и не думала сдвигаться с места.

— Боюсь, наша старшая садовница иного мнения, — продолжала она с выражением упрямой ослицы на лице. — Ей надлежит оберегать и заботиться о деревьях наших Предков, нельзя просто вторгаться куда-то лишь потому что тебе хочется.

Я громко и зло рассмеялась. Смех эхом разошёлся по лесу, отогнав ближайших птиц, но даже хлопанье их многочисленных крыльев не могло скрыть моего презрения и негодования.

— Вы, люди, думаете, что оберегаете лес, в то время как вы сами без него ничто. Это он вас оберегает. И эти деревья принадлежат Древним. Они давно почти не плодоносят и потому покинуты вашими садовницами. Я удивлена, что эти глупые девчонки вообще что-то заметили. Подобные им запросто затеряются в трёх соснах.

Первая хранительница слушала терпеливо, поразив меня своей выдержкой. Люди часто выходили из себя, стоило лишь покутиться на то, что они полагали их законной собственностью. Она вынула из кармана штанов листок с символом ключа и показала мне. Это стало последней каплей. Схватив бумагу, я разорвала её в клочья.

— Это нельзя рисовать, где попало! Прочь из моего леса, глупые люди, пока я не сделала так, чтобы вы остались здесь навсегда!

Обернувшись совой, я бросилась на вторженок с когтями. Они закрывали лица, я царапала их руки. И ещё недавно такая спокойная и сдержанная первая хранительница убежала в испуге вслед за следопыткой.

Кого они посмели учить?! Кому они смели указывать?! Ведьма Шепчущего леса не была обязана терпеть такую наглость. Пусть мой юный облик не обманывал сюда приходящих. Ведьма Соши заслуживала, чтобы её остерегались.

Но, вопреки предупреждениям и ещё незажившим ранам, первая хранительница вернулась. Теперь в одиночку. Она была уверена в себе, раз решила, что сможет запросто отыскать обратный путь.

Но у меня не нашлось времени на возню с назойливым человеком. И так и не явившись на её призывы, я вынудила первую хранительницу плутать в лесу до поздней ночи, пока к ней на подмогу не явилась следопытка.

Оставалось всего одно дерево, чтобы начать ритуал. Только один ключ. И нерадивые садовницы не могли помешать птице, скрывающейся среди деревьев. Ворвавшись в сад в этот раз, я заметила, что обычного патруля не было на месте. Может они отступились? Мягко приземлившись около одного из деревьев, достала нож, сделанный из коры самого

твёрдого железного дерева, но не успела замахнуться, чужая рука в тиски сжала запястье, отняв инструмент.

В свете звёзд, я разглядела хмурое смуглое лицо. Эта наглая женщина вжала меня в дерево, в котором почти потухла жизнь. Я пыталась оттолкнуть её, но она схватила и второе запястье, пригвоздив к шершавой коре.

— Я думала, что действительно умру в том лесу, — её щекочущее дыхание коснулось моего лица. — И в какой-то момент даже стала благодарна за это. Но потом меня нашла следопытка. Зачем ты так поступаешь?

— Зачем? Я не хочу, чтобы люди совалясь в мой лес.

— Люди? Но разве ты сама не человек?

— Я ведьма Шепчущего леса, — процедила я сквозь зубы, сопротивляясь. — Пусти.

— Не слишком ли ты слабая для ведьмы?

— Не слишком ли ты тупая для первой хранительницы?

— Скажи, зачем эти символы на деревьях?

Неистовый жар исходил от её тела в эту прохладную ночь. Мне становилось не по себе. Очень давно ко мне так близко не подходили люди, а прикосновений я не помнила даже материнских.

— Это древо угасает, мне нужно успеть нанести символ. Если отпустишь, расскажу.

Некоторое время первая хранительница смотрела на меня с недоверием, но затем разжала хватку. Подняв нож, я приступила к делу, напоследок сомкнув ладони, вознесла молитву:

— Ты снова родишься прекрасной и чистой, живой и свободной, этого древа душа.

Закончив важную часть ритуала, развернулась и заметила, что первая хранительница стояла, зажмурившись, с сомкнутыми ладонями. Это покорило. Негоже не ведьме прощаться с деревьями.

Обернувшись совой, я улетела в ночное небо, даже и не думая рассыпаться в объяснениях. Больше эта наглая женщина не заявлялась в мой лес. Мысли о ней какое-то время тревожили меня. Воспоминания о её жгучих взглядах, сладковатом запахе её тела, касаниях... Но я всё отгоняла, занимая себя подготовкой к ритуалу.

Посередине круга, выложенного из лесных, обросших мхом, валунов располагался древний каменный алтарь, служивший множеству лесных ведьм ещё до меня. Пять ключей по краям круга, пять дорог в измерение Древних, куда сгинули души деревьев.

Я была готова приступить, как все деревья в лесу разом взволновались в абсолютно безветренную погоду. Они кричали, а я слушала их вопли, ужасаясь. Совиные крылья вознесли меня над лесом, над этими деревьями. Спикировав, я направилась к городу людей, явственно различая медвежий рёв. Когда приземлялась, ярчайший солнечный отблеск отразившийся в стали ослепил меня. Потеряв ориентацию, врезалась во что-то твёрдое, даже не успев понять, что это было. Едва уцепилась за первый попавшийся край крыши, чтобы увидеть ЕЁ.

Девушка с острой плоской металлической ветвью в руке. Она рассекала ею воздух, она убивала медведя. Кровь брызгала во все стороны. Но ни грусти, ни сожаления не отражалось на молодом лице. Лишь холодная решимость, смешавшаяся со жгучим восторгом от каждого погружения стали в плоть зверя. И страх зародился в моём сердце, безотчётный страх.

Кто это существо предо мной? Оно не могло родиться в нашем мире. Не могло оно и явиться из мира Древних. Прекрасное и ужасное одновременно, как начало и конец самого

мироздания.

— Третья хранительница, — прошептали деревья.

Третья... Сестра той первой?

Едва мёртвый медведь рухнул на мостовую, как я взлетела, сделав широкий полукруг в воздухе, оставляя позади спешащих на зов крови женщин, я направлялась к каменному зданию, выделявшемуся из всех других. Окно, в котором я заметила смуглое лицо оказалось не заперто. Влетела внутрь, ударившись об пол. Совиное пёрышко выпало из моих волос, покружившись в воздухе, оно приземлилось в широко открытую ладонь первой хранительницы, поднявшей на меня суровый взгляд. Непрошенные мурашки пробежали по коже.

— В тот раз ты обманула меня, — проговорила первая хранительница недобро.

Но это всё, что она успела произнести, прежде чем оказалась затянутой моим пёрышком. Жёлтое обратилось в коричневое, я подхватила его острым клювом и повернула к всё несмолкающему Шепчущему лесу. Он тревожился, требовал объяснений и ждал необратимых перемен.

Уже скоро коричневое пёрышко опустилось на край пророческого круга, вернув себе человеческий облик.

— Гляди, — сказала я первой хранительнице. — Не своди взгляда. Много веков назад на Шабаше ведьмы заключили соглашение с природой, прочертили границы, обещав, что никто из людей не возьмёт от природы больше необходимого, а природа в свою очередь не станет губить людей. Медведь, вдруг покинувший свою уютную обитель, чтобы напасть на город — дурной знак. Я уже давно ощущаю странные вибрации, но они ничего мне не говорят. Тогда я решила обратиться к Древним. Там на границе миров есть ответы на всё.

Сделав несколько шагов, я нависла над алтарём, позволив единственной слезе скатиться по моей щеке и упасть в каменную чашу. Начертанные символы ключа заискрились огнём. И, пока они пылали, надо мной выросла исполинская тень в блестящем металлическом одеянии с плоской железной веткой, стиснутой в руках. В её огромных глубоких как озёра глазах застыло отражение нашего общего неотвратимого грядущего. Я услышала вопли и рыдания, доносившиеся словно издалека, они пронзили моё сердце. Первая хранительница, стоящая в круге, тоже всё видела и слышала. И чувствовала, как ледяная рука сдавила шею, высоко подняв, и швырнула на колени. «Там тебе самое место... Там тебе самое место...», — угрожающе гремел голос. Звон ломающихся цепей и воинственный крик стали ответом. Тень увеличивалась, пока не затмила собой поляну, покрыв всё, а на её голове не вырос цветок с острыми лепестками. Но это было лишь началом...

Ноги подкосились. Истоцившись и испытав небывалое потрясение, я тяжело рухнула на землю, провалившись в забытье.

Когда же сознание вернулось ко мне, чужая рука протирала лоб холодным смоченным в воде полотенцем. Первая хранительница сидела рядом с койкой в хижине, которую можно было отыскать лишь в случае, если моё колдовство ослабло.

— Ты видела это, — произнесла я неожиданно хрипло.

Она поднесла кружку с водой к моим губам, дождавшись, когда напьюсь. Я не знала, как откликнуться на эту заботу, лихорадочно отыскивая ей причину, выгоду, которую могла получить первая хранительница.

— Да. Но я не столь мудра и не поняла, что это значит.

Смешок слетел с моих губ, я осторожно села.

— Мудрость тут ни при чём. Трудно расшифровать предсказания, потому что если бы мы могли ожидать грядущее, то оно бы не выбивало нас из колеи столь сильно. Не приходилось бы прибегать к древнему колдовству, чтобы его выведать. Но ты должна была узнать её.

— Васху?

— Так её зовут? — я задумалась, подбирая слова. — Твоя сестра станет нашим общим спасением, но она же обратится проклятием.

— Как такое возможно?

— Проклятье не всегда означает гибель или страшное горе. Ты увидишь, мы все увидим.

— Разве предсказания нужны не за тем, чтобы помочь нам повлиять на грядущее? — слова первой хранительницы звучали мягко, её лицо утратило привычную хмурость, став просто сосредоточенным. Она внимала моим речам и глядела с такой нежностью, что мне хотелось сбежать из собственной хижины, из родного леса как можно дальше, лишь бы никогда больше не видеть этих глаз.

— Увы, но чаще всего лишь за тем, чтобы к нему подготовиться. Первая хранительница...

— Айя. Зови меня Айя.

— Хм... Айя, я благодарна тебе за то, что ты не бросила меня уязвимую и ослабленную, — я поднялась с постели, ощутив приятную твёрдость ног. — Но больше мне твоя помощь не требуется. И лучше тебе забыть место, где находится моя хижина.

Она кивнула, поднимаясь с крепко-сколоченного, но уже покосившегося от долгого использования табурета. Собираясь уйти, Айя окинула меня ещё раз долгим взглядом и произнесла, не спрашивая, но утверждая:

— Я навещу тебя снова.

Было открыв рот, я не смогла вымолвить ни слова. И лишь наблюдала, как гордая фигура с неизмеримым грузом на широких плечах толкала скрипучую дверь и выходила в лес, освещаемый первыми лучами восходящего солнца.

— Ещё один знак. Васха... кто же ты такая, Васха?

Глава 3. Под этим небом

На следующий день я предстал перед Айей, удостоившись аудиенции в приёмной. Первая хранительница восседала за огромным страшно тяжёлым на вид дубовым столом, нагруженным книгами и записями, сделанными на скорую руку на смятых листочках. По правую руку лежал полный пузырёк с чернилами и длинное разноцветное перо. А по левую — кружка с ещё горячим молоком. Я стоял на толстом местами стёртом ковре, не спеша усесться на диван. Энергия так и пыхала внутри, отчаянно ища путь наружу, заставляя нервно переступать с ноги на ногу.

Некоторое время мы просто молча глазели друг на друга. Лицо сестры смешало в себе недоумение, недоверие и повседневную утрюмость.

— Знаешь, — начала Аяя после затянувшейся паузы, — я тебя не узнаю.

Я сглотнул, напрягшись, рефлекторно сжал кулаки.

— В моей памяти ещё жива милая и весёлая Васха, готовая подбодрить любую яркой улыбкой и добрым словом, — говорила Аяя, внезапно позабыв о своём статусе первой хранительницы, а в её глазах словно бы сверкали призраки, я был готов поклясться, что видел в них тень той Васхи, о которой шла речь.

Вот она в сарафане до самых лодыжек, раскинутыми на плечах длинными волосами, повязанными лоскутком ткани, расшитым цветными нитками. Спустившись к завтраку радостно приветствовала обеих сестёр и ела свою еду так, будто это её последняя трапеза, наслаждаясь каждым кусочком. А потом невесомой лёгкой походкой, с невидимыми крылышками у самых стоп, бежала к Новже, чтобы найти себе занятие в очередной день её лишённой серьёзных забот жизни.

— В моей тоже, — ответил я с неприкрытой скорбью.

Мне было действительно жаль ту погибшую Васху, пусть и какая-то её часть всё ещё жила во мне.

— Отчего ты так переменилась? Не может быть дело только в травме головы, — проговорила Аяя.

— Я...

Не успел я придумать достойное объяснение, как к нам присоединилась Свобела, ворвавшаяся в комнату без стука. Она поочерёдно взглянула на присутствующих. Аяя вернула себе прежний безучастный и сдержанный вид, снова скрыв от меня уязвимую сторону, но теперь я точно знал, что она есть у моей самой старшей сестрёнки. Сколь многого ей стоило поддерживать этот образ, который едва ли являл воплощение её самой? Может быть и Васха жила так же, и ни одна её, подаренная другим, улыбка не была поистине счастливой.

— Мне предстоит отметить случившееся вчера вечером в городских хрониках, — сообщила вторая хранительница, скрещивая на груди руки. — Потому я опросила всех свидетельниц. С каждым новым пересказом события выглядят всё сказочней.

Аяя повернула к ней голову:

— И как же понять, что из сказанного ими является истиной?

— Только сопоставив с рассказом самой виновницы происшествия.

Обе сестры вонзились в меня взглядами. Не существовало рациональных объяснений

моего отпора медведю и, что более поразительно, победе без единого ранения. Полный жажды схватки я бросился на разъярённого зверя и выжил, явно не обошлось без помощи Предков.

— Не лучше ли мне покинуть Быстроречье, пока всё не утихнет? Людям проще принять изменения в тех, кто им знаком, когда те возвращаются после долгого путешествия, нежели, когда меняются в одночасье.

— И правда, — согласилась Свебела, задумчиво. — Но когда ты успела так поумнеть? Не устаю поражаться.

— Не думаю, что поумнела внезапно, просто раньше не выпячивала это. Всё же я только третья хранительница.

В приёмной повисло неловкое молчание. Сёстры глядели на меня как на чужачку, с которой их впервые знакомили. В моих словах же присутствовала истина. Васха была умна, много знала и понимала, но никогда и слова не вставляла наперекор сёстрам. Это раскрыли её воспоминания и те открытия, что я делал на ходу, отыскивая ответы на интересующие вопросы просто в своей голове.

Да и мне действительно хотелось уехать туда, где никто меня не знал. Хотя бы на время. Видят Предки, мне было необходимо это время, чтобы осознать себя в отрыве от постоянных ожиданий окружающих, привыкших видеть Васху совсем другой.

— Путешествие совсем недурная идея, — согласилась Айя, вздохнув. — По крайней мере ничего лучше у нас нет.

Свебела сверкнула лисьей полуулыбкой:

— Какая удача, что обменщица Вралета вернулась как раз накануне. Для начала поедете с ней, в Быстроречье всё равно нет своих лошадей, а пешком идти далече.

— Поедем? — озадачился я множественному числу.

— Новжа ведь к тебе присоединится, — подняла брови Айя.

Да уж, сомневаться в этом не приходилось. Я кивнул, делая шаг назад:

— Тогда пойду собирать вещи.

Отвернувшись, я поспешно удалился, ощущая на спине посторонние взгляды. Смог расслабиться только, когда дверь за мной закрылась.

Позже, покончив со сборами, всё-таки набрался решимости выйти в город. Первым, что увидел, ступив на мостовую, оказалась синяя медвежья шкура, в которую была обёрнута Новжа. Стянув с себя, подруга бросила шкуру к моим ногам.

— Держи, это твоё.

Я опустил на корточки, пощупав жёсткий мех. Не смог сдержать улыбки удовлетворения, которая наверняка не осталась незамеченной. Но не вечно же притворятся, хотя бы перед подругами.

— Я еду в путешествие, — сообщил я, поднимая шкуру и с некоторым трудом складывая. — Хочешь со мной?

Новжа улыбнулась, игриво в шутку махнув рукой:

— Я думала, ты и не спросишь, — дальше говорила уже серьёзно. — Всегда хотела повидать разные уголки Светлого края, тем более я уже покончила со всеми заготовками на зиму, которые по плану должна была выполнить моя семья. Так что, я свободна как ветер в поле. Кстати, зайди сегодня к кузнечихе, подмастерье, чью дочь ты спасла, искала тебя, — она сделала паузу, коротко оглянувшись, продолжила. — Сейчас только об одном в городе толкуют, потому не удивляйся, если все станут на тебя глазеть.

Я пожал плечами, не зная, как ещё отреагировать. Отнеся медвежью шкуру наверх, снова спустился, но Новжи у дверей уже не обнаружил. Наверное, отправилась готовиться к путешествию. Ноги понесли меня в сторону кузницы.

Предостережения подруги подтвердились. Замечая меня, жительницы города замолкали и нарочито возвращались к своим делам, но спина моя не знала покоя от чужих взглядов. На меч же смотрели более открыто, то ли с испугом, то ли с благоговением.

— Берегись, жуткий медведь! — воинственно воскликнула девочка, выбегавшая из-за угла и сжимающая в правой руке длинную палку. — Я не позволю тебе причинять вред беззащитным и слабым. Е-е-е! — она разрежала воздух своим «оружием», треснув по крупной соломенной игрушке, похожей на медведя.

Подняв облачко пыли, медведь ударился о стену одного из домов, но вскоре снова стал целью очередной атаки юной воительницы. Какое-то время я не мог оторвать глаз от детского боя, нечто странное творилось в душе. Впервые кто-то мне подражал. Но за всё время расправы девочка так и не заметила свою героиню, а затем убежала, окликнутая матерью, не забыв прихватить наполовину растерзанного медведя.

Я едва успел подойти к дверям кузницы, как мне навстречу вышла женщина, облачённая в коричневый фартук и плотные перчатки. Со спутанными от пота волосами, она посмотрела на меня из-под кустистых бровей и широко улыбнулась, хватая за руку.

— Я в долгу перед тобой, Васха. Нет слов способных выразить мою благодарность за спасение дочери.

Её руки оказались очень сильными, мускулы так и просачивались сквозь рубашку, я невольно позавидовал. Моим до такого состояния было далеко. Наверное, стоило напроситься в кузницу, а не работать на лесопилке.

— Как тебя зовут? — спросил я, дружелюбно улыбаясь в ответ и не спеша вынимать руку из горячей хватки подмастерья.

— Син. Одна из моих матерей родом из Эха, — пояснила женщина короткость имени, не переставая глядеть с глубокой признательностью. — Каждый день я работаю изо всех сил, чтобы однажды достигнуть уровня нашей кузнечихи и открыть собственную кузницу. Если что-то понадобится, я готова это выковать. Всё что угодно, когда угодно. За спасение Зáки я в вечном долгу перед тобой.

— Хорошо, что всё обошлось. На некоторое время я покину город, но однажды мне обязательно пригодится твоё мастерство.

Син кивнула, отпуская меня. И не возвращалась в кузницу, пока я вовсе не растворился вдалеке.

Я ощущал волнение. Новое чувство заполнило нутро. Впервые кто-то был мне признателен. Весь этот день оказался удивительнее и свежее всего, что я пережил, едва оказавшись в женском теле. Невидимые крылья росли за спиной.

Вернувшись к дому хранительниц, я уже почти передумал покидать Быстроречье, но дым без разрешения заползший в лёгкие быстро отрезвил, заставив закашляться.

— Вот мы и снова встретились, — криво улыбнулась Вралета, вынимая трубку изо рта. — Я отбываю завтра с рассветом. Лучше не опаздывать, лошади ждать не любят.

Она смотрела на меня, прищутив правый глаз и словно надеясь докопаться до сути. Я расправил плечи:

— Спасибо, что берёшь нас.

— Ерунда. С попутчицами куда веселее, чем в одиночку, — каждый звук небрежно

брошенной фразы отдалялся от меня вместе с Вралетой, которая развернулась, направившись в сторону обменного моста.

Конечно, я мог не просыпаться поутру и так никуда и не поехать. Но мешок с вещами и провиантом был уже собран, а Новжа ждала у парадных дверей. Пение соловьёв в звенящей утренней тишине казалось громче обычного. Оно заполняло меня, как и ожидание чего-то удивительного и нового от внезапного путешествия. Я покидал Быстроречье с лёгким сердцем, попрощавшись с сёстрами ещё накануне вечером. Прощание вышло сухим и формальным. Впрочем, я ведь и уезжал ненадолго, а пользы от меня в городе всё равно было немного.

Бросив мешок в повозку, я забрался следом, протянув руку и Новже. Мы устроились друг напротив друга. Соседство нам составили несколько крупных кругов сыра, сложенных башенкой, и три бочки сидра обклеенных этикетками с рисунками алых словно кровь яблок. Вралета тряхнула поводья:

— Дымок, Сигарка, едем домой!

Мерный стук копыт смешался со стуком моего сердца, в глубине которого поселилась тоска по городу, который я ещё даже толком не успел покинуть. Повернулся к Новже, одна слеза скатилась по её щеке, но была быстро стёрта ладонью. Подруга широко улыбнулась, заметив, мой взгляд.

— Давай смотреть только вперёд, Васха, только вперёд.

Я кивнул, повернувшись в сторону Вралеты, слегка покачивающейся вместе с телегой.

Скоро каменная дорога осталась позади, и колёса покатали более гладко. Затем растаяли вдаль и последние деревья, солнце уже поднялось высоко и опалило нас своими лучами, обещая лишить кожу последних светлых участков. Не найдя себе дела, я стал полировать меч, раздумывая над тем, как бы его назвать.

— У такого меча должно быть имя, — проговорил я задумчиво вслух, но в повисшей в воздухе тишине мои слова прозвучали как гром среди ясного неба.

— Зачем давать имя ножу? — удивилась Вралета. — Это же просто кусок металла.

— Этот кусок металла спас жизнь девочке, — возразил я.

— Вообще-то это ты спасла ей жизнь, Васха, — не согласилась Новжа.

Я вздохнул:

— Может и так, но без меча ничего бы не вышло. Потому я и хочу его назвать. Как, например, обычно придумывают имена детям?

— Хм, тебя назвали в честь восхода, потому что ты родилась на восходе солнца, — ответила Новжа. — А моё имя — это воплощение того, чем я являюсь: новой жизнью. — она повернулась к обменнице. — У тебя такое имя замысловатое, что оно означает?

— В разгар лета — Вралета. Родилась я летом. Если задуматься, то у этой штуковины есть своя история.

— Уничтожитель медведей или спаситель детей? — подхватила идею Новжа. — Или смертельное продолжение руки её хозяйки?

Я взглянул на меч, чьё лезвие отражало яркое солнце. Одно из колёс наткнулось на камень, повозку тряхнуло. В ушах зазвучал ясный как этот день шёпот матери: «сын, милый...»

— Велимир, — проговорил я, напрасно стараясь ухватиться за быстро ускользающее воспоминание. Ком застрял в горле.

— Это значит... — озадачилась Новжа.

— Великий мир, — догадалась Вралета, рассмеявшись чему-то своему. Смех её был подобен скрипу давно несмазанных дверных петель.

Спрятав меч обратно в ножны, я направил взгляд вдаль. В блестящей стали Велимира отражалось только лицо Васхи. Пора бы мне уже привыкнуть, что теперь это и моё лицо, как и её воспоминания теперь и мои воспоминания. Но всё ещё было трудно перестать думать о ней как о другом человеке.

Повозка ехала не торопясь, чтобы не опрокинуть своё содержимое, в основном яблочный сидр, потому что он, как заверила Вралета, очень ценился всеми жительницами Безбрежных равнин. В самом Быстроречье этот напиток употребляли не так часто и производили в основном для обмена, собирая яблоки с фруктовых деревьев Сада Древних.

Когда Вралета стала клевать носом, я предложил поменяться с ней местами. Сперва обменщица окинула меня крайне недоверчивым взглядом, прищуриив один глаз для пушного эффекта. Бояться ей было нечего, я и прежде управлял повозкой, помогая отцу, но ей это объяснить, конечно, не мог, потому пришлось изображать внимательную и старательную ученицу.

— А у тебя здорово выходит, — признала Вралета, занимая место напротив Новжи и заполняя трубку табаком.

— У Васхи просто масса талантов, — отозвалась Новжа с гордостью. — Она всегда стремится попробовать что-то новое. В детстве захлёб готовила, придумывая всё новые и новые блюда. Она создала печёные сладкие кружки — печенья, так мы их назвали. Потом перешла на шитьё и сотворила широкие просторные сарафаны, правда, они не слишком прижились. Теперь же Васха защитила девочку мечом, который сама придумала.

Я следил за дорогой, на которой в общем-то ничего не происходило. В самом деле до находчивой и полной идей Васхи мне было как отсюда до луны, но подруга не спешила замолкать. Вралета же слушала, не прерывая, и пускала в небо дымные колечки. Так мы и ехали, пока солнце не закатилось и не пришлось устроить привал у костра.

Перед сном я потратил немного времени на тренировку. Начав ловить на себе немного напряжённые и настороженные взгляды попутчиц, отошёл чуть дальше, оказавшись на краю дикого кукурузного поля. Я стал отсекал растения, початки взрывались под натиском Велимира, раскидывая повсюду жёлтые семена. Когда тьма окончательно сгустилась, донёсся волчий вой с другой стороны поля. Взбудоражившееся сердце предвкушало встречу с очередным яростным зверем, но Новжа быстро нашла меня и потащила обратно к остывающему костру.

— А дикие звери точно не сожрут нас, пока мы спим? — поинтересовалась подруга с нервной усмешкой, устраиваясь на соломенной подстилке.

— Ни в чём нельзя быть уверенной, — беззаботно откликнулась Вралета, потягиваясь. — Но твоя подруга обязательно справится с парой-тройкой волчиц, если те нагрянут, я права?

Не видя выражения лица Вралеты в темноте, мне было трудно понять шутила она или говорила всерьёз. Возможно ей, как и большинству, верилось с трудом, что я смог завалить целого медведя, не получив при этом ни единой царапины. И всё списывалось на волю случая, мои способности же оказывались как будто ни при чём.

Несмотря на тревоги Новжи и практически несмолкающий волчий вой, по нашу душу так никто и не явился.

— Дикие звери избегают встреч с людьми, — объяснила позже Вралета. — Лишь

однажды мой путь преградил дохлый олень в окружении хищниц. Набравшись смелости и хорошенько покурив, я объехала их. Волчицы посмотрели в мою сторону, принялись к ветру, но не стали рычать или преследовать. У них не было причин меня бояться или думать, что я отниму их добычу. Но на звериные территории лучше не соваться.

Я поразился такой беспечности. Ездить в одиночку и без оружия. Сколько лет она этим занималась, и ни единого нападения, разве такое возможно? Новжа посмотрела на меня многозначительно, припоминая тем самым наш разговор о грядущих неизбежных недругах. Но что в таком случае привело медведя в Быстроречье, ведь он имел хорошее место для кормёжки и даже подкармливался собирательницами? Рок не иначе.

На третий день нашего путешествия, Сигарка захромала. Остановив повозку и спрыгнув на землю, Вралета поспешила проверить лошадь.

— Подкова отлетела, — сообщила она, распрягая Сигарку. — Придётся изменить планы и заехать в ближайшее поселение, чтобы заменить её.

— И как называется это поселение? — поинтересовалась Новжа.

— Так и называется Подкова. Васха, садись пока на моё место, не хочу оставлять Сигарку одну.

Я кивнул:

— Хорошо.

Вралета шагала впереди вместе с лошадкой, я направлял телегу следом. На появившейся на пути развилке мы повернули направо. Пейзаж не изменился. А наша проводница начала напевать какую-то песню. Из-за стука копыт о землю и свиста порывистого ветра, мне было трудно разобрать слова, но, если судить по мелодии, это было что-то весёлое.

Солнце успело поменять своё местоположение на лазурных небесах, а я погрузился в тихую полудрёму, как вдруг телега покачнулась от резкого движения Новжи, вскочившей на ноги. Пробуждённый я обернулся, чтобы взглянуть на подругу. Она стояла во весь рост с полуоткрытым ртом и указывала пальцем слева от нашей телеги. Я повернул голову в эту сторону, поражённо выдохнув.

Табун разноцветных словно радуга лошадей пронёсся вдалеке в окружении, гнавших их, всадниц с широкополыми шляпами на головах. Если бы ветер имел форму, то он бы непременно стал лошадьё. Сила и грациозность гармонично соединились в этих ни на кого непохожих существах. Я так засмотрелся на них, что едва не заехал в колючие кусты, Вралета вовремя меня окликнула.

— Полюбились? — улыбнулась она, говоря о лошадях, от которых я уже отвернулся. — Может и себе одну хочешь?

Я давно не ездил верхом и теперь сомневался, что смогу справиться с чем-то столь необузданным и потому ничего не ответил. Но путешествовать верхом в любом случае приятней, чем на скрипучей телеге.

— Могу поспорить, что за ними трудно ухаживать, — сказала Новжа, садясь.

Вход в Подкову располагался под широкой металлической аркой в форме (какой неожиданный сюрприз!) подковы, предназначенной явно для какой-то гигантской лошади. Справа и слева до самого горизонта располагались огороженные загоны с лошадьми различных пород. Рыжие с кудрявыми гривами, серебристые с идеально прямыми гривами, высокие и низкие, тяжеловесные и тонконогие похожие на изящные статуэтки. Все они лениво жевали сено или били копытом при виде пары знакомых, доставивших нас в это место. Гляделитёмными и глубокими глазами с длинными ресницами, словно зная об этом

мире много больше, нежели мы — люди.

Телега миновала пару крупных хозяйств прежде чем добралась до общественной конюшни, куда Вралета сразу же отвела Сигарку, следом пошёл и Дымок, чтобы немного передохнуть и поесть.

Мы с Новжей слезли на землю, осматриваясь. Нам с ней точно никак не удалось бы сойти за здешних. Поверх простых на вид рубах селянок с узкими рукавами были надеты кожаные жилетки расшитые разного рода орнаментом. Они носили широкополые шляпы и сапоги с высокими голенищами. Волосы у многих были очень светлые почти пепельные, как будто выцветшие на солнце. И прохожие нарочито ловили наши взгляды, усмехаясь и подмигивая, когда кто-то из нас отворачивалась.

В конце концов Новжа смущённо уставила взгляд в сухую землю, а я уселся на край телеги, закрываясь ладонью от палящего солнца. Вскоре вернулась Вралета:

— Заночуем здесь, а в путь отправимся завтра утром, как вам такой план?

— Звучит неплохо, наверное, — протянула Новжа без энтузиазма.

Я спрыгнул:

— И где заночуем?

— Здесь на конюшне, на втором этаже есть места на такие случаи. А пока гуляйте, наведайтесь в паб. Разве не за тем устраиваются путешествия?

Достав из кармана трубку и закурив, Вралета ушла по своим только ей ведомым делам. Мы ощутили себя как брошенные матерью котята, едва отлучённые от груди и нерешительно шаркали, поднимая пыль.

— Можем пойдём на лошадей поближе посмотрим? — неуверенно предложила Новжа.

Я кивнул, сочтя это славной идеей. Да и чем ещё заниматься в подобном месте? Мы зашагали вдоль загонов, продолжая ощущать себя как не в своей тарелке.

До ушей донёсся приближающийся стремительный топот копыт. Я обернулся, замерев. Завидев всадницу, бегущую галопом прямо на нас, схватил Новжу за запястье и потянул в сторону. Напрасно я так испугался, потому что всадница и не думала давить двух путешественниц. Она резко затормозила прямо перед нами, что, без сомнения, было под силу лишь действительно опытной наезднице. А когда пыль, наконец, осела, я увидел кудрявые светлые волосы, обрамляющие вытянутое загорелое лицо, широкие бёдра, обтянутые широкими же штанами и маленькую грудь едва заметную за плотной кожаной жилеткой. Всадница ловко слезла с кудрявой рыжей лошади, нетерпеливо фыркнувшей в нашу сторону.

— Новые лица, — широко улыбнулась незнакомка, скользнув по мне взглядом и уставившись на Новжу. — Мы тут всегда рады новым лицам. Откуда вы? Нет, не говорите, я угадаю, — она задумчиво коснулась пальцами подбородка, осматривая мою рыжую как эта лошадь подругу с ног до головы. — Причёска чудная... или, лучше сказать, чүдная. На гриву похожа.

Новжа не выглядела польщённой, наоборот посмурнела.

— Знаю, вы к нам прямиком из леса. Быстроречье, значит. Угадала?

— Да, мы там родились, — подтвердила Новжа.

— И что привело в наши края?

— Просто путешествуем, — ответил я.

— О, понимаю. Новых впечатлений захотелось. Тогда вы несказанные везуньи. Потому что именно сегодня проходят скачки. И я буду принимать в них участие. Обьездчица Димбо

к вашим услугам, — она игриво подмигнула, приподнимая шляпу.

— Я Васха, а это Новжа, — представил я нас, в основном чтобы не быть грубым, хотя не был до конца уверен, что это того стоило.

— Непременно приходите за меня поболеть, — Димбо забралась обратно на лошадь. — А потом будем праздновать в местном пабе, — она хлопнула лошадку по боку. — Вперёд, Золотка.

И вместе обе наши новые знакомые растворились вдалеке.

— Кажется, ты её заинтересовала, — заметил я Новже.

— Пф... — издала она звук похожий на лошадиный, я едва сдержался, чтобы не рассмеяться.

Место, где проводились скачки, нашлось быстро. Мы просто последовали за людьми, спешащими в одну и ту же сторону, где, либо раздавали яблочный сидр, либо проводилось какое-то важное мероприятие.

Под широким растянутым куском ткани с надписью «Старт» расположились участницы заезда. Здесь же обнаружилась и Димбо, пристроившаяся с самого края. Заметив нас, а точнее, разглядев Новжу, она снова ей подмигнула.

— А она не боится, что в следующий раз глаз просто не откроется? — съязвила подруга. Я улыбнулся.

От толпы отделилась фигура в громадной шляпе в виде лошадиной головы и тряпичным хвостом, привязанным сзади к поясу. Она стала танцевать, весьма похоже изображая лошадь. Это вызвало одобрительный смех в толпе и аплодисменты, которыми одарили танцовщицу в конце выступления. Затем вперёд выступила другая женщина, звенящая увесистыми металлическими шпорами в виде семиконечных звёзд. Сзади неё выкатили тележку, доверху заполненную свежей тщательно вымытой морковкой.

— Победительница заезда получит это замечательно лакомство, а её наездница нашивку на жилетку, — она продемонстрировала нашивку всем присутствующим.

Обычный кусок оранжевой ткани с вышивкой в виде лошади, вставшей на дыбы, и надписью «1501 лето». Здешние отсчитывали календарь по лету, а в Быстроречье это делали по зиме.

— Да победит сильнейшая! — подытожила организаторша, отходя в сторону, а следом укатилась и тележка, подталкиваемая её помощницей.

Ритмичный звук обтянутых кожей деревянных барабанов возвестил о начале заезда. Барабанщица старательно лупила по инструментам, пока последняя лошадка не оставила своё место на старте. После этого толпа двинулась в другую сторону, а мы следом.

— Куда все пошли? — недоумевала Новжа.

— Куда-куда? На финиш, — откликнулась прохожая из толпы.

Финиш располагался в паре десятков метров от старта на противоположной стороне, в то время как сама дорога отсюда вовсе не виднелась, укрытая высокой иссушенной на солнце травой. Мы успели как раз вовремя, чтобы увидеть, какая наездница пришла первой. Она спрыгнула, радостно махая кулаками. Это была Димбо. Новжа выглядела раздосадованной.

Хотя особенного удовольствия от заезда мы не получили, слишком уж быстро всё закончилось, наблюдать за здешними обычаями оказалось довольно занятно. После торжественного вручения нашивки и морковки, все заковыляли в паб. Деревянный, построенный не слишком ладно, он носил название «Червивое яблоко» (когда я

поинтересовался у владелицы почему именно червивое, она ответила, что в самом медовом яблоке больше всего вредителей). Сладковатый, не слишком навязчивый запах лошадиного навоза, что всё это время преследовал нас, не исчез и здесь. Возможно сами селянки приносили его на своих сапогах.

В пабе подавали яблочный сидр, который бочками заказывали в Быстроречье. Все здесь его любили и пили, с удовольствием причмокивая. Мы заняли один из столиков, на котором сразу же объявилась пара больших деревянных кружек, наполненных этим крепким напитком и кусок козьего сыра на плоской железной тарелке.

— Прямо как дома, — протянула Новжа, отодвигая от себя алкоголь.

— Эй! — окликнул я барменшу. — Мы хотели бы попробовать что-нибудь местного.

Женщина посмотрела на нас, внимательно прищурившись, но вскоре забрала и кружки, и сыр, а их место заняли вяленая конина и ячменное пиво. Новжа принялась к незнакомому напитку и сделала небольшой глоток, сразу же скривившись:

— Горькое.

— Разве такую сладкую прелесть как ты не стоит иногда разбавлять чем-то горьким? — заметила Димбо, похрустывая морковкой, и поставила табурет рядом с Новжей.

— Это не для лошади? — удивилась Новжа.

— Эту кобылку, — Димбо хлопнула по своей ляжке, — тоже надо кормить и объезжать время от времени. Если ты понимаешь, о чём я?

Чтобы хоть как-то сдержать вырывающийся наружу приступ хохота, я сделал большой глоток пива.

Солнце успело закатиться за горизонт. В пабе по углам и на столиках зажгли свечи. Начались танцы под барабанный бой и полупьяное пение посетительниц. Женщины веселились, беззастенчиво флиртуя друг с другом. Это вам не Быстроречье. Многое здесь выглядело гораздо проще. Некоторые курили и дым клубился под самым потолком. Смех и пустая болтовня смешались с музыкой. Под действием алкоголя я расслабился, но в отличие о Новжи не был так популярен, чтобы кто-то мог воспользоваться моим состоянием и увлечь на танцплощадку.

— Ты точь-в-точь как Золотка, только человек, — болтала Димбо, глядя затуманенным взором на Новжу и придвигаясь к ней всё ближе. — Хочу тебя поцеловать.

Она наклонилась к её губам, напоровшись на увесистую пощёчину. Новжа вскочила вне себя.

— Я иду спать, — сообщила она мне сдержанно.

— Разве ты не искала приключений? — недоумевала Димбо.

Новжа хмыкнула, и, развернувшись, широкими решительными шагами покинула паб.

— Всё-таки её коса така-а-а-ая длинная, — мечтательно протянула Димбо, разваливаясь на столе и держась за покрасневшую щёку.

— Новжа предпочитает серьёзные отношения случайным связям, — заметил я веско.

— А что насчёт тебя? — с надеждой взглянула на меня Димбо. — Я уже достаточно пьяна, чтобы обойтись и тобой.

Это прозвучало практически обидно. Поднявшись и захватив остатки вяленой конины, я удалился следом за подругой.

На улице перед пабом во всю горланили песни. Разыскивая конюшню, где мы должны были ночевать, я вконец заблудился и в итоге устроился в ближайшем стоге сена. Забывшись сном, грезил о себе и Новже переродившихся в лошадей и соревнующихся на скачках друг

против друга.

Глава 4. Запятнанный мир

Тычок чем-то острым в бок стал моим утренним соловьём. Я дёрнулся, выпав из сена прямо на пыльную дорогу. Яркий солнечный свет полоснул по едва разлипшимся векам. Сквозь него я разглядел две фигуры в шляпах, возвышающиеся надо мной. Одна из них держала блестящие вилы.

— Готова поклясться, Добна, это уже шестнадцатая по счёту не добредшая до постели и заснувшая в твоём сене, — женщина вытащила из кармана заострённый кусочек металла и стала что-то нацарапывать на ближайшем заборе.

В это время я медленно поднимался, отряхиваясь.

— Ты снова портишь мой забор? — протянула та, кого назвали Добной, особо не возражая. — И каждый раз так. Почему они не засыпают в сене Урадны? — она указала пальцем на добротный стог на противоположной стороне просёлочной дороги. — Он же ближе к пабу.

— В этом-то всё и дело, — проговорила её знакомая, закончившая оставлять очередную отметину. — Они бродят в поисках верного пути, а потом сдаются и выбирают, что под руку попадается, а не сразу планируют отключиться возле паба.

Добна досадливо покачала головой и снова погрузила вилы в хрустящее сено. На меня никто и внимания не обратил. Оставив двух подруг, я заковылял в сторону общественной конюшни. Головная боль сопровождала меня всю дорогу.

Ещё издали заметил Новжу, которая вовсе не торопилась разыскивать лучшую подругу, а болтала с Димбо. Я решил не подходить ближе, и как можно скорее забрался на телегу, свесив ноги вниз. Сигарка и Дымок стояли запряжённые, осталось лишь дождаться Вралеты и можно было отправляться в путь.

Махнув на прощанье рукой объездчице, Новжа вернулась к конюшне, а, заметив меня, поинтересовалась с улыбкой:

— Где ты была?

— Спала в стоге сена.

— Вот как. А я уж было подумала...

— Что?

— Ну, знаешь, — она пожала плечами, — что люди только не делают на пьяную голову.

— Точно. О чём ты разговаривала со вчерашней победительницей скачек?

— Ах, это, — Новжа обернулась, коротко посмотрев вслед удаляющейся лёгкой походкой Димбо, а потом снова повернулась ко мне. — Она извинилась за вчерашнее. Сказала, что не хотела меня обидеть и признаёт, что переборщила. Хотя для её мест флиртовать с тем, кто нравится — дело обычное, но для лесных жительниц это не так, и она это понимает.

— Надо же, — я приглаживал волосы, наткнувшись на пару соломинок, выдернул их из спутавшейся причёски.

— Она не такая уж и плохая, — признала Новжа. — Может мы бы могли подружиться, если бы решили остаться ещё на семь лун.

— Ты можешь остаться, если хочешь.

— Я хочу ехать вместе с тобой, — с нажимом произнесла подруга и уселась рядом на

краю телеги.

Из конюшни показалась Вралета с парой бурдюков с водой и кустиком какой-то травы. Траву она протянула мне:

— На, пожуй, я слышала вы вдоволь навеселились вчера.

— Благодарю.

От кислой на вкус и немного жгучей травы и, правда, полегчало. Телега покатила дальше, проезжая поселение насквозь. Нам оставалось лишь наблюдать за ленивой утренней суетой женщин, живущих лошадьми. Радужные и дружелюбные некоторые из них махали нам вслед своими шляпами или кричали:

— Возвращайтесь, белочки, непременно возвращайтесь!

— Белочки? — скуксилась Новжа.

— Так здесь называют лесных жительниц, — ответила Вралета.

— Я уже поняла. Как меня только не называли за эти два дня.

Я рассмеялся. Ещё непривыкший к собственному звонкому девичьему смеху, который звучал не так уж и часто, немного смутился.

Познакомившись с чем-то новым мы уже капельку изменились. Новжа всерьёз раздумывала, не состричь ли ей косу, чтобы больше никто не узнавал в ней лошадиные черты, но в итоге так ничего и не сделала.

Лежащую впереди дорогу окружали бесплотные пустыри. Безрадостный пейзаж подтолкнул меня улечься на пол телеги и глядеть в голубое небо, покрытое пухлыми белыми облаками, слепленными в разные замысловатые фигуры. На одну бочку с яблочным сидром стало меньше, а мой нынешний рост вполне позволял не ощущать себя стеснённым.

— Так вот, что ты вчера делала, — проговорила Новжа, усевшаяся рядом с обменщицей, тоже решила поучиться управлять телегой, запряжённой лошадьми. — Обменивала бочку с сидром.

— Местные его страх как любят, а мне нужна была добротная кожа. Нигде так выгодно не обменяешь сидр, как в Подкове, это я вам точно говорю.

— Интересно, а у них есть хранильница и старшая садовница? Хотя с таким образом жизни трудно представить подобное.

Я прислушивался к негромкому разговору, стараясь не заснуть в покачивавшейся в такт телеге.

— Безбрежные равнины не могут похвастаться такими диковинками, — ответила Вралета, давая Новже подержать поводья, а сама набивала трубку. Это я понял по шуршанию бумажного пакета, в котором обменщица и хранила табак.

— Что же вы тогда делаете с мёртвыми?

— Сжигаем на высоких кострах, развеивая пепел над полями. Некоторые оставляют себе на память локон волос.

— А наследие прошлого и контроль общих нужд?

— Каждое лето с помощью жребия выбираются по три ответственные за хроники и местное хозяйство, если не хочется, то можно в нём вовсе не участвовать. Для решения вопросов, касающихся всех жительниц равнин, есть Собрание Девяти, но его редко созывают. Последнее было лет двадцать назад.

— Как безответственно, — охнула Новжа.

Вралета скрипуче рассмеялась, выпуская серое дымное облачко изо рта. Она шурила покрытые сетью морщин глаза от слепящего солнца. Я заметил это, потому что сел, устав

глядеть на облака:

— И что такого произошло двадцать лет назад?

— Страшные пожары. Мы чуть не лишились всего, что имели, — непривычно мрачно отозвалась Вралета, и больше никто из нас вопросами её не донимал.

Деревянный, источенный насекомыми, перевернутый на бок крест посреди пустоты — вот что представлял собой вход в поселение Перекрёсток. Сюда стекались нагруженные телеги со всех концов Светлого края. Несмотря на абсолютную бесплодность здешних земель, селянки спешили кто-куда, едва не спотыкаясь. Занятые, нагруженные мешками и коробами, сплетёнными из полученного из Быстроречья дерева.

Перекрёсток славился переработкой материалов. Здесь плелись ткани и нити, руду переплавляли в слитки, с которыми было гораздо удобней работать в кузне. Шились те самые кожаные жилетки и сапоги. Множество мелких лавочек теснили друг друга, а у нас с Новжей разбегались глаза от невиданных прежде вещей, начиная от странных жёстких полосок для поддержки штанов (их примеряла какая-то женщина, выглядевшая при этом даже через чур довольной), заканчивая круглым куском ткани, растянутым на металлических палках, похожих на расставленные во все стороны полусогнутые лучи.

— И почему в Быстроречье ничего из этого не завозят? — удивилась Новжа.

— Хранительница Айя озабочена в первую очередь нуждами, а не капризами, — ответил я, зная, что так оно и было.

Телега резко снизила скорость, вливаясь в поток других таких же телег. Вралета радушно здоровалась со своими подругами обменщицами. Все без исключения держали путь к самому крупному зданию в поселении с косо приколоченной к кирпичному основанию табличкой. Надпись яркой жёлтой краской на чёрном фоне гласила: «Меняльный пост». Крупная дородная женщина выглянула из широко открытого окна на втором этаже, вопя на всю улицу:

— У нас тут полный завал, и откуда вы все повылезали?!

Красное от напряжения и жары лицо исчезло, а из здания высыпали девушки с бумагами в руках, сразу же начавшие отмечать в них содержимое телег и переговариваться с обменщицами.

— Вам лучше высадиться здесь, — заметила Вралета. — Я буду весь день занята.

— Спасибо, что подвезла, — улыбнулся я. — Было приятно познакомиться.

— Взаимно, белочки, — с улыбкой откликнулась Вралета, махая на прощание дымящейся трубкой.

Мы с Новжей спрыгнули на мостовую и стали спешно удаляться от телег и суеты. Главная улица была вымощена камнем в отличие от улочек поменьше. Внимание подруги привлекли стеклодувные лавки, я такого тоже прежде не видывал. Кажется, оно было не слишком распространено в Светлом крае. В итоге мы разошлись, сговорившись встретиться на закате у меняльного поста.

Просто прогуливаясь, праздно глазел по сторонам, размышляя, что я вообще здесь делаю. Странствую? Или ищу способ сбежать от сковавшей меня реальности? Жаркая медвежья шкура, которую я прихватил с собой просто на всякий случай, обременила спину своим весом. Вспомним о Велимире, свисавшем с пояса, начал мечтать о блестящем стальном доспехе. Но какая от него нынче могла быть польза? Я стал казаться сам себе смешным.

В этом мире всё было устроено ладно. Люди трудились ради своего и общего блага,

делили друг с другом радости и печали. Я мог зайти в любой паб и получить кружку пива за просто так, потому что житьё было славное, всем всего хватало. Не было ни богатых, ни бедных. Никакого расслоения или прямой и тяжёлой зависимости от других. Каждая женщина стремилась найти труд по душе, который и становился смыслом её жизни.

Мне нравилось, я ощущал лёгкость на душе, лишь тяжесть от оружия непрошено ложилась на сердце. Вдруг остановившись, опустился на ступени какой-то закрытой на обед лавки, достал бумажный листок из сумки и начал рисовать кусочком сточенного карандаша эскиз доспехов. Он пришёл мне в голову как озарение, и пусть и без толку, но я не хотел упустить такую идею.

Вот блестящий панцирь с оттиском солнца, расставившим во все стороны, льющиеся волнами, лучи. Отдельные части доспехов для рук и ног, кожаные крепления и лёгкая и тонкая кольчуга. Каким будет шлем? Не слишком ли тяжело для этой тонкой шеи? Может обойтись кожаным? Не лучшая мысль...

Пока я творил, а по Перекрёстку туда-сюда в спешке сновали люди, вовсе меня не замечавшие, померещилось, что всё стихло. В миг перед самой кончиной мир тоже погружался в безмолвие, но тут было нечто иное. Меня будто холодом обдало без всякой причины. Подняв голову, я увидел белоснежного голубя. Он летел страшно медленно, а крылья оглушительно рассекали воздух. Нечто ярко алое капало с кончиков его перьев. Похоже было, будто голубя слышал лишь я, да и заприметил тоже. Но разве птицы столь неторопливы? Обычно они стремительно проносились над нашими головами.

Голубь пролетел мимо и резко завернул к меняльному посту. Стоило ему миновать меня, как звуки снова вернулись в мир, наполнив его шумом. От неожиданности я выронил карандаш. И только теперь осознал увиденное. К лапке голубя был привязан крохотный бумажный свиток. Послание.

Глаза наткнулись на здание почтовой службы, расположившееся на другой стороне дороги. Там разбирали запечатанные конверты и свёртки. Очевидно, почтовый голубь прибыл с чем-то крайне срочным. Свернув эскиз и убрав его и карандаш обратно в сумку, я покрепче схватил медвежью шкуру и побежал со всех ног в сторону меняльного поста.

Недавняя кипевшая там работа вдруг замерла. В центре Перекрёстка всё смолкло, не теперь по-настоящему. Множество голов оказались повёрнуты в сторону открытого окна второго этажа. Дородная женщина, которую я видел прежде, прочищала горло. А, закончив с этим, сообщила громким, но на сей раз каким-то безжизненным голосом:

— На Ракушку напали неизвестные! Они забрали половину женщин, а другую половину убили! Пожалуйста, помогите!

Какое-то время проведя в недоуменной тишине, толпа зароптала.

— Что происходит?

— Это розыгрыш?

— Никто бы не стала так шутить.

— Там моя мама живёт.

— Что теперь делать?

Голоса смешивались, превращаясь в неразборчивый гомон, но общее настроение всё нарастающего ужаса я буквально почувствовал кожей. Напуганные, растерянные люди, ни за что не желавшие верить в услышанное, изо всех сил убеждали себя и других, будто всё написанное в свитке просто чушь. Но вскоре многие дёрнулись с мест, на которых стояли, и побежали к конюшням, где можно было арендовать лошадь. Под натиском толпы,

держательница конюшни заперла ворота, требуя отойти назад.

— Если всё это правда... — пробормотал я, нисколько, на самом деле, не сомневаясь в правдивости принесённого голубем послания.

Снова нечто зашевелилось в душе. Оно было похоже на зверя, выходящего из долгой вынужденной спячки. Нутро разрывали ярость и желание действовать.

— Созовём Собрание Девяти! — выкрикнул здравый голос в толпе. В каждой обезумевшей толпе рано или поздно находился хотя бы один такой голос.

Предложение дружно поддержали. Люди постепенно успокаивались, ощутив, что они ещё не полностью потеряли контроль над ситуацией. А я потащил медвежью шкуру к лучшей кузне в поселении. Конечно, доспехи будут готовы не завтра и даже не через семь лун, но теперь я точно знал, что должен делать и куда идти.

С Новжей мы встретились позже, как и было оговорено. К закату новость о случившемся в приморской Ракушке достигла всех концов Безбрежных равнин. Подруга предстала передо мной совершенно бледной, но с решительным блеском в глазах.

— Ты говорила, что так будет, верно, Васха? Но откуда ты знала?

— Я не знала, но сейчас нам необходимо попасть в Ракушку и увидеть всё собственными глазами, чтобы увериться в происходящем. Где бы найти лошадь или повозку?

Поиски привели нас к перевозочной (так её все тут называли), где в темноте расположились пустые телеги обменщиц, а в конюшне по соседству топтали землю дремавшие лошади. Женщина, стоящая на входе, и до этого ковырявшая в ухе мизинцем, осмотрела нас с ног до головы, выслушала мою просьбу и усмехнулась, обнажив потемневшие от табака зубы.

— Сейчас в Перекрёстке ты можешь получить только деревянную лошадку. Это сколько угодно. Но до решения Собрания Девяти никому не дозволено покидать поселение и куда-либо ехать.

— Неужели всё перекрыли? — удивилась Новжа.

— Это совсем не обязательно. Люди знают, что должны делать. Ждите Собрания, как и все остальные.

Я раздражённо пнул землю, лишь усугубив ситуацию острой болью, пронзившей большой палец ноги. Если бы только у меня была своя лошадь, только бы меня здесь и видели.

— Может она и права, — заметила Новжа, когда мы стали гулять вдоль лавок в поисках места для ночлега. — Вдруг там опасно, а мы так и понесёмся сломя голову.

— Но я должна сама всё увидеть, что мне за дело до какого-то Собрания? А нам придётся ждать их решения? Сидеть сложа руки нельзя.

— Подожди-ка, — Новжу словно осенило, она остановилась как вкопанная, высоко подняв указательный палец. — Ты же третья хранительница Быстроречья, а значит тебя пустят на собрание, если попросишь. И не придётся сидеть сложа руки, — подруга выглядела довольной собой и широко улыбнулась.

— Об этом я и не подумала.

Действительно, наверное, впервые моя должность имела хоть какое-то значение и вес. Я стал глазами и ушами лесных жительниц, которые пока не ведали о случившемся.

Нам и остальным застрявшим в Перекрёстке на неопределённое время предоставили места для сна в местных тавернах. Пришлось потесниться, но я едва ли мог заснуть, как и большинство лишь ворочались с закрытыми глазами. За завтраком, включавшим в себя

сладкий тыквенный хлеб и коричневую бурду, которую здесь называли кофейным напитком, женщины угрюмо молчали или болтали о незначительных пустяках, лишь бы как-то заглушить тревогу и непрошенные мысли о письме, принесённом голубем с окровавленными перьями. А я всё думал, чья это была на нём кровь.

Пришлось прождать ещё один день и одну ночь, прежде чем представительницы всех трёх поселений Безбрежных равнин прибыли в Перекрёсток (пустая трата времени, как по мне). Сидя у широко открытого окна таверны «Развесёлая путница», я лениво жевал сыр, пока не услышал звон большого медного колокольчика и голос прохожей этот колокольчик сжимавшей и возвещающей во всю глотку:

— Начинается Собрание Девяти!

Тогда, схватив сумку и тут же прибежавшую со второго этажа Новжу, я поторопился к меняльному посту. Пришлось расталкивать толпу женщин, чтобы добраться до входа, перед которым расположилась парочка высоких и широкоплечих охранниц. Они полностью перекрывали собой двери.

— Решения Собрания Девяти ожидают снаружи, — ровно заметила одна из них, преграждая нам путь.

— Я третья хранительница Быстроречья и должна там присутствовать от лица всех... белочек.

Новжа с силой закивала, подтверждая мои слова. Под напором нашей решимости, охранницы молча переглянулись и всё-таки отошли в сторону. А я уже бежал вверх по лестнице, задыхаясь на ходу. Широкая деревянная дверь распахнулась под нажимом моей руки, ударившись о стену, чей-то голос, звучащий до нашего внезапного вторжения, смолк. Присутствующие повернули головы на шум.

Пока ожидал начала собрания, я успел нарисовать в голове величественную во всех отношениях картину. И ожидал, что предо мной предстанут люди, готовые к самым решительным и срочным действиям, собирающие целые армии для защиты народа от неприятеля, охрипнувшие от обсуждения стратегий. Может потому я был готов ждать. Но увиденное и близко не соответствовало моим фантазиям.

В квадратной комнате, полной обшарпанных столов, расставленных также квадратом, по трём сторонам расположились участницы Совета Девяти. Обычные женщины без боевого опыта, выбранные с помощью жребия и не готовые к тому, что для них припасли Предки. С трудом сдержав тяжёлый вздох, я шагнул внутрь.

— Простите за опоздание, — сказал я как ни в чём не бывало и уселся на четвертую сторону. Ненадолго замаявшись на входе Новжа заняла соседний стул.

— А вы кто будете? — нахмурившись, поинтересовалась дородная женщина, которая днём раньше читала письмо, присланное голубем.

— Я третья хранительница Быстроречья Васха, а это моя верная помощница Новжа.

Незнакомка, сидящая ровно напротив меня на другой стороне комнаты, произнесла дружелюбно:

— Какое совпадение, что вы обе оказались тут так вовремя.

Первое, что бросилось в глаза, это толстые стекляшки, державшиеся на длинном носу в тонких металлических кружках. Женщина их поправила, пристально глядя на меня и Новжу. Капюшон покрывал её голову и плечи, надетый поверх рубахи, такого же песочного цвета, он казался её частью. Совсем тонкие губы были почти неразличимы на светлокожем лице, пока женщина их не разлепила, представившись:

— Изобретательница Сахар.

— Изо... что? — не понял я.

— Сразу видно, что живёте в лесной глуши, где перемены пугают юных не меньше, чем старых, — скучающе отозвалась худая угловатая женщина по правую руку от Сахар.

На ней была совсем диковинная одежда из незнакомой мне ткани с длинными рукавами, скрывающими пальцы до самых кончиков ногтей и замысловатыми застёжками на почти незаметной груди. Короткие прямые тёмные волосы были зачёсаны назад, словно прилизаны лошадиным языком. Шею повязывал платок из блестящей ткани глубокого синего цвета.

— Швея Вигуш. Рада помочь, если захотите приодеться, — она глядела высокомерно, даже когда сидела, взгляд был направлен как бы сверху-вниз из-под полуопущенных длинных ресниц.

Я повернулся к третьей представительнице Перекрёстка, бывшей по левую руку от Сахар.

— Это Лёжка, — представила изобретательница. — Моя верная помощница, она не слишком разговорчивая.

Лежка, обладающая лицом, похожим на плохо стёсанный камень, коротко кивнула. Она держала правую ладонь на поверхности стола и тихонько постукивала лопатообразными пальцами. Левая её рука безжизненно свисала вдоль тела, это показалось мне неестественным и странным.

— Какие вы тут речи ведёте, — прозвучал знакомый голос слева от нас. — Об отсталости и тряпках.

Повернув голову, я чуть не рухнул со стула. Димбо сидела на расстоянии вытянутой руки от меня и хмуро сдвигала брови, хотя до Айя ей, конечно, было далеко. На кожаном жилете красовалась нашивка, полученная за победу на недавних скачках.

— Я объездчица Димбо, — представилась она присутствующим, встав, и снова плюхнулась на стул. — Не собираюсь предлагать кому-либо свои услуги.

Вигуш бросила на объездчицу колкий и враждебный взгляд.

— Пивоварщица Свеп, — сказала взрослая женщина, устроившаяся рядом с Димбо, такая обыкновенная на вид, что я был уверен, что тут же забуду её, как только покину эту комнату.

— А что за ребёнок пристроился рядом с вами? — поинтересовалась Сахар, указывая на девочку лет шестнадцати, оказавшуюся среди представительниц Подковы. — Это чья-то дочь?

— Могу поспорить, что все мы тут находящиеся чьи-то дочери, — саркастично отозвалась Димбо. — Но это Мálка, она одна из нас.

— Ребёнок? — Вигуш шокировано подняла брови. — О чём вы думали вообще, притаскивая её сюда?

— Нигде не сказано, что в жребии не могут принимать участие ответственные дети, которые сами того хотят, — рассудительно и спокойно объяснила пивоварщица Свеп. — Потому мы ей и позволили, всё равно вести хроники поселения совсем не тяжело. Никто в самом деле не ждала, что случится напасть, вынудившая нас примчаться на Собрание Девяти.

Глаза девочки, которую обсуждали, были скрыты под густой светлой чёлкой, похожей на лесную чащу. Широкий нос и тонкие губы составляли контраст на её загорелом как у

Димбо лице. Для своего возраста Малка обладала достаточно крепкими и сильными руками. Трудно было понять, трепещет она от страха или просто волнуется, оказавшись в эпицентре чего-то столь важного. Девочка сидела почти не шелохнувшись, пальцами стиснув край стола. И я подумал, что возможно кто-то из её родных проживал в Ракушке.

— А из Мельницы больше никто не явиться? — раздражённо поинтересовалась Вигуш, наконец, отворачиваясь от стола Подковы.

Справа, примостившись у самого краешка стола, находилась единственная представительница поселения фермерш, прославившемся хлебом и табаком. Голову ей венчала широкополая соломенная шляпа. В белоснежной плотно застёгнутой просторной рубаше, с хлопковыми перчатками на руках, она подняла голову, окинув присутствующим взглядом кроваво-красных глаз, окаймлённых бесцветными ресницами, и проговорила виновато:

— Боюсь, в Мельнице вот уже четвёртое лето не избирают представительниц, а хроники веду я, всё равно от меня больше нет никакого толку. Зовите меня Снежка.

Ни разу в жизни я ещё не видел столь светлой кожи и белых, почти бесцветных, волос. Она и впрямь походила на снег и словно светилась в комнате из серого кирпича, где и посмотреть было не на что, кроме стен, обвешанных непонятными мне схемами и графиками.

Услышав ответ Снежки, Вигуш просто потеряла дар речи и закрыла рот, осуждающе покачав головой.

— Раз никто больше не присоединиться, предлагаю начать, — неуместно приподнято призвала Сахар. — Давайте ещё раз взглянем на письмо.

Всё это время молча стоящая у стены распорядительница меняльного поста дёрнулась и поспешно протянула изобретательнице свиток, запачканный, как я теперь смог разглядеть, парой капелек крови.

— На Ракушку напали неизвестные. Они забрали половину женщин, а другую половину убили. Пожалуйста, помогите, — ровным тоном прочитала Сахар, ни разу не изменившись в лице.

Повисло напряжённое молчание. Каждая осмысливала как могла содержание послания, судя по выражениям серьёзных и задумчивых лиц. Хотя я не мог взять в толк, что тут осмысливать.

— Как такое возможно? — подала слабый нерешительный голосок Снежка.

— Сама этим вопросом задаюсь, — Димбо почесала лохматый затылок. — Кто мог напасть на Ракушку? Сколько лет мы уже живём на этой земле, сколько поколений минуло, и ничего подобного не случилось. И главное зачем кому-то нападать? С какой целью? Если им было что-то нужно, можно было просто договориться. Мы всегда готовы поделиться.

Пивоварщица Свеп кивнула, скрестив на груди руки. А мне хотелось с размаху ударить по своему лицу ладонью.

— Может они не хотели договариваться и делиться, а решили просто забрать всё, — прозвучал голос разума в лице швеи Вигуш, до этого момента меня раздражавшей.

— Но зачем им понадобились наши люди? — озадачилась пивоварщица Свеп.

— Кому им? — не выдержал я, вскакивая на ноги. — Первое, что мы должны выяснить — это лицо нашего врага.

— Врага? — отозвалась Сахар.

Это слово хоть и имелось в местном языке, но использовалось крайне редко.

— Как ещё можно назвать тех, кто приходит в твой дом и разоряет его, убивая невинных? — меня просто распирало от негодования. — Хватит разговоров! Прямо сейчас нужно отправляться в Ракушку и увидеть, что произошло своими глазами.

— Если всё так, как ты говоришь, то там может быть опасно, — веско заметила Сахар. — Если они, кто бы они ни были, справились с целым поселением, то как мы можем рисковать ещё несколькими жизнями. И странно, что из Жемчужины, ближайшего к Ракушке поселения, так и не прислали весточки. Им должно было быть слышнее и виднее всё там случившееся.

— Я согласна с Васхой, — подала голос Димбо (мне аж захотелось её обнять в благодарность за нежданную поддержку). — Нужно ехать прямо сейчас. Потеряно уже достаточно времени. Давно стоило кого-нибудь отправить. А бояться можно до самой смерти, это делу не поможет.

— Раз вы так решительно настроены, может вдвоём и поедете? — равнодушно предложила Вигуш, явно не переживавшая о нашей дальнейшей судьбе.

Мы с Димбо переглянулись. Объездчица ухмыльнулась:

— Хватай свою сумку, третья хранительница Быстроречья. Моя Золотка домчит нас быстрее ветра, — повернулась к Новже. — Прости, но лошадка двухместная, а если там действительно опасно, то чем меньше людей пострадает, тем лучше.

Только я собрался бежать к выходу, как подруга крепко обняла меня, прошептав на ухо:

— Береги себя, — и только после этого отпустила.

— Не пропаду, — сам не знаю зачем, я коротко чмокнул её в щёку, затем быстро двинувшись следом за Димбо.

Никто больше не стал нас задерживать. Всё равно от Собрания Девяти не было толку, пока так мало известно о нападении на поселение.

Димбо быстро вывела лошадку из конюшни, накинула на неё седло, я успел сбегать за водой и кое-какой едой. Когда вернулся, объездчица уже сидела верхом и протягивала мне руку. Схватившись, я устроился прямо за широкой спиной. Мы ринулись с места, и мне оставалось лишь держаться как можно крепче, чтобы не рухнуть на землю.

Селянки провожали нас встревоженными взглядами. Но Золотка скакала легко, не ведая о трудностях, что могли нас ожидать впереди.

— До Ракушки четыре дня ходу. Это если на Золотке, — сообщила Димбо. — Придётся попотеть. Не ожидала я, что кто-то ринется в место, вероятнее всего, усеянное мертвецами.

— А как же ты?

— Ну, кроме меня. Но даже я ни в чём не уверена.

Весь путь нас одолевали тяжёлые думы о том, что ожидало впереди. Я пытался нарисовать в своём воображении грозных женщин с мечами наперевес, которые явились и убили сотни невинных жительниц. Может это была Жемчужина, и поэтому от них не было весточки? Или они и сами стали очередными жертвами, а следующими будут обитательницы Безбрежных равнин? Пока враг не доберётся до обменного моста, соединяющего Быстроречье с остальным миром. От этой мысли холодело нутро, а наш скромный ужин у костра не лез в глотку.

Прислушиваясь к каждому шелесту в ночи и оглядываясь по сторонам при свете дня, мы с Димбо почти не разговаривали, пока, наконец, не добрались до тропинки, сложенной из битых ракушек и изображавшей косяк разноцветных рыб. Приветствием нам стал шорох волн и яростный крик чаек, терзающих окровавленные тела, брошенные под жгучим солнцем на

потребу падальщикам.

Димбо слезла с лошади и её сразу вырвало от запаха гниющей человеческой плоти. Я был рад, что не позавтракал в это утро.

Глава 5. Расколотая ракушка

Череп ближайшего ко мне тела раздробили увесистым предметом. Я предположил, что это могла быть булава или молот. Многие лежали лицом вниз. Оборачиваясь к чужакам спиной, они бежали в ужасе, сбиваясь с ног, надеясь спастись. Одна из женщин споткнулась в спешке и, упав лбом на крупный камень, умерла на месте. Большинство были убиты в спину. Режущие, точные удары.

— Тут поработали настоящая мастерицы, — заметил я, заканчивая обходить опустевшее поселение.

Не больше сотни деревянных построек, сложенных из толстого бамбука, целая роща которого росла всего в километре отсюда (зелень сверкала вдалеке). Ветер гремел букетами ракушек, приколочеными к притолокам у входа в дома, лишённые дверей, их место занимали иссушенные разноцветные длинные водоросли, похожие на истрепавшиеся старые куски ткани. Кухонную утварь разбросали по деревянному полу, но хаос был учинён руками самих жительниц, срывающихся с мест в испуге и бросавших то, что они держали. Иногда это оказывались следы борьбы, окропленные высохшей кровью. Но вещи не тронуты. Чья-то безжалостная, твёрдая рука покусилась только на людей.

Димбо было не до моих наблюдений или исследования местности. Сидя на дорожке из ракушек, прислонившись к ближайшей раскидистой пальме, она тяжело дышала, то открывая, то закрывая веки, точно не веря своим глазам.

— Скажи, что всё сон, — взмолилась она, глядя куда-то в пустоту сквозь пелену слёз.

— Ты знала кого-то из них? — поинтересовался я, опускаясь рядом с Димбо на корточки.

— Что за странный вопрос? Они были такими же как мы с тобой. Нет нужды знать кого-то лично, чтобы горевать. Зато ты, как я вижу, совсем ничего не чувствуешь, глядя на растерзанные тела, — заметила она с упрёком.

Что я должен был ответить? Что повидал множество смертей и теперь из меня не так-то просто выжать слезу? Но в одном Димбо была права. Эти женщины ничем от нас не отличались.

— Кто способен на подобные зверства? — Димбо обняла колени, скрывая от меня своё заплаканное лицо.

Оставив её, я решил ещё раз обойти Ракушку. Некто отправил письмо прямо из поселения. Значит должны быть и выжившие.

Домик с почтовыми голубями находился поодаль у самого причала и скрывался за сваленной в кучу горой уже протухшей рыбы, и я не сразу его заметил. Но все птицы оказались зарезаны в своих, теперь уже рассечённых напополам, бамбуковых клетках. Сделано это было с определённой целью, что наталкивало на мысль о запланированной атаке.

Изыеденный морской солью причал скрипнул под моим весом. Море омывало каменистый пляж, упрямо цепляясь за останки мёртвой женщины, жаждало унести её в свои пучины. Я подумал, что никогда прежде не видел море. Но, окрашенное кровью, оно не казалось умиротворённым, пленяющим или прекрасным. И всё же нагнулся, чтобы хотя бы коснуться пальцами воды, замер, не донеся руки. Пара округлённых глаз испуганно пялились

на меня из-под причала.

Волосы длинной до плеч прилипли к изящной шее, с которой свисал кулон — иссохшая морская звезда. Ровные тонкие черты лица не портили даже посиневшие от холода губы. Зубы девушки, которой я не дал бы больше восемнадцати на вид, стучали от холода. Мокрая рубаха просвечивалась, демонстрируя крохотную грудь. Наверное, она просидела здесь с того момента, как Золотка затормозила возле входа в поселение. К Светлому краю подступала осень, потому море уже не было таким тёплым.

— Вылезай, мы не причиним тебе зла, — обратился я к незнакомке ласково.

Глаза девушки с поразительно длинными ресницами скользнули по Велимиру, тяжело свисавшему у меня с пояса. Наверное, похожее оружие было у нападавших, потому она и испугалась. Я выпрямился, громко позвав:

— Димбо!

Внезапный крик растревожил лакомившихся чаек, с шумом взлетевших ввысь. Объездчица буквально ползла, обходя мёртвые тела и пряча глаза под широкими полями шляпы. Но я видел, что она храбрилась изо всех сил. Приблизившись к морю, Димбо нагнулась, умывая лицо такой же солёной как слёзы водой. Море полное слёз.

Не дожидаясь, когда её снова начнут уговаривать, незнакомка, шлёпая по воде, вылезла навстречу ошарашенной Димбо. Безумно обрадовавшись первой живой душе, объездчица крепко её обняла.

— О, прости-прости, — поспешила прибавить она, разжимая тиски и отходя в сторону. — Ты совсем замёрзла. Давай поищем сухую одежду, — и она отправилась обыскивать опустевшие дома.

Я был даже благодарен этой странной девушке за её появление. Она так и стояла на берегу, потупив взгляд. Поразительно хрупкая фигурка. И как только ей удалось выжить? Неужели пряталась в воде? Без особой на то причины я чувствовал себя виноватым за наличие у меня оружия. Мы не обмолвились и словом.

Вскоре вернулась Димбо со свёртком одежды и кое-какой едой, развеяв образовавшуюся неловкость. Схватив свежую рубаху, которые здесь были длинной до самых бёдер и сшивались снизу наподобие обрезанных по самое основание штанов, она спряталась в сколоченной из бамбука душевой, собирающей дождливую воду. Пока незнакомка смывала морскую соль и переодевалась, мы с Димбо присели на парочке брошенных бамбуковых скамеек.

— Хорошо, что хоть одна осталась, — заметила радостно наконец взявшая себя в руки Димбо.

— Мне кажется, это она отправила послание с единственным выжившим голубем. Странно...

— Что?

— Всё это странно.

Загорелая ножка в зелёном лапте ступила на каменистый берег. Я всё не переставал удивляться её изящности и тому, что прежде не замечал подобного у других женщин. Может пребывание у моря всех делало немного неземными? Присев рядом с нами, незнакомка принялась жадно уплетать сыр, запивая его свежей водой.

— Это ты прислала голубя? — поинтересовался я.

Пристально посмотрев на меня, девушка кивнула.

— Нам нужно отвезти её в Перекрёсток, — веско заметила Димбо. — Но лошадь у нас

только одна, потому придётся добираться до Жемчужины, обменщицы туда ещё ходят, и может нам повезёт наткнуться на одну.

— Всё лучше, чем оставаться здесь, — согласился я.

И, когда незнакомка бережно подобрала последние крошки и запила всё огромным глотком воды, мы пошли. Она так ни слова нам и не сказала. И лишь позже я понял, что наша единственная свидетельница произошедшего была глухонемой.

До Жемчужины было всего два дня ходу. Мы продирались сквозь бамбуковую чащу, с веток которых на неожиданных посетительниц глядели бело-голубые медведи с кружками вокруг глаз, напомнившие мне те, что я видел на носу у изобретательницы Сахар.

— Как называются эти звери? — поинтересовался я у незнакомки, но она, конечно, не ответила, да и глядела совсем в другую сторону.

Когда Жемчужина объявилась на горизонте, наш запас воды почти иссяк, как и еды, у тонкой как тростинка девушки оказался хороший аппетит. Поселение бурлило жизнью и даже не подозревало о страшной беде, случившейся неподалёку. Рыбачки возвращались из моря на лодках, заполненных до отвала устрицами, раками и свежей рыбой. Дети играли в прятки, громко считая до десяти и разбегаясь во все стороны. Несколько пожилых женщин сидели в ряд и задумчиво глядели в море, изредка обмениваясь репликами. Справа от нас лепили горшки, украшая их жемчужинами.

Жемчуга были здесь буквально повсюду. Чёрной разновидностью оказалась вымощена дорога. Кропотливый труд, на который ушёл, без сомнения, не один год. Хотя меня больше поразило несметное количество чёрный блестящих шариков. Поселение по праву носило своё название. Впрочем, украшая жемчужинами посуду, игрушки (глянцевитые белые шарики служили глазами), разного рода домашнюю утварь и мебель, женщины и не думали обременять собственные тела жемчужными украшениями.

Димбо подошла к горшечнице, интересуясь у неё насчёт телеги. Я остановился возле старух:

— Прошу прощения, а кто тут у вас ведёт хроники? Или может есть ответственная за внезапные напасти?

— Какие ещё напасти, девочка? — искренне рассмеялась старушенция с добрым и наивным лицом. — А хроники ведут по очереди все жительницы, у нас поди почти ничего не случается, так что и записывать нечего.

Краем глаза я заметил, что незнакомка наблюдала за мной. В надежде я указал на неё и поинтересовался:

— Вы знаете эту девушку?

Старухи отрицательно покачали головами и вернулись к созерцанию моря. Подобная беспечность вызвала у меня приступ раздражения. Наверняка, Ракушка жила точно так же. Каждодневные обыденные заботы составляли их жизни, никогда ничего неожиданного не происходило, только если утонет кто, хотя здешние, скорее всего, плавали с пелёнок, значит, им и такая внезапная смерть не грозила. А потом в единый миг всё просто исчезло.

Стоило предупредить об опасности, но глухонемая не самая убедительная свидетельница, и даже будь она говорящей, Димбо, увидев собственными глазами мёртвый город, не сразу поверила в его реальность. Чего ожидать от остальных? И всё-таки необходимо было что-нибудь предпринять.

Я тронул плечо старушки, судя по выражению её лица, повернувшегося в мою сторону, я уже изрядно ей надоел.

— Отправьте людей в Ракушку, там приключилась беда.

— Какая ещё беда? — недоверчиво протянула старуха дребезжащим голосом.

— Большая, будет что записать в хрониках.

Посмотрев прямо мне в глаза, словно проверяя не розыгрыш ли всё это, старушка утвердительно качнула головой. На сердце немного полегчало.

Мы с незнакомкой пополнили запасы провизии и пресной воды, которой селянки поделились с большой неохотой. Нехватка пресной воды кому угодно могла усложнить жизнь, даже беззаботным жителям побережья.

Димбо воротилась с хорошими новостями, сообщив, что обменщица согласилась взять двух попутчиц.

— Я поскачу рядом на Золотке, — прибавила она. — Отправляемся сейчас же.

Путь до Перекрёстка мы провели в угрюмом молчании. Обменщица, имени которой я так и не удосужился запомнить, отличалась удивительной неразговорчивостью и не замечала никого вокруг, лишь изредка вспоминая о нашем существовании. Но так было даже лучше. Не приходилось ничего объяснять, потому что ни о чём не спрашивали.

Сидя напротив безымянной незнакомки в покачивающейся из стороны в сторону телеге, я рассеянно размышлял о том, что не прихватил из приморского поселения сувениров для Новжи и так и не искупался. Упустил возможность, а ведь не известно, когда ещё она выпадет.

Девушка постоянно украдкой поглядывала на Велимир, и я решил ответить на безмолвный вопрос:

— Этот клинок не касался людской плоти. По правде говоря, я им пользовалась только один раз. Убила медведя, веришь? Целого медведя.

Она не улыбнулась. Резко отвернулась, стиснув ладони между коленями. Кажется, я ей не нравился.

— Узнать бы, как её зовут, — проговорила Димбо на вечернем привале, когда все уже готовились отойти ко сну. — Даже не будь она глухонемой, я бы не удивилась, если бы она не стала ни с кем говорить после пережитого. Наверняка, в Ракушке умерла вся её семья или оказалась похищена. Но кто именно всё это сотворил? — объездчица направила взгляд в сверкающее звёздами ночное небо. — Оно, как и ты, Васха, совершенно равнодушно к случившемуся.

— Думаешь, мне безразлична эта трагедия, только потому что я не рыдала в три ручья? — я затушила костёр, присыпав его землёй, и теперь только силуэт Димбо вырисовывался в ночи.

Ничего не ответив, объездчица просто легла на соломенную подстилку. Завтра нам надлежало проснуться на рассвете.

Когда глаза по привычке к темноте, я, не в силах заснуть от размышлений о неизвестных, устроивших кровавую бойню в Ракушке, рассматривал свёрнутую в калачик фигурку тихо дремлющей, незнакомки. Слабая, словно бы неприученная к труду, чем она занималась изо дня в день в приморском поселении? Во мне вспыхнуло внезапное желание защитить её, несмотря ни на что. Но как добиться доверия, если девушка даже и смотреть не хотела в мою сторону?

Подъезжая к Перекрёстку, мы ощущали себя недобрыми гонцами. Димбо слезла с Золотки и топала пешим ходом, как и мы с незнакомкой. Многие взгляды были направлены в сторону возвратившихся разведчиц. Я ощутил, как девушка занервничала, и приобнял её за

плечо, направляя путь. Она не вздрогнула и не отпрянула, напротив слегка коснулась моих пальцев, что я счёл за благодарность.

— А вот и наши отчаянные головы, — презрительный тон выдал швею Вигуш, вышедшую нам навстречу.

Сегодня её рубашка из лёгкой немнущейся ткани выгодно подчёркивала талию, а ноги обтягивали кожаные штаны, смятые наподобие гармошки. Острый как игла взгляд пронзил незнакомку, а тонкие губы осветила радостная улыбка:

— Какой прекрасный образчик. На большинстве моя одежда смотрится как на соломенном чучеле, но ты просто создана носить самое лучшее.

— А ты всё о тряпках, — тяжело вздохнула Димбо.

— Не вечно же ходить со скорбными лицами, нужно жить обычной жизнью, чтобы всё шло своим чередом. В противном случае, нас ожидает хаос, — заметила Вигуш, теперь вышагивавшая по правую руку от незнакомки.

Когда мы заняли обитые мягкой тканью стулья в комнате меняльного поста, туда пока ещё никто не успел явиться. Участницы Собрания, получив оповещение о нашем возвращении, приходили постепенно. Всё время ожидания незнакомка провела, сидя в уголке нашего стола, за написанием какого-то длинного текста на пергаменте и часто обмакивала перо в чернильницу. Тщательно прятала свежие начертанные строчки ладонью.

Я сидел, полужа на столешнице и уже медленно погружался в полудрёму, не сводя глаз с усердно работающей руки незнакомки. Мне должно оказаться первым, кто это прочтёт. Ведь это я её нашёл, всё по-честному.

Не зная, чем себя занять, прокручивал в голове нашу первую встречу. Тогда всё произошло так быстро. Заметив Димбо, она отвернулась и побежала в её сторону, шлёпая по морю, едва не поскользнулась на покрытых водорослями камнях, тщательно закрывая ладонями рубаху ниже пояса. Поразительная скромность для женщины, находящейся среди других таких же женщин. Но грудь она не прикрывала, а ведь её было видно лучше всего.

Комнату заполнила тихая беседа между Димбо, швеёй Вигуш, пивоварщицей Свеп и Снежкой, только и делающей, что меняющей одно помещение на другое в пределах поселения, в надежде спрятаться от безжалостных жгучих солнечных лучей.

Глубоко задумавшись, я поднялся и подошёл к незнакомке. Встал прямо у неё за спиной, так чтобы не было никакой возможности меня разглядеть хотя бы краем глаза, стиснул рукоять Велимира и вытащил его из ножен, замахнувшись в сторону девушки. Один миг, чтобы успеть среагировать и не лишиться головы. Незнакомка резко пригнулась, отшатнувшись затем в сторону стены. Все смолкли, ошарашенно уставившись на меня.

А я наступал на девушку, выставив вперёд остриё клинка. Под натиском жертва вжалась в стену, задрожав всем телом, тяжело дышала. Но выглядела скорее не испуганной, а возбуждённой или притворялась таковой, дабы вместо того, чтобы прикончить, я предпочёл бы её изнасиловать.

— Васха, что ты творишь? — возмутилась Димбо, решительно шагающая в мою сторону с намерением остановить.

Но путь ей перекрыла, вбежавшая в комнату, Новжа:

— Она знает, что делает.

— Вы обе разума лишились, — равнодушно усмехнулась Вигуш.

Димбо замерла на месте, не отважившись оттолкнуть Новжу, а мне только оставалось поражаться той беззаветной вере, что подруга испытывала по отношению ко мне.

Кончик Велимира уже врезался в грудь безымянной незнакомки, и я стал вспарывать тонкую рубашку, опускаясь всё ниже, обнажая её без всяких колебаний и не испытывая за это ни капли вины. Не чувствуя ничего кроме холодной решимости. Всё ниже и ниже по тонкой нежной коже, пока не добрался до пупка.

— Хватит! — прогремел низкий незнакомый мне голос, пришлось повернуть голову, чтобы увидеть, кому он принадлежал.

Лежка — помощница изобретательницы Сахар. Обе вперили в меня рассерженные взгляды. Лежка без колебаний отодвинула Новжу и высоко подняла левую руку, выбив у меня Велимир. Боль пронзила кисть так, словно ударили чем-то увесичтым. Рука Лежки оказалась деревянной и скорее походила на дубину, нежели на человеческую кисть. Немного больше усилия, и она бы запросто сломала мне кости.

Велимир со звоном упал на пол. Незнакомка сползла вниз по стене, опустив голову, спрятав лицо за спутавшимися тёмными волосами.

— Как это понимать? — негодуяюще сверкнула стекляшками на носу Сахар.

— У меня тот же вопрос, — откликнулся я, потирая ушибленную руку, и пока меня снова не прервали, бросился на девушку, повалил её на пол и порвал рубаху ниже пояса.

В комнате воцарилось гробовое молчание, которое прервал озадаченный голос Новжи:

— Это что опухоль? Ты больна?

Незнакомка отползла обратно к стене, скрестив ноги, тщательно скрывая от всех правду, что уже отпечаталась в наших головах.

— Она не больна, и она не глухая, — ответил я, поднимая Велимир и пряча его в ножны. — И ещё это не она, а он — мужчина. Ну, знаете, как у диких собак, есть самцы и самки, вот он — первое.

— Я знал, — наконец подал голос притворщик, тонкий, но всё же мужской голос. — Ты отличаешься от остальных, — он глядел на меня ожесточённо. — Ты знаешь о нас, у тебя есть меч. Но откуда? Они не оставляли после себя оружия, когда уходили.

Я устало опустился на стул, было гадко на душе. В этом мире обитали не только женщины, но и мужчины, однако по какому-то мистическому стечению обстоятельств, прежде они никогда не сталкивались друг с другом. Это произошло только теперь, когда я появился в Быстроречье.

— Бессмыслица какая-то, — пробормотала Снежка, глядя на мужчину как на диковинное животное.

— Может принесёте ему целую рубаху и штаны заодно? — предложила Димбо.

— Я об этом позабочусь, — внезапно оживилась Вигуш и вышла. Эту женщину вообще ничего не брало. Подумаешь мужчина, которого она в жизни не видела.

— А что за слово такое «мужчина»? — поинтересовалась Новжа, садясь рядом со мной.

— Придумала только что, надо же их как-то называть.

— Разумно, — задумчиво протянула пивоварщица Свеп.

Я встал:

— Мне нужно глотнуть воздуха, — и вышел на улицу.

Навстречу, грубо столкнувшись со мной плечом, шла Малка. Она не поздоровалась и вообще не посмотрела в мою сторону, быстро скрывшись в дверном проёме. Теперь все участницы Собрания Девяти были на месте, и они могли начать обсуждение ситуации, не дожидаясь меня.

Я рассмеялся собственной глупости. Всерьёз принять его за женщину! Чрезмерно

манерен, чтобы быть женщиной, которые никогда не выпячивали собственную женственность. Всё лишь притворство. И этот вызывающий взгляд, говорящий: «в самом ли деле ты хочешь прикончить меня, или, может, сперва поиграешь со мной?» Я отогнал от себя очередной прилив омерзения.

Но мужчины, прибывшие, чтобы убить одних женщин и похитить других, не могли выглядеть подобно ему. Это наталкивало на размышления. Желая удовлетворить всё разгоравшееся любопытство, я вернулся в комнату, где собрание только начиналось.

Вигуш уже успела придеть притворщика и расчесать его, превратив в подобие сельской модницы. В приталенном жилете поверх тонкой рубашки с длинными рукавами и плотными манжетами (всё из редких гладких тканей) и в меру просторных, но, всё-таки подчёркивавших ягодицы, штанах, он приковывал взгляд. Меня же внешность этого слизняка волновала мало. Приблизившись впритык, грозно потребовал:

— Имя! Настоящее имя.

— Арчи.

— Что это значит? — полюбопытствовала Новжа.

— Раб, — отозвался Арчи безрадостно. — На моём языке этим словом определяют несвободного человека, вынужденного служить другим и делать всё, что ему велят против своей воли.

— Похоже, ты всегда готов услужить, — с отвращением проговорил я, не знающий, как стереть из памяти момент, когда Арчи был готов раздвинуть ноги, лишь бы не умирать.

Но Арчи ничего не ответил и никак не изменился в лице. Похоже, нападки оказались для него привычны. В моё отсутствие никто не додумался связать лжеца, зато Сахар внимательно изучала его писанину. Я оказался слишком раздражён, чтобы попросить прочитать текст вслух. И снова повернулся к Арчи:

— Очевидно, ты шпион. Почему тебя оставили, а не забрали с собой?

— Да, я шпионил для Империи. Но у подобных мне не большой выбор: либо становишься шпионом, либо чьей-то игрушкой, пока не сдохнешь в очередной грязной оргии. Я предпочёл первое.

— Сейчас расплачусь, — съязвил я.

Арчи продолжил:

— Я отправлял отчёты о Ракушке, претворялся сиротой без слуха и языка, таким образом изучая ваш язык. Мне легко поверили, запросто доверились и считали за своего, — он немного помолчал, прибавив глухо. — Я не желал смерти людям, от которых впервые узнал о доброте и сострадании, потому перестал посылать отчёты. Но это было уже неважно, они узнали достаточно. Явились даже не ночью, а посреди яркого дня и вырезали всех старых, схватили молодых, показали, где моё место, — его лицо болезненно скривилось, намекая на жуткие воспоминания о пережитом насилии, — и уплыли, уверенные, что как только вы обо всём узнаете, сами меня убьёте.

— Похоже, они вовсе не видят в нас достойных соперниц, — мрачно протянул я.

Арчи прямо посмотрел на меня:

— А ты сама видишь?

Истина больно кольнула в сердце. Теперь страх захлестнул и мой рассудок. Теперь и мне не хотелось верить в происходящее.

Новжа, слушавшая рассказ шпиона вместе со мной, встала и отодвинула стул, усаживая Арчи по правую руку от меня, ободряюще улыбнулась ему и вернулась на своё место.

Бывший раб оставил печальный взгляд полный скорби в стол. И я понял, что больше не мог его ненавидеть.

— Это не имеет никакого смысла! — негодуя воскликнула изобретательница Сахар.

Бумаги помялись в её крепко сжатых руках. Лежка положила целую ладонь изобретательнице на плечо. Сахар с усилием разжала трясущиеся руки и едва заметно улыбнулась своей помощнице.

Историю Арчи читали по очереди. Когда она добралась до меня, то стало ясно, что он вовсе не собирался долго скрывать свою личность. Вероятно, он жаждал наказания. Эта сломленная фигура, придавленная к деревянному стулу грузом вины. Он сидел, сгорбившись, воткнув подбородок себе в грудь.

Новжа преисполнилась сочувствия к этому жалкому созданию. Многие участницы совета бросали на мужчину полные сострадания взгляды, исключая Малку. После прочтения она обратилась в ещё большее безмолвное изваяние, чем была прежде. Ребёнок, которому здесь явно было не место.

Я наклонился к Димбо, шепнув:

— Может стоит удалить девочку? Отправить к матерям?

— У Малки оставалась только сестра от их общей, но уже почившей, матери, — откликнулась Димбо, не поворачиваясь.

Пристально взглянув в сторону девочки, я увидел тихие слёзы, ручьём стекающие из-под густой чёлки и падающие на её колени. Свеп попыталась как-то утешить, но от этого Малка только скукожилась, ещё глубже уйдя в себя.

Мне оставалось лишь наблюдать реакцию участниц Собрании Девяти на правду, которая предстала перед ними во весь рост и не позволяла забыть. Димбо, пережившая всё вместе со мной, выглядела спокойной, но спокойствие не было свойственно такой живой натуре, что говорило само за себя. Вигуш безучастно рассматривала свои ногти, временами поглядывая в сторону Арчи, словно проверяя не задрался ли воротничок рубашки. И о чём только думала эта женщина? Последняя из присутствующих — Снежка отрешённо уставилась в голую стену.

Левое ухо защекотал шёпот:

— Когда ты поцеловала меня в щёку перед уходом, я почувствовала, что прежняя Васха вернулась.

Я повернул голову, столкнувшись с искренним, полным облегчения взглядом Новжи. Хоть у кого-то сейчас было не так тяжело на сердце. Моя подруга всегда умела искать яркие белые пятнышки на непроглядно чёрных полотнах, это у неё не отнять. Дружба между женщинами такая нежная, что я сам удивлялся, почему не поцеловал Новжу раньше.

— Так что мы будем делать? Что скажем людям? — подала голос Димбо, когда в комнате окончательно воцарилась гнетущая тишина.

— Жемчужина... — начала было Сахар.

— Думаю, они уже в курсе дел, — оборвал я. — По моей просьбе они должны были отправить туда людей на подмогу.

— Вряд ли мертвецам нужна помощь, — прохладно отозвалась Вигуш.

— Их стоит похоронить, — жёстко сказала Димбо, смерив швею тяжёлым взглядом. — По всем правилам их поселения.

Вигуш недовольно цыкнула:

— Разве я с этим спорила?

Я повернулся к Арчи:

— Когда они снова нападут?

— Это никому не известно. Может завтра, может через одно лето. Но, убедившись в вашей безвредности, они вероятнее всего дождутся, когда всё поутихнет, а поселение восстановят, а потом вернуться за рабами. Империя живёт за счёт работорговли и нескончаемых войн. Стирать целый народ с лица земли им не выгодно. Вы будете жить в трепете и страхе и однажды смиритесь, что кто-то навсегда уйдёт, чтобы другие могли остаться и не знать бед и насилия. Это будет жертва, которую вы принесёте ради благополучия большинства, но ваш край уже никогда не станет прежним, потому что все будут знать, но никто не осмелится произнести вслух. И это знание пожрёт вас изнутри.

Арчи отвечал ровно, не выказывая ни единой эмоции, но от того его злое пророчество звучало ещё страшнее и неотвратимее.

— Может нам сбежать... — осторожно вмешалась Снежка. — В горы. Там они нас точно не отыщут.

— Козочки будут в восторге, — съехидничала Вигуш. — С радостью потеснятся в своих сырых и тёмных пещерках.

— Козочки? — не поняла Новжа, я, впрочем, тоже.

— Горные козочки — жительницы Эха, — пояснила Димбо.

Эхо — единственное людское поселение в горах. Оттуда привозили камень и руду, но о самих поселенках ходили разные небылицы, потому что те редко спускались с гор, и их почти никто не видел. Женщины, решившие выбрать самое тяжёлое место для проживания, и впрямь казались странными, ведь Светлый край был так велик и плодороден.

— Пленницы, — внезапно подала голос Малка, успевшая за время наших препирательств справиться со своими рыданиями. — Мы так и оставим их в руках мужчин?

— Разве мы можем что-то сделать? — печально произнесла Димбо, а сама сжала правую руку в кулак. — Они явились не невиданных кораблях с оружием в руках. Это страшные убийцы без сострадания и, может статься, даже без сердца. Разве нам по силам выйти против них?

Малка сорвалась с места и отошла к закрытому окну, толкнула ставни, впуская в комнату солнечный свет. Снежка отодвинулась подальше от яркой полосы, разделившей столы напополам.

Я рефлекторно сжимал рукоять Велимира, свисающего с пояса. Ладонь уже порядком запотела. Но душа так и рвалась в бой, в котором в одиночку было не победить.

— Возможно, — осторожно начал я, привлекая всеобщее пристальное внимание. — Только возможно, что мы могли бы попытаться собрать отряд, построить лодку и переплыть на тот берег Несмолкающего моря. Они не ждут, что мы явимся, и...

— И что? — вздёрнула бровь Вигуш. — Хочешь отправить ещё несколько наших на смерть? И кто научит их убивать других людей? Может ты? Разгуливаешь с этой длинной острой и опасной штуковиной, тыкаешь во всех. В этом всё и дело, верно? Хочется пустить кровь?

— Нет, не в этом всё и дело, — ответил я сдержанно, очень уж хотелось врезать этой наглой равнодушной твари по морде навершием Велимира. — Но найдём ли мы в себе силы жить дальше, зная, что где-то там женщины нуждаются в нашей помощи? Сможем ли простить себя за собственную никчёмность?

Тяжёлый и протяжный вздох Свеп, скрип отодвигающегося стула и фраза, брошенная

пивоварщицей, походя нахлобучивавшей на голову шляпу, быстро вернули меня с небес на землю:

— Разве мы вправе решать такие вещи? Кто мы, в самом деле?

Она вышла ни с кем не попрощавшись, положив этим поступком конец Собранию Девяти. Не приходилось сомневаться, что вскорости весть о случившемся в Ракушке разнесётся по всему Светлому краю, не минет и далёкие горы, именуемые Волчьей Пастью. Но, как и пророчил Арчи, мы медленно превращались в овец на убой, способных только блять и жевать траву, надеясь, что сегодня пастух прирежет кого-то ещё.

Глава 5.5. Глазами раба: соль земли

«Когда изображаешь глухонемого сложнее всего не реагировать на резкие и громкие звуки, контролировать дрожь собственного тела и внезапный испуг. Но этому я обучился заранее, ещё не приступив к работе шпиона, которым мне было суждено стать.

Империя только-только приблизилась к границам материка и стремилась выведать всё о потенциальных врагах, что непременно ожидали её на противоположном берегу моря. И я оказался подобен рыбе, выброшенной на сушу, не ведал, кто и как встретит меня, и должен был либо погибнуть, либо стать одним из них. До одного ясного весеннего дня я не слышал ни о каких женщинах.

В бурных фантазиях вырисовывались жестокие и кровожадные варвары, способные переломить меня пополам как тростинку. Иногда, когда жизнь казалась не такой мрачной, перед внутренним взором представляли мудрые и могущественные мужчины, которые непременно возьмут меня под своё крыло, а позже разгромят Империю, обратив в прах её деспотию.

Но я не столкнулся ни с теми, ни с другими. Много часов посвятив подготовке, я оказался совсем не готов.

Овеянные ласковым солнечным светом, в тонких просвечивающихся одеждах, они по щиколотку стояли в песке, тёмную от загара кожу покрывали прозрачные, сверкающие как алмазы, капли. Странные на вид создания просто резвились, брызгая друг на друга морской водой. Их звонкий счастливый смех больно ударил по ушам, заставив замереть на месте как оглоушенного...

— Почему ты не улыбаешься, Гребешок? — часто грустно спрашивала Соль, стоя у меня за спиной, думая, что я не слышу, к тому времени я уже научился понимать язык женщин.

Они не испугались, увидев меня впервые, совсем не насторожились, почти ничего не расспрашивали и приняли с распростёртыми объятиями, словно моё место всегда было среди них, только я раньше об этом не знал. Меня нарекли Гребешком. В конце концов, глухонемой совсем неважно, как именно её называли. Но мне, с рождения не имеющему собственного имени, впервые захотелось откликнуться на чей-то зов, даже если это означало разоблачение. И только желание и дальше оставаться среди женщин останавливало мои внезапные порывы.

— Улыбнись, Гребешок, — шептала Соль, изображавшая ленивую панду.

Она нарисовала круги вокруг глаз сажей из-под сгоревшего костра, на чьих горячих углях ещё недавно жарилась рыба, и не слишком успешно жевала сырой бамбук. Дети разразились заливистым смехом, улыбнулись и старые. Увидев, что мои губы даже не дрогнули, Соль приблизилась, нежно провела кончиками пальцев по моей щеке, с грустью заглянув в глаза.

Дни женщины проживали в труде. Дети стремились помогать старшим, чтобы в будущем занять их место. Никто не находил работу скучной или рутинной. Они умели удивляться обыденным вещам и любили любоваться морем, в котором утопало вечерней солнце. Прозвали солнце Белой Рыбой и верили, что, когда на земле царит ночь — под водой разливался день.

В определённые дни, ослеплённый счастьем бытия, я напрочь забывал, кем являлся в

самом деле, пока не наступало время отправлять очередной отчёт. И, заноса перо над бумагой, всегда отчаянно жаждал солгать. Сотворить в своём воображении жалких и жутких существ, питающихся падалью, живущих на грани выживания. Но безотчётный страх сковывал рассудок, и рука послушно выводила косые строчки одной лишь правды. Арчи не могли лгать своим хозяевам, их к этому приручали с малых ногтей, жёстко наказывая за самую крошечную ложь.

Я был откровенен с теми, кого ненавидел всеми фибрами души и грязно лгал тем, к кому успел привязаться. До самого последнего мига я не хотел верить, что этот сон закончится. В конце концов, я обманывал сам себя.

— Гребешок, Гребешок, Гребешок... — напевала Соль, прохаживаясь с корзиной полной сырого белья, которое она развешивала на растянутой поперёк двора верёвке. — Кто стащил твою улыбку, Гребешок?

Я не из слабых духом и никогда не просыпался в поту от пережитых кошмаров, пока не осознал, что моя жизнь и вправду была ужасна, и всё, что со мной творили, совершенно неправильно и жестоко. Только здесь я это понял и начал пытаться убежать от своих воспоминаний.

Дети построили на берегу миниатюрную версию Ракушки из обточенных волнами гладких камней. Они очень гордились, завершив проект, на который ушло не меньше месяца. И вслух мечтали создать настоящие дома взамен старым и покосившимся. А их матери говорили, как гордятся своими дочерьми и всегда будут рядом, чтобы поддержать и оказать посильную помощь.

Камни глухо стучались друг о друга, пока я толкал, сваливая всё в кучу, разрушая чужую мечту. Волны прибоя заменяли здесь тишину, но я не слышал даже их, толком не отдавая себе отчёта в том, что творил. Когда от маленьких построек ничего не осталось, остановился, тяжело дыша, стирая пот со лба. Упал коленями в песок, только теперь осознав мерзость собственного поступка. Секунда-другая ступора, и я уже пытался собрать всё заново, отчаянно вспоминая где и какому камешку было место. Но тщетно, бесполезно... глупо.

— Гребешок, — позвала Соль, я не обернулся, удивившись, что не заметил её раньше. — Гребешок.

Она опустилась рядом, хватая мои руки, покрытые синяками, оставленными после столкновения с тяжёлыми камнями. Схватила и не отпускала, пока я плакал у неё на груди. Лучше бы я никогда не изведаль этого мира и был бы гораздо счастливее, собственная жизнь не казалась бы мне таким дерьмом.

Перестав отправлять отчёты, я хотел во всём признаться, но губы слипались в тщетных попытках. И я просто молча и хмуро глядел в лицо Соль, что никогда не переставала мне улыбаться и никому так и не рассказала, кто именно сломал миниатюрную Ракушку.

И даже когда Соль забирали, я не нашёл в себе сил прокричать её имя...»

— Что ты там строчишь? — спросила Димбо, поворачивая ко мне свою любопытную физиономию.

— Дневник. Можешь посмотреть, если хочешь. Но это мой язык, поэтому ты всё равно не поймёшь ни слова.

— Куда уж мне, — скептически отозвалась объездчица, пока мы ждали возвращения Васхи и Новжи, устроившись за столиком «Развесёлой путницы».

Малка, присутствовавшая тут же, упорно меня игнорировала. Не нужно было родиться

чутким человеком, чтобы ощутить её враждебность. Но я не мог её в этом винить.

— Зачем ты пишешь дневник? — не отставала не находившая себе места от скуки Димбо.

— Чтобы привести в порядок мысли.

— Крайне секретные мысли, полагаю, — она странно поиграла бровями, делая непонятные мне намёки.

— Нет. Просто на вашем языке я пишу гораздо хуже, чем говорю.

Снова склонившись над толстой тетрадью в кожаном переплёте, я макнул перо в чернильницу.

«Утратив хозяев, я чувствовал растерянность и не знал, кому мне теперь можно лгать, а кому нет. Всё перемешалось в голове. До того самого момента, когда встретил её — женщину с мечом в крепко сжатых руках. Это не могло оказаться правдой, и сперва я решил, что это такой же раб, как и я. Но она вела себя иначе, в этой гордой и твёрдой походке не угадывалось раболепства. В определённый момент я всерьёз решил, что вижу перед собой мужчину в теле женщины. Так же решила и моя плоть, когда остриё клинка защекотало кожу. Но на её лице не дрогнул ни единый мускул, а в глазах разлилось отвращение, а не похоть. Мне стало не по себе, потому что я более не понимал, кто стоял передо мной.»

— Васха странная, верно? — проговорил я вслух.

И Малка и Димбо одновременно посмотрели на меня, пусть девочка и сразу же отвернулась.

— Мягко говоря, — усмехнулась объездчица.

— Но ты всё равно собираешься следовать за ней?

— Я последую за кем угодно, если это избавит наш край от дальнейших потерь и возвратит похищенных. Сама не верю, что всё это говорю. Ещё недавно я просто объезжала самых диких и необузданных лошадей, а теперь намереваюсь переплыть Несмолкающее море, даже толком не зная, что меня ожидает на другой стороне.

— Но он знает, — подала голос Малка, косясь в мою сторону. — Хочешь вернуться туда, Арчи? В эту свою Империю?

Я опустил взгляд, потому что был приучен всячески избегать конфликтов и никак не отреагировал на выпад девочки, что едва ли могла причинить мне хоть какой-то ущерб, не в силу слабости, но в силу иного отношения к насилию. Меня обучили проглатывать всё.

Не дождавшись ответа, Малка отвернулась, продолжив созерцать посетительниц таверны. Разговоры нынче были только об одном, и все тихо молились Предкам о благополучном исходе. О том, что те, кого прозвали «мужчинами», больше никогда не вернуться. Эта вера сверкала в глазах, таяла на губах, проносилась с первым осенним ветром, что уже начал рвать листву с редких и без того голых деревьев Безбрежных равнин.

«— Гребешок, она вернётся сегодня. Стоит ли мне признаться в своих чувствах? — Соль волновалась, сегодня она причёсывалась чаще обычного, постоянно проверяя внешний вид в первых попавшихся отражающихся поверхностях, начиная от вычищенных чайников, заканчивая металлическими кружками, заполненными до краёв водой. — Гребешок, я так счастлива сегодня. Ты порадуешься вместе со мной?»

Второе она нацарапала сажей на дощечке, я понял только половину написанного. Но всё же когда приехала та, кого она так долго ждала, ощутил одиночество. Наверное, это было несправедливо по отношению к Соль. Но, наблюдая со стороны за парочкой женщин, ворковавших как голубки на крышах самых роскошных зданий Империи, где обитали

исключительно богачи и знать, я, сам того не замечая, грыз ногти. Сгрызал до самого основания пальцев. Боль приводила в сознание, заставляя возвращаться к своим делам. Обычно я помогал готовить еду и в то же время учился вместе с детьми, дабы постигнуть чужой язык.

Я вовсе не ревновал Соль, но завидовал тому чувству, что они делили друг с другом. Как же страшно я завидовал.»

Димбо вытянула ноги развалившись на скрипнувшем от возросшего веса стуле.

— Кажется, Новжа и Васха довольно близки, — заметил я.

— Похоже на то, — согласилась объездчица.

— Может ли быть...?

Громкий развязный смех Димбо оборвал мой недоговорённый вопрос, встревожив нескольких посетительниц, расположившихся по соседству.

— Значит, у вас, у мужчин, тоже есть любовь, — проговорила она, подперев подбородок и хитро глядя на меня.

— Нет, — отрешённо ответил я. — У нас нет никакой любви, хотя порой его так называют.

— Его?

— Секс.

В этот раз Малка бросила в мою сторону короткий осуждающий взгляд. Я вернулся к дневнику.

«Здесь, впрочем, как и у нас, о сексе знали с ранних лет. Это не скрывалось, но отношение было иное. Однажды я проходил мимо дома Соль. Занавеска, что должна была скрывать комнату от посторонних глаз, колыхалась от порывов вечернего ветра. А, заметив происходящее внутри, я уже не мог просто пройти мимо. Ноги будто онемели.

Совсем обнажённые женщины кардинально отличались от мужчин. Они нежно и осторожно касались тел друг друга, пальцами, губами. Улыбались и шурились от наслаждения, сплетались в тесных объятиях. На мимолётное мгновение мне показалось, что Соль заметила непрошеного свидетеля, но вот она уже проводила рукой между ног своей возлюбленной. Я закрыл лицо ладонями, продолжив наблюдать сквозь чуть раздвинутые пальцы. Не знаю, сколько я там простоял, но так и не увидел слёз боли и не услышал призывов остановиться. Закончив, они задули свечи и тихо заснули. А мне хотелось расцарапать себе грудь от муки, что рвала сердце на куски.

Никогда и никто даже не пытался быть нежным со мной, а самый первый раз ознаменовался кровью и ноющей болью во всём теле. В очередную ночь я решил, что так оно и должно происходить, и научился получать удовольствие от страданий, что испытывал. Насилие стало возбуждать в той же степени, как возбуждало моих насильников.»

— Ты не сможешь вечно притворяться женщиной, — веско заметила Малка, не оборачиваясь.

— Я больше не притворяюсь.

— Интересно, как же тебя отличить? Ты как песочная ящерица меняешь свой цвет под окружение.

Отложив перо, я встал. Неспешно обошёл стол и опустился перед Малкой на колени:

— Прости. Прости. Прости. Прости. Прости. Прости. Прости. Прости, — повторял без остановки, сильно зажмурил веки, ощущая коленками жёсткость деревянного пола.

Малка вскочила как ошпаренная. В таверне повисла тишина, никто не понимал, что я

такое делал. Женщинам не доводилось падать на колени ни перед кем.

Дверь отворилась, впуская внутрь порыв свежего воздуха. Я услышал спешные приближающиеся шаги, затем чужие руки подняли меня за плечи.

— Ты ни в чём не виноват, Арчи, — сказала Васха опустошённому мне. — И тебе не за что просить прощения.

Я распахнул веки, заметив, как они с Малкой буравили друг друга упрямыми взглядами. Это короткое противостояние походило на дуэль, но в итоге девочка отступила, бросив напоследок с горечью и нотками вины в звонком голосе:

— Мою старшую и единственную сестру зовут Соль. Она очень любит море, а я хотела объезжать лошадей и потому уехала в Подкову. Если бы я только её не оставила, если бы только... Мы должны были быть вместе в тот страшный день.

Коленки задрожали под непосильным весом открывшейся истины. И как я раньше не заметил сходства? Впрочем, густая чёлка упрямой и безумно смелой Малки помешала мне его обнаружить.

— Соль, — эхом отозвался я, возвращаясь на стул.

Васха уже возвышалась над моим дневником, вглядываясь в непонятные ей закорючки.

— Тебе предстоит научить нас говорить и читать на этом языке, — предупредила она.

— Как скажешь, — отозвался я, облюбовав взглядом торчащие лопатки Малки. Ей не стоило так горбиться, чтобы не портить ещё не сформировавшуюся осанку. Она была младше меня всего на два года, а казалось, что на целую вечность.

«— Гребешок, я очень скучаю по младшей сестре. Ты для меня вместо неё. Нет. Ты — моя вторая сестрёнка, — последнее, что сказала мне Соль перед тем, как рокот волн разрежали многочисленные вёсла, а на песок ступили тяжёлые металлические сапоги.

Она гладила меня по голове. А я просто смотрел в её ярко-голубые глаза и хотел стать немного выше, чтобы достигнуть Соль хотя бы в росте, настолько недостижимой она мне казалась.»

— Пора выдвигаться, — скомандовала Васха, закончив наполнять мешок вяленой кониной. — Путь предстоит не близкий.

Мы разом поднялись, а я захлопнул дневник, поспешив спрятать его в матерчатую сумку, подаренную мне швеёй Вигуш.

Когда-нибудь и Соль узнает правду обо мне, но пока этот момент ещё не наступил, я могу лелеять наши общие воспоминания в надежде, что она не возненавидит меня и сможет назвать если не сестрой, то хотя бы братом. Я стану молиться об этом великодушным и добрым Предкам женщин, что хранили Светлый край. Даже рискнув остаться не услышанным, я всё равно не прерву свои молитвы.

— Васха! — позвал я.

Воительница обернулась перед самым выходом из таверны:

— Арчи?

— Спасибо, что позволила пойти вместе с вами и не лишила жизни.

Она улыбнулась, ободряюще похлопав меня по плечу. А я, сам не заметил, как улыбнулся в ответ.

Глава 6. Эхо разбитого сердца

В таверне «Развесёлая путница» пахло сыростью первого осеннего дождя, что пролился накануне вечером. Ставни в спальные комнаты были широко распахнуты, и я, сидя на табуретке, мог наблюдать за утренним копошением жительниц Перекрёстка. Они продолжали вести привычный образ жизни, не покушаясь на установленный распорядок. Лишь изредка кто-то выказывал внезапное раздражение или беспричинно замирал на месте, оглядываясь на северо-запад в сторону уничтоженной Ракушки.

До нас дошли вести об отправленных в море охваченных пламенем плотам с мёртвыми, наконец, обрётшими долгожданный покой. Жемчужина обо всем позаботилась. Растревоженная и напуганная Жемчужина, не спешившая предпринимать какие-либо действия. Хотя некоторые её жительницы в срочном порядке переселились на Безбрежные равнины, в основном обосновавшись в Мельнице, это поселение располагалась ближе остальных к морю, и, говаривали, что порой до него долетал солёный ветер.

Я, Новжа, Димбо, Малка, альбиноска по имени Снежка и, увязавшийся за мной Арчи которому было больше некуда податься, уже какое-то время пользовались безграничным гостеприимством владелицы таверны. Только мы и занимали здешние комнаты, остальные успели разъехаться по домам, чтобы поскорее разнести неутешительные вести о мёртвых родственницах, подругах и просто знакомых. Список со всеми именами, составленный посильным трудом Арчи, висел на доске объявлений. Обычно его быстро обходили, чтобы ненароком не испортить себе настроение.

Счастливые люди боялись несчастий, а несчастные опасались счастья. К такому заключению я пришёл, наблюдая за Арчи. Мрачно-задумчивое выражение редко покидало его лицо. Не умел он радоваться и вдруг обрётённой свободе, постоянно оглядываясь на меня, считывая моё расположение духа, а, удостоверившись, что не злюсь, почти незаметно для остальных расслаблялся. Однажды мне придётся что-то с этим сделать.

Но сейчас, наконец ощутив голод, я решил спуститься к завтраку.

— Я искренне интересуюсь, почему ты до сих пор не вернулась в Мельницу?! — громко спросила Димбо у Снежки, сидящей на противоположной стороне помещения таверны и неспешно намазывающей масло на чёрный хлеб овальным деревянным ножом.

Не снимающая соломенную шляпу даже в помещении, Снежка вздрогнула и посмотрела в сторону объездчицы:

— Мне там делать нечего, а здесь я могу пригодиться.

— Интересно для чего?

На этот вопрос Снежка не ответила, сосредоточившись на своём бутерброде. Я опустил напротив Димбо, чья поза выражала недоверчивость, смешанную со скукой.

— А почему ты ещё не вернулась к себе? — решил полюбопытствовать я.

— Я уже достаточно взывала к Предкам, пора и самой что-нибудь сделать. К тому же, мне нравится твой план.

— План? Ты о том, что я говорила на собрании.

Димбо кивнула, пристально разглядывая меня. Кажется, ей до сих пор не давало покоя моё хладнокровие в Ракушке, и она стремилась меня разгадать. Занимательно, жаль только невозможно. А если бы я собрался кому-нибудь рассказать правду, это бы лишь всё

усугубило, особенно теперь, когда образ врага чётко вырисовывался перед нами. Хотя я мог ошибаться и на этот счёт. Здешние женщины не были похожи на женщин из моего прежнего мира, значит, и мужчины могли оказаться далеки от моих привычных представлений. Я не спешил расспрашивать Арчи, предпочитая увидеть всё своими глазами. Да и не хотелось теревить его душевные раны понапрасну.

— Значит, Малка тоже за мой план? — я хлебнул кофейного напитка, чей гадкий вкус смягчали сахар и молоко, и откусил кусочек булочки, что успела принесли и поставить на стол владелица таверны.

— И ты не станешь причитать, что она ещё ребёнок? — ухмыльнулась Димбо.

Я улыбнулся в ответ, потому что с ранних лет играл сперва с игрушечным мечом, а с тринадцати тренировался с настоящим, пусть он и был для меня слишком тяжёл. Война — это то, к чему нужно привыкать с детства, иначе тебя просто сломает реальность. Но Димбо была не из слабых. Она видела искалеченные тела, но до сих пор могла ухмыляться, шутить и даже заигрывать со здешними девушками. Оказались бы все такими же стойкими.

— Думаю, я что-нибудь придумаю и для Малки, и для тебя.

Димбо нахмурила брови:

— Нам придётся убивать? И ты к такому готова?

— В какой-то момент ты поймёшь — иного пути просто нет.

Объездчица кивнула, отвернувшись, хотя мне показалось, что я не слишком её убедил. Но в самом начале одной лишь решимости вступить за тех, кто тебе важен и дорог, было вполне достаточно, а там посмотрим.

Закончив с завтраком, я вымыл скопившуюся в таверне посуду в качестве благодарности за постой и вышел прогуляться. Как раз вовремя, чтобы увидеть толпу детишек, бегущих следом за сбавляющей ход обменной повозкой, перевозившей не сырьё или продукты, а людей. Небо посерело от заполонивших его туч, и явление неизвестных было омрачено прохладной тенью. Но для них так даже лучше, судя по тёплым шерстяным кофтам, которыми оказались обтянуты груди, и кожаным сапогам на толстой шнуровке, едва ли пропускавшим воздух.

По очереди спрыгнув с телеги, они не помогали друг другу спуститься. Я почти не различал лиц, с каждым шагом приближаясь к неизвестным. Край металлического круга, инкрустированного самоцветами, торчал из мехового мешочка, сверкая на поясах у женщин. Оставалось совсем недалеко, как они вдруг отвернулись, и теперь я видел лишь удаляющиеся от меня затылки. Незнакомки торопились, и я понял, что мне всё равно их не нагнать. Наверное, не стоило быть таким любопытным.

— Васха! — окликнула Новжа, выскочившая из близлежащей лавки, и побежала мне навстречу как раз мимо незнакомок.

Резко остановившись, одна из них обернулась, а мои ноги одеревенели, пригвождённые к тому месту, на котором я замер. Грудь обожгло холодом, а лицо бросило в жар.

Тёмно-серые как небо в самую страшную грозу глаза осматривали меня с ног до головы. А затем, когда в их глубине замелькало узнавание, их владелица двинулась мне навстречу широкими уверенными шагами. Её волосы мало изменились, такие же прямые и пепельные длиной до мочек ушей, но теперь появилась идеально прямая чёлка, касающаяся тонких изогнутых бровей. Правильные черты на бледнокожем от природы лице, пухлая нижняя губа с соблазнительной вмятинкой посередине, хотя то, что она соблазнительная я понял только сейчас.

— Адигора, — с ноткой враждебности произнесла Новжа, заметившая мою первую, единственную и несчастную любовь.

Серые глаза лишь скользнули по старой знакомой, которую она, похоже, решила проигнорировать.

— Васха, — улыбнулась Адигора столь же очаровательно, как и всегда.

За семь минувших зим она превысила меня в росте на целые полторы головы, вытянулась и постройнела, обзавелась грудью. Я неловко улыбнулся:

— Какая встреча. После того, как ты с матерями уехала в Эхо, от вас не было ни слуху, ни духу...

— Я не думала, что стоит писать после всего, — загадочно ответила Адигора, намекая на моё пылкое признание, разбившееся о стену снисходительного равнодушия.

С Адигорой быстро поравнялись её сопровождающие. Такие же высокие, в вязаных кофтах, похожих на шерстяную кольчугу, и зауженных штанах из плотного тянущегося материала. Они встали по обе руки от Адигоры на расстоянии пары шагов и не вмешивались в беседу, просто осматриваясь по сторонам.

Но мне было не до них. Слишком трудно оказалось оторвать взгляд от Адигоры. Разве мог я представить, что до сих пор испытываю к ней какие-то чувства? Или, вероятней всего, я влюбился во второй раз в ту же женщину?

— Что привело тебя в Перекрёсток? — поинтересовался я. — Мне казалось, что жительницы гор не любят покидать свои края.

— Участница Собрания Девяти известила нас о случившемся и попросила убежища, — переходя на более формальный тон сообщила Адигора. — Это всерьёз обеспокоило старейшин, желающих узнать стоит ли нам ожидать нашествия переселенков, не приспособленных к суровым условиям жизни в горах, — снова приобрела нарочито дружелюбный вид. — А что насчёт тебя, Васха? Не думала я однажды увидеть тебя за пределами Быстроречья.

— Просто путешествую вместе с подругой.

Тут вперёд выступила Новжа, бывшая почти одного роста с Адигорой, и произнесла холодно, нажимая на каждое слово:

— Мы присутствовали на Собрании Девяти, а Васха лично ездила в Ракушку и привезла оттуда шпиона, присланного убийцами.

Адигора удивлённо вздёрнула брови и посмотрела в мою сторону долгим и задумчивым взглядом.

— Могу ли я взглянуть на этого шпиона? — с милой снисходительной улыбкой попросила она.

Новжа прикусила язык, слишком поздно она поняла, что сболтнула лишнего. А я заметил, что Адигора относилась ко мне по-прежнему, как к маленькой несмышлёной девчужке. Хотя она была старше лишь на одну зиму, все сверстницы равнялись на неё, восхищались и мечтали стать ей ровней. Я не был исключением из этого правила, разве что мне одному хватило глупости признаться в любви такой потрясающей девочке. А ныне потрясающей женщине.

Но я больше не девочка-подросток, которой легко вскружить голову, и не потерплю снисходительного отношения даже от Адигоры.

— Можно, но он находится под моей защитой, — откликнулся я, беря себя в руки.

— Защитой? — ещё больше удивилась Адигора.

— Никак от нас собралась этого сучёньша защищать, — процедила с жутковатой на вид усмешкой незнакомка, спустившаяся с гор.

Я перевёл на неё взгляд. Крепко сколоченная, с мускулистыми ногами и руками, она кривила губы, демонстрируя отсутствие верхнего переднего резца с левой стороны челюсти. Тёмные короткие волосы совсем спутались. Едва приметные брови и редкие ресницы терялись на фоне орлиного носа и становились совсем незаметными.

— Ты сказала сучёньша, — обратился я к незнакомке. — Значит и о мужчинах вас тоже уже известили.

Глаза женщины расширились, и усмешка её стала ещё шире.

— Стоит представить вас, — перетянула внимание на себя Адигора. — Васха, это мои соратницы: Падве и Ром.

Вторая, что и оказалась Ром, обернулась, услышав своё имя, и коротко кивнула. Крепкого телосложения с умиротворённым выражением лица, сидящей у пруда и кормящей рыбок, женщины, она разительно отличалась от той, которую называли Падве. Волосы цвета влажной почвы аккуратно зачёсаны на бок. А у её левого уха, оканчивающегося острым углом, полностью отсутствовала мочка.

И тут мой взгляд опустился на блестящие металлические круги, пристёгнутые к кожаным поясам «горных козочек». Острые лезвия скрыты меховым мешочком, так что и за оружие сразу не примешь, но, пусть я раньше подобного не встречал, нутром чуял о его истинном предназначении.

— Шпион, — поторопила меня Адигора мягко.

Не видя смысла в оттягивании неизбежного, я направился обратно в «Развесёлую путницу». Димбо там больше не завтракала, как и Снежка. Владелица таверны оставила табличку на столе «отошла за продуктами». И, словно на радость самым коварным из Предков, Арчи один-одинёшенька пристроился в самом тёмном углу и ковырял деревянной вилкой в омлете.

— Арчи! — окликнул я.

Он поднял голову и как-то весь съёжился, заметив трёх незнакомок. Неудивительно, дружелюбие по отношению к нему они проявлять не собирались.

— Почему он не связан? — поразила Адигора. — Почему получает неположенные ему блага, а не...

— Подыхает от жажды и голода, — закончила Падве, тяжело опускаясь на стул рядом с Арчи и впиваясь в него злобным взглядом.

— Согласна, что среди женщин ему не место, — поддержала подруг спокойная Ром.

— Он был рабом без права избирать собственную судьбу и лишь делал, что велят. С таким же успехом ты можешь винить во всех злодеяниях штуку, висящую у тебя на поясе, — заметил я веско.

Адигора мимолётным движением коснулась своего оружия.

— Мы — стражницы Эха, — пояснила она. — И себе подобным вреда не причиняем. Наша служба почётна и важна для выживания Эха.

Новжа демонстративно закатила глаза:

— Кто бы сомневалась? Разве восхитительная Адигора может заниматься чем-то постыдным?

Этот выпад тоже остался без внимания Адигоры. Она пересекла таверну и села напротив окаменевшего от напряжения Арчи. Но я поспешил встать у него за спиной,

положив руку на обтянутое гладкой тканью плечо. Под весом моей кисти Арчи немного расслабился.

— Чего хотят разорившие Ракушку мужчины? — прямо спросила Адигора, сделавшая вид, что не заметила моего участия в судьбе потенциального врага.

— Безграничной власти и новых рабов, я полагаю, — ответил Арчи как всегда отрешённо, когда речь заходила об Империи.

Адигора посмотрела на меня:

— Вы так легко доверились, а ведь он может до сих пор шпионить, лишь играя роль сломленного человека.

— Не заблуждайся, думая, что мне это не приходило в голову, — ответил я жёстче, чем хотел. — Он не шпион, больше нет. А, знаешь, почему? У нас нет армий, о которых можно рассказывать. Только стражницы Эха, отсиживающиеся в горах, пока нам здесь приходится разгребать горы трупов и думать, что делать со всем этим дальше.

В таверне повисла до предела натянутая, как тетива лука, тишина, разорванная острым лезвием неизвестного мне оружия, воткнувшегося в до этого безупречный стол.

— А, ну, повтори, что ты там вякнула? — Падве покраснела от негодования. — Вы, изнеженные лесные цветочки, полевые мышки и радужные рыбки ни хрена не знаете о настоящих испытаниях и бессмысленных утратах. Прыгаете себе с белочками и лошадками и думаете, будто всё знаете о жизни, — она смачно плюнула на пол. — Может статься, вы получили то, что заслужили.

— Хватит, Падве, — холодно оборвала её Адигора.

Падве вытащила лезвие из столешницы и отошла к стойке, выискивая чем бы промочить глотку.

— Думаю, Новжа, тебе пора записывать прозвища, которые нам всем дают, — заметил я саркастично.

Подруга тактично сдержала усмешку.

— И что же ты собралась со всем этим делать, Васха? — теперь Адигора обращалась исключительно ко мне.

— Собрать отряд, построить лодку и отправится на другой берег Несмолкающего моря за пленницами.

— Смелый план, — невольно восхитилась Ром, уютно устроившаяся у раскрытого окна с флягой в руке.

— Безрассудный и глупый для тех, кто понятия не имеет о настоящих сражениях, — ответила на замечание своей подруги Адигора.

— Васха умеет сражаться! — страстно возразила Новжа. — Она победила медведя, напавшего на Быстроречье. И если бы не она погибла бы девочка, погибли бы многие от лап разъярённого зверя.

Адигора откинулась на спинку стула, положив ладонь на столешницу:

— Васха, которую я запомнила, не справилась бы и с крысой, утаскивающей запасы на зиму из дырявых мешков, не то что с бешеным медведем. Ты же презирала насилие.

— Зато ты совсем не изменилась, Адигора, — отозвался я.

— Ничего у них не получится, — сказала Падве, залпом осушила кружку и с громким стуком поставила её на стойку, вытерев губы тыльной стороной ладони. — Идёмте, пусть детишки играют, коль им делать больше не хрен.

Ром встала, тем самым выражая солидарность с подругой. Адигора сделала то же самое,

бросив напоследок взгляд на потерянного Арчи, обратилась ко мне со словами:

— Было приятно снова встретиться, Васха, — и удалилась, не дожидаясь моих прощальных слов, что комом застряли в горле.

Стражницы Эха ушли по своим лишь им известным делам, не оставив нам ничего кроме презрения. А я так и не узнал, как называлось оружие, что они носили на поясах, и против кого оно использовалось. Ощущал себя использованной тряпкой, о которую вытерли испачканные в дерьме руки. Но, несмотря на неприятность ситуации, не мог избавиться от чувства, вдруг вновь вспыхнувшего в сердце. Такое сладкое и мучительное, оно заставляло любить девушку, смотрящую на меня свысока во всех возможных смыслах и обращающуюся со мной как с несмышлёным ребёнком. Рассердившись, я ударил крепко сжатым кулаком стол. Арчи вскочил.

— Прости, — искренне извинился я, чувствуя себя последним дураком.

— Снова эта Адигора, — процедила Новжа сквозь зубы. — Минуло семь зим, а она стала ещё напыщенней и невыносимей. Вот бы и сидела среди своих горных вершин и стригла овец, или чем они там ещё занимаются?

Я представил, как Адигора стрижёт овец с этим своим хладнокровным выражением на лице, и расхохотался. Моя внезапная громкая весёлость привлекла внимание Малки, спустившейся вниз из спален. Она вопросительно взглянула на Новжу, лишь недоуменно пожавшую плечами.

— Всё, — я залпом глотнул воздуха и тряхнул головой. — Мне надоело ждать. Пойду и проверю готовы мои доспехи или нет.

— Опять? — вздохнула Новжа.

— Доспехи, — озадаченно пробормотала Малка.

Мне хотелось поскорее стереть отпечаток, оставшийся на сердце от неожиданной встречи. Хоть я и ежедневно заходил в кузню с тех пор как Собрание Девяти исчерпало себя, но каждый раз получал один ответ от сонной приёмщицы заказов «не готово ещё». Возможно я слишком много требовал от мастериц, прежде не сталкивающихся с такого рода заказами. И медленно впадал в уныние, не рассчитывая получить желаемое и к концу едва начавшейся осени.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В этот раз девушка, сидящая у входа в кузницу, и выглядывающая в крохотное по своим размерам окошко, снова читала с полуприкрытыми веками, из-за чего казалось, что она дремлет. Не будь она столь юной, непременно бы принял за уставшую от жизни старуху. Но её, похоже, такое времяпрепровождение вполне устраивало. Заметив меня, приёмщица неторопливо оторвалась от книги, вложив тонкий металлический брусок, служивший ей закладкой, между страницами.

— Снова ты, — это прозвучало как начало беседы с назойливой мухой, если бы кому-то вообще пришло в голову говорить с мухой. — Заказ обменяли, можешь сюда больше не приходиться.

— В каком смысле обменяли?

— Как я сказала, так и есть, что непонятного? — она посмотрела на меня как на конченную дуру.

— И кто его забрал?

— Мастерская Сахар, — сообщив мне всё, что была должна, девушка неторопливо вернулась к чтению.

Я оторопел, мигом припомнив удар рукой-дубиной по моей кисти, синяк, оставшийся после этого, до сих пор полностью не сошёл, удивительно, что пальцы остались целы. Хотел я спросить, где именно располагалась мастерская Сахар, но приёмщица заказов выглядела такой сосредоточенной и погружённой в чтение, словно сидела так уже не меньше века. Пнув сухой пучок пожухшей от недостатка влаги травы, я пошёл дальше по улице.

Здесь девочки лет десяти играли в догонялки, и одна чуть не сбила меня с ног, лбом ударившись о бок. Я пошатнулся, всё-таки устояв, а бегунье на глаза попался Велимир. Она указала на него пальчиком и задрала голову, обращаясь ко мне:

— Это что? Трость? А если трость, почему ты носишь её на боку? А почему она плоская?

Я вспомнил подражавшего мне ребёнка в Быстроречье и оглядел детей с высоты своего относительно небольшого роста. Что я мог им сказать? Что рассказали им родители о случившемся в Ракушке? Если они не будут готовы к грядущим несчастьям, то вина за это падёт на взрослых, что оказались слишком трусливы, чтобы посмотреть правде в глаза. С металлическим лязгом я вынул Велимир из ножен, демонстрируя блестящую сталь переставшим играть и сосредоточившим всё внимание на странной вещице девочкам.

— Острый и смертоносный он предназначен защищать всех нас от внешних врагов, — объяснил я и не успел заметить, как одна из девочек неосторожно коснулась пальцем лезвия, из свежей ранки закапала кровь.

Но ребёнок и не думал плакать. Она зачарованно смотрела на алую жидкость, лизнула палец и широко улыбнулась:

— Солёная, совсем как море, — сказав это, пустилась со всех ног дальше по улице, а её маленькие подруги побежали следом.

Убрав Велимир, я вспомнил, что забыл спросить у них, где находилась мастерская Сахар, но всё-таки остался доволен. Ещё было не всё потеряно, в этих детях сидел крепкий дух, следовало лишь дать ему верное направление прежде чем он размякнет, отобрав волю к борьбе за жизнь.

Я прошагал ещё некоторое время, высматривая у кого бы спросить дорогу, но в этот пасмурный день улицы оказались практически пусты. Однако вскоре мастерская Сахар обнаружила сама себя, когда я наткнулся на полосатую рыжую кошку с отказавшими задними лапами, которой их заменяли два колеса, прикрепленные замысловатым механизмом к туловищу. Кошка громко мяукала, словно оповещая о своём присутствии и переходя мне дорогу. Она быстро исчезла за поворотом. Из любопытства направившись следом, я набрёл на тупик с обесцветившейся надписью «Сахар» на криво приколоченной дощечке. Широко открытая дверь гостеприимно приглашала внутрь, и я просто переступил порог.

С первого взгляда оказалось ясно, что здесь правил хаос. Стеклянные сосуды, наполненные разноцветной жидкостью, заполнили собой полки, на огне бурлил тяжёлый котёл, распространявший по помещению вязкий, вонючий запах, которому я не смог бы даже подобрать описание. На полу валялись части каких-то разобранных предметов и просто вещи вроде медного, перевёрнутого на бок, слава Предкам, пустого ночного горшка. Столы ломились от стопок и стопок записей и чертежей с заметками, написанными очень корявым и неразборчивым почерком.

Через лабиринт мусора и проследовала кошка, хорошо знакомая со здешним порядком. Она и привела меня в соседнюю комнату, гораздо меньшего размера, доверху заполненную

полочками с разного рода приборами неизвестного мне назначения, некоторые из них попискивали и тикали. В одном, выполненном из стекла, абсолютно точно сыпался мельчайший песок, а в следующем я увидел собственное отражение, увеличенное в три раза.

За письменным столом восседала сама Сахар, расставшаяся с капюшоном. Её лысую голову обхватывал обруч с прикрепленными к нему стёклышками множественных цветов и размеров. Сквозь два из этих стёклышек, прозрачных как вода и опущенных вниз, она смотрела.

Обойдя стол и приблизившись к ногам своей хозяйки, кошка громко и протяжно замыкала, привлекая к себе внимание.

— Лапка, — улыбнулась изобретательница, отрываясь от записей, которые вела, и нагнулась, подняв кошку с пола, усадила её на стол, почесав за ушком. Кошка поморщилась от удовольствия и замурчала.

Я кашлянул:

— Не хочу нарушать идиллию, но мне сказали, что ты обменяла заказ. Как это понимать?

— О, наша храбрая душа, — посмотрела на меня Сахар, стёклышки вдвое увеличивали её тёмные глаза. — Я слышала о броне, которую куют в местной кузнице и захотела взглянуть. А, взглянув, поняла, что никто лучше меня не выполнит этот заказ.

— Это ещё почему?

— Потому что только мой сверх лёгкий и крепкий сплав сможет обеспечить тебя удобными и в то же время надёжными доспехами, если, конечно, ты всерьёз намерена одержать победу над врагом во много тебя превосходящим.

— А ты уверена в себе, — я недоверчиво прищурился.

Сахар только шире улыбнулась. Всё-таки не все участницы Собрания Девяти спасовали перед трудностями, спрятавшись в кусты. Я был рад, что ошибся в них.

— И когда будет готово?

— Я только взялась, но успею управиться, пока ты будешь тренировать свой отряд. Я и им броню приготовлю.

— Ты и правда веришь в наши усилия?

— Да, — подтвердила Сахар. — Я и правда в них верю. А теперь, с твоего позволения, мне нужно вернуться к работе.

Я покидал непонятную мастерскую изобретательницы в приподнятом настроении, от прежнего гнева и чувства несправедливости не осталось и следа. Всё это время я убеждал себя, что чужое отношение к моим поступкам не так уж и важно, если то, что делаю, правильно, однако было приятно получить поддержку, а не столкнуться с очередной стеной скепсиса и отчуждения.

Когда воротился в таверну, она была полна народу, многие пришли отведать местного злакового супчика. Хозяйка таверны, уроженка Мельницы, очень вкусно его готовила. Но обнаружил я не довольные сытые лица, а смущение, вызванное Арчи, внезапно упавшим на колени перед Малкой и без остановки просящего у неё прощения. Беспечному мне стоило разобраться с парнем ещё раньше, чтобы до такого не доводить.

Поспешив к Арчи, я обхватил его тонкие, даже костлявые плечи, и поднял на ноги:

— Ты ни в чём не виноват, Арчи. И тебе не за что просить прощения.

Я определённо верил произносимым словам, пусть это и было поперёк горло Малке, посмотревшей на меня с осуждением. Но она ещё многое не ведала о мире, многое из того,

что ей лишь предстояло увидеть и услышать, хотела она того или нет. Пока, сдавшись в этой безмолвной борьбе, Малка отвела свой взгляд, я заметил открытую на столе тетрадь. Ни единой знакомой буквы или просто закорючки. Это был язык мужчин? И Арчи писал на нём. Вот бы понять смысл. Чужая душа содержала много секретов, мне ли не знать.

— Тебе предстоит научить нас говорить и читать на этом языке, — заметил я веско.

— Как скажешь, — отозвался Арчи, и не собираясь спорить. Порой я задумывался о том, что он слишком покорен.

Выпросив у хозяйки таверны всю вяленую конину, что у неё имелась в наличии, я заполнил карманы сумки. Женщина хорошо к нам отнеслась, потому что именно мы с Димбо ездили в Ракушку. Хоть кто-то это ценил.

Новжа помахала мне снаружи здания, заглядывая в открытое окно. Я кивнул, повернувшись к Димбо и остальным:

— Пора выдвигаться. Путь предстоит неблизкий.

Все встали, попрощавшись с хозяйкой, поблагодарили её за терпение и гостеприимство. Отставший Арчи окликнул меня у самого выхода:

— Васха!

Остановившись, я обернулся.

— Арчи?

— Спасибо, что позволила пойти вместе с вами и не лишила жизни.

Улыбнувшись, я ободряюще похлопал его по плечу. И каково было моё удивление, когда этот мрачный бывший раб вдруг улыбнулся в ответ.

— Я договорилась с той, кто нас повезёт, — сообщила Димбо, пока мы топали по направлению к конюшням. — Точнее, вас повезёт, я-то оседлаю Золотку.

Мы с Новжей переглянулись, разделив наши одинаковые опасения относительно возможных знакомых Димбо.

— Зачем возвращаться в лесной город? — удивлялась Малка, ни на мгновение не расстававшаяся с серьёзностью на столь юном лице.

— Вам нужно оружие, а лишь там нам его выкуют, — ответил я. — Имеется должок за одной подмастерьей.

Приблизившись к перевозочной, где некоторые обменщицы хранили свои телеги, я оказался посреди облачка серого дыма и сразу же закашлялся, размахивая ладонью перед лицом. В очистившемся воздухе разглядел морщинистое, но ещё такое свежее лицо обменщицы Вралеты.

Димбо подошла к ней и обняла за плечи.

— Вы знакомы? — поразилась Новжа.

— Вралета моя любовница, если быть честной, — улыбнулась объездчица.

Челюсть Новжи отвисла, Малка выглядела ошеломлённой, и лишь Арчи данная новость совсем не поразила. Я же пытался привести в порядок вдруг спутавшиеся мысли. Димбо рассмеялась, хлопая ладонью по коленке:

— Видели бы вы сейчас свои физиономии! Она мне тётка, можете так не бледнеть.

— Единственная тётка, хочу заметить, — прибавила Вралета скрипучим, как несмазанные колёса телеги, голосом, вынимая трубку изо рта. — Буду рада поучаствовать в вашей аванюре. А то я уж думала, что на моём веку ничего интересного больше и не приключится.

Позади обменщицы уже волновались Дымок и Сигарка, нетерпеливо притаптывающие

копытами землю.

— Запрыгивайте, детки, — пригласила Вралета, занимая своё почётное место спереди.

— Однажды я тоже буду объезжать лошадей, можно мне сесть рядом с тобой? — попросила Малка.

Вралета великодушно кивнула. Теперь без башен из сыра и бочек с сидром сидеть сзади оказалось гораздо комфортней, хоть и приходилось делить место с Арчи, пристроившемся на моей стороне.

Оседлав рыжую кудрявую Золотку, Димбо поскакала впереди, направляя наш путь. От резкого рывка её шляпа, держащаяся на скрученной бечёвке, упала на спину. И пока неизменно покачивающаяся на ходу телега покидала Перекрёсток, я всё силился разглядеть серебристый блеск волос и прямой сильный взгляд Адигоры, почти не веря, что повстречаюсь с ней когда-нибудь вновь.

Глава 7. Ритуальная песнь

На лезвии меча таяли последние солнечные лучи, предвещая скорый закат. Новжа вместе с Димбо и Малкой отправились на поиски хвороста для костра. Мы проехали достаточно, и на пути стали появляться редкие деревья и колючие кустарники в ночи похожие на зловещие кошмары, только и ждущие, когда мы заснём, чтобы утащить в свои тёмные логова и пожрать наши души.

Арчи остался вместе со мной и Вралетой, что пускала дымные колечки, так напоминающие крохотные облачка, в небеса. Она кормила лошадей сеном, а Арчи готовился накормить нас. Тонкие, но умелые руки чистили морковь и картошку для овощной похлёбки, что ожидала нас на ужин. Принцип не охотиться был не жизнеспособен вне поселения или города, полного питья и снеди, но на засушливых территориях Безбрежных равнин трудно отыскать добычу, а без лука поймать кого-то сносного вообще невозможно, не бегать же мне за ними с мечом. Хотя Малка пыталась ставить ловушки на ночь. Но то ли выходили они у неё прескверно, то ли кролики здесь водились очень хитрые, но уже в который раз из наших запасов понапрасну исчезала морковь, хотя кролики, конечно, были иного мнения.

— До сих пор не понимаю, где ты научилась орудовать мечом, — подал голос Арчи, обхватывая вымазанную в земле картофелину. — Держать оружие столь уверенно и ровно, словно всю жизнь держала.

— Поверишь ли, если скажу, что однажды мне приснился сон. И в этом сне я была не я, а кем-то другим. Возможно мужчиной, бьющимся на поле боя со страшным врагом ради защиты родины, чести и славы. благородным воином, служащим своему народу. И сон тот был столь явственен, что, пробудившись, я не смогла ничего из него позабыть. Он стал частью меня.

— Ты сказала благородным, служащим своему народу, — Арчи поднял голову, взглянув своим пронизательным и печальным взглядом. — В таком случае ты точно не была мужчиной.

Он вернулся к чистке картошки, а я тяжело вздохнул. Глупо было бы переубеждать его, да и мои собственные мысли оказывалось невозможно распутать. Сон... Может и вправду всего лишь сон. И я всё никак не могу от него отделаться и играю со шпуккой, которую зову Велимиром, строю какие-то планы, всерьёз веря, будто у меня всё получится. Слова Адигоры должны были отрезвить, но нет, и она оказалась не в силах остановить бурю, нарастающую в груди и требующую выхода.

— Ты когда-нибудь держал в руках меч? — обратился я к Арчи.

— Однажды у меня был хозяин, что любил играть со мной в тренировки. Он давал свой меч и учил им пользоваться. Находил это забавным.

— Странные забавы, — я нахмурился. — И он даже не опасался быть убитым тобой?

— Едва ли. За убийство хозяина варят заживо, а потом отдают на съедение собакам, — снова совершенно будничным бесстрастным тоном при упоминании о чём-то чудовищном. — Но я не забыл этих уроков.

— В таком случае... — я протянул Велимир.

Арчи сперва замешкался, но затем отставил картошку, тщательно вытерев руки о полотенце, и аккуратно взял меч, крепко обхватив рукоять. Выпрямившись, он глубоко

вдохнул и рывком поднял Велимир, зашатавшись, с трудом стоял на ногах. Кисти согнулись под тяжестью металла.

— Тот меч был в два раза легче и меньше размером, — Арчи зажмурился.

— Я и не ждала, что ты его удержишь. Это было бы удивительно, — забрав Велимир, я спрятал его в ножны. — Но твоё упорство действительно впечатляет.

Арчи робко улыбнулся и продолжил нарезать овощи в котелок. Улыбки точно давались ему нелегко, словно он опасался быть побитым за каждую из них.

За вечерним костром царило оживление. А я всё никак не мог привыкнуть к мысли, что все эти люди держали путь в Быстроречье из-за моих слов. За которые мне и придётся ответить, если ничего не сложится. Опасался ли я? Наверное, я был слишком слеп в своей решимости, чтобы опасаться.

— Я поставила ловушку, использовав в этот раз больше моркови, — сообщила Малка, с аппетитом поглощавшая похлёбку.

— Думаешь, кролик так отъестся, что решит отдохнуть прямо в ней до самого утра, пока не явишься ты, — усмехнулась Вралета, весело прищурился один глаз.

Малка ничего на это не ответила, только надула щёки, отвернувшись с костру. Взяв несколько принесённых сухих веток и парочку свежих, что были отсечены от ближайшего куста моими усилиями, Новжа подбросила их в костёр.

— Такая ясная ночь, — заметила Димбо, привалившись к громадному валуну и скосившая шляпу почти на самый нос. Что-то, а расслабляться объездчица умела как никто.

Арчи повернулся к Новже и спросил прямо:

— А вы с Васхой вместе?

Подруга даже поперхнулась, мне пришлось похлопать её по спине.

— С чего ты взял? — поразилась Новжа, запивая еду большими глотками воды из фляги. — Мы с самого детства дружим.

На лице Арчи появилась глубокая озадаченность.

— Всегда съешь нос в чужие дела? — жёстко поинтересовалась Малка у парня.

— Я просто подумал... То есть, будь Васха мужчиной у неё бы точно кто-нибудь был. Я уверен в этом. А вы всегда вместе.

Я невольно смутился, опустив взгляд в миску. Морковь стала какой-то слишком сладкой. Димбо рассмеялась.

— Если говорить о парах, то я всё думала, как у мужчин дела обстоят с зачатием и родами, — проговорила объездчица, сняв шляпу и выпрямившись.

— О, — Арчи выглядел несколько озадаченным. — Я точно не могу сказать.

— Почему? — поинтересовался я, так как и самому стала крайне любопытна обсуждаемая тема.

— Когда приходит срок, мужчины уходят к Источнику Жизни, а возвращаются обратно уже с младенцем на руках. Мне не доводилось бывать у Источника и потому не знаю, что именно он собой представляет.

Присутствующие выглядели огорошенными и недоуменно переглядывались. Никто и слыхом не слыхивал о подобном неестественном способе делать детей.

— А давайте проверим, есть ли у него пупок? — предложила Малка скорее назло, нежели из любознательности.

— Не за чем, — поспешно заметил я, скуксившись. — Он на положенном ему месте.

— Внезапно ты утратила интерес к его телу, — усмехнулась Димбо.

Мне оказалось нечего на это возразить. А Арчи уже встал и поднял рубашку, чуть припустив штаны, демонстрировал всем, кто был готов смотреть, свой идеально плоский живот. Я отвернулся, вдруг ощутив стыд за сцену на Собрании Девяти, за которую так и не извинился, хотя не был уверен, что был обязан.

— Вот он пупок, но как же тогда... — проямлила Димбо.

По присутствующим поползли невидимые мурашки. Я задумался. Источник Жизни должен был походить на женскую утробу, раз уж наделял младенцев пупком. Но это единственный вывод, к которому удалось прийти. Судя по лицам, остальные подумали о том же самом, несколько встревожившись.

Скрыв части своего тела и вернувшись на место, Арчи ловко сменил тему, обратившись к Новже:

— А кто была та, что ты назвала Адигорой? Вы знакомы?

— Это слишком щепетильная тема для разговора.

— Почему ещё? — всполошилась Димбо, расслабившая от натужных раздумий лоб. — Теперь я точно хочу знать.

Подруга посмотрела на меня вопросительно, я как можно небрежней пожал плечами, не хотел показывать, будто меня всё это действительно волновало. А если хранить тайны, то непременно надумают невесть что. Я встал, решив проверить лошадей, хотя раньше никогда этого не делал. Вралета бросила в мою сторону удивлённый взгляд, но не стала останавливать.

Я ласково гладил гриву Дымка и глядел в глубокие серебристые глаза, чётко различая разговоры, доносящиеся со стороны костра. Слишком тиха была эта ночь.

— Адигора — первая любовь Васхи, — сообщила Новжа жадно внимающей публике.

Малка подалась вперёд, чтобы лучше слышать, а Димбо ухмылялась во весь рот, пока её тётя в очередной раз набивала трубку. Только Арчи не сменил повседневную маску самообладания.

— Но это ужасно грустная история, — продолжала Новжа.

— О разбитом сердце, я так думаю? — предположила Димбо.

— Адигора — ужасный человек. Люди должны быть добрее с теми, кто им безразличен. Васха пришла к ней с широко открытым сердцем, а она, она... — подруга от негодования сжала кулаки.

— Она? — вторила сгорающая от нетерпения Малка.

Тяжкий вздох, а затем:

— Сказала, что Васха слишком ребёнок и до сих пор играет в детские игры, в то время как она, Адигора, ставит перед собой взрослые цели и стремится к ним. Ей, конечно, приятная такая наивная и чистая детская влюблённость Васхи, но со временем это пройдёт. И, наверняка, это и не влюблённость вовсе, а обычное восхищение кем-то тебя превосходящим.

Над костром повисло молчание. А я вперил мрачный взгляд в землю, повиснув на шее Дымка.

— Вот же сучка, — вырвалось у Димбо.

Малка прикрыла рот рукой, словно удерживая в нём ругательства.

— Адигора была таким же ребёнком как Васха, — заметила Новжа ровно. — Хотя для своего возраста она была достаточно заносчива, взрослые часто говорили ей не торопиться и беречь отпущенные зимы для радостей детства. Но Адигора, как мне кажется, считала этих

женщин глупыми и недалёкими. Она всегда из кожи вон лезла, чтобы получить одобрение тогдашней нашей хранительницы, второй матери Васхи. Хранительница поощряла в Адигоре такое поведение.

— У неё три дочери, а она возилась с чужой, — Вралета кашлянула, неодобрительно покачав головой.

— В свои тринадцать зим Васха ещё не переехала в дом хранительниц и жила с первой матерью, — объяснила Новжа. — Мы были соседками, так и сдружились.

Наконец найдя в себе силы, я вернулся к костру и оставил Дымка, которого тянуло в сон, в покое.

— Мою вторую мать отличали необычные устремления, — занял место рядом с Арчи. — Но она не могла реализовать их в Быстроречье и потому оставила город. Хранительница никогда не тратила силы на моё воспитание и порой пугала имя, звала Восхой, а не Васхой.

— Зачем тогда ей было нужно столько дочерей? — удивилась Малка.

— Думаю, она верила, что от неё должна родиться особенная девочка и пыталась раз за разом, соблазняя для этой цели различных по своим качествам женщин, но в итоге нашла отдушину в Адигоре. Ни одна из моих старших сестёр не находилась у неё на особом счету. Но первая мать средней умерла во время родов, а первая мать самой старшей просто оставила её в Быстроречье, так ни разу и не навестив. Лишь я выросла в любви, может потому они относятся ко мне со скрытой неприязнью.

— Кажется холодный ветер подул, — Димбо поёжилась.

— Осень, — отметила Малка, ковыряя палкой в тлеющем костре.

Остальную часть вечера мы провели в молчании, смешанном с редким невразумительным бурчанием женщин и тяжёлым дыханием дремлющих лошадей. Мало-помалу все отходили ко сну. Но я долго не мог сомкнуть глаз, снова и снова возвращаясь к горькому воспоминанию детства. Моим ли оно было? Ноющее в груди сердце служило красноречивым ответом на этот вопрос.

Когда до Быстроречья оставалось уже рукой подать, а я мысленно рисовал рокот реки возле которой вырос, далёкие огни сияли словно Предки, хранящие наш путь. Фонари зажгли раньше обычного. Опавшие золотисто-красные листья шуршали под копытами лошадей. Димбо всё вертела головой по сторонам, но высматривая не людей, а деревья.

— Я, конечно, знала, что их тут полным-полном, но это уже перебор, — сетовала она, неприятно осознавшая, что теперь ей придётся перейти на пеший ход.

— В городе мощёная дорога, — сказала Новжа, спрыгивая с телеги, чтобы дойти оставшийся отрезок пути своими ногами.

— Но для скачек не годится, — заметил я.

Димбо обессиленно повисла на Золотке, изображая крайнюю степень уныния. Чем ближе мы становились, тем явственнее слышался гомон и музыка, доносящиеся из-за той стороны реки.

— Что происходит? — подал голос встревожившийся Арчи.

— Ничего особенного, — ответила Новжа, прибавляя ход, она уже поравнялась с Дымком. — Просто праздник в честь начала осени. Мы зовём его Воспением Предков, тех, что основали этот город и все эти зимы хранили и продолжают хранить нас.

Забравшись на обменный мост, колёса телеги аккуратно перевалились. Я рассеянно рассматривал растрёпанный конец косы Новжи. Она уже тихонько подпевала песне, которую слышала явственней остальных.

Мы вернулись в Быстроречье, удивиться ли кто-нибудь внезапному приезду, будут ли рады? Так странно возвращаться домой, хоть мы и отсутствовали совсем недолго, но месяц бы и за год сошёл.

— Похоже, местных мало волнует трагедия в Ракушке, — осуждающе изрекла Малка, глядя на оставшуюся позади просёлочную дорогу.

А Вралета уже натягивала поводья. Дымок и Сигарка остановились, громко заржав. Я спрыгнул первым и подал руку Арчи, чтобы помочь спуститься. Он благодарно за неё взялся, коснувшись стопами мощёной дороги. Малка спрыгнула самостоятельно, едва не приземлившись на четвереньки, но быстро оправилась, выпрямившись.

Над головами сияли огни, заключённые в клетки фонарных столбов. Дома стояли украшенные осенними цветами и разноцветными кленовыми листьями, с оконных рам свисали кроваво-красные ягоды рябины. По улицам бегали дети в самодельных костюмах из осенних листьев. Тут и там стояли бочки до краёв наполненные наливными яблоками.

Малка и Арчи невольно засмотрелись по сторонам.

— Здесь гораздо цивилизованней, чем я ожидал, — заметил парень, убирая за ухо выбившуюся прядь волос.

Я не совсем понял, что он имел ввиду.

Оставив позади Вралету и Димбо, задержавшихся с лошадьми, мы вышли на главную городскую площадь. Большинство народа скопилось именно здесь. Ритмично били барабаны, пронзительно и мелодично звенела скрипка в руках увлечённой музыкантши. Растолкав нескольких подростков, я выделил место для Малки и Арчи. Наши головы наполнила вакханалия из звуков, цветов и замысловатых движений. Этому было невозможно не поддаться.

В центре расчищенного круга четверо девушек изгибали тела в наполненном жгучей страстью танце. Шаг влево, шаг право... Вот они положили руки друг другу на плечи и зашевелили ногами, подражая гусенице. А вот уже поскакали как лошади, вдруг вставшие на дыбы. В оранжевом тёплом отблеске пламени они казались существами, выпавшим из сказок и кружились в вихре, затягивая зрительниц в свой небывалый мир. Окрашивали звонкими голосами каждое движение своих молодых тел, пели, хватая губами воздух:

«О взаимности молю Предков,

Чтобы ты желала меня.

Зу-зу-зу, зу-зу-зу!

Стрекозы жужжат по утрам.

Сегодня я нарушу твой покой,

Прикоснись, коснись же меня.

Построим будущее вместе,

Вот моя рука.

Стрекозы жужжат по утрам.

Зу-зу-зу, зу-зу-зу!

Ничто не разлучит нас...»

Заводная мелодия понуждала зрительниц пританцовывать.

— Стрекозы жужжат по утрам, — начала подпевать Малка себе под нос.

С небывалым усилием оторвавшись от зрелища, я стал высматривать Новжу. Опередив всех, она быстро исчезла из моего поля зрения. И куда только могла подеваться?

— Если что ищите меня возле самого крупного каменного здания в городе, — сказал я Арчи на ухо сквозь весь этот шум и сам поспешил к дому хранительниц.

Ещё издалека заметил Свебелу что-то оживлённо обсуждавшую с моей лучшей подругой. Завидев меня, сестра улыбнулась чуть шире обычного, но не торопилась лезть с родственными объятиями.

— Что происходит? — поинтересовался я, удивившись неожиданным ноткам раздражения в своём голосе.

Новжа было открыла рот, но Свебела её опередила.

— За столько времени не написала родным сёстрам ни строчки, все новости мы узнавали из писем Новжи. А ещё зовёшь себя третьей хранительницей, Васха, — её слова звучали с не слишком убедительным укором, и я понял, зачем она вообще мне их говорила.

— Вы знали о Ракушке, но всё равно устроили праздник.

— Почтим память Предков, и может они уберегут наш город от беды, — это звучало как формальная и чужая фраза, больше подходившая старшей садовнице, нежели скептически настроенной по отношению к вере Свебеле.

Я перевёл взгляд на Новжу:

— Значит, ты отчитывалась моим сёстрам, а мне ничего об этом не сказала.

Подруга растерянно опустила глаза.

— И что же ты задумала, Васха? — снова переманила всё внимание на себя Свебела.

— Увидишь, — лаконично отозвался я. — Но мне понадобится несколько комнат. В нашем доме они имеются. И тебе больше не придётся заставлять своих учениц нам готовить, наши новые гости этим займутся, чтобы меньше обременять вас с Айей своим присутствием.

— Я никого не заставляла, они делали это в благодарность за обучение.

— Всё равно, — я пожал плечами. — Расположи троих гостей, когда подойдут, пожалуйста. И с Воспением Предков тебя, Свебела.

— С Воспением, Васха, — без благоговейной приподнятости или малейшего намёка на радость в голосе повторила сестра.

Она не выглядела слишком довольной тем, что я, едва заявившись, раздаю приказы, но это почти не отразилось на её вечно благодушном лице. Только гневные искорки загорелись в глубине голубых глаз. Наверное, позже мне придётся ответить за такое бесцеремонное поведение, уж Свебела об этом позаботится.

Я отвернулся, зашагав в сторону Сада Предков. Новжа увязалась следом.

— Мне и в голову не приходило, что мои письма Свебеле тебя заденут, — поспешила извиниться она. — Просто я подумала, что хранительницы должны знать о случившемся в Ракушке и наших действиях.

— Конечно, — я пересёк границу Сада. — Просто надо было сказать мне. Вот и всё.

— Ты права, — расстроено пробормотала Новжа. — Не понимаю, почему не сказала.

— Может тебе нравится Свебела?

— С чего бы? — едва слышно отозвалась подруга, похоже, она и правда чувствовала себя очень виноватой.

Я остановился рядом с молодой вишней и положил ладонь на твёрдую, шершавую кору, зажмурившись. «Моя первая мать, охрани от всех бед и помоги сломить преграды», — я молился, предаваясь невольным воспоминаниям о нежных материнских поцелуях, сладковатом молочном запахе её груди, крепких и тёплых объятиях, согревающих в зимнюю

пору.

— А тебе не стоит поспешить к своим матерям? — обратился я к Новже, открыв глаза и обнаружив её стоящую неподалёку. — Встретимся позже на нашем месте и всё обсудим.

Она кивнула и поторопилась прочь из Сада Предков. Я понял, что был к ней слишком суров. Не вина Новжи, что я так мало доверял своим сёстрам и считал их родными лишь по крови. Чем дольше я отсутствовал, тем явственней это ощущалось. Вдали от звания третьей хранительницы не приходилось играть роль послушной младшенькой и удалось побыть самим собой.

Опустившись на землю, под которой и была похоронена моя первая мать, я погрузил пальцы в сыроватую от влаги почву. И так и сидел, неотрывно уставившись на пожухшие листочки молодого деревца, пока из ночи, громко ухнув, не вынырнула сова и не вернула меня обратно в реальность.

Наше с Новжей место располагалось в самой глубине Сада Древних среди забытых садовницами деревьев. Они почти не плодоносили, и потому за ними никто не ухаживал, поросли плющом и колючим кустарником. Три старых скрюченных фруктовых дерева, чьи кроны застилали небо, и розовый куст столь же неуместный как Арчи среди нашего народа. Он цвёл жёлтыми бутонами. Мы с Новжей соорудили скамейку из отломанных ветром веток и растянули тканевое полотно, разукрашенное моими первыми несуразными эскизами, между стволами. С нижних ветвей деревьев тоже свисали разноцветные куски ткани уже почти обесцветившиеся от времени, солнца и дождей.

Ступив под высокие и спутанные кроны, я не обнаружил и следа Новжи. Может она уже приходила и, не найдя меня, ушла домой? Пора была поздняя. Я опустился на скамейку, чтобы немного перевести дух. Глаза успели привыкнуть к непроглядному лесному мраку, но всё же я разжёл маленький костёр, обложив его ближайшими камнями. Вряд ли кто-то успел меня хватиться. Воспение Предков длилось до самого рассвета, когда все шли почтить память своих предков, обнимая деревья, поливая их ключевой водой, и шепча самые сокровенные молитвы.

Закончив с костром, я едва снова присел на скамейку, как из тьмы объявилась полуночная сова, мягко слетала вниз и уселась рядышком со мной. Никогда прежде я не лицезрел этих птиц вблизи. Оранжево-жёлтая, как солнышко, противоестественно выглянувшее в ночи. Она смотрела прямо на меня, почти не мигая. Был ли свойственен совам такой интерес к людям? От скуки я решил погладить птицу. Протянул руку, но не успел приблизиться и на сантиметр, как сова отодвинулась, недовольно топорща пёрышки.

— Ну, извини, — неловко отозвался я, убирая ладонь.

Сова продолжала пялиться глазами цвета луны, что сияла в самые ясные из ночей. Нечто человеческое проглядывало в этом взоре. Хотя то же можно было сказать и лошадях, от того Димбо и сравнивала Новжу с Золоткой.

— Я всегда хотела завести ворона, а не сову, — заметил я птице на всякий случай.

На мгновение показалось, что она в усмешке скривила клюв, но, как следует протерев веки, я разубедился в этом видении. А Новжа всё не приходила.

В порядке ли она? Мысли всё витали вокруг переписки со Свобелой. Хотя прошлая хранительница не жаловала своих дочерей, Свобела походила на неё более других, в том числе своим пугающим обаянием, способным сковать как паучиха свою жертву. Есть вещи, которые до поры до времени предпочитаешь не замечать. И я задумался о таком лишь сейчас. Моя преданная, искренняя и добрая Новжа, что заставило тебя промолчать о

переписке?

— Прежде чем ринешься в бой, дай слово, что станешь биться за Светлый край, — слева донёлся тягучий и чистый как колодезная вода голос.

Я повернул голову и чуть не рухнул со скамьи, увидев на месте совы девушку примерно моих лет, чьё лицо было измазано сияющей в ночи оранжево-жёлтой краской, и перья торчали в неопрятных волосах. Её грудь обхватывала широкая лоскутная полоска ткани, вероятно, застёгивающаяся где-то на спине, а на длинных ногах висели шаровары. Всё те же лунные глаза уставились на меня, не позволяя усомниться в личности их обладательницы.

— Зачем мне в этом клясться?

— Потому что теперь я чувю твой дух, — откликнулась ведьма. — Он свой и чужой. Ты знаешь почему, но не скажешь. Мне и не надо знать. Довольно твоего слова.

— Что толку от пустых слов? Обещания нарушаются каждый день.

— Нет, потому что ты поклянёшься своей первой матерью.

Ощувив острую неприязнь к существу, явившемуся ко мне в ночи, я поднялся, отойдя на несколько шагов к пылающему костру.

— Полагаешь, пред тобой стоит предательница своего народа? Верно лишь то, что ты ничего не знаешь.

— Ты предашь наш край, просто пока не знаешь как, — упрямо твердила ведьма, не мигая. — Когда настанет срок, просто не сможешь удержаться. Эта металлическая ветка у тебя на поясе глотнёт людской крови, а твоя голова закружится от иллюзии беспредельной власти.

— Может некоторые перемены неизбежны, желанны они нами или нет, — слабо, но я стал понимать, что она имела ввиду.

— Всё выяснится в конце пути. Но тебе лучше не враждовать с ведьмой Соши.

— Или тебе лучше не враждовать со мной.

Я не коснулся рукояти Велимира, да и ведьма не выглядела настроенной на поединок. Может она просто проверяла меня и мою решимость. Кому как не ведьмам лучше всего знать, что нависло над Светлым краем. Ни с того ни с сего она растянула губы в диковатой улыбке и стала спешно бормотать:

— Три древа и один куст, мы, заблудшие души, да сцепимся судьбами, — молниеносно так, что не успел остановить, она обхватила ладонью мой затылок, сомкнув наши лбы, ослепляла лунным взглядом, глядя сквозь меня. В голове звенело, в ушах стоял оглушительный шелест сухой осенней листвы. А ведьма всё продолжала: — Две жизни как одна, да смешается кровь и обратится в реку. И последуем мы по обоим её берегам, пока не обратимся в океан.

Толстые корни растений спутали наши тела, я оказался не в силах шевельнуть и пальцем и просто стоял подобно изваянию, боясь оглохнуть от всё нарастающего шелеста. Кровь вскипела, меня бросило в жар, а затем резко в холод.

— Что это ещё значит? — тяжело выдохнул я, когда ведьма разжала тиски, а корни скрылись обратно под землю.

— Отныне я твоя хранительница. Когда придёт срок, ты всё поймёшь.

Дав загадочное, ничего мне не прояснившее объяснение, ведьма Соши ударилась об землю, обратилась в сову и скрылась в темноте. Вместе с взмахом её широких крыльев затух и костёр, погрузив меня в осенний холод.

К несказанному удивлению отыскать путь обратно в город оказалось довольно-таки

просто или, может, это ведьма велела деревьям расступаться пред человеческими шагами, направляя мой путь.

Стрекозы больше не выступали на площади, уступив место старшей женщине, что орудовала одним лишь своим голосом, околдовывая тех, кто ещё не отправился спать. Слова её песни были посвящены минувшему и грядущему:

«Пусть наши слёзы не оросят Сад.

Мы упадём плодами, что взрастут деревьями

И отринем тяготы и радости жизни.

О любимые матери, не покиньте в тяжёлую пору...»

Настолько заунывно у неё выходило, что меня стало клонить в сон, хотя виновницей могла оказаться и обычная усталость. Я заметил Димбо, прислонившуюся к бочке с яблоками и попивающую праздничный сидр. Она напропалую хвасталась своими достижениями перед группой девушкой, демонстрируя нашивку на жилете. В девушках, мерявших одолженную им шляпу и красовавшихся на показ, я узнал тех самых Стрекоз, которые с детским восторгом впитывали всё новое, теша самомнение объездчицы. И я не решился разрушать эту идиллию.

Поодаль в самой тени в одиночестве притаилась Айя, безмолвно и отрешённо наблюдающая за выступлением. Я направился прямо к сестре.

— Здравствуй, — вежливо поприветствовал.

— Васха, — она словно вынырнула из глубокой дрёмы. — Свебела сообщила, что ты вернулась.

— Верно. Ты не видела Новжу? Мы должны были встретиться в одном назначенном месте, но она так и не явилась.

— Она помогала твоим гостям обустроиться в доме хранительниц. Куда пошла дальше, не ведаю.

— Спасибо и на том.

По дороге к дому, я всё думал, стала бы Свебела мне вредить каким-нибудь образом. Возможно она просто втёрлась в доверие к Новже, чтобы больше знать о моих делах. В парах обычно не бывало тайн, но Новжа не из тех, кто легко болтает, и в письмах она вряд ли упоминала больше необходимого. Конечно, доведись мне увидеть те письма собственными глазами, уверенности было бы поболее.

В окнах уже не горел свет. И я тихо пробрался внутрь, разыскивая в темноте комнату Свебелы. Спальни всегда закрывались на ключ, но я решил испытать удачу. И она улыбнулась. Незапертая дверь комнаты второй хранительницы легко подалась. Внутри оказалось пусто.

Прокравшись к письменному столу с аккуратными стопками бумаг с грузилами в виде свёрнутых в клубочки лисят на них, чтобы ненароком ветер не унёс, я стал рыться в ящичках, пока не наткнулся на пачку перевязанных бечёвкой писем. Поспешно зажёл свечу и взгляделся в имя на конвертах, вот только косым аккуратным почерком там было написано вовсе не Новжа.

— Велка́я, — тихо прочитал я имя нашей второй матери.

Но не было ничего необычного в переписке матери и дочери, пусть мне Велкая не написала ни строчки с момента своего отъезда. Я стал просматривать имена на других конвертах и наконец наткнулся на неуверенный кривоватый почерк Новжи. Открыл конверт и вынул сложенный пополам листок, начав жадно читать:

«Уважаемая вторая хранительница Свобела,

Вынуждена сообщить о трагедии случившейся в Ракушке. Твоя сестра, третья хранительница Васха, отправилась в поселение и вернулась с ужасающими известиями...»

Ничего нового и особенно увлекательного я не обнаружил. Очень формальный текст. И вряд ли Новжа получила на него ответ, ведь мы уехали так скоро, а голубиная почта использовалась лишь в исключительных случаях.

В ночную тишь ворвались приближающиеся шаги, чей-то нарастающий шёпот. Быстро задув свечу и вернув конверты обратно в ящикек стола, я затаился за широко распахнутой дверцей одежного шкафа. Входная дверь подалась воле белоснежной, ярко вырисовывающейся в темноте, руке Свобелы. Я видел, как она тянула кого-то за собой.

— Ты боишься? — послышался неожиданно ласковый голос Свобелы. — Тут нечего страшится.

— Разве это правильно? — с сомнением отозвалась Новжа, а я весь напрягся, сжав волю в кулак, чтобы не выскочить в тот же миг.

— Ты не веришь, что нравишься мне? Или, быть может, я тебе не гожусь? Никаких клятв, Новжа. Всем нам иногда необходимы чужие объятия и мгновения удовольствия, чтобы примириться с собой. Васха тебе этого не даст, а я предлагаю прямо сейчас.

Я не мог видеть происходящего и знать, что будет, но предчувствовал наперёд ответ своей подруги.

— Нет, Свобела, прости, но я не могу. Ты ведь сестра Васхи, а я просто не могу...

Её таящие в коридоре шаги стали сердечным бальзамом. Вина за собственное недоверие к подруге захлестнула меня. Но я не мог броситься ей вслед, рискуя оказаться застигнутым на месте преступления. Пришлось терпеливо ждать, пока Свобела заснёт, и только после этого удалось выйти из комнаты незамеченным.

Занимался рассвет. Наверняка, Новжа терпеливо дожидалась меня на нашем месте. И я бежал туда со всех ног. Едва не споткнулся о ветку, как вдруг чья-то рука крепко схватила за предплечье, удержав от падения.

— Васха, — Новжа смотрела на меня широко открытыми глазами. — Где ты была? Неужели молилась всю ночь возле дерева своей первой матери?

Я бросился к подруге, крепко обнимая её и прижимая к груди:

— Прости, милая Новжа, за то, что я такая скверная подруга и осмеливаюсь в чём-то тебя подозревать. Пожалуйста, прости меня.

— Васха, — растроганно пробормотала она мне на ухо.

Так мы и стояли, пока я не нашёл в себе смелости снова посмотреть в её улыбчивые, самые добрые на свете глаза. И древнейшие из деревьев Предков стали тому свидетельницами, скрепив нашу дружбу в подходящее к своему завершению Воспение.

Мне почудилось уханье совы. Оглядевшись и никого не обнаружив, понял, что отныне всякая сова станет напоминать о ведьме Соши и обряде, начавшемся с трёх древ и одного жёлтого розового куста.

Глава 8. Первое убийство

— Придётся вам отпустить волосы, взяв пример с Новжи, — проговорил Арчи в неуверенной попытке как-то развеять напряжение, повисшее в столовой дома хранительниц.

При упоминании своего имени Новжа от неожиданности выронила ложку, которой подала нежное яблочное пюре, приготовленное старательной Димбо.

— Да ни за что на свете! — громко отозвалась объездчица словно получившая добро на создание шума и тут же посмотрела на Новжу, занимавшую противоположную сторону стола. — Без обид. Просто я уверена, что буду нелепо смотреться с такой гривой.

— Гривой... — тихо и недовольно бормотнула Новжа, протирая ложку о тканевую салфетку.

— Это не вопрос предпочтений, — ровно заметил Арчи, не поднимая взгляда от тарелки с гречневыми блинчиками. — Мужчины отращивают волосы, а не состригают.

Теперь не удержался я:

— Но это же жутко неудобно в бою.

Свебела покосилась на меня, вопросительно подняв бровь. Я говорил с пылом присущим опытному бойцу, побывавшему если не в сотнях, то в десятках сражений, в то время как в действительности всего лишь завалил случайного медведя. Но мне теперь стало безразлично её мнение, до сих пор не мог отогнать от себя гадкого шёпота в ночи и простить попытку затащить мою лучшую подругу к себе в постель, и всё ради одной неизменной цели — поставить третью хранительницу на положенное ей место.

— Они заплетают волосы, различными способами убирают с лица, — пояснил Арчи. — Но быть лысым значит оказаться смешным в их глазах. Ещё волосы состригают с поверженных врагов в знак их позора. Полагаю, ни то, ни другое вам ни к чему.

Димбо стало яростно пережёвывать своё и без того мягкое пюре. Малка тихо кашлянула, явно не решаясь вмешаться в беседу. А может просто хотела в несчётный раз кольнуть Арчи, но удерживалась, чтобы не показаться неблагодарной за полученное гостеприимство.

— Я думала, мы просто ворвёмся в эту самую Империю, заберём наших людей и вернёмся восвояси, — ворчала Димбо с полным ртом, так что ошмётки пюре летели во все стороны. Айя терпеливо стёрла несколько плевков со своей руки.

— Какая самонадеянность, — Арчи прищурился, их с Димбо взгляды пересеклись. Казалось, они пытались считать мысли друг друга. Это длилось недолго, и в итоге объездчица решила не спорить и повернулась к своему стакану, сделав крупный глоток воды, вытерла рот ладонью.

— Арчи прав, мы не можем вот так просто ворваться нашим крохотным отрядом в гущу врагов и рассчитывать, что нас не убьют прямо на месте, — заметил я здраво, хоть и сам не был доволен выводами, к которым пришёл. — Придётся замаскироваться под мужчин и выяснить, куда они увезли наших людей. Непростая задача, потому придётся постараться выучить их язык и наловчиться свободно на нём общаться. И ещё с этого дня забудьте о ножницах.

Димбо недовольно зажмурилась:

— Чур не смеяться, когда эти кудряшки выйдут за все допустимые пределы.

— И как там называется порода кудрявых лошадей? — решила уточнить Новжа, наклоняясь вперёд.

Объездчица изобразила звук похожий на лошадиный, заставив рассмеяться участниц моего отряда. Две старшие хранительницы вели себя отчуждённо, пусть и не отказались разделить трапезу вместе с гостями, но и узнавать их тоже не торопились. И почему они такие? Капелька дружелюбия никому бы не навредила.

— Надеюсь, не придётся передавать грустные вести вашим семьям о смерти их дочерей, сестёр и племянниц, — вставила Айя с высоты своего положения и ответственности, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Не тревожься о том, первая хранительница, — беззаботно протянула Димбо, подперев щёку рукой. — Вдруг мы ещё одумаемся и решим никуда не ехать.

Малка выпрямилась, повернулась к Айе и произнесла, полная пылкой решимости:

— Моя единственная семья была похищена. Может вам и удобно закрывать глаза на чужие беды...

— Я вовсе не... — растерянно пробормотала Айя, позволяя присутствующим немного заглянуть за её обычную маску невозмутимости.

—... но такие как Васха и Новжа не способны стоять в стороне, — закончила свою мысль Малка. — И я рада, что повстречала их, в то время, как все остальные отвернулись от жительниц Ракушки.

Впервые она откровенно выражала свои чувства, я испытал неловкость и одновременно растрогался. Айя умолкла, наверное, именно так и следовало поступить в данной ситуации. Но своим словом беседу решила приправить Свебела, отметившая с полуулыбкой:

— Мы горды иметь такую сестру.

Вроде и похвалили, а стало так противно на душе. Гадкая ирония сквозила во фразе, но никто кроме меня её не заметил. Малка с силой кивнула, а Димбо, прикончившая содержимое своей миски, уже успела развалиться на столе и начать ковырять в зубах зубочисткой. Похоже, отныне все наши совместные завтраки, обеды и ужины станут проходить именно так. Хорошо, что рано или поздно они подходили к своему завершению.

— Нет ничего приятней этого звука, — говорил я, пока Велимир, крепко сжатый в руках, рассекал воздух. Хлёсткие, сильные звуки, сулящие одну лишь погибель.

— Не уверена, что слышу, — с сомнением произнесла Малка, подставляя то правое, то левое ухо.

Димбо упрямо завертела головой:

— Давай не будем ссориться, но у каждой своя особенная десятка приятных звуков. Я права? — она посмотрела на Новжу в поисках поддержки.

Самым просторным и пустующим местом в городке оказалась всё та же лесопилка доверху полная дров, пропитанных нашими с Новжей потом и кровью. Она ничего не ответила на замечание Димбо, продолжая наблюдать за моими движениями как замороженная.

— А у нас будут такие же мечи? — поинтересовалась подруга, когда я опустил клинок, чтобы немного перевести дух.

— Не уверена, что подобное оружие подойдёт всем. Арчи предпочитает мечи полегче, и, думаю, — я воткнул Велимир в присыпанную опилками землю, — ему ещё понадобится деревянный щит. Малка же слишком мала для того, чтобы вступать в прямую схватку. Ей мы изготовим лук. Димбо подойдёт оружие, которым удобней всего пользоваться верхом на

лошади. Рубящее наотмашь... может топорики?

— Похоже, ты здорово этим заморочилась, — сказала объездчица, чей взгляд упал на топор дровосека, оставленный мной в пне.

Из сарая, где хранились дрова, вышел Арчи и проговорил с воодушевлением:

— Не терпится начать.

Очень утончённый парнишка. Интересно, как он станет выглядеть с мечом и щитом? Всё же это грубоватое оружие, требующее использования довольно нелепых поз.

— Звучит так, будто ты лучше всех нас понял, о чём Васха речь ведёт, — Малка обходила Велимир, разглядывая его со всех сторон. — Я вот ни слова не уразумела. Что за щит? И как сражаться овощем?

Я невольно усмехнулся.

Подмастерье, чью дочь спас от разъярённого зверя, засияла восторгом увлечённого своим делом человека, когда сжала в руках новые эскизы и получила от меня все подробные инструкции. Кузнечиха оказалась занята с крохотной девочкой, что недавно родилась у её хрупкой на вид пары, и редко теперь заглядывала в мастерскую. Потому я мог рассчитывать получить свой заказ совсем скоро. Это я посчитал за предвестие удачи. А до тех пор все станут тренироваться на деревянных копьях, как я когда-то в детстве.

Как забавно было наблюдать за их неуклюжими, неуверенными движениями. Первыми шагами на поприще войны. Никогда не думал, что всерьёз возьмусь кого-то обучать. И оказалось, что у меня гораздо меньше терпения, чем было присуще первой хранительнице.

— Ты всё не так делаешь! Поднимай щит выше, иначе лишишься глаз, когда Малка станет в тебя стрелять, — в который раз я рассыпался в объяснениях перед Арчи, постоянно подставляющему своё и без того загорелое лицо блеклому осеннему солнышку.

Когда, несмотря на кивки и повторяющиеся фразы «я всё понял», он опять совершил ту же ошибку, я швырнул тонкий самодельный щит в стену сарая. Предмет раскололся напополам, обратившись в полезные разве что для костра щепки.

Пришлось заставить Малку убрать чёлку с лица, чтобы она наконец перестала мазать по мишени, бывшей от неё всего в пяти метрах и щедро обмазанной красной краской. Малка спрятала торчащие на лбу волосы за ухо, и все с удивлением обнаружили, что её прищуренные глаза могли сравняться синевой с небом в самую ясную пору. Но данный факт никак не сказался на меткости нерадивой лучницы, которая, отчаявшись, стала швырять стрелы в мишень без помощи всякого лука. Тогда я распахнул, начав рвать на голове волосы, и просто ушёл немного развеяться.

Два маленьких и удобных на вид топорика оказались готовы раньше остального оружия. И Димбо, так быстро научившаяся с ними обращаться и исправно тренировавшаяся на тыквах, подбрасывала и вертела топориками там, где это вовсе делать не следовало. Таким образом она порвала несколько рубах и сломала пару заборов. Мне пришлось рассыпаться в извинениях перед случайными жертвами объездчицы и удерживаться от желания потаскать взрослую девушку за ухо как ребёнка.

Новжа, как и ожидалось, выкладывалась сильнее всех. Она предпочла меч похожий на мой собственный. И когда брала его в руки словно сливалась с клинком, начиная танцевать. Это выглядело столь прекрасно и захватывало дух, что я начинал страшиться момента, когда придётся окропить сталь кровью, и вернуть мою прекрасную птицу на бrenную землю.

— Никогда бы не подумала, что мне опять придётся учиться, — уныло протянула Димбо, разваливаясь на столе в просторном учебном классе дома хранительниц.

— Тебе усерднее всех с таким-то чудовищным произношением, — с расстановкой заметил Арчи, примеривший на себя роль второй хранительницы для нашего отряда.

Обучение детишек проходило по утрам, мы же занимали помещение вечерами. Свებела преподавала не в одиночку, ей помогали девочки постарше и просто те, кто уже успели усвоить некоторые уроки. Можно сказать, что вторая хранительница скорее направляла процесс обучения, нежели руководила им, растолковывая лишь необходимые основы вроде чтения и счёта. Как правило, сами жительницы Быстроречья наведывались в библиотеку и брали необходимые им книги под запись, если жаждали узнать больше. А желающих находилось немало, глупость не жаловалась в Светлом крае. Прочие познания являлись специальными и приобретались в зависимости от избранного поприща. Димбо прорву всего знала о лошадях, Новжа могла разделать животное, не испортив меха и оставив все внутренние органы целыми, а я по шву определить качество шитья.

Порой к нам в класс заглядывала и Свებела, но на обучение не напрашивалась, по крайней в моём присутствии. Позже от Арчи я узнал, как сильно она хвалила его рвение и уговаривала стать преподавателем и для остальных девочек Быстроречья. Арчи не выглядел полным энтузиастом, он слишком привык делать, что ему велели. Но тут заметил мне ровно:

— Я отказал ей. Возникло такое странное чувство в груди. Сперва меня захлестнул ужас, и стоило второй хранительнице отвернуться, как захотелось вернуть её обратно и исполнить то, что она просила. Но я заставил себя остановиться, и ничего страшного или болезненного со мной не случилось.

Арчи как правило не отказывал на просьбы. И посуду вымоет и воды натаскает и в стирке поможет. Но с того момента он начал говорить «нет, я очень занят» и больше не отрывался от своих занятий, чтобы броситься кому-то на помощь. Из всех на это посетовала одна лишь Димбо, успевшая привыкнуть к рабскому труду. Однако и она прекратила жаловаться, когда всё её внимание заняли неизбежно отрастающие волосы, которые объездчица стала убирать назад, затягивая в до невозможности тугой хвост. Но кудрявые волоски упрямо вылезали, торча в разные стороны.

Мы и глазом не успели моргнуть, как наступила зима. В одно утро я вышел на улицу, услышав хруст под подошвами сапог, а глаза ослепил яркий белый свет.

— Вау, — выдохнула Малка, подставляя ладони колючим снежинкам.

Мимо проходящая девочка швырнула в неё снежок, попав прямо в область полуоткрытой шеи (какая меткость!). Малка зажмурилась, поёжившись от холода, а хулиганка уже со всех ног убегала прочь, заливисто хохоча.

— Устроим вылазку в лес, — сообщил я за ужином того же дня, теперь мы часто тренировались допоздна и ужинали без двух хранительниц Быстроречья, огромное облегчение для обеих сторон.

— Это ещё зачем? — Димбо теребила раздражающий её хвостик.

— Вы научились кое-чему, пришло время опробовать навыки на охоте. Пролить кровь зверя, чтобы быть готовой пролить кровь человека.

— Ты так просто об этом говоришь, — с беспокойством в голосе пробормотала Малка, стискивающая стрелу. Одну всегда носила с собой, даже если была не при луке, говорила «просто на всякий случай». Какой такой случай?

— Уже передумала сестру спасти? — поинтересовался Арчи. Впервые он попытался задеть враждебную к нему Малку. Она смерила его холодным как эта зима взглядом.

Я скрестил на груди руки:

— Конечно каждая из вас всегда может отказать. Пойти на попятную, и ни я, ни кто-либо ещё не посмеет обвинить вас в трусости и малодушии. Но затем и нужны испытания, чтобы определять, на что мы годны, а на что нет.

— Точно, — поддержала Новжа с энтузиазмом хлопнув ладонью по столу.

— Для той, кто рубит головы домашним птицам, это едва ли испытание, — заметила Димбо.

Подруга фыркнула. Но Димбо была права, вот бы ввязаться в реальный бой с настоящим противником. Но где такого взять? С той бойни в Ракушке, наши враги и носа не казали в Светлый край. Даже в Жемчужине успокоились, хотя, они, живущие у моря, должны бы были ведать о непостоянстве штиля, на смену которому неизменно приходил шторм. Наверное, многим наша затея стала казаться ещё глупее. Но большинство жительниц Быстроречье воспринимали мой отряд как очередное увлечение фантазёрки Васхи. Никто не ждал от нас потрясений.

Хорошо, когда от тебя ничего не ждали. Это успокаивало, но и тревожило одновременно. Мало кто в нас верил, кроме изобретательницы Сахар, исправно отправлявшей мне письма о продвижении работы с доспехами. Многое она меняла на ходу и ломала уже готовое изделие, начиная всё с нуля. Упорства ей было не занимать, как и дотошности.

В трёх тесных палатках уместились семеро. Как и в доме хранительниц две девушки делили одну постель. Арчи досталась Новжа, хоть он и не был девушкой, и сперва я настаивал, чтобы он спал в моей комнате. Но напрасно я так распереживался за «сохранность» подруги, Арчи не проявлял интереса к женскому телу. Я любопытствовал не потому ли, что он испытывал тягу к мужчинам. Арчи очень удивился тогда, сказав, что его об этом раньше никогда не спрашивали. А затем тихо признался в своём отвращении к плотским утехам, которые ему силой навязывали с раннего детства. Постепенно, но Арчи открывался мне, а я не знал радоваться этому или огорчаться.

Но в своей палатке я оказался один одинёшенек. Не так важно, ведь большую часть времени мы должны были провести среди деревьев, охотясь на дичь. Животные в Шепчущем лесу доверчивые, непривыкшие к руке человека, заносающей сталь над их головами и несущей смерть. Они не пугались нас и почти не убегали. Это было настолько неправильно, что я сам положил ладонь на лук Малки, когда она уже успела до предела натянуть тетиву.

Затылком ощутил взгляд Новжи, стоящей позади в маскировочном белом балахоне, наброшенном на повседневную, набитую козьей шерстью, одежду. У нас всех были такие балахоны, длинной до самых пят с капюшоном. Олениха повела ухом, прислушиваясь. Рядом с ветки дерева вниз рухнул снег, но наша несостоявшаяся добыча бросилась прочь лишь через некоторое время после этого. А я нутром почуял неладное.

— Может, волки? — предположила Димбо.

— Может, — согласился я. — Укроемся.

Мы легли на снег, расправив балахоны и спрятав лица. Новжа себя ещё и сверху присыпала. Замерли. Всякий хищник всё равно бы нас учуял и обошёл стороной, как это обычно и происходило. Если, конечно, зверь не бешеный как тот, что напал на Быстроречье. А может ещё один мишка, вдруг проснувшийся в самый разгар зимней спячки? Слишком опасная мишень. Только опьянённый желанием обнажить меч воин ринется на такого. Даже я это признавал, в тысячный раз прокручивая в голове бой, в котором не должен был так легко победить.

Но до ушей донёлся не рык, а разговоры. Не тихая и осторожная беседа крадущегося охотника, а громкая речь, да ещё и со смехом, распугивающим, прикорнувших на ветвях деревьев птиц.

— А это точно, что здесь нас не станут искать?

— Чем мне ещё поклясться, чтобы перестать отвечать тебе в миллионный раз? Это неизведанные земли, никто сюда не сунется, тем более за нами.

Ко мне подполз Арчи. Он выглядел потрясённым, его губы побелели, я думал, что от холода, пока не услышал одно единственное слово:

— Имперцы.

Поняв смысл фраз, произнесённых незнакомцами, я не сразу осознал, что их речь мне чужая. И сам удивился своей оплошности.

— Что они здесь делают? — шёпотом спросил я у Арчи.

— Скорее всего дезертиры, удирающие от ответственности с честью умереть за Императора. Но, без сомнения, при оружии.

И Арчи не ошибался. Из-за деревьев, хрустя снегом, показались пятеро. Я и глазам не поверил, хоть и не мог слишком высоко поднять голову, чтобы не обнаружить себя. Разглядел тяжёлые кожаные поношенные сапоги. Услышал, как концы мечей бились о бёдра. Имперские дезертиры прошли в метре от нас, вовсе не заметив притихших в снегу охотниц. Если судить по направлению, они углублялись в лес, туда, где и наша следопытка не хаживала. А, значит, Быстроречью ничто не угрожало. Но как они вообще оказались так далеко от побережья?

— Спустились вниз по реке, — предвосхитила мои мысли Новжа, поднимаясь и отряхиваясь, когда тёмные облачённые в доспехи фигуры скрылись за деревьями. — Быстрая не замерзает даже зимой, но, огибая город, впадает прямо в море.

Меня пробрала дрожь. То ли от долгого лежания на холодной земле, то ли от внезапной встречи с врагом, которую я так ждал, но оказался к ней совсем не готов.

— Пойдём за ними? — поинтересовалась Малка, повернувшись ко мне в ожидании указания.

— Стоит ли? Если попадутся здешней ведьме, то и так сгинут.

Собственное желание не ввязываться в драку поразило. Но никто и не подумал спорить или подначивать, приводя в пример то, что я говорил ранее об испытаниях и прочем. Стало стыдно за собственную нерешительность и страх.

— А-а-а! — раздался вопль как раз с той стороны, где скрылись дезертиры.

— Этот голос, — пробормотал я и уже бежал со всех ног, не замедляясь и не останавливаясь, чтобы перевести дух.

Что Айя забыла в лесу в зимнюю пору? Когда она вообще стала посещать Шепчущий лес? Разве её место не в приёмной дома хранительниц? И почему именно сейчас, когда я так не хотел подвергать лишней опасности своих подруг?

— Кто это ещё? — интересовался удивлённый мужской голос. — Гляньте, волосы совсем обрезаны. Не уж-то тоже дезертир?

— А я-то думал, что первым нашёл это место, — откликнулся второй с некоторым разочарованием.

— Больно хиленький парнишка. Эй, ты, кончай вопить! Отвечай, кто ты такой будешь?

Я уже мог разглядеть фигуру сестры, укутанную в плотную накидку цвета бурого мха длиной до самых щиколоток. Она оказалась заперта в круге из пяти мужчин, безуспешно

пыталась из него выбраться, но натыкалась на грубые толчки. Дезертиры сжимали кольцо.

— Может он немой? — предположил один из них. — Немые только вопить и умеют. Это у них вместо речи. Смотрите-ка, а он безоружный. Сдаётся мне, это беглый раб...

Позади раздался короткий вскрик. Быстро обернувшись, увидел споткнувшегося и упавшего в снег Арчи. На помощь ему бросилась Новжа. Одними губами Арчи сказал мне «поспеш!».

Пусть в лесной тиши я чётко различал разговоры дезертиров, но бежать до них оставалось ещё довольно далеко. Всё усложняли деревья, вдруг возникающие словно из ниоткуда там и тут и корни, нарочно ставившие мне подножки. Но я понял намёк Арчи, и заболело груди, то ли от недостатка воздуха, который жадно глотал на бегу, то ли от слов бывшего раба вдруг зазвучавших у меня в ушах столь явственно «...вырезали всех старых, схватили молодых, показали, где моё место...»

— Эй, ты же раб, малыш? — в голосе дезертира слышалось сладкое предвкушение.

Айя предприняла попытку ударить своей неприспособленной к насилию рукой того, кто толкнул её в очередной раз, но он просто грубо схватил её за кисть. А препятствия всё не заканчивались. И когда имперцы успели уйти столь далеко и почему были так хорошо мне видны за деревьями?

Звук рвущейся одежды распорол морозный воздух. Айю повалили на землю. Её, прежде казавшаяся значительной, а ныне хрупкая фигурка терялась за столпившимися над своей жертвой тёмными силуэтами.

Я схватился за Велимир, на ходу вынимая его из ножен, ступил под кроны древних деревьев, заставив имперцев разом обернуться на до боли знакомый им металлический шелест. Один из них уже лапал задницу Айи, толком не разобравшись, кто перед ним. Но убрал руку, завидев меня с распущенными волосами, спадающими на плечи, и яростью во взгляде.

— Ты сказал, что нас не станут здесь искать! — всполошился тот, что слева, обнажая свой дешёвый на вид блеклый меч.

Остальные последовали примеру товарища. Я увернулся от первого удара, полоснув лезвием по боку наглеца. Но не видел пятого. Свист стрелы обозначил его присутствие. Обернувшись, я заметил тело, мешком рухнувшее на снег, из глазницы торчало пушистое древко, изготовленное умелыми руками Малки. Нерадивый воин выронил свой меч.

— Спасибо, — кивнула я лучнице, затаившейся за стволами деревьев.

Оставалось четверо. Двое из них, будучи откровенными трусами, просто дали дёру. Но Димбо уже бежала следом, широко размахивая топориками. Я толком ничего не разглядел за заснеженными ветками, на которые вдруг брызнула кровь.

Замахнувшись Велимиром на очередного дезертира, я не успел ударить. На него с громким воинственным кличем нёсся Арчи. И разил коротким мечом так неистово, что имперец едва успевал защищаться, лишь пару раз бес толку ударив по круглому щиту воина. Арчи полоснул по жилистой шее, окропив свою накидку свежей горячей кровью.

Последний схлестнулся с Новжей, с отвращением и завистью поглядывая на её длинную до самого пояса косу.

— Слишком ты неумел для такого бравого воина! — усмехался он, прячась за сугробами и нападавая исподтишка, исхитрился царапнуть остриём по её голени.

Новжа перестала преследовать противника, просто дождавшись, когда он снова спрячется за сугроб, пронзила то, что могло превратиться в высокую и массивную зимнюю

бабку, и вытащила меч, позволив тяжёлому бездыханному телу дезертира примять снег своим весом.

— Ты как? — спросил я, указывая на рану.

— Просто царапина, ходить могу, — ответила Новжа, переводя дух.

А я всё никак не мог взять в толк, что подействовало на отряд, ещё недавно замиравший от нерешительности и страха при одной только мысли об убийстве. Обернулся и увидел заплаканную Айю, вперившую пустой взгляд в одну точку. Она пребывала в ступоре, рваные штаны спутались в ногах. Имперцы не успели ничего сделать, но сам вид первой хранительницы никогда не лишавшейся выдержки, не то что бы позволить себе расплакаться, шокировал и меня. Участницы отряда сразу поняли, имперцы сделали нечто отвратительное и непростительное, раз смогли довести Айю до такого ужасного состояния. А оружие в натренированных руках сделало остальное.

Малка опустила рядом с Айей, отдавая ей свою накидку.

— Как странно, — рассеянно пробормотала Димбо, вытирая топорики о белоснежную ткань. — Их головы лопнули почти как тыквы.

Я постарался ободряюще улыбнуться Айе, кое-как стоящей на дрожащих ногах. Но сестра посмотрела на меня не с благодарностью, а с откровенным осуждением, что покорило до глубины души. Что в этот раз я сделал не так?

Уши различили явственное уханье совы, выбившейся из общего птичьего гомона и звериной возни. Ведьма Соши. Не она ли сделала мой путь таким длинным? Не она ли просто наблюдала, безжалостно доводя ситуацию до критического состояния? И, зная это, Айя не могла простить, что та, к которой она рвалась через этот лес в середине зимы, предпочла дать шанс моему отряду показать себя, вместо того, чтобы уберечь первую хранительницу с помощью колдовства. Картинка сама сложилась в голове.

По Быстроречью уже несколько месяцев бродили слухи об Айе и ведьме, к которой она ходила. Но я был слишком занят, чтобы задумываться или слушать, ловя лишь отголоски сплетен, вдруг оказавшихся правдой. Но ждать признательности за спасение в таком случае было бессмысленно.

— Я не чувствую вины, — огорошила меня Новжа, пока мы отогревались у камина в гостиной. — Он был такой вертлявый, хуже цыплёнка.

— Прости, Васха, тебе никто не достался, — Арчи присел на диван, обхватывая ладонями кружку с горячим молоком.

Димбо полировала и без того сияющие топорики, пока Малка развешивала в помещении выстиранные балахоны, но полностью пятна так и не сошли, оставив после себя бледно-бордовые потёки. И, несмотря на обсуждение того, сколь оказалось просто уничтожить имперских дезертиров, я чувствовал недосказанность, пропитавшую воздух.

Покидая место боя, я обернулся, чтобы успеть заметить, как мёртвые тела опутали корни деревьев и затащили глубоко под землю вместе с брошенным оружием, не оставив и намёка на присутствие чужаков. Но больше никто не решился повернуть головы. Я хорошо натренировал отряд. Они научились здорово убивать и были недурны, особенно в сравнении с трусами, решившими избежать любого столкновения с сильным врагом, и явно не без причины. Но, ловко используя приёмы, которым были обучены, мои девочки не сразу поняли, что они натворили.

Лишь когда пред ними предстали бездыханные тела, пока только начинающие воительницы, осознали, те больше не поднимутся и не произнесут и слова на своём

мудрёном языке. Арчи видел смерть, и на его лице застыла тень мрачного удовлетворения, он лишь начал вкушать месть за все причинённые ему страдания. Но об остальных сказать того же я не мог.

Запутавшись в собственных чувствах, девушки ушли спать раньше обычного. А на следующий день каждая из них подходила ко мне по одиночке, уловив момент, когда я оказывался один.

— Я ощущаю себя очень уязвимой, — поделилась Димбо. — На поле боя умереть может любая вот так вот просто от лезвия чужого топорика. И моя голова тоже лопнет как тыква, Васха?

— Такое возможно.

Казалось, ей только этот ответ и был нужен. Больше объездчица ничего не спросила, вернувшись к своим делам, отложила топоры, с которыми долгое время не расставалась.

Малка нерешительно схватилась за мой рукав, когда я приводил в порядок комнату и позабыл закрыть дверь, вынося мусор. Одна припасённая стрела так и торчала у неё за поясом.

— Я попала в цель, Васха, — сообщила она и без того известный мне факт. — Имперцы убили всех в Ракушке. Напали на беззащитных и безоружных, — рука подростки стиснула ткань моего рукава. — Я не допущу, чтобы Ракушка повторилась.

Только Новжа тянула с разговором до последнего и часто проверяла повязку, закрывающую рану на лодыжке. Я решил сам проведать подругу, как раз, когда она готовила ужин и увлечённо помешивала куриный суп.

— Ничего не хочешь мне сказать? — поинтересовался я непринуждённо.

— Что например?

Я прислонился к натопленной каменной печке, глядя прямо на подругу:

— Может ты решила отказаться? Не стоит заставлять себя лишь ради меня.

— Мой мир вовсе не вертится вокруг тебя, Васха, — отозвалась Новжа. — Конечно, может так показаться. Но я, бесцельный человек без всяких желаний, была рада просто следовать чужим целям и желаниям. Твоим желаниям. Мне не грустно из-за того, что я убила тех дезертиров. Я просто думала, а что будет если в следующем бою убьют тебя...

— Или тебя.

Наши взгляды пересеклись. Я и впрямь переживал, с замирающим сердцем наблюдая, как Новжа билась с имперцем, но мысленно одёргивал себя, чтобы не вмешиваться. И теперь заметил, шутя:

— Я верю, что ты сделаешь всё что угодно, лишь бы не расстаться со своей роскошной косой.

Подруга улыбнулась сквозь пелену слёз. На этом моя душа окончательно успокоилась.

Позже, засидевшись в библиотеке хранительниц, перечитывая старые хроники, я всё искал любые упоминания о мужчинах. Не может быть, чтобы раньше они никогда не показывались на наших берегах. Но так ни на что дельное и не наткнувшись, отправился спать, высоко держа руку с подсвечником перед собой. Освещал путь в темноте слабым огоньком догорающей свечи. Неожиданностью стала Айя, затаившаяся рядом с дверью в мою комнату. Во мраке её черты размывались и казались зловещими.

Я не стал спрашивать, что она забыла рядом с чужой спальней, надеясь прошмыгнуть мимо. Но сестра преградила путь.

— Ты для неё важнее меня, — горько пробормотала она, и нечто острое вонзилось в

мой бок, окутывая тело внезапной слабостью.

Сползая на пол, я разглядел древко стрелы Малки. Как будто в Светлом крае водились ещё какие-то стрелы... Поразился собственной глупости.

Фитиль догорел, затухнув. Сознание быстро покидало меня, язык онемел, наверное, оружие было предусмотрительно отравлено. Уж кому-кому, а первой хранительнице не составляло труда достать яд. Я слышал мягкие удаляющиеся шаги старшей сестры, а перед тем как веки окончательно потяжелели, едва не ослеп от видения сияющих глаз похожих на две полные луны. В их глубине отразилось зелёное дерево, чья кора вмиг почернела, а листья развеялись по ветру, обратившись в серый прах.

Глава 8.5. Глазами изобретательницы: никогда не закрывай своих очей

Пока Лежка раскладывала уже готовые доспехи по манекенам, я не находила себе места, отмеряя шагами подвал. Двадцать в ширину и тридцать пять в длину моих стандартных шага. Но из-за шкафов и полок, которыми были заставлены стены, казалось, что здесь куда меньше места. Ещё и бледноватый «вечный свет», разлитый по банкам и озаряющий комнату, крал углы, воровато погружавшиеся во тьму. Резко замерев на месте, я начала вглядываться во мрак в поисках жирных отвратительных пауков, которых Лежка просто не выносила. Но они-то ли попрятались, то ли научились сливаться с непроницаемой темнотой. Разочарованно вздохнув, направилась дальше. Было совершенно нечем заняться.

Лежка, справившаяся с данным ей заданием, задрала рукав рубахи до локтя и стала откручивать крюк, помогающий ей удерживать доспехи. Покончив с этим, она отодвинула ящик самого широко здесь шкафа и вынула протез, внешне полностью повторяющий по своей форме человеческую руку и обтянутый кожаной перчаткой.

— Уходить собралась? — поинтересовалась я, спрятав руки за спину, и глядя на помощницу.

— У нас закончились продукты, — прозвучал низкий звук из самого Лежкиного нутра.

— Правда? — данный факт поразил меня, но, быстро оправившись от удивления, подняла вверх указательный палец для придания значительности сказанному. — Возьми что-нибудь особенное. Нам непременно нужно отпраздновать успешное завершение очередного проекта.

Помощница кивнула, широкими шагами быстро пересекла подвал и исчезла на лестнице. А на меня снова набросилась беспощадная скука. Простояв некоторое время в бестолковой прострации, я поправила очки в тонкой изящной оправе и поднялась наверх. Минула кабинет и оказалась в просторной гостиной, полностью забитой неудавшимися экземплярами брони. Стоило от них избавиться, может потом, когда решу, чем ещё заняться.

И куда подевалась Лапка? Любовь к уличным прогулкам в её положении скорее вредна. Хорошо хоть добрые люди помогали, когда коляска переворачивалась на камнях. Но жизнь эту кошку ничему не учила.

Остановившись, я уставилась на своё отражение, растянувшееся на широком золотистом стальном, преимущественно стальном, нагруднике. Такая славная вещица, жаль бесполезная. Слишком массивная, делает владелицу неповоротливой и от того уязвимой, если придётся иметь дело с проворным врагом, облачённым в более лёгкие доспехи. И такое убожество кузнечиха собиралась всучить Васхе. Только не в мою смену.

В тишине и покое клонило в сон, но сейчас был самый разгар дня. Стоило ли выйти прогуляться? Вот уж бредовая идея. И всё-таки уже через пару мгновений я переступала порог мастерской. День выдался пасмурный, вот-вот польёт, воздух пропитала влага, но сама земля была ещё сухой. Как пойдут ливни, почва обратится в грязное месиво и придётся перемещаться по расставленным тут и там доскам до самой главной улицы, хорошо хоть я редко куда-то выхожу.

Лежка, наверняка, отправилась к продуктовым лавкам. А это направо. Пойти ли туда же, чтобы столкнуться с ней? Нет, лучше схожу в противоположную сторону. Здесь в

нескольких домах от моего закоулка, располагалась лавка швеи Вигуш. Швея находилась в вечном поиске моделей, так она их называла, для своих нарядов. И после расставания с тем мужчиной, совсем перестала радоваться жизни.

Изнутри швейной лавки раздался громкий стук от падения чего-то тяжёлого, а затем звон, похожий на разбитое стекло или не просто похожий, а точно ведь стекло.

— Никчёмная кривоногая жирная кобыла! — пронзительный рассерженный крик заставил меня поёжиться.

Наружу выскочила девушка, вся красная от негодования. В наполовину натянутой на грудь рубашке, она бросила враждебный взгляд в сторону хлопнувшей двери и плюнула на гладкие деревянные ступеньки, удалившись с гордо поднятой головой. Аккуратно обойдя смачный плевок, я толкнула дверь, зайдя внутрь.

Первое, что попало на глаза это разбитая в дребезги стеклянная ваза, затем развалившийся на части табурет. Кусочки стекла врезались в лоскутный ковёр, и Вигуш, опустившись на коленки, аккуратно их собирала, складывая в деревянную мисочку. В остальном обстановка мало изменилась. Бесчисленное количество вешалок с висящими на них нарядами, и манекены вроде тех, что использовала я, заказав у одной мастерицы по совету Вигуш. Правда в этот раз её манекены стояли обнажённые, а на них самих разноцветным мелом были жирно обведены и надписаны все обличённые «несовершенства». Начиная от лишних кусков на животе в области рёбер, заканчивая слишком большой по размеру грудью.

— Помочь? — поинтересовалась я, опускаясь рядом со швеёй.

Вигуш, ещё полностью не отошедшая от произошедшего, бросила в мою сторону раздражённо-обозлённый взгляд и лишь неопределённо повела плечами. Сочтя это за согласие, я принялась за дело. Поняв, что непрощенная помощница никуда не ушла, отторгнутая её недружелюбием, Вигуш начала ворчать:

— Невыносимо каждый день видеть их лоснящиеся сальные рожи и эту тупую уверенность в собственном совершенстве. Ты бы слышала, что эта убогая сказала, когда я попросила втянуть её жирное пузо, — она стала передразнивать голос девушки, превратив свой в писклявый и противный на слух. — «Зачем мне это делать? Мой живот совершенно нормальный. Ты для кого шьёшь свою одежду? Для людей? Вот и учитывай мои реальные размеры, а не свои сумасшедшие фантазии.»

Я отчётливо увидела, как у Вигуш задёргался левый глаз, настолько близко было её лицо от моего.

— Я не могу так работать, — стиснула зубы швея, поднимаясь на ноги, после того, как мы собрали все осколки. — Этот мужчина, Арчи, он был великолепен. Каждая чёрточка, каждая косточка и линия. В нём не было ничего лишнего, — лицо озарял свет, пока она это говорила. — А все эти недоделанные ему и в подмётки не годятся. Это как работать с холщовым мешком, после того как познала тонкий хлопок. Интересно, а все мужские экземпляры такие?

Выпав на некоторое время из реальности, Вигуш так и стояла, уставившись невидящим взглядом в потолок. Я решила вернуть её обратно на брентную землю:

— Вряд ли. Ведь женщины тоже отличаются друг от друга. Единого стандарта нет.

— Какое разочарование, — расстроено пробормотала Вигуш и переключила внимание на поломанную табуретку.

Нелегко ей будет в дальнейшем, вот о чём я думала, покидая швейную лавку. Хотя

Вигуш и была странноватой, но в одном мы были похожи — в беззаветной одержимости любимым делом.

Несмотря на свою протяжённость и густонаселённость, Перекрёсток всё никак не мог обзавестись статусом города. Поселению не хватало организованности, какой могли бы похвастаться Эхо и Быстроречье. Иногда это меня удручало. У нас даже не было городской площади, только колодец, вокруг которого чаще всего и собирался народ, чтобы обменяться сплетнями или объявить что-нибудь важное. Особенно актуальный в жару, когда мучала жажда.

Но нынче жара спала, и за водой приходили лишь по бытовой нужде. Целая очередь с вёдрами стояла там и сейчас. Конечно, в Перекрёстке имелось ещё несколько колодцев, но не настолько популярных как этот, меньше размером, располагающихся не в самом центре главной улицы, а в глубине извилистых улочек. Лежку я всегда посылала только к этим колодцам.

Когда очередь становилась слишком длинной, она начинала образовывать спираль. Некоторые притаскивали целые пустые бочки на колёсиках, потому ждать приходилось долго, но никто не жаловалась. Женщины увлекались разговорами и не замечали, как угасал день. Давненько я сама не ходила за водой. Интересно, какая нынче горячая тема для обсуждений?

Незнакомая женщина в очереди пристально глядела в мою сторону, а заметив мой ответный взгляд поманила рукой.

— Чем могу помочь? — вежливо поинтересовалась я.

— Постоишь в очереди вместо меня, если не трудно, а то моя младшая дочка проснулась. Я уложу и быстренько ворочусь.

— О, с радостью помогу.

Всучив мне пару деревянных вёдер с железными ободками, мать побежала дальше по улице. А я пристроилась на её место, развесив уши.

— Какие нынче вести из Жемчужины? — поинтересовалась женщина, стоящая неподалёку от меня, у своей соседки.

— Да какие могут быть вести? Четверть домов опустела, работа не ладиться, хотя некоторые напротив уходят в неё с головой. Многие потеряли родных и любимых.

— Ужасная штука этот ураган, — покачала головой третья женщина.

Две первые взглянули на неё с недоумением:

— Что за ураган?

— Как это? — у третьей расширились глаза от удивления. — Тот, что унёс жительниц в море.

— Она из этих, — шепнула первая второй. Мрачно переглянувшись, женщины замолчали.

Я подумала, какой силы должен быть ураган, чтобы снести всё поселение и насколько разумным, чтобы тронуть лишь людей, не разрушив дома. Даже для меня это казалось невозможным.

Мысли оборвал звон алюминиевых ложек, хаотично бьющихся о котелки и кастрюльки. На очередь надвигалась целая толпа недовольных. Старые, молодые, подростки, нашлось место и маленьким детям, увлечшимся вслед за необычайным зрелищем. Подростки и издавали непереносимую какофонию звуков. Но сразу же перестали, стоило толпе остановиться. Вперёд вышла высокая, смурная на вид женщина лет сорока.

— Мы более не позволим лжи разъедать сердца наших детей! — низким басом объявила она, откашлялась и тут же продолжила. — И всем придётся признать, как в действительности погибли наши сёстры из Ракушки! Их жестоко убили, многих из них, а остальных похитили!

Из открытых окон повысовывались лица, очередь притихла и перестала двигаться, сосредоточив внимание на возмущённых. Но оцепенение продолжалось недолго. Выкрик в нескольких шагах от меня, исходящий от женщины, что ранее упоминала об урагане, ударился о толпу:

— Не о своей ли лжи ты лопочешь?! Чему ты учишь наших детей? Страху? Хочешь, чтобы они оглядывались на каждом шагу в ожидании удара от какого-то монстра из кладовки?

— Нет никаких мужчин! — послышался другой голос. — Их даже никто не видела, кроме участниц Собрания Девяти, но и те просто поверили на слово незнакомой нам белке!

— Вот именно, — несколько кивков в знак поддержки.

Я начала нервничать. Ситуация накалялась, но отделиться от очереди не вышло, меня обступили со всех сторон.

— Там были трупы! — выступила женщина из толпы протестующих, брызжа слюной.

— Последствия урагана, который и унёс остальных в море, — упрямо вторила очередь.

Две женщины, прежде обсуждающие Жемчужину, отделились от остальных, стоящих за водой, и присоединились к возмущённым. Некоторые повторили за ними, я замешкалась.

— Нельзя всё принимать на веру, — снисходительно заметила старуха с клюкой, показавшаяся из ближайшего к колодцу дома. — Что это за сказки про каких-то мужчин? Да мы слыхом не слыхивали о подобном. Бред сивой кобылы, вот что это! — она плюнула себе под ноги. — Я скорее в ураган поверю или в зверя какого, выбравшегося из пучин морских, — она затрясла клюкой, тыкая в присутствующих плохо стёсанным концом. — Держитесь от воды подальше, и ничего с вами не случится!

Приняв совет слишком буквально, несколько человек отодвинулись от колодца. От толпы отделились трое и присоединились к очереди. Я мигом пожалела о своём чрезмерно любопытном характере и приведшем меня на место, на котором сейчас стояла, сжимая гладкие ручки чужих вёдер.

— Я с матерями лично помогала отправлять в последний путь мёртвых, — заявила подростка с кастрюлей и ложкой в обеих руках. — Ни жилища, ни даже лодки не были сломаны, зато пострадали клетки с почтовыми птицами, как будто кто-то намеренно их поломал, чтобы не позволить оповестить о случившемся остальных. Такое не по силам неразумному зверю.

Снова кивки и переходы с одной стороны на другую.

— Вам придётся признать правду, — настаивала предводительница протестующих. — Или же это будет означать, что вы плюёте на память погибших.

— Меня тошнит от этого дерьма!

— Кто дал тебе право решать за всех?!

— Заткните её кто-нибудь!

Гвалт гневных голосов смешался со стуком ложек о котелки и кастрюльки. А потом (я не заметила с чьей именно стороны) полетели первые камни. Под ногами на улице их было не много, очевидно, кто-то набрал заряды заранее, притащив прямо на потасовку. Я прикрыла лицо ведром, отходя в сторону, споткнулась о чужую ногу и упала на спину. Крики

оглушали, никто никого не слушала, и я уже не могла различить слов. А попытки подняться не увенчались успехом. Нога ныла, кажется, я подвернула лодыжку.

Теперь ставшая единой в своём негодовании толпа неистовствовала. Чудом мне удалось отползти в сторону, будучи никем не растоптанной. В ход пошла вода и вёдра, что летели в несогласных. Наверное, стоило вмешаться, например, сказать о своём участии в Собрании, подтвердить существование мужчин и всю историю. Но я сама знала всё лишь с чужих слов, доверилась представлению Васхи о происходящем. Потому едва ли мои доводы смогли бы хоть кого-нибудь убедить. Насколько легко поверить в домыслы, когда не знаешь правды. Мужчины, которых почти никто не видела. Арчи не в счёт, слишком долго он прикидывался одной из нас, да и опасным не выглядел. Может и правда чушь, безумие, на которое я легко повелась? А у Арчи между ног приютился морской паразит, и не бывает никаких мужчин.

Собственный отрывистый нервный смех вернул меня обратно в Перекрёсток в гущу стычки, переросшей в самую настоящую драку. Сквозь толпу я разглядела Вигуш, равнодушно наблюдавшую за происходящим со стороны. Отчаянно надеясь, что она меня заметит, я замахала руками, крича:

— Вигуш! Вигуш!

Услышав своё имя, швея насторожилась, и стала вертеть головой по сторонам, потом внимательно взгляделась в беснующуюся толпу и, наконец, заметила меня. Вопросительно подняла бровь. Я указала на ногу, удручённо покачав головой. Кивнув, Вигуш сделала шаг в мою сторону и стала медленно продвигаться сквозь дерущихся, поразительно ловко увернулась от камня, едва не рассёкшего ей лоб.

— Они выжили из ума, — констатировала Вигуш, склоняясь надо мной и помогая встать.

— Не могу не согласиться.

Нога ныла так, что я скривилась от боли, зажмурившись, когда пыталась на неё наступить. А в следующий момент нечто нестерпимо горячее хлестнуло по лицу, заставив вскрикнуть. Я почуяла запах горячей плоти и плавленных волос. Вигуш быстро оттащила меня в сторону, помогая сесть на ближайšie ступеньки.

— Что с моим лицом? Что с моим лицом? — лихорадочно повторяла я, впиваясь ногтями в руку своей спасительницы, меня трясло.

— А ты не чувствуешь? — отстранённо поинтересовалась швея.

Очков я лишилась, и окружение стало расплываться, но левый глаз не закрывался. Он совсем не закрывался, хотя я изо всех сил напрягала веко.

— Что это такое было? — не отставала я.

— Похоже камень разбил фонарь на столбе, масло вспыхнуло как раз над тобой. Если бы не очки, ты бы лишилась обеих глаз, Сахар.

— Охотно верю. Но что с моим левым глазом?

На этот вопрос Вигуш не ответила. Не став дожидаться, пока толпа утихнет, она донесла меня до моего дома. Я услышала обеспокоенный голос Лежки:

— Что случилось?

— Давай ты сперва поможешь мне занести её внутрь.

Оказавшись на продавленном диванчике в гостиной, я потребовала принести зеркало и другую пару очков. Вигуш стояла в сторонке, уставившись на меня, пока Лежка поспешно выполняла распоряжение. Немного успокоившись в тишине и покое родных стен, я стиснула ручку зеркала лишь слегка дрожащей рукой, водрузила очки на переносицу и, сделав

глубокий вдох и выдох, посмотрела на собственное отражение.

Лицо обожжено, несколько ссадин на скулах, оставшихся от разбитого стекла. Белый шарик левого глазного яблока торчал из-под опалённой брови, лишённый мягкой тонкой кожицы, зовущейся веком. Я сглотнула, в пересохшем горле засадило. Собравшись с духом, повернула голову и выдавила улыбку, глядя по очереди на бледную Лежку и безразличную Вигуш:

— Похоже у меня появился новый проект. Что думаете?

Громкое протяжное мяуканье у ног стало единственным ответом, который я получила.

Глава 9. Светлая грусть расставания

Как позже мне рассказали, ведьма явилась в город ранним утром, когда ещё сонные петухи не собрались надрывать свои глотки. Она пересекла город, оставляя глубокие следы на хрустком выпавшем ночью снегу, пока те немногие, кто привыкли вставать с рассветом, провожали её ошеломлёнными взглядами. Ведьма Шепчущего леса, о которой ходило столько сплетен, вдруг предстала перед миром, не скрывая своего истинного лица за обличем полуночной совы. И всё-таки она внушала робость и страх. От Соши веяло чем-то животным и диким, как от того разъярённого медведя, вдруг напавшего на девочку. И потому никто так и не решился с ней заговорить.

Сейчас же Соши стояла прямо предо мной в спальне, напоминающей о прежней Васхе разве что розовым цветом стен (шкаф, из чьего нутра полностью исчезли сарафаны, я перекрасил в зелёный; а ящички заполнились эскизами разных знакомых женщин, которых я облачил в доспехи, пририсовав оружие). Перевязанный бок ныл, стрела, которую Малка вчера забыла в гостиной, с почерневшим от яда наконечником лежала на комод. Новжа занимала стул почти у самого изголовья кровати, а Димбо прислонилась к стене и настороженно и недружелюбно поглядывала в сторону неожиданной гостьи. Вторая хранительница устроилась в кресле и с живым любопытством оглядывала ведьму.

Малке и Арчи достались роли стражниц. Они стерегли комнату, в которой и была заперта убийца, совсем не думавшая сбегать с места преступления. Хотя, возвращаясь к инциденту, я пришёл к выводу, что Айя намеревалась просто свалить всю вину на уроженку Ракушки, раз уж использовала её оружие. План бы отлично сработал, превратись я в бездыханный труп, как и было положено.

— Помнишь ли ты, Васха, что я сказала тебе тогда в лесу? — спросила ведьма Соши напрямик.

— Помимо прочего, что теперь ты моя хранительница. Видимо, потому смертельная доза яда не погубила меня.

Соши раздражённо подёрнула плечами:

— Такое расточительство. У тебя было три смерти в запасе, а теперь осталось лишь две. На четвертую мы обе сгинем.

Я попытался сесть поровнее на смятой подушке, но острая боль, пронзившая бок, заставила передумать.

— Почему ты не сказала мне раньше?

— Стала бы ты беречь как зеницу ока жизнь, зная, что я подарила тебе столько смертей?

— Тот ещё подарочек! — проворчала Димбо нарочито громко, чтобы все услышали. — Не из-за тебя ли, ведьма, Айя напала на родную сестру? И что мы теперь станем с ней делать? Решиться на убийство...

— Разве не Васха принесла убийство с собой в Быстроречье? — поинтересовалась Свебела с напускной вежливой заинтересованностью. — Между людьми случаются разногласия, но, чтобы уничтожить человека как какой-то скот на убой... такое бы и в голову никому не пришло.

Новжа вскочила, смерив Свебелу негодующим взглядом:

— Ты не знаешь, о чём говоришь!

— А ты, полагаю, уже очень хорошо об этом осведомлена, — моя сестрица гадко и самодовольно улыбнулась. На самом деле мы не рассказывали никому об уничтоженном отряде имперцев, но Свебела была достаточно умна, чтобы догадаться о том, что нечто кровавое всё-таки имело место. Вылазка в лес и запачканные в крови балахоны, пусть и до этого тщательно вытертые снегом... упадническое настроение участниц отряда. Слишком уж ясная складывалась картинка.

— Довольно, — сказал я мягко, и подруга села обратно, впрочем, не окончательно расставшись с боевым настроением. — Айя заслуживает наказания, но мне бы не хотелось, чтобы хоть одна живая душа в Быстроречье узнала о поступке той, что должна была их беречь.

— Я заберу её с собой в лес, — сказала Соши. — Всё равно она всегда ненавидела свою долю в роли хранительницы. И ты ошибаешься, объездчица, пусть я и могла послужить последней каплей, но Айя пошла на убийство не только по этой причине. Я сожалею о её глупости, но, зная теперь, что моя жизнь неразрывно связана с жизнью Васхи, больше она не причинит вреда.

— И ты так легко простишь её? — удивилась Новжа. — Примешь в своём доме убийцу. А как насчёт её чувств и того инцидента в лесу?

И без того жуткие глаза ведьмы сверкнули в зловещей усмешке:

— Мораль людей смешна для меня, от того я даже не пытаюсь её понять.

Соши подошла к комоду и забрала стрелу. Она собралась уходить, как Димбо задала ещё один вопрос:

— Почему Айя хотела убить Васху?

Ведьма повернула голову в её сторону:

— Увидишь. Может однажды ты сама приставишь лезвие к горлу той, кого нынче считаешь подругой и соратницей.

И на этой зловещей ноте, заставившей всех нас всерьёз напрячься, Соши удалилась. Я кашлянул, надеясь как-то разрядить атмосферу, проговорил в шутку:

— Значит извинений от старшей сестрёнки ждать не приходится.

— Вот уж вряд ли, — Новжа невесело усмехнулась.

Свебела поднялась с кресла.

— Теперь в мои руки переходят обязанности первой хранительницы, — отметила она обстоятельно.

— Единственной хранительницы, — поправил я. — В начале весны мы двинемся к морю, и я не смогу помогать тебе, даже если бы захотела.

Лицо сестры озарила первая на моей памяти искренняя улыбка. Свебела вышла, а я нервно мял одеяло.

— Я совершенно точно никогда не подниму на тебя оружие, Васха, — с жаром проговорила Димбо, размахивая руками. — Эта ведьма просто не в себе, как и твоя сестра, неудивительно, что они спелись.

— Согласна, — закивала Новжа.

Странно было быть под защитой колдовства ведьмы, считавшей меня пропащим. То в предательстве обвиняла, то грозила тем, что мои собственные люди решат со мной разобраться при причине мне неведомой. Я не совершил ничего чудовищного, чтобы вызвать их ненависть или толкнуть на измену. Неужели совершу? Тогда почему ведьма связала наши

жизни? От напряжённых раздумий и невозможности понять умозаключения ведьмы у меня разболелась голова.

— Я хочу немного поспать.

— Конечно, — подруга мягко улыбнулась, поправляя моё одеяло.

Я провожал сонным взглядом Димбо и Новжу, пока они покидали комнату и аккуратно закрывали за собой дверь. А перед тем как сомкнуть веки нечаянно представил, как Новжа подходит ночью к моей постели и тихо перерезает горло. Перехватило дыхание, я буквально не мог вдохнуть. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы избавиться от ужасающего наваждения. Залпом плотнул громадную порцию воздуха. Не позволю какой-то ведьме заставить себя усомниться в моих же людях. Ни за что не позволю.

Весна пришла скорее, чем мы ожидали. О вдруг сбежавшей в лес Айе ходили толки, но всё списали на непреодолимую силу любви. Святая наивность.

Свебела быстро приноровилась к новой роли и с самодовольством на лице встречала жаждущих получить её советы. На сходах же стало выноситься много новых тем для обсуждений, составленных самой хранительницей. Она строила грандиозные планы по преобразованию города, что теперь стал её вотчиной, по крайней мере, так ей казалось. Но жительницы Быстроречья с неохотой принимали нововведения, упрямылись и упирались. Свебела столкнулась с духом привычки и традиции, с тем обо что когда-то поломала зубы её вторая мать. Но, не расставаясь с полуулыбкой, новая хранительница шла напролом, заручаясь поддержкой молодого поколения, среди которого было много её учениц. И к тому моменту, как мы собрались отправиться в путь, все окна дома хранительницы сверкали толстыми кусками стекла, а в конце главной улицы строилось здание Дома Показов, где Свебела планировала ставить пьесы собственного сочинения, для начала.

Рана затянулась, не оставив после себя и шрама, лишь тёмно-зелёную отметину на боку, похожую на дерево, раскинувшее спутанные ветви на коже. «Ещё две смерти», — мысленно повторял я, пока окончательно не свыкся с этим фактом. Теперь зная всё о пережитом ритуале, стоило беречь жизнь даже пуще прежнего, пусть это и нелегко воительнице, извечно подвергающей себя смертельному риску в бою. Но думать о таком было пока рано.

После стычки в лесу мой отряд проводил ежедневные патрулирования, проверяя, не нагрянули ли ещё имперцы, но больше никто так и не появился. Это приняли пусть с неявным, но всё-таки облегчением.

Мои волосы за прошедшую осень и зиму сильно отросли, и я почти узнавал в зеркале то лицо, что увидел там впервые всего несколько месяцев тому назад. Заплетя две косы по бокам, стянул их сзади в небрежный хвост зелёным лоскутом ткани. И волосы мешались гораздо меньше.

Малка убирала только светлую чёлку, зачёсывая её на бок. А Арчи, обзаведшийся мускулами, вдруг перестал быть похожим на хрупкую нуждающуюся в защите деву, которую я увидел в нём при нашей первой встрече. Он сооружал высокий конский хвост и гордо и прямо держал спину, что прибавляло несколько сантиметров в росте.

Когда мы покидали город, никто не пришёл нас проводить, потому что и мы не планировали ни с кем прощаться. Хотелось уйти тихо, возможно тому причиной служило оружие, оттягивающее наши пояса. Никто кроме Свебелы не должен был знать, куда и зачем мы держали путь.

Вралета встретила нас, как заведено, табачным дымом. Димбо оставила Золотку в конюшне Быстроречья, долго с ней прощалась, и я точно разглядел слёзы, застывшие в глазах

у объездчицы, когда она забиралась в ставшую тесной телегу. Малка устроилась спереди.

— Первая остановка — Перекрёсток, — сообщил я извозчице.

Вралета кивнула, тряхнув поводьями.

В этот раз мы никуда не заезжали, а ехали напрямик, добравшись совсем без приключений. Хотел бы я сказать, что Перекрёсток не расстался со своей обычной суетой, а здешние люди всё также были по уши погружены в любимую работу, которую сами себе находили. Но первая же лавка, которую мы миновали, оказалась заколочена, другую разворотили, только дверь качалась на погнутых петлях. Димбо наступила сапогом на рванный плакат и подняла его, вслух прочитав написанное:

— «Да поберут Предки закрывших очи на правду. И пусть пепел их развеют над бесплотной пустыней.»

— Что это значит? — удивилась Новжа.

Пока нынешнее положение дел в поселении вызывало ненапрасные опасения, мне на глаза попала рыжая кошка, ловко передвигающаяся на колёсиках. Лапка, так, кажется, её звали. Она снова куда-то торопилась, быстро перебирая передними здоровыми лапами. Но не успел я двинуться следом, как путь нам преградила девичья ватага зим тринадцати-четырнадцати. Вид у них был враждебный, а лица измазаны пылью.

— Что произошло в Ракушке? — потребовала ответа одна из подростков, даже не удосужившись поздороваться с незнакомыми женщинами.

— Одни люди были похищены, а другие убиты, — отозвалась насторожившаяся Малка.

Девчонки удовлетворённо закивали и оставили нас в покое. Я заметил, как одна из них спрятала камень обратно в карман, который буквально расходился по швам от наваленных в него камней.

Димбо почесала в затылке:

— Хотела бы я знать, что здесь такое происходит.

— Спросим у Сахар.

Когда мы подошли к мастерской изобретательницы, кошки и след простыл. Может она вообще направлялась не сюда, либо намного опередила нас. В помещениях царил всё тот же беспорядок, но другого толка.

Деревянные манекены заполнили комнату, став её нынешними постояльцами. Разных форм и размеров, они служили подставками для частей доспехов. На головах, отделённых от тел, сияли отличные друг от друга шлемы (с забралом и без; украшенные перьями; и похожие на казаны для приготовления пищи). Громадная металлическая перчатка, в два раза превышающая размером человеческую руку и оставленная на одном из столов, удерживала толстую свечу, что горела, не расплавляя воск. Рванный лепесток пламени был угольно-чёрным и (я сверху провёл ладонью) холодным.

Под ногами лежал мусор: покорёженные и поломанные неудавшиеся изделия. Валялись скомканные бумажные листы, щедро испачканные чернилами, и даже нашлось место деревянным доспехам, нацепленным на стальной каркас, похожий на человеческое тело. Он просто сидел, прислонившись к стене, положив ногу на ногу как скучающий на посту стражник.

Новжа, залюбовавшаяся одним из шлемов с яркой кисточкой на макушке, осторожно сняла его с искусственной головы и попыталась надеть на свою.

— Не советую этого делать, материал, конечно, красивый, но жутко токсичный. У тебя волосы слезут, — предостерегла Сахар, появляясь из-за многочисленных рядов доспехов.

Подруга поспешно вернула изделие на место, на всякий случай вытерев ладони об одежду. Изобретательница оглядела пришедших к ней гостей с ног до головы... только одним глазом. В этот раз её лоб не обхватывал металлический обруч, сжатое меж бровью и скулой стёклышко красовалось на правой стороне лица, а левую скрывала тёмная повязка.

— У тебя что-то с глазом? — обеспокоенно поинтересовалась Малка.

— Не то чтобы..., наверное, — рассеянно пробормотала Сахар. — Но сейчас это неважно. Вы же явились за бронёй. Прошу за мной.

Мы последовали за изобретательницей. Миновали кабинет с непонятными приборами, который почти не изменился с момента моего последнего посещения. Только прибавилась ещё парочка непонятных штуковин на полках, вроде стеклянных глазных яблок в банках, по крайней мере я надеялся, что они были сделаны из стекла. Дальше располагался деревянный широко открытый люк с каменной лестницей, ведущей глубоко вниз.

Воздух тут был затхлый. Глазам пришлось привыкать к темноте, но недолго, дальше помещение заливал желтоватый свет, исходящий из стеклянных сосудов, расставленных по углам и шкафам. Перед холодной печью выстроился ряд манекенов, разодетых в доспехи. И они совсем не сверкали и едва ли походили на эскиз, который я когда-то рисовал. Мне даже захотелось вернуться в самую первую комнату и выбрать что-нибудь из представленных там образчиков.

— Я сосредоточила своё внимание на удобстве и функциональности, — начала объяснять Сахар, обходя плоды своего труда. — И ещё важно, чтобы их было легко снимать, вот о чём я думала.

— Они не похожи на то, чего мне хотелось, — разочарованно пробормотал я, подходя к доспехам, стоящим в центре.

Блеклые будто покрытые пылью, хотя на них не было и пылинки, состоящие из мельчайших чешуек, которые я смог разглядеть лишь сейчас, подойдя ближе, издали они сливались в единый материал. Наручи начинались от локтевого изгиба, но между ними и плечом располагалась тончайшая серебристая ткань, которую, как я понял, следовало носить под одеждой. Горло закрывала та же ткань рубахи, заменявшая кольчугу и бывшая длиной до самых бёдер (рубаха, заменявшая кольчугу! Это уже совсем не смешно). Чешуйчатый нагрудник надевался поверх и закреплялся почти незаметными ремешками.

Все остальные выглядели похожими на эти. Только у самого маленького из них, видимо, предназначенного для Малки, нагрудник был меньше размером, а наручей и вовсе не имелось, лишь тонкие кожаные перчатки.

Сахар довольно улыбалась, пока я безмолвно предавался унынию.

— Выглядит мило, наверное, — неуверенно проговорила Новжа.

— Можете забирать, — Сахар махнула в сторону деревянных ящиков, в которые можно было сложить доспехи.

Выбора не оставалось, да и не подходящий момент для придинок. Я мог рассчитывать лишь на одни доспехи, а получил целых пять.

— Что такого произошло в Перекрёстке? — любопытствовал я, когда оставалось лишь отнести набитые доспехами ящики наверх. — Почему некоторые лавки закрыты, а другие выглядят как после налёта?

— Хм... — Сахар задумалась, словно обращаясь к самым пыльным закоулкам собственной памяти. — Это случилось восемь лун назад. Слишком долго копилось негодование в сердцах людей, и в итоге произошёл взрыв. Спустя несколько недель после

трагедии в Ракушке, некоторые стали делать вид, что никто ни на кого не нападал, а жительниц снёс в море ураган или нечто вроде того. Возмутительно для тех, кто имел родственниц и подруг в Ракушке. Поселение разделилось на жаждущих и дальше жить спокойной и размеренной жизнью и нежелающих смириться с произошедшим. Во время стычки крупно досталось обеим сторонам, но серьёзно никто не пострадала. Так ничего и не добившись, группа смутьянок отправилась к горам. Говорят, собираются поселиться среди холмов, в Эхо их вряд ли пустят.

— Звучит сурово, — мрачно изрекла Димбо.

— Но ушли не все, — заметила Малка, намекая на ватагу, встретившуюся нам по дороге.

— Разумеется. Не все готовы разом бросить свой дом ради идеи, — проговорила Сахар.

— Желаю вам удачи. Да не оставят вас Предки в трудный час.

— Спасибо, — откликнулся я.

— И за броню благодарим тоже, — кивнула Димбо.

Так мы и оставили мастерскую изобретательницы. И кошка Лапка, и помощница Лежка как сквозь землю провалились. Наверное, в доме имелись и другие комнаты. Каким же большим и загадочным он был.

Пополнив запасы воды и провианта, мы загрузили доспехи и отправились дальше. Не обмениваясь и словом, под стук колёс размышляли о смутьянках, покинувших Перекрёсток и решивших не просто уйти куда-то ещё, но начать всё сначала. Смелые или всё-таки безрассудные женщины? Мне было даже жаль, что мы не застали самой стычки. Может быть удалось бы их рассудить, ведь это я и Димбо первыми увидели Ракушку после трагедии.

Но что толку от пустых размышлений?

Жемчужина не шелохнулась от нашего прибытия. Порой поселенки косились в сторону незваных гостей, а я так и не смог приметить прежних улыбок и беззаботности. Старушки, которые остались в памяти с прошлого раза, больше не расслаблялись на пляже, любясь накатывающими друг на друга волнами. Часть бамбуковых построек стояла пустая или брошенная со всей домашней утварью. Матери не позволяли детям заплывать далеко. Некоторые из селянок строили дома поближе к бамбуковой роще и подальше от хранящего в себе опасность Несмолкающего моря. Но не то привлекло наше внимание.

Там, где волны встречались с берегом, на широкой, сколоченной из самого прочного бамбука подставке держалась лодка в шесть раз превышающая размерами всякую рыбацкую лодчонку. А с палубы, аккуратно, но твёрдо ступая по деревянным ступеням-дощечкам, спускалась Адигора. От этого неожиданного видения я даже утратил дар речи.

— Что она здесь забыла? — прищурившись, негодуяюще прошипела Новжа.

Заметив людей, беззастенчиво на неё пялившихся, стражница Эха направилась прямо сюда. У меня внезапно закружилась голова, и я опёрся о плечо Димбо, спрятав лицо за её внушительной, по сравнению с моей собственной, фигурой.

— Какой сюрприз, — вежливо протянула Адигора. — Не ждала увидеть вас снова.

— Разве мы не обещали явиться? — прохладно отозвалась Новжа.

— А вы, как я понимаю, собрались в Империю? — поинтересовался Арчи, научившись сражаться, он осмелел.

Я-таки набрался духу и выглянул из-за плеча Димбо, заметив критический взгляд Адигоры, которым она окидывала наше возросшее в своём количестве вооружение. Непонятный блестящий круг был до сих пор при ней, как всегда окутанный меховым чехлом.

— Посмотрите, кто тут у нас! — послышался противный, но безусловно знакомый голос

Падве. — Мы надрывались, строили лодку, а они припёрлись на всё готовенькое. Удобненько, правда? Но хер мы вас с собой возьмём. Некогда с детишками нянькаться.

— Без нас вам всё равно не управиться, — спокойно заметил Арчи, даже не вздрогнувший, когда эта грубая и пугающая на вид женщина приблизилась к его лицу и глядела в упор, ожидая хоть какой-то реакции, так ничего и не дождавшись.

— Адигора, скажи им! — рывкнула Падве, обходя нас как стайку нашкодивших проказниц.

— Боюсь, Падве права, — ровно изрекла та.

Выбравшись из-за спины Димбо, я на ходу вытащил Велимир. Глаза Адигоры расширились, она напряглась, рефлекторно потянувшись к своему оружию.

— Поединок рассудит, кто куда поплывёт, а кто останется здесь махать ручкой удаляющемуся кораблю, — бросил я вызов той, при одном взгляде на которую начинало учащённо колотится сердце.

Все поспешно расступились, расчищая нам место на вымощенной чёрными жемчугами мостовой.

— Как скажешь, Васха, только не плачь потом, — отозвалась Адигора бесстрастно.

Не удержавшись, я усмехнулся её самодовольству. Рука с длинными пальцами не спешила хвататься за оружие, но она сняла с него чехол, убрав серебристый мех в карман штанов. Мы неспешно вышагивали по кругу, не сводя с друг друга пристальных взглядов.

— Не переживайте, — обратилась Падве к моим людям. — Здесь вроде как хорошая целительница. Подлатает.

Движение моей противницы было молниеносным, прозрачные камни на её оружии вспыхнули звёздами. Я не знаю, как вообще успел увернуться от металлического, летящего мне в голову, круга, прочертившего ровную дугу, и вернувшегося в руки своей владелице. Отсечённые кончики моей чёлки рассыпались прямо под ноги. Это оружие, как бы оно ни называлось, было заколдованным. И все это поняли в единый миг.

— Попахивает нечестным поединком, — пробурчала Димбо с возмущением.

— Но разве не Васха рискнула бросить вызов, ничего не зная о возможностях соперницы? — рассудительно отметила, пришедшая на шум, третья стражница Эха — Ром.

Но я едва ловил краем уха их беседу, лихорадочно размышляя о своих дальнейших действиях. Но в бою нет времени на долгие раздумья. И металлический круг уже отправился в полёт, чтобы ударить по ногам. Высокий прыжок, даже мышцы заныли. Камни вновь сверкнули в руке Адигоры.

— Ну, же, — подбодрил я сам себя, бросаясь вперёд с Велимиром наперевес.

Адигора ушла от удара, но выглядело это довольно неуклюже. А я сообразил, что её тип оружия слишком короткий, чтобы достигнуть меня в ближнем бою на расстоянии равном длине меча. Да и лезвия она в меня больше метать не сможет. И этого оказалось достаточно, чтобы прилепить меня в паре шагов от противницы, не давая оттолкнуться.

Разъединив круг на две одинаковые сверкающие половинки, Адигора завертелась на месте, рассекая воздух. Так быстро, что я едва успел отскочить, ощутив свежую кровотокающую рану на переносице. И вот она уже сомкнула половинки, чтобы в который раз запустить ими в меня. Ни за что! Я перекатился в сторону, оказавшись у неё за спиной. И пока оружие вертелось в воздухе, заставляя зрительниц отступить ещё на пару шагов, приставил Велимир к шее своей противницы одной рукой, а второй поймал заколдованный предмет, тут же получив ожёг от соприкосновения с металлом, швырнул его под ноги. Но не

убрал лезвия от горла Адигоры.

Только теперь я повернулся в сторону наблюдательниц. Падве вытаращила глаза от удивления. Уголок рта Ром подрагивал в восхищённой полуулыбке. А мой отряд подмигивал и одобрительно кивал, показывая всем своим видом, что они не сомневались в успехе своей предводительницы.

Спрятав Велимир обратно в ножны, я предстал перед Адигорой. Она выглядела раздосадованной и озадаченной одновременно. Посмотрела на меня так, будто видела в первый в жизни.

— Твоё оружие обожгло меня, — продемонстрировал я ладонь со свежей алой отметиной.

— Лун, так оно называется, — ответила Адигора, поднимая круг и пряча его в меховой чехол. — Потому что похоже на две половинки луны. Никто не может касаться луна кроме стражницы, для которой он предназначен.

— Так я и подумала.

— У тебя идёт кровь, — Адигора приблизилась, протягивая на ходу сложенный платок.

Я взял его несколько неловко, прижав белоснежный кусок ткани к рассечённой переносице. Некоторое время мы просто молча глядели друг на друга, будто бы изучая. Всегда по-другому выглядел человек, с которым довелось схлестнуться в бою. Иначе, чем, когда знал его до мига схватки.

— Так что там с лодкой? — подала голос Димбо.

— Зачем вы прибыли в Жемчужину и строили лодку? — поинтересовался я у Адигоры.

— Мы лишь помогали достраивать. Прибыли сюда шесть лун назад и обнаружили почти готовую лодку. Это здорово облегчило наше задание.

— Какое ещё задание? — полюбопытствовала Новжа.

— Старейшины назначили нам вернуть похищенных женщин и девочек.

— Вот так просто отправиться в чужой край, ничего о нём не зная, — Арчи недоверчиво оглядел стражниц Эха. — И кто из нас ведёт себя подобно несмышлёному ребёнку?

— Захлопнись, пока зубы не выбила, — прорычала Падве, расстроенная из-за проигрыша подруги.

Димбо встала между ними, расставив руки:

— Полегче. Мы на одной стороне.

— И что же капитанша возьмёт нас на борт? — поинтересовался я, подняв голову, и наткнулся на круглолицую, полную женщину зим сорока, взирающую на нас с палубы.

— Вы такое зрелище мне устроили! — послышалось сверху. — А я-то, глупая, думала, что только стражницам Эха есть дело до бедных похищенных женщин!

Малка выступила вперёд:

— Нет не только! Моя сестра находится на том берегу Несмолкающего моря!

Капитанша оглядела мой отряд долгим изучающим взглядом, а потом махнула рукой, выпрямляясь:

— Добро пожаловать на борт!

И мы ступили на него с робостью ребёнка, впервые увидевшего нечто диковинное и новое. В Быстроречье рыбачили с берега, лодок там не водилось. И я впервые видел и касался одной из них. Пахло деревом, пахло лесом.

— Как дома, — заметила Новжа, проводя ладонью по гладкому бревну, служившему тут

мачтой.

— Ты так быстро построила его, — поразился я.

— Риф, — представилась капитанша, вблизи выглядевшая ещё внушительней. Закатанные рукава рубахи обнажали мускулистые загорелые руки. До самых колен были закатаны и штанины. — Я строила Зарю десять лет. Была у меня такая большая мечта, нынче обратившаяся в печальную необходимость.

— И как я не заметила Зарю, когда мы были здесь в прошлый раз?

— Так у нас и времени не было на осмотр достопримечательностей, — сказала Димбо, переваливаясь за борт. — Как высоко от земли, ух!

— Эй, ты и ты, — обратилась Риф к Арчи и Малке. — Подите сюда, поможете кое-с-чем.

Оставив сумки с вещами и оружие, они послушно проследовали за капитаншей.

Я подошёл к самому носу корабля, всё ещё сжимая в ладони платок Адигоры, думал о том, как далеко мы уже зашли. И вот сделан очередной шаг. Глубоко вдохнул, наполнив воздухом грудь. Соль защекотала ноздри. Крики кружащих неподалёку чаек оглушали меня.

— Они забрали её возлюбленную, — сообщила Адигора, появляясь рядом.

— Чью?

— Риф. И теперь она намерена совершить невозможное, чтобы вернуть её, — поразительно, но теперь серые как пасмурное небо глаза не смотрели на меня сверху вниз с прежде присущей им снисходительностью. Это коробило с непривычки. — Но действительно ли на том берегу ожидают те, о ком говорит твой Арчи?

— Непременно, — я повернулся к ней. — Мы столкнулись с имперцами в Шепчущем лесу, — вдруг улыбнулся, скользнув взглядом по серебристым локонам. — Будет интересно посмотреть на тебя с длинными волосами.

Адигора озадаченно свела брови, но ни о чём не спросила. Я вспомнил про платок и разжал кулак, возвращая предмет владелице.

— Испачкался, — заметил я смущённо.

Она забрала его, не выказав брезгливости, и спрятала в карман засохшие пятна чужой крови. Вернулась к остальным стражницам, живо обсуждавшим недавний поединок, которому они стали свидетельницами. Но я знал, что победил не потому что оказался искусней, просто Адигора не привыкла сражаться с людьми, да и меч ей был в новинку. Не говоря уже о том, что она опасалась всерьёз мне навредить. Видят Предки, эта стражница сражалась в пол силы, в то время как я напряг все имеющиеся, чтобы не оплошать. И это повергало в некоторое уныние, пусть лун и был заколдован горной ведьмой.

— Когда мы отправляемся? — поинтересовался я у Риф, ненадолго оторвавшейся от приготовлений.

— Через две луны, надо запастись провиантом, — капитанша выглядела взволнованной. — Никто до нас не заходил в море так далеко. Может «Заря» и вовсе потонет, или команда не выдержит испытаний, что выпадут на её долю.

Новжа одобряюще похлопала женщину по плечу, улыбнувшись ей:

— Уверена, всё будет хорошо.

Риф закивала, вернув себе бодрость духа, и исчезла в каюте. Широкая спина скрылась за скрипучей дверкой, выкрашенной в цвета морской волны.

— Ты была великолепна в бою, — искренне восхитилась Новжа. — Я не могла оторвать глаз, и сердце замирало от каждого полёта лезвия рядом с твоим лицом.

— Надеюсь, мы готовы, — тяжело выдохнул я, размышляя о предстоящем путешествии и конечной его цели. — Очень на это надеюсь.

— Всё у нас получится, если Несмолкающее море в свои пучины не заглочит, — в шутку заметила Новжа, откликнувшись на взмах Димбо, убежала.

Часто рисуя в воображении город мужчин, я ненароком пропускал глубокое море, которое было необходимо преодолеть. Повернувшись к нему сейчас, я ощутил трепет и вспомнил, что совсем не умел плавать. С кораблём нам повезло, просто несказанная удача. Никак сами Предки благоволили. Но опыт учил, что нет ничего, дающегося просто, за что бы потом не пришлось очень тяжело расплачиваться.

Непрекращающийся шум накатывающих на каменистый берег волн начал действовать на нервы, и я сошёл на сушу в поисках спокойного и тихого местечка в одном из опустевших домов. Но шум застиг меня и там. Выглянув в узкое окошко, заметил Адигору, она направлялась к ручью с парой кожаных бурдюков. Просто наблюдая, как её высокая гордая фигура отдалялась, я ощущал безмолвную благодарность и тихое счастье от того, что в это путешествие мы отправляемся вместе.

— Васха, может закончишь прохлаждаться и поможешь мне с ужином? — поинтересовалась Димбо, объявившаяся на пороге. — На целую ораву готовить, между прочим.

— Иду, — я поднялся, покидая своё неудавшееся убежище и немного жалея, что полученные в поединке ранения недостаточно серьёзны, чтобы иметь уважительную причину для лени.

Глава 10. На заре

Корабль влекомый вперёд одной лишь волей ветра, наполняющего белое полотно парусов. Горизонт расстилающийся на самом краю мира. Дельфины, сопровождающие нас на протяжении пока столь недолгого пути и приводящие в восторг юных членов экипажа. Невыносимая качка... мешала мне наслаждаться этим вместе со всеми.

Минула луна, а я не покидал тесной каюты, пол которой полностью покрыли соломенные матрасы. Неспособный есть из-за непрекращающейся тошноты или влить ложку воды в булькающий желудок, просто сидел, уставившись в деревянную стену невидящим взглядом, и прокручивал в голове: «Когда-нибудь этот кошмар закончится, и мы доплывём.»

Но печальная участь пала не только на мою голову. По соседству, скрываясь в тенистом углу, расположилась Ром. Вид у неё был жуть какой жалкий, но от того грустнее становились мысли о собственном отражении в зеркале.

— Если нам удастся пройти через это, то мы всё выдержим, — в бреду бормотала несчастная Ром то ли мне, то ли самой себе.

Гнетущая атмосфера душной каюты заставляла голову кружиться ещё сильнее, как и моё непокорное нутро. Собравшись с духом, я поднялся, чтобы выйти и глотнуть свежего воздуха в бесплотной надежде, что хоть чуточку полегчает.

Команда загорала снаружи, занимая большую часть палубы, небольшой по размеру, «Зари». Держась за всё, что попадалось под руку, я выполз к остальным.

— Как долго мы будем плыть к тому берегу моря? — обратился я к Арчи, прислонившемуся к краю корабля и подставившему лицо солнцу, он выглядел на удивление расслабленным, хотя по сравнению со мной кто угодно выглядел расслабленным.

— Девять лун, если ветер будет попутный, — он посмотрел на меня сочувствующе. — Уверен, скоро ты приспособишься, и станет полегче.

С сомнение взглянув в лицо Арчи, я заметил только начавшиеся прорываться редкие тёмные волоски на подбородке. Внезапно вспомнив о наличии бороды, что так явно отличала мужчину от женщины, я даже испугался.

— Всё это время ты сбрасывал её, — пробормотал я тихо.

— Сбрасывал что? — переспросил Арчи, но с таким видом будто и в первый раз отлично слышал.

Он не понимал, откуда я знал вещи, которые не должен бы знать, а я не торопился расссыпаться в объяснениях. Опершись локтями о край корабля, повис на нём, уткнув взгляд в разрезаемые напололам волны.

— Я начинаю сомневаться в успешности нашего предприятия, — признался я откровенно. — Сможем ли мы провести наших бдительных врагов? Мы ведь вовсе на них не похожи.

— И не должны быть, — спокойно отозвался Арчи. — Вы жители Островов.

— Островов? — что-то новенькое.

Он кивнул.

— Империя постоянно завоёвывает новые территории и присоединяет к себе. Островное государство сдалось во власть нынешнему Императору не так давно, потому имперский язык они знают скверно, прямо как вы, да и с общей историей плохо знакомы. В

первое десятилетие после присоединения Империя не облагает новые земли тяжёлыми налогами и не вводит обязательную воинскую службу, терпеливо выжидая пока на отравленной их верой и законами почве вырастет новое поколение, что с великой радостью добровольно бросится на мечи ради Императора. Об островных жителях мало известно, потому что они редко покидают территорию собственного государства, да и проживают у далёких северных границ Империи. И вы легко можете выдать себя за них, не меняя имён и имея возможность говорить друг с другом на родном языке.

Мне было странно всё это слышать. И почему Арчи раньше о них не упоминал? Может вспомнил только сейчас, когда решил отпустить бороду? Всё это время гнал любые мысли о своей родине, а теперь возвращался обратно, хотя никогда не рвался снова там очутиться. Не слишком ли легко я ему доверился? Столько секретов и недосказанностей...

— А что если мы столкнёмся с настоящими уроженцами Островов?

— Будем решать на месте, — ответила Адигора, появляясь рядом. — Васха, как себя чувствуешь?

— Всё также прескверно. Но перед высадкой нам всем нужно будет обвязать грудь, чтобы кто-нибудь ненароком не счёл нас похожими на жительниц Ракушки.

— Не кто-нибудь, а работорговцы, — поправил Арчи. — Чтобы отыскать пропавших, придётся связываться именно с работорговцами. А им свойственно тщательно осматривать товар. Однако, я более чем уверен, что женщин они в вас всё равно не признают.

— Я и на Димбо мало похожу, не то что на женщину! — заметила объездчица с другой стороны борта. — Эти железки, причёска, чуждая речь и стремления, о которых и не мыслила прежде. Всё задаюсь вопросом, Димбо ли я или кто ещё теперь?!

Она ловила рыбу с помощью самодельной удочки под строгим и бдительным руководством Малки, что нетерпеливо шикнула на неё и дёрнула за рукав, указывая в сторону моря. Да, рыбачки из такой шумной девушки точно не выйдет.

Ощувив очередной позыв рвоты, норовящий опустошить и без того слипшийся от голода желудок, я сделал несколько глубоких вдохов.

— Пойду проведу Ром, — Адигора удалилась в сторону тёмной каюты, пропитанной безнадёгой и муками, оставленной там в одиночестве стражницы.

Повернув голову направо, я увидел Падве стоящую в нескольких шагах от меня и мрачно вертящую в руках Лун. Её был украшен камнями цвета запёкшейся крови.

— В воду уронишь, Падве, — сказал я, силясь прибавить ослабленному голосу громкости.

Услышав своё имя из непривычных ей уст, стражница напряглась, оскалила левый клык и, неприязненно подёрнув плечами, проследовала туда же, где исчезла Адигора всего только пару мгновений назад.

Я тревожился, что в итоге нам так и не удастся сработаться вместе, а ведь это так важно на чуждых землях в самой гуще противников. Если будем враждебны ещё и друг к другу это снизит наши шансы не только на успех, но и вообще на выживание. Но некоторыми людьми управляли эмоции, вовсе не разум. Если же они-таки пытались следовать дорогой разума, игнорируя чувства, то выходило как с Айей. Сколько гнева и обиды скопилось в душе моей сестрицы, чтобы окончательно обратиться в остриё отравленной ядом стрелы, направленной на меня.

— Что за мрачная физиономия? — улыбнулась Новжа, появляясь прямо перед моим лицом. — О чём размышляешь?

— О минувшем, о грядущем, о настоящем...

— Какой загадочный ответ. Я кое-что принесла, — она протянула хлеб, меж двух кусков которого приютились нежно-розовый кусочек ветчины и лист немного пожухшего салата. — Тебе надо поесть.

— Мой желудок так не считает.

Краем глаза я увидел, как Адигора помогала Ром выйти наружу. Живая противоположность Падве пошатывалась и упала на пол, толком не пытаясь устоять на ногах, напротив растянула их, норовя подставить проходящим подножку. Падве дала подруге флягу с водой. Ром стала жадно пить. Я отвернулся, снова взглянув на бутерброд, принялся к нему. Слюна наполнила рот.

Арчи ушёл на взмах капитанши, стоявшей у круглого как тарелка штурвала, но слишком дырявого, чтобы с него есть. Паренёк помогал проложить курс. Удивительно, он плыл по этому морю всего лишь раз, но не забыл пути. Такой сообразительный, даром, что весь его потенциал оставался незамеченным из-за статуса раба.

Перевернувшись, я схватился одной рукой за край «Зари», а другой взял бутерброд, откусил кусочек и стал тщательно пережёвывать, испытывая собственную крепость. Считал себя бравым воином, а в итоге позволял качке погубить собственное тело. Не хотелось бы отощать за эти дни. И я глотал, ощущая крохотный кусок как огромный. Кое-как разделавшись с половиной бутерброда, вручил остатки Новже. Она благодушно улыбнулась, удовлетворённая моими усилиями.

На стороне стражниц не слишком чуткая Падве пыталась запихнуть в рот Ром кусок хлеба с сыром. Адигора же, что удивительно, глядела прямо на меня. Не сомневаясь в паршивости своего нынешнего вида, я скривил губы в неловкой улыбке. Она никак на это не отреагировала, отвернувшись, разбивая мои хрупкие надежды на особенный смысл этого пересечения.

И Новжа больше не стояла рядом, а увлечённо наблюдала за капитаншей Риф и Арчи, гладила штурвал словно пушистого милого котика.

Этот корабль был слишком тесен для всех нас. Увлечённые морем, новыми впечатлениями и эмоциями, женщины пока не замечали данного неизбежного факта. Но уже скоро острые грани столкнуться, определив дано ли нам сражаться рука об руку или каждая группа проследует своим путём.

С тяжким трудом, но желудок-таки удержал мой перекус, вселив веру в завтрашний день, который мне не придётся провести в мрачной каюте наедине, с такой же несчастной, как и я, Ром.

Но утро сразу не задалось, многие вскочили разбуженные громом, молния полоснула близко от мачты, оставив дыру в палубе и едва не подожгла и сам корабль. Промокший до нитки Арчи, которому временно доверили управление, дрожал, стуча зубами, и мне пришлось выдирать штурвал из его одеревеневших рук.

Весь оставшийся день мы боролись с непогодой и её последствиями. Получили несколько ушибов в спешке скользя по мокрой палубе и лишились всех запасов хлеба, необдуманно оставленного в открытом ящике. Измотанные мы уже валились с ног, когда из-за туч мелькнула Ярша — путеводная звезда и осветила собой ночь.

— Мы точно сгинем в этом паршивом месте, — ворчала Падве, жадно ужиная вяленой кониной и запивая её ячменным пивом.

Промокшая от дождя одежда висела над головами, развешанная на верёвке,

прикреплённой к мачте. И мы сидели в одном исподнем в полумраке, который едва развеивал тёплый свет нескольких масляных фонарей.

— А ты оптимистка, я погляжу, — усмехнулась Димбо, широко расставив ноги.

Судя по нахмурившимся бровям, Падве собиралась на неё рыкнуть, но Адигора одним лишь коротким взглядом остановила вспылчивую подругу.

— Всем нам требуется отдых, — сказала она, обращаясь не то к своим людям, не то ко всем сразу.

— Ещё нам нужно поскорее добраться до места, и потому кто-то должен остаться снаружи и следить за курсом, — заметил измотанный Арчи.

— Я останусь, — вызвалась Новжа.

А Димбо всё не успокаивалась:

— Вот смотрю я на твою грудь, прелесть, и никак не разберу, как это вообще можно спрятать.

Далеко не все сразу поняли к кому конкретно обращалась объездчица, и взгляды многих, в том числе и мой, скользнули чуть ниже шей присутствующих. Разом замерли на самой крупной здесь груди, даже тень не могла сделать её меньше и незаметней. И, подняв глаза выше, я столкнулся с красным от злости лицом Падве. Она сжимала кулаки, прожигая усмехающуюся, весёлую Димбо гневным взором. Адигора положила руку на плечо подруги, но та лишь сбросила ладонь. Не сумев усмирить Падве, Адигора посмотрела в мою сторону с укоризной, делая меня ответственным за провокационные слова Димбо.

— К чему столько эмоций? — продолжала развлекаться Димбо. — Это ведь вовсе не твоя вина, скажи мамочкам спасибо. Но, боюсь, как бы наши усилия прахом не пошли из-за вот этого, — она указала рукой на всю Падве.

Вконец ослепнувшая от негодования стражница бросилась на Димбо. Но, готовая к нападению, та легко увернулась, и Падве полетела напрямик в море.

— Человек за бортом! — всполошилась капитанша Риф всё это время напряжённо наблюдавшая за происходящим, и наверняка жалевшая о своём решении взять всех нас с собой.

Она бросилась следом за барахтающейся в воде Падве, предварительно прихватив с собой верёвку. Спешно обвязала пояс вспылчивой стражницы, отчаянно хватавшей ртом воздух. Вытаскивали Падве вместе как мешок, нагруженный камнями, из последних сил. настолько тяжёлой она была. Димбо же непринуждённо стояла в стороне и жевала сочное яблоко.

После ужина стражницы удалились спать первыми, перед самым уходом Адигора отвела меня в сторонку и проговорила жёстко:

— Усмири свою объездчицу.

Мою? Вряд ли я мог что-то поделать с поведением Димбо и всё-таки решил с ней поговорить на следующий же день.

— Зачем ты провоцируешь Падве? Она едва не утонула.

— Не из-за меня, а из-за собственной тупости, — ответила Димбо, проверяя крепость узлов, держащих паруса. — Если она так легко выходит из себя, то наверняка навлечёт на нас неприятности.

С этим было трудно не согласиться.

— И, тем не менее, извиниться бы не помешало.

— Ты кто? Моя мамочка? И какая по счёту?

Как я и думал, она не стала меня слушать. Тогда я попросил Новжу поговорить с Димбо. Но её ответ меня ошарашил:

— Падве с первой встречи ведёт себя неуважительно по отношению к нам и вечно рычит как дикий зверь. А как презрительно смотрит в сторону Арчи. Ей не место среди нас.

— Но из-за такого не выбрасывают за борт.

— Её никто и не выбрасывал, она сама прыгнула.

Оставив бесплотные попытки уладить сложившуюся ситуацию, я превратился в стороннего наблюдателя. На слишком маленьком для десятерых корабле, каким-то мистическим образом Падве удавалось избегать столкновения с Димбо. Да и стражницы теперь стали есть отдельно от остальных. Но вечно, конечно, это продолжаться не могло. И по воле рока они столкнулись лицом к лицу у бочонка с сидром. Заметив это, все, кроме капитанши занятой у штурвала, оторвались от своих занятий и замерли, ожидая новой стычки.

Рука Падве схватилась за лун, а Димбо стиснула рукоять одного из своих топориков. Наверняка, поединок бы всё разрешил, но не на борту деревянной посуды среди своенравного и глубокого моря, когда плавать умели только Малка и Риф.

— Я считаю, — начала Падве громко, резко поворачиваясь на пятках и тыкая толстым коротким пальцем куда-то мне за спину, — что вы пригрели змею у себя на груди.

Я обернулся, увидев, что она указывала на оторопевшего от неожиданности Арчи.

— Он помогает нам, — вступилась за парня Новжа.

— Херня! Бред козлийный! — Падве пересекла палубу, доставая на ходу лун, приставила лезвие к шее невооружённого, совершенно не готового к бою Арчи. — Прямо сейчас он прокладывает нам путь в пасти своих хозяев. Блестящий способ перестать быть рабом — это привести с собой партию других рабов. Благодаря вашей помощи он теперь стал практически воительницей, а не какой-то грязной козявкой, и сможет выбиться в люди, скрыв своё происхождение, ещё и подзаработает на нашей продаже. А вы, дурёхи, глотаете все его рассказы, верите без всяких доказательств.

Я посмотрел на Адигору, что стояла поодаль от Арчи, скрестив руки на груди. Но она и не собиралась вмешиваться. Похоже, что всё это время они обсуждали втайне от нас как бы избавиться от мужчины на борту.

— Звучит разумно, — отозвался Арчи, судорожно выдыхая под напором острого, сверкающего на солнце, лезвия луна. Щетина на его подбородке стала ещё более явной и, наверняка, жёсткой на ощупь. Постепенно он утрачивал всякую схожесть с женщиной, и, видя яростную решимость Падве, я, наконец, понял зачем он вообще брился.

— Собираешься пролить кровь на корабле, на борт которого тебя пустила эта добрая женщина? — спокойно поинтересовался я, приближаясь к Падве и указывая на вспотевшую от накала происходящего, растерянную Риф.

Стражница прищурилась, но не опустила лезвия.

— Можем выкинуть его в море, — предложила она, демонстрируя дыру во рту, на месте которой когда-то был зуб. Определённо насилие будоражило такую отличную от многих женщин Падве.

— Если вы не уверены в чистоте его намерений, то предлагаю прочесть дневник Арчи, — предложила Новжа, не оставляя попыток защитить товарища.

— Дневник? — подняла, столь же серую, как и её волосы, бровь Адигора. — Что мешало ему написать там ложь, приятную вам?

— Прочтём и проверим, — поддержал я идею подруги.

Больше никто не стал возражать, и Новжа спустилась в каюту, воротившись с толстой тетрадью в кожаном переплёте в руках. Бросив виноватый взгляд на ставшего вдруг равнодушным ко всему Арчи, Новжа распахнула дневник и начала зачитывать, на ходу справляясь с переводом имперского языка.

— «Здесь на крохотном корабле сложнее найти себе занятие или укрыться от чужих глаз, но то же касается и остальных. Всё чаще ловлю себя на том, что смотрю на Малку. Украдкой наблюдаю за ней, порой краем глаза или из-за плеча. Мысленно отмечаю то общее, что есть у неё и Соль, и в чём они разнятся...» — Новжа резко замолкла, прикусив нижнюю губу.

— Ты знал мою старшую сестру! — вне себя прокричала Малка, подходя к Арчи сзади, резким движением хватая его за волосы, собранные в высокий хвост, и опрокидывая на спину. От неожиданности Падве не успела ничего предпринять и теперь угрожала пустоте, поспешила опустить лун.

Арчи ушиб затылок и локоть. Малка поставила ногу ему на грудь, не позволяя встать, с презрением глядя сверху вниз.

— Лживая ты тварь, — прошипела она.

— Чего и стоило ожидать, — мрачно и самодовольно изрекла Адигора.

— Конечно, он знал её! — подала голос Димбо. — Он знал всех живущих в Ракушке. Было бы странно, если бы не знал, — она оттолкнула Малку в сторону.

— Ты не можешь его защищать!

— Я видела мёртвые тела, усеявшие собой берег, и Арчи, испуганно прятавшегося в холодной воде, — жёстко отозвалась Димбо. — Потому я могу его защищать.

Малка схватилась за лук, что лежал тут же у её ног, и вытащила, заткнутую за пояс, стрелу. Димбо невесело усмехнулась:

— И что ты сделаешь? Пристрелишь меня как того имперца?

Это уже слишком далеко зашло. У меня начала раскалываться голова. И ветер усилился, раздувая паруса «Зари».

Жизнь Арчи висела на волоске. Как же легко взять и предать его морю, Адигора стала бы относиться ко мне лучше. Пусть тогда нам и будет гораздо сложнее ориентироваться в Империи, но язык их мы уже знали. Когда мой собственный отряд раскололся, и ни единое слово не могло утихомирить Малку или убедить столь уверенных в своей правоте стражниц Эха, выход виделся только один, даже если оно того и не стоило. Даже если я и сам засомневался в том, заслуживал ли недавний шпион враждебного государства моего доверия.

На лице Арчи отпечатались обречённость точно такая же, как когда он впервые раскрыл себя на Собрании Девяти. Я позволил рабу поверить в иную судьбу, вынудил вернуться в место, где ему пришлось пережить множество мучений. Но, независимо от собственных сомнений и чувств или правильности того, что надлежало совершить, нельзя было позволить расколоться единственной на весь Светлый край вооружённой группе женщин, готовых выступить против страшного врага.

— «У тебя было три смерти в запасе, а теперь осталось лишь две. На четвёртую мы обе сгинем», — пробормотал я слова, сказанные мне не так давно одной ведьмой с человеческим лицом, но не считающей себя человеком. И подошёл к Падве, хватая за кисть, всё ещё сжимающую сверкающий лун.

— Слушайте все! — прокричал я, привлекая всеобщее внимание, заглушая шум

Несмолкающего моря. — Сегодня я умру вместо Арчи и больше не желаю слышать ни о каких предателях.

Мощная рука стражницы подчинилась моей воле, и кровь хлынула из шеи. Хватая ртом воздух как рыба, выброшенная на сушу, я начал задыхаться и рухнул на пол «Зари», всё-таки залив её кровью. Знакомые глаза цвета луны вспыхнули перед темнеющим взором, а в них отражение почерневшего и наполовину истлевшего дерева.

Когда снова распахнул веки, то обнаружил себя валяющимся в каюте с перевязанным горлом. Солнце, проникающее сквозь щели между досками, освещало лица Новжи и Адигоры, склонившихся надо мной.

— Она и правда ожила, — поражённо пробормотала Адигора. — Сумасшедшая.

Удостоверившись в моём возвращении из мира Предков, стражница вышла, видимо, чтобы оповестить остальных.

— Взяла и вот так легко потратила ещё одну смерть на Арчи, — со слезами на глазах проговорила Новжа, обхватывая руками колени. — Ведьма Соши была бы в ярости, ну, а у меня просто нет слов, Васха...

— Но они ведь утихомирились? — спросил я хрипло. — Скажи, что утихомирились.

— Все до одной. Даже Падве ходит теперь тише воды ниже травы.

— Стоит извиниться за то, что использовала её оружие, но за Велимиром было далеко ходить.

Я с облегчением вздохнул, погружаясь в сон. Расчувствовавшаяся подруга медленно расплывалась перед глазами.

Не знаю, сколько проспал, но очнулся рано утром, когда лишь узкий клочок солнца виднелся на горизонте. Каюту заполнял мощный храп Падве, чей рот был широко разинут. Но пребывание в море так изматывало людей, что никто не пробудился от такого шума.

Я вышел наружу, вдыхая свежий воздух полной грудью. Заметил Арчи, мирно стоящего у штурвала. Он посмотрел в мою сторону, но быстро отвернулся. Я подошёл к временному заместителю капитанши, хлопнув его по плечу, ободряюще улыбнулся, показывая этим, что со мной всё в порядке.

— То, что ты сделала для меня... — начал он приглушённо.

— Я сделала это для всех нас. Без тебя в Империи нам точно не выжить.

— Но... но... — он стиснул свободной рукой мою ладонь, всё ещё лежащую на его плече. — Ты поверила мне, хоть и скрыл от всех свою дружбу с Соль, которую в итоге забрали из-за моих донесений. Ты поверила без всякого повода и вручила мне оружие, что мог направить на тебя в любой момент. Отдала свою жизнь за меня, — внезапно Арчи упал на колени предо мной, низко опустив голову. — Васха, отныне и навсегда я клянусь тебе в верности. Клянусь жизнью, что куда бы ты не направилась, я последую за тобой. Что бы ты не решила, я не оспорю это ни словом, ни делом. Сделаю всё, что только не прикажешь.

— Арчи, — я опустил на колени рядом с ним, хватая за плечи, заглядывая в лицо. — Не нужно мне твоих клятв, слышишь? И покорный раб мне тоже ни к чему. Коль не согласен станешь с моими решениями, я хочу это слышать. Коль мои действия покажутся тебе неправильными, сделай, что считаешь нужным, чтобы остановить меня. И следуй тем путём, который сам для себя изберёшь, отвечая за свершённые поступки, что останутся на твоей совести до конца жизни, как и положено свободному человеку.

Он вяло кивнул, а я видел, как слёзы капали с его наполовину скрытого от меня лица. Тело Арчи тряслось от рыданий, и я не стал обуздывать своё желание его обнять.

— Брат мой, — сказал я ему на ухо.

— Сестра, — глухо шепнул он в ответ.

Щемящее чувство отдалённо похожее на счастье возникло в груди, а может это оно и было. Но, отпуская Арчи, я был уверен, что обрёл верного друга и точно не жалел об ещё одной потраченной смерти. Кто бы что ни говорил, оно того стоило.

Повязка на шее стала не нужна уже на третий день после моего столь потрясшего всех самоубийства. Не осталось и шрама, только красное пятнышко сбоку на шее, похожее на крошечное раскидистое дерево.

— Очень мощное колдовство защищает тебя, — сказала Адигора, когда мы стояли одни у самого носа «Зари». — Какая ведьма пойдёт на то, чтобы связать свою жизнь с чужой? Наверное, столь же безумная, как и ты.

— Считаешь? — я улыбнулся.

— На самом деле, ты восхитила моих людей.

Только её людей... я был чуточку разочарован.

— Я же теперь буду знать, что ты отчаянная голова, Васха, — прибавила Адигора, отворачиваясь.

Я обернулся следом, заметив Падве и Димбо вновь столкнувшихся у почти опустевшего бочонка с сидром. Обьездчица наполнила кружку, а вот стражнице не хватило.

— Может перестанешь хлестать это пойло в одиночку, — возмутилась Падве, когда Димбо уже делала первый глоток. — Делись давай, — протянула руку с кружкой, выжидательно и требовательно уставившись на такую же ценительницу хороших алкогольных напитков.

— Стоит ли? — с напускным сомнение произнесла Димбо. — Вдруг твоя грудь ещё подрастёт из-за чрезмерного пристрастия к яблокам?

— Зависть замучала что ли? — усмехнулась Падве, демонстрируя отсутствие резца. Но грудь Димбо и правда едва давала о себе знать под плотной кожаной жилеткой.

— Меня-то?

— Или может любишь тискать большие?

Я прикрыл рот рукой, чтобы не прыснуть от смеха. И что они такое творили посреди бела дня у всех на глазах?

— Пф... — выдала Димбо с не слишком убедительным равнодушием и вылила половину содержимого своей кружки в кружку довольной и уже причмокивающей в предвкушении Падве.

После они разошлись по разным углам. Но я чувствовал, что атмосфера и содержание этого неловкого разговора будут преследовать меня ещё довольно долго.

— Васха, — окликнул тонкий девичий голосок, я обернулся, увидев Малку.

— Да?

— То, что ты сделала... Он ведь того не заслуживает, и ты это знаешь.

— А кто же тогда заслуживает? Я не заставляю тебя любить его, Малка. Но ты можешь хотя бы дать ему шанс завоевать твоё доверие. Я уверена, он не рассказал про Соль, чтобы не причинять тебе ещё большую боль. Да и не рассчитывает Арчи на прощение твоей сестры, но он хочет хотя бы попытаться его заслужить.

— Сладкие речи светлой души, — мрачно пробурчала Малка. — Спорю, что однажды ты непременно пожалеешь о глупо утраченной смерти.

— Разве не все смерти глупые?

Устав спорить со мной, Малка отвернула и ушла. Она глядела в сторону Арчи всё также враждебно, но с того кровавого дня старалась меньше его подкалывать без особой на то причины.

Не бывает мелких жертв, все они великие. Я хотел в это верить, пока «Заря» разрезала морские волны, а мы уплывали всё дальше от берегов Светлого края, от нашего дома, по которому все начинали понемногу скучать.

— И как там Золотка поживает? — вздохнула Димбо. — Жаль лошади не обладают разумом, чтобы читать письма.

— Ты бы всё равно не смогла ей написать, здесь ведь нет почтовой телеги и почтальонка, — заметила Новжа разумно.

Димбо тоскливо взглянула на рыжие волосы подруги и обняла рыжую косу, прижав её к щеке. Терпеливо вынеся мгновение-другое, Новжа отняла волосы, бросив их обратно за спину.

— Но они так похожи... — печально заныла объездчица, — ... на её гриву. Зо-о-о-лотка!

— Как же от неё много шума, — посетовала Ром, почти не принимавшая участия в последних событиях. Самая загадочная и непонятная мне стражница из трёх.

— Земля! Земля! — заорала Малка.

Все сидевшие вокруг поставленной на бочонок доски, служившей обеденным столом, вскочили. У меня похолодело нутро от видения ещё едва различимой суши. Бывает, знаешь, куда следуешь и зачем, но до конца не веришь, что достигнешь цели или что она вообще реальна. Вот так я себя и ощущал.

— Они там, совсем близко, — выдохнула Новжа, говорившая, без сомнения, о похищенных женщинах.

— Нужно подготовиться, — всполошился я. — Где ящики с доспехами?

— Да, лучше надеть их и таскать на себе, чем с собой, — согласилась Димбо.

Мы быстро вынесли их на палубу и убрали деревянные крышки. Приготовившись увидеть пыльную блеклость, я едва не ослеп от яркого видения крохотных чешуек, теперь схожих с радужными рыбками своей расцветкой.

— Они сияют на солнце, — охнула Малка, спешно вытаскивая доспехи и натягивая на себя.

Я тоже оделся, удивившись теперь ещё и их невесомости. Защитная броня оказалась не тяжелее толстой, обитой шерстью, куртки, что носили в Быстроречье зимой. Но гораздо более удобная, ткань защитной рубахи так мягко облегла кожу в области шеи.

— Шлемов нет, а жаль, — посетовала Новжа, припомнив экземпляр, почти лишивший её волос. — Может найдём что-нибудь у имперцев?

— Может, — согласился я.

Стражницы от нас не отставали. Их доспехи были изготовлены из толстой дублёной кожи, выкрашенной в цвета камней, которыми было украшено оружие: белые, тёмно-красные и синие.

— Чья эта кожа? — поинтересовалась Димбо с любопытством.

— Великанья, — ответила Падве.

— Я не ослышалась? — поразила Новжа.

— В Эхо наши главные враги — великанши, — пояснила Адигора. — Огромные и тупые, склонные к бессмысленной жестокости, поедающие собственных детей в жестокие зимы. Вот уже столетия мы меряемся с ними силами, не позволяя ступить на наши земли.

— Разве было бы не проще спуститься с гор и поселиться в места побезопасней? — спросила Димбо, прикрепляя топорики к своим бокам.

— Едва ли, — спокойно отозвалась Ром. — Если дать великаншам волю, то их станет несметное количество, и они придут рушить дома ваших семей.

Мне хотелось сказать «ничего себе», но я промолчал, пытаюсь сделать вид, что совсем не удивлён внезапно открывшейся правде о Волчьей Пасти, хранящей среди скал похожих на острые клыки грозных созданий. Почти что под боком такая опасность, а большинство ни сном, ни духом. Я стал понимать недоверие Адигоры и её прежнее снисходительное отношение к нам к как неопытным детям. Я даже и представить себе не мог громадное существо — великаншу, что прёт на тебя, размахивая гигантскими ручищами и норовит растоптать. Этот образ захватил моё сознание и не отпускал, пока я не услышал громкое оповещение от Арчи:

— Добро пожаловать в Предвечную Империю!

— Или с возвращением, — заметила Малка язвительно, косясь в сторону парня.

Вдалеке уже были различимы бесчисленные каменные постройки и сверкающие на солнце окна, в отражении которых виднелась неспешно причаливающая к вражеской территории «Заря». Моё сердце сжалось от ужаса и нетерпения. И одновременно возникло чувство, будто я возвращался в давно покинутый дом. Я отогнал его, лихорадочно стиснув рукоять Велимира.

Глава 11. «Безголовая курица»

Изъеденный морской солью причал прогнулся под тяжестью семи женщин, нерешительно ступивших на берега доселе невиданного мира. Даже воздух здесь казался иным, хотя за нашими спинами по-прежнему разливалось Несмолкающее море. Так мы вторглись на территорию вражеского государства, уж не знаю, чего ожидал... но вышло это как-то даже слишком просто.

Риф не торопилась покидать корабль, с подозрением оглядываясь по сторонам, нервно сжимала недвижимый штурвал. Арчи оставил последний островок Светлого края последним, словно опасаясь, что его преображение в бравого воина рассыплется, стоит лишь прикоснуться к земле рабов. Но мир не рухнул всем нам на головы, и он выдохнул с облегчением.

В порту помимо нашего судна виднелись всего пара рыбацких лодчонок. Можно было с уверенностью сказать, что прибытие неизвестной лодки с белой надписью на неведомом языке на её боку, привлекло слишком много ненужного внимания. Я должен был начать тревожиться, но не успел даже собраться с мыслями, как к нам подошёл, дежуривший тут, дозорный. Он гремел чёрными стальными доспехами, что были не в пору, и выглядывал из-под спутанной шевелюры густых волос, похожих на воронье гнездо.

— Кто будете? Откуда? — жёстко и требовательно поинтересовался вооружённый длинным мечом мужчина, оглядывая нашу толпу с головы до ног.

Адигора, как и её сподвижницы, не понимала языка имперцев, потому что из-за недоверия к Арчи даже не пыталась постигнуть азы. И сейчас они об этом жалели, вслушиваясь в чуждую речь, но не разумея ни слова. А мне было впору злорадствовать, указывая на их неправоту в отношении того, кого они считали врагом, но слишком дорого обошлась эта во многом необоснованная вера. Будь на месте Арчи кто угодно другой, я непременно был бы первым в очереди желающих перерезать ему глотку.

Пока я размышлял, Арчи, напустивший на себя учтивость, взял инициативу в свои руки и ответил на вопрос дозорного:

— Жители Островов прибыли на заработки в строящийся портовый городок. Поговаривают, в Аризеле много возможностей и незанятых земель.

Неужели шанс сдать нас был только что упущен? Какая досада. Я усмехнулся. Дозорный смачно сплюнул в сторону:

— Врут, — узнав, откуда явились, стал разглядывать нас с ещё большей жадностью (уроженцы Островов и правда такие интересные?). — Ваша удача, что стройка в порту в самом разгаре, а нынешний наместник лишь недавно вступил во власть. Местная организация ни к чёрту, и плату за место с вас требовать некому. Оставайтесь, коли угодно, но не доставляйте неприятностей. Тюремные камеры одинаковы для всех.

Отвернувшись, он заковылял дальше, полностью утратив интерес к группе «островитян».

— Что он имел в виду? — не понял я.

— Особое отношение к народу с недавно присоединённых территорий, наверное, — предположил Арчи.

Дозорный, впрочем, не солгал. Подняв голову, я увидел деревянные леса, окружавшие

здание порта. Пока ещё серое оно было готово примерно на четверть, но даже в таком виде представляло собой нечто величественное. Внутри муравьями сновали люди, скрывающиеся тенями и достаточно далёкие, чтобы их нельзя было толком рассмотреть.

Окна, отражавшие солнце, что сверкали ещё издали, принадлежали другому зданию, примостившемуся сбоку от стройки. Я не сразу понял его назначение. К вытянутой треугольной крыше был прикреплен огромный металлический глаз. Ресницы торчали острыми наконечниками во все стороны. Этот символ напомнил о чём-то уже позабытом, но таком знакомом. Поддавшись порыву, я подошёл ближе, но широкие деревянные двери оказались плотно закрыты. Ладонь коснулась гладкой холодной поверхности и стала спускаться ниже до массивной ручки двери, чтобы проверить заперта ли она, как мне окликнула Новжа:

— Васха!

Я обернулся. Растерянная толпа, что я привёл с собой на незнакомые берега рассеялась по всему порту и исчезла из моего поля зрения в считанные мгновения. Вот что значит прибыть на новое место. Но как дети, честное слово. А сам-то хорош. Когда стал так заинтересован в архитектуре?

Оставив в покое глазастую постройку, я поравнялся с Новжей. Подруга хмурила брови и стискивала рукоять меча, пытаясь внушить себе чувство защищённости. Будучи вооружённым и облачённым в доспехи, я тоже ощущал себя нагим в чужом мире.

— И куда все делись? — проворчал я, вертя головой, заметил радужный блеск доспехов своего отряда вдалеке. Немедля направился на безмолвный зов красок, Новжа не отставала.

Доспехи, как оказалось, принадлежали Арчи. Он стоял перед доской с объявлениями, приштиленными железными кнопками к пробковой, порядком изрешечённой поверхности. Всего несколько потрёпанных ветром листочков с текстом написанным настолько корявым почерком, что я ни слова не смог разобрать.

— Что за диковинная игра?! — неизменно громкая Димбо быстро выдала своё местоположение.

Они на пару с Малкой смешались с оживлённой гогочущей толпой, где, по-видимому, во что-то увлечённо играли. Так похоже на Димбо, она притягивала к себе развлечения, или они сами находили её. Даже в Быстроречье явилась на самое Воспение Предков.

Но куда подевались стражницы? В тщетных поисках я вертел головой, надеясь наткнуться на серебристое пятно волос Адигоры, но безрезультатно. Оставалось только надеяться, что они не попадут в неприятности. Мысль об этом заставила занервничать ещё сильнее. В конце концов, с ними же была Падве.

— Мы здесь и недели не протянем, если не заработаем денег, — обратился Арчи ко мне и Новже, переходя на имперский язык. — Золото решает всё. Без него будет трудно получить информацию о транспортированных рабах. Да и запасы на корабле практически исчерпали себя.

— И что ты предлагаешь? — поинтересовался я, ставя руки в боки. — Работать на наших врагов?

Это было мне совсем не по душе.

— Арчи прав, — поддержала идею Новжа. — Столько минуло после похищения? Если вольёмся в здешнее общество, может больше узнаем о необычных рабах, и куда их могли отправить.

— Чтож... — нехотя согласился я, начиная понимать в чём именно состояла работа

Арчи как шпиона, своё дело он безусловно знал. — Но сейчас меня больше волнует местонахождение наших сорвиголов стражниц. Куда они могли подеваться?

Зря я рассчитывал на здравомыслие Адигоры, просто не способной смириться с тем, что на свете могли существовать вещи, с которыми она не в силах справиться в одиночку.

— Давай поделимся и поищем, — предложила подруга. — А встретимся возле того здания с глазом.

— Я скажу Малке и Димбо, — Арчи пошёл отрывать объездчицу от потехи, которое так быстро обнаружило её склонное к удовольствиям нутро.

В имперском городе дорога была везде мощёная, как и в Быстроречье. Передвигаться по ней оказалось легко и чем-то даже привычно. Миновав лавки, заполненные вонючей рыбой, за чью свежесть трудно было поручиться, ничем при этом не рискуя, я завернул за угол, оставляя порт позади. Просторная полупустая улица, посередине которой сидел согбенный старик в грязном тряпье, скрывающем лишь костлявое тело ниже пояса. Он маятником покачивался из стороны в сторону, бормоча:

— Я воевал под командованием величайшего из генералов. И почти дослужился до чёрного рыцаря, Богом клянусь, чтоб меня пожрали черви...

На расстеленном на мостовой дырявом платке валялось несколько медяков. Интересно, что на них можно было купить. Кусок хлеба?

В основном по дороге попадались жилые белокаменные здания, но между ними приютилась деревянная постройка, над входом в которую висело знатно поистрепанное чучело безголовой курицы. Изнутри доносился грохот и чей-то неразборчивый озлобленный крик.

Я решил проверить в чём там дело и толкнул дверь. Лишь короткое отмеренное мне мгновение, чтобы заметить летящую в голову стеклянную бутылку... я кувыркнулся в сторону, приземлившись на пол. Бутылка рассыпалась на осколки, обдав дверь лиловой жидкостью.

— Вам придётся за это заплатить! — красный как помидор владелец таверны с проплешиной на голове, особенно забавной на фоне длинных спадающих на плечи волос, разбрызгивал слюни, горланя в лицо хладнокровной Адигоре.

В углу пропахшего алкогольными парами и свиным жиром помещения устроилась группа мужчин. Они валились на столы от хохота, наблюдая за развернувшейся сценой. Все длинноволосые, вооружённые, в одинаковых пластинчатых доспехах, похожих на солдатские.

Весельчаков внимательно разглядывала стоящая в стороне Ром, крепко держа при этом разъярённую Падве за предплечье. По лицу вспльчивой стражницы стекала и капала на пол желтоватая жидкость.

— Что тут случилось? — поинтересовался я, подойдя к той, что была сейчас в состоянии дать хладнокровное объяснение без лишних эмоциональных всплесков.

Оторвавшись от лицезрения солдат, Ром повернула голову, не выказав удивления от моего неожиданного появления:

— Мы осматривали порт, как вдруг Падве померещилось, что она увидела фигуру женщины, и мы поспешили за этим видением. Вошли в эту деревянную постройку, но оказалось, что это был всего лишь какой-то раб с кухни. Не успели сделать и шага, как Падве в лицо плеснули алкогольным напитком вон те воины странной наружности. К сожалению, — Ром тяжело и обречённо вздохнула, — Падве очень легко вывести из себя. Она схватилась

за первую попавшуюся бутылку, но из-за того, что не видела кто именно облил её, замешкалась, и просто швырнула ту в сторону.

И как стражницы умудрились вляпаться в историю, едва покинув борт «Зари»? Конечно не было ничего странного в том, чтобы проверить возможную зацепку, а потом вернуться и сообщить обо всём остальным. Но, ради Предков, почему нельзя было отправить кого-нибудь за нами?

Выслушав Ром, я подошёл к хозяину таверны, безуспешно пытающемуся достучаться до непонимающей его Адигоры, и изобразил самую вежливую улыбку из своего скудного арсенала, постаравшись сделать тон предельно учтивым.

— Добрый господин, — круглые воспалённые глаза мужчины выкатились на меня, а рот, наконец, захлопнулся, — я и мои товарищи нездешние и едва ступили на берег. Неприятности нам ни к чему. Однако, уверен, что за бутылку стоило бы заплатить вот этим господам, — я повёл рукой в сторону солдат. — Нехорошо оскорблять незнакомцев, которые зашли немного выпить и отдохнуть.

Адигора посмотрела на меня недоуменно, всё-таки она ни слова не разумела, могла лишь реагировать на тон голоса. Может он показался ей слишком вежливым? Но, как и остальные, Адигора была вынуждена пассивно наблюдать за происходящим в моменты, когда не требовалось порубить кого-то на куски.

Солдаты взволновались.

— Ещё чего! Не выложу ни одного заваливающегося медяка за бутылку, разбитую обрезком, — заявил тот, что, видимо, и начал всю заварушку. Немолодой, с глубокими морщинами на лбу, но ещё и не старый мужчина заурядной наружности. Слишком уж задиристый для своего возраста. Значение последнего произнесённого им слова я не понял. Однако дружки оратора снова разразились дружным хохотом.

— Значит, правду говорят, что у солдат императорской армии нет чести, — холодно и ровно заметил я вслух, не удержавшись и отчасти предвкусывая неизбежный исход возникшего на пустом месте конфликта.

Смех оборвался, как вдруг упавшее наземь яблоко. Солдаты дружно повскакивали с мест. Испугавшись кровавой развязки, хозяин таверны поспешно укрылся за барной стойкой и прямо оттуда начал сыпать угрозами:

— Сейчас позову дозорного! Не смейте ломать мебель! Дозорный с вами разберётся! — но слова его звучали неубедительно, может от того, что заглушались краем стойки, или потому что сам говорящий не спешил приводить в исполнение свои громкие речи.

— Что ты там отрыгнул, коротышка? Даром, что волосатый. Но мы это быстро исправим, — смутьян обратился к своим товарищам. — Давайте, парни, пополним команду обрезков!

Усмешки на мерзких физиономиях производили на меня самое негативное впечатление. Но их было всего четверо. Заметив, как солдаты достают мечи, Адигора потянулась за своим оружием, но я положил руку ей на ладонь, останавливая, и отрицательно мотнул головой. Появившееся на светлом лице недовольство красноречиво продемонстрировало, что ей это не понравилось, но всё-таки Адигора отошла на несколько шагов назад к своим людям. Я почувствовал благодарность за её внезапное доверие ко мне. И пусть на нас наступали тренированные солдаты, не горел желанием вступать в схватку, не зная, чем это может обернуться.

Противники заметили мою нерешительность и вконец обнаглели, решив окружить

одного меня, раз остальные остались в стороне. Выход виделся только один. И я обнажил Велимир, выставив его вперёд как оса своё жало. Готовился отражать удары, не нанося критического вреда самим противникам, что в разы сложнее, чем просто всех поубивать.

Справа и слева воздух задрожал от двух синхронных взмахов мечей. От первого я увернулся, а второй отбил, начав наступать на нападавшего, резко и жёстко выбил оружие из чужих рук. Меч ровно полетел в сторону, вонзившись в деревянную стену. Солдат бросился его вытаскивать, но неожиданно возникший блестящий металлический диск обрубил рукоять у основания клинка. Краем глаза я заметил Адигору, поймавшую на лету лун. Ром и Падве успели покинуть таверну, без сомнения, по настоятельной просьбе своей негласной предводительницы. Тем лучше.

Сражаясь с задирой, что облил Падве пивом, я наблюдал тупое упорство в его глазах. Ужасно, когда воин толком не знал, за что сражался и ввязывался в драки по всяким пустякам. Разъярённый солдат напирал, жаждая разорвать меня на кусочки, прибежал к слишком очевидным смертельным приёмам. Я методично отбивал каждый настойчивый удар, ожидая, когда задира выдохнется. Это случилось вскорости (может возраст сказывался или неумелость?). И одним резким и точным движением я выбил очередной меч. Лезвие глубоко вошло в барную стойку рядом с макушкой лысеющего хозяина.

Тем временем, орудуя половинками луна, Адигора «танцевала» с двумя оставшимися солдатами. Они тщетно пытались прорваться сквозь её стремительную вертушку. Ситуация была столь напряжённой и безысходной, что один из них просто выронил меч. А второму я подставил подножку, когда тот отступал назад. Оружие вылетело из руки, после чего оказалось придавлено моим сапогом.

— Мы сохраним вам вашу честь, если заплатите за разбитую бутылку, — обратился я к поверженным, изрядно помятым, но целым солдатам. Под честью подразумевались длинные волосы, торчащие из их макушек. Внезапно я понял значение слова «обрезок». Оглянулся на вспотевшую Адигору, капельки пота блестели на её широком лбу, а кончики волос едва превышали длиной мочки ушей. За время плавания они почти не отрасли.

Крепко задумавшись, я почти не услышал тяжёлого удаляющегося топота восьми ног и звона горки медяков, оставленных рукой в кожаной перчатке на барной стойке. Забрав с собой оружие, солдаты не тронули лишь лезвие без рукояти, глубоко застрявшее в стене. Деньги перешли в потные ладони хозяина таверны, тщательно отсчитывавшего сумму и беззвучно шевелящего губами.

— Мы сохранили вашу мебель, — заметил я как бы между прочим.

Всё ещё красный от переполнявшего его возмущения, мужчина лишь тупо зыркнул на меня, вернувшись к пересчёту.

Я повернулся к Адигоре, но не успел сделать и пары шагов по направлению к ней, как посторонняя рука опустилась мне на плечо. И вот уже в поле зрения попал ещё один человек, который несомненно всё это время присутствовал в помещении, но умудрился остаться мной незамеченным посреди этой заварухи.

— Бравые ребята, искусные воины, — кривой частокол пожелтевших от плохого ухода зубов показался из-за тонких губ. — Вот кого я искал всё это время.

Не внушающий доверие голос подобный шипению стелящейся по земле и готовящейся к броску змеи. Владелец же его походил на сильно потрёпанную жизнью дворнягу. Бесформенная причёска длинных, давно не знавших расчёски (а может вообще никогда), блеклых волос непонятной расцветки (тут бледно-жёлтые, здесь грязно-зелёные, посередине

тёмно-коричневые). Кривой в области переносицы нос, неправильно сросшийся после перелома.

Незнакомец был облачён не в броню, а в плотную одежду из грубой ткани: рубаха и штаны на стальных заклёпках. Поверх свисал дырявый плащ похожий на перешитую в предмет гардероба рыболовную сеть. Длинный кинжал утяжелял широкий потёртый кожаный пояс. На мизинце руки, которую он наконец сподобился убрать с моего плеча, поблёскивало широкое золотое кольцо. Незнакомец повернулся к Адигоре и стал обращаться к ней:

— Что за диковинное оружие плясало в ваших руках? Никогда не видел ничего подобного.

— Он не понимает, что вы говорите, господин, — окликнул я. — Мы жители Островов и плохо уразумеем на имперском.

— О, вот оно что, — проговорил незнакомец, и, резко повернувшись на толстых каблуках сапог, протянул мне руку. — Олли Мот.

Я нехотя пожал ладонь, «украшенную» жёлтыми обгрызенными длинными ногтями:

— Васха. А у вас за спиной Адигора, — Арчи сказал, что мы можем использовать свои имена, но я всё равно нервничал, произнося их.

— Так вот, переходя к делу, — Олли Мот сомкнул ладони, напуская на себя обстоятельный вид, — я ищу парочку наёмников. Недавний закон запретил солдатам свободно зарабатывать на стороне, занимаясь защитой простых граждан вроде меня, — он драматически коснулся ладонью груди. — А почти все достойные воины так или иначе служат нашему великому Императору, — одобрил толикой благоговения «великому» и «императору», затем вдруг расплывшись в широкой улыбке. — Но, повстречав вас двоих сегодня в этой дыре, я почувствовал удачу, что вновь не преминула мне улыбнуться.

— И что за работа? — спросил я, уставший наблюдать целое представление одного актёра.

— Сущий пустяк для таких бравых ребят, — Олли Мот небрежно махнул рукой. — Нужно сопровождать меня на одной важной сделке этим вечером. Плачу по девяносто медяков каждому.

Я не знал, приличная это сумма или крошечная, тем более не имел понятия достойная ли это оплата работы наёмника. Но зарабатывать всё равно было нужно, как и с чего-то начинать.

— Хорошо, — дал я своё согласие.

— Прекрасно, — удовлетворённый успешной сделкой, Олли Мот повернулся в сторону стены. Только теперь я заметил тихий монотонный звук и посмотрел туда же, куда и наш наниматель.

На гладкой поверхности висела круглая коробочка со стеклянной крышкой, цифрами по краям и тонкими полосками, торчащими из середины наподобие солнечных лучей. Короткая стрелка касалась цифры два, а длинная двенадцати. Кажется, я видел нечто похожее в мастерской Сахар... только символы там были наши, а не имперские.

— Встретимся в шесть у входа в эту убогую конуру, — сказал Олли Мот и удалился вверх по скрипучей лестнице, ведущей на второй этаж.

— Что произошло? О чём так долго трепался тот мерзкий мужчина? — требовательно поинтересовалась Адигора.

Выходя наружу и наполняя грудь порцией свежего воздуха, я готовился к объяснениям,

которые задолжал не только Адигоре, но и остальным, ожидающим нас возле здания, увенчанного огромным глазом.

К моему удивлению, у закрытых дверей стояла одна только Новжа вместе с парочкой незадачливых стражниц. Падве ещё не совсем остыла и колотила сжатым кулаком каменную стену оказавшегося довольно крепким белокаменного здания. Ром было открыла рот, чтобы спросить об исходе драки, который, впрочем, и так был достаточно очевиден хотя бы по тому что мы вернулись в целости, как к группе присоединились остальные.

У Димбо восторженно блестя глаза. Она раскрыла ладошку, демонстрируя игральные кости с наполовину стёртыми чёрными точками по бокам.

— На жемчужину обменяла, — сообщила она вдохновенно. — Чудные, правда?

— Где ты взяла жемчужину? — удивилась Новжа.

— В Жемчужине, — ответила объездчица со скепсисом на лице. — Где же ещё? Они же там под ногами валяются, бери не хочу.

— И ты обменяла жемчужину на этот мусор? — тон Арчи звучал непривычно осуждающим.

— Я говорила, что не стоит этого делать, — заметила Малка самодовольно. — Слишком уж они обрадовались этой сделке, чуть не подрались за чёрный крохотный шарик.

Димбо прищурилась, недоверчиво глядя в собственную ладонь.

— За чёрную жемчужину мы могли бы все вместе семь лун прожить в таверне, у каждой была бы личная комната и трёхразовое питание, состоящее из самых отменных блюд, — объяснил Арчи терпеливо. — А вырученное тобой, Димбо, стоит не больше пары медяков, на которые не купишь больше куска чёрного хлеба.

Левый глаз Димбо нервно задёргался:

— Да, я... Да, я... найду этих мошенников и запихну эти штуки им в глотку, а Падве их поколотит.

Перестав дубасить стену, стражница размашисто кивнула, подтверждая своё участие в компании возмездия, и сжала ещё и второй кулак.

Наблюдая за вспышкой праведного негодования, я мысленно порадовался, что похитители и убийцы женщин не добрались до Жемчужины. Тогда бы они поняли, что в Светлом крае многим можно пожить, помимо рабов.

Девушки болтали, интересуясь нет ли у Димбо или у кого ещё другой жемчужины. Но Арчи дал совет не разбрасываться такими ценностями направо и налево, не делать ничего, способного раскрыть нашу истинную сущность. Все успокоились, а Димбо, несмотря на продемонстрированное возмущение, спрятала обменные игральные кости в карман штанов.

— Нас с Адигорой наняли, — сообщил я остальным, — в качестве охраны на одной сделке.

— Наверное, я упустила момент, когда давала своё согласие, — ровно заметила Адигора.

— Не упустила бы, если бы хоть немного выучила язык, — не сдержался я.

Смерив друг друга негодующими взглядами, мы отложили выяснение отношений до лучших времён. Ещё немного посоветовавшись, решили, что Арчи вместе с Ром отправятся на поиски контор работорговцев, если они вообще имелись в этом городе. А Малка, Падве и Димбо пойдут по объявлениям о работе, которые Арчи высмотрел на доске. Стражниц нельзя было отпускать в одиночку, в особенности запальчивую Падве.

Обозначенный общими усилиями план воодушевил всех. Мы вернулись на «Зарю», чтобы пообедать и провести напряжённую незнакомой обстановкой Риф, а затем разошлись кто куда.

— Тебе не стоило договариваться с тем мужчиной, — продолжала гнуть своё Адигора, пока мы ждали перед входом в «Безголовую курицу».

Я решил её игнорировать, ненавидел, когда поучали. Даже если это была Адигора, особенно если это была она.

На противоположной стороне улицы располагалась лавка, заполненная «часами», как их назвал Арчи. Множество безостановочно тикающих аппаратов, совершенно бестолковых с виду, похожих на глаза слепцов. Они пялились на нас, раздражая непрерывным движением стрелок. Показывали без пяти минут шесть.

— Нутром чую грядущие неприятности, — изрекла Адигора пророчески и, наконец, замолчала.

Когда длинная стрелка коснулась цифры «12», к двери таверны подошёл горбатый мужчина, нагруженный тяжёлым мешком. Он шумно и прерывисто дышал, отдуваясь, снял груз с костлявых плеч и осторожно положил на землю, прислонив его к коленям. Куском рваной тряпки стёр пот с лысины и испещрённого морщинами лба. Одет вполне опрятно, но просто, в поношенных, местами стёртых до дыр, сапогах, бесспорно раб стоял сейчас рядом с нами, но не проявлял и капли любопытства по отношению к двум незнакомцам. Не взглянул ни разу в нашу сторону и не пытался заговорить.

Дверь таверны распахнулась, ударившись ручкой о деревянную стену. Наружу выбрался Олли Мот и с видом родовитого аристократа оглядел ожидающих его персону людей. Он опоздал на целых десять минут и, наверняка, сделал это намеренно.

Приблизившись к рабу, треснул его по спине с такой силой, что получившийся звук ударил по ушам.

— Немедленно подними мешок с земли, никчёмная тварь, — прошипел Олли Мот. — Дождёшься, что избавлю от необходимости стричь ногти на пальцах ног и латать носки сапог тоже больше не понадобится.

Раб с усилием поднял увесистую поклажу и повесил на ноющую от боли спину. Я постарался изобразить равнодушие к жестокому обращению, чтобы лучше вписываться в игровую роль, но мне это не слишком удалось, в отличие от Адигоры, оставшейся всё такой же бесстрастной.

— Мы готовы идти, — сообщил Олли Мот и возглавил процессию, вышагивая впереди с бравадой Императора.

— Когда мы получим деньги? — поинтересовался я, нагоняя его.

С мерзкой ухмылочкой Олли Мот вручил мне холщовый мешочек, перетянутой бечёвкой:

— Тут девяносто, ещё столько же будет после сделки, — я успел взять медяки, когда прозвучала вторая половина фразы, — мой храбрый коротышка.

Даже не знаю, что разозлило меня сильнее, то, что этот тип считал нас своей временной собственностью или насмешки над моим ростом. Живя в Светлом крае, я никогда не ощущал себя хуже других из-за того, как выглядел, но теперь вдруг узнал какого это. Всё-таки большинству здешних мужчин я был где-то по грудь. Это рост Адигоры можно было считать выше среднего по имперским меркам.

Мы добрались до самого обыкновенного деревянного склада. Раб едва поспевал,

задыхаясь, спотыкался на ходу, но Олли Моту не было до этого дела, и он и не думал сбавлять скорость. Остановившись, пару раз стукнул по двери, та сразу же распахнулась.

Темноту помещения, лишённого окон, развеивали зажжённые масляные лампы. Склад выглядел совсем пустым, лишь стол, да пара стульев посередине. Бутылка с вином и пара стальных кубков.

За столом восседал длинноволосый и бородатый мужчина, облачённый в добротную пластинчатую броню, по его правой руке от плеча до кисти струился бежевый шёлковый плащ. Рядом с левой ладонью на столе лежал шлем. В неосвещённой части склада виднелось едва заметное шевеление. Там затаилась охрана ожидающего нас воина.

Завидев мужчину, Олли Мот радушно развёл руками:

— Сколько лет, сколько зим.

— Не стоит вспоминать, — жёстко прервал его воин.

Пожав плечами, Олли Мот плюхнулся на свободный стул, положив ногу на ногу. Мы с Адигорой встали позади, пока раб отдувался в углу склада. Дверь за нами с лязгом заперли на тяжёлый засов.

Воин оглядел двух «островитян» суровым и тяжёлым взглядом.

— Только такой проныра как ты, Мот, мог найти пару наёмников после вступления в силу нового закона, — заметил он, разливая по кружкам кроваво-красный напиток.

— Я просто жуткий везунчик. Не смотри, что перед тобой обрезок и коротышка, бежевый рыцарь. Эти двое сегодня днём раскидали несколько твоих ребят в «Безголовой курице».

Я услышал неразборчивый говор в темноте. Но поворот головы бежевого рыцаря в ту сторону заставил болтунов затихнуть.

— Перейдём к делу, я занятой человек, Мот.

— Разумеется, — Олли Мот рукой поманил раба, тот, спешно перебирая ногами, притащил мешок и опустил рядом со своим хозяином.

Не сделав ни глотка из кубка, Олли Мот отодвинул его в сторону и вынул содержимое мешка. Им оказались стальные доспехи. Даже в полумраке было заметно, что перед нами бракованное изделие. Кривые наручи, панцирь с трещиной посередине.

— Твои умельцы мигом залатают, — разливался Олли Мот, сладко улыбаясь. — Зато какая выгодная сделка. Всяко дешевле, чем закупаться у кузнецов, что накручивают цены втрое. А разницы почти никакой, — он повторил для убедительности. — Никакой разницы.

Бежевый рыцарь внимательно рассматривал панцирь. А я начинал понимать, что тут происходило, и в какое тёмное дело мы оказались втянуты. Данная сделка наносила ущерб непосредственно самой Империи, преступление против государства не меньше. Теперь я оказался готов признать правоту Адигоры, жаль, было уже поздно идти на попятную.

— Хорошо, — согласился бежевый рыцарь, откидываясь на спинку стула. — Когда я могу получить всё?

— Просто назови место, куда привезти. Ну, и деньги вперёд, конечно.

Бежевый рыцарь мотнул головой в сторону, и от темноты отделился солдат с парой мешков монет. Он положил их перед рыцарем и снова поспешно слился с тенью. Заказчик подтолкнул мешочки к Олли Моту. Ловкие пальцы мошенника быстро справились с бечёвками, на столешницу высыпалась пара серебряных монет — несущественная доля от общей кучи. Увидев их, я понял, что не просто продешевил, но оказался обманут. А, учитывая ещё незаконность сделки, за нашу работу стоило требовать гораздо более высокой

платы.

— Так приятно иметь с вами дело, — удовлетворённо протянул Олли Мот.

— Предлагаю за это выпить, — бежевый рыцарь поднял кубок. — За удачную сделку.

— За удачную сделку.

От нечего делать я следил за шеей воина, кадык двигался с каждым глотком. Олли Мот едва пригубил напиток, как изо рта бежевого рыцаря пошла пена, а тело сковала страшная судорога. Швырнув кубок в сторону, словно даже его стенки были пропитаны ядом, мошенник вскочил и бросился к двери, но выход уже перегородили взявшиеся из ниоткуда солдаты.

— Схватить всех! — велел ясный голос, чей владелец укрылся от меня в тени.

Мы оказались в окружении уже второй раз за сегодня, но стоило отдать Адигоре должное, она не бросила на меня укоризненный взгляд и ни в чём не обвинила, а отработанным движением схватилась за лун. И лишь спросила:

— Живыми или мёртвыми?

— Предпочтительно живыми.

Она кивнула и метнула стальной круг в ближайшего противника, отрезав длинный до самого пояса высокий хвост, страшно его этим разъярив, пригнулась, уворачиваясь от лезвия меча, и ранила солдата в левую икру пойманным на лету луном. Всё случилось в считанные мгновения. Потрясающее мастерство!

Закончив любоваться умениями Адигоры, я с разбегу запрыгнул на стул, оттолкнувшись, очутился на столе.

В пылу схватки кто-то уронил масляную лампу, она ударилась о стену склада, первая вспышка разгорающегося пламени рассеяла густой мрак. Помещение оказалось очень просторным и вместило в себя пару десятков солдат. Около восьми были на стороне уже мёртвого бежевого рыцаря, а остальные служили голосу, отдавшему приказ о нападении.

Бедняга раб вжался в стену, чтобы не попасть под лезвие жаждущего неважно чьей крови меча. А Олли Мот уже успел сдаться и громко жаловался на грубость верёвки, которой стягивали его запястья. Сдаться без боя... может и нам стоило, раз наш наниматель так поступил? Но сердце требовало иного. Настоящие воины просто так не сдавались, не преклоняли колен.

И с воинственным кричем я сбил противника в прыжке, приземляясь на его гладкий стальной щит, покрывший грудь, соскользнул на пол, лишая шипастой булавы второго, просто разрезая ненадёжное по своим свойствам орудие напополам.

А пламя за нашими спинами всё разгоралось, заполняя помещение удушающим дымом. Кто-то распахнул двери, впуская воздух, давая огню напитаться им и разбушеваться ещё сильнее.

— Зови кровопускателя, пожар нам тут ни к чему! — прокричал незнакомый голос какого-то солдата сквозь шум боя.

Ударив чужой лоб наверху Велимира, я резко обернулся, наткнувшись на лицо, освещённое оранжевыми всполохами пламени. И как в тот раз с пролетающим над Перекрёстком голубем запятнанным кровью, время замедлилось, позволяя рассмотреть лицо с приятными глазу чертами. Ядовито-зелёные глаза под чёрными заострёнными дугами бровей, наполовину скрытыми чёлкой, смотрели вперёд. Изумрудные волосы длиной до самой поясицы заплетённые в толстую косу висели как тяжёлый корабельный трос. Высокий, величественный и широкоплечий воин в роскошных чешуйчатых доспехах, с

правого плеча которого струился красный шёлковый плащ, наступал на меня. Он обхватил длинную рукоять своего меча, на обтянутых кожаными перчатками пальцах сверкали драгоценные камни, вделанные в толстые золотые перстни. И когда красный рыцарь замахнулся, время сдвинулось с места.

С оглушительным звоном я отбил этот мощный удар. Обнаружив, что начинаю задыхаться от гари, подался в сторону выхода. А красный рыцарь следовал по пятам подобно голодной кошке, преследующей упитанную мышь.

На освещённой полыхающим огнём улице, немного отдышавшись, я выставил перед собой Велимир, приготовившись, но упустил размашистый удар, разрезавший правое плечо. Рука задрожала от внезапного прилива боли, но кровь не хлынула сквозь крепкую словно кольчуга серебристую ткань, досталось только одежде.

К сражающимся прибыло подкрепление, и, отрезвлённый болью, я осознал, что нам не победить. Люди бежевого рыцаря оказались повержены. Сражалась только сильная и храбрая Адигора, окружённая со всех сторон всё подступающим врагом.

— Беги! — напрягал, что есть мочи, я плотку, надеясь пробиться сквозь весь этот шум. Пока очередной тяжёлый удар, пришедший на макушку, не лишил сознания.

Глава 11.5. Глазами стражницы: стон колокольчиков

Горные жительницы никогда не отличались гостеприимством или радушием, свойственным, например, уроженкам равнин. Но по сравнению со здешним духом Эхо был просто образцом дружелюбия.

Никогда ещё я не встречала такого несметного количества оружия. Оно свисало с поясов тех, кто не прятал своих глаз и нарочито ловил чужие взгляды, словно выискивая в них искры враждебности, из которых можно было раздуть сильнейшее пламя раздора. Прочие же пытались стать как можно незаметнее и вихляли из стороны в сторону, обходя вооружённых людей, вовсе их не замечавших. Если же столкновение происходило, чаще по вине не озабоченной чужим удобством стороны, безоружные рассыпались в поклонах и безостановочных извинениях. Я, конечно, не понимала языка, но подобострастие различала ясно.

Походка Арчи, шагающего впереди, была недостаточно твёрдой для воина, но он вряд ли это понимал. Страх, который он не хотел ни перед кем обнажать, затаился в глубине глаз. Я же не ощущала ничего кроме скуки и желания прилечь, чтобы немного расслабиться. Утро выдалось слишком напряжённым.

— Это там, — сообщил Арчи, вдруг останавливаясь и указывая рукой в сторону изогнутого прямым углом переулка.

— Ты сам отсюда? — мой вопрос прозвучал небрежно, но парень напрягся. Неужели разбередила старую рану?

— Нет. Аризель заложили не больше десяти лет назад, а я гораздо старше, как ты могла заметить, Ром.

— Но ты знаешь эти места, вот я и спросила.

— Давай просто зайдём, — он явно не выглядел настроенным на разговор, но я не могла винить парня за его недоверчивость ко мне и другим стражницам, чуть не выбросившим его за борт "Зари". До сих пор не укладывался в голове самоотверженный поступок Васхи, а ведь Адигора так ярко описывала её недалёкость и наивность в детские годы. Как сильно порой менялись люди.

Первая дверь, которую толкнул Арчи, отозвалась переливчатым звоном колокольчиков, целая горсть которых была приколочена к притолоке и сверкала язычками, приковывая взгляд. Здесь пахло не естественно. В металлическом полу цилиндре, лежащем на боку на поверхности углового квадратного столика, жгли незнакомые мне травы, перламутровый дым клубился до потолка. Вдоль стен располагались пухлые кресла, одно из них занимал сильно потеющий мужчина, чья вонь успешно отбивалась ароматным дымом.

Нам на встречу вышел другой мужчина (здесь вообще была прорва этих странных созданий) с длинными волосами на лице, заплетёнными в две косы, которые украшали пёстрые гранёные бусинки. Шёлковый халат облегал его толстые бока. Никто и никогда не вызывал у меня столько отвращения одним лишь своим видом. А ведь в нём не было совершенно ничего особенного...

Мужчина обратился к нам, сразу оказавшись вовлечённым в разговор с Арчи. Я наблюдала со стороны, как его прежде радушная улыбка сменялась подозрительностью и

равнодушием. А потом он стал отрицательно мотать головой, прикрывая веки, явно давая понять, что не желает нас больше видеть.

Мы вышли на воздух под звон всё тех же колокольчиков.

— О чём ты с ним беседовал? — поинтересовалась я у парнишки.

— Спрашивал про экзотических рабов.

— Не слишком успешно?

— Трудно что-то выведать, когда нечем платить за информацию. Однако, — он сделал паузу, задумавшись, — хозяин хвастал, что ему привезли новую партию рабов несколько месяцев назад. Захваченных женщин всё равно бы сначала отправили на Императорский рынок. Через него проходят все крупные сделки, связанные с работорговлей, и клеймо тоже ставят только там. Каждый раб однажды побывал на Императорском рынке. Предположим, что сам хозяин ничего не знает о женщинах, но с ними могли столкнуться его новые рабы...

— ...на Императорском рынке, — закончила я мысль. — Вот бы их расспросить.

— Для этого пришлось бы платить за их услуги, — протянул Арчи сухо. — Хотя камней на твоём оружии хватило бы на покупку как минимум нескольких из них.

— Это не украшение. Они заряжены рукой колдуньи, таким не разбрасываются.

Парнишка пожал плечами. Мы обошли ещё несколько непонятного мне назначения зданий, расположенных в переулке, но везде я наблюдала примерно одинаковую реакцию, а в носу свербело от смешавшихся запахов.

— Мы не можем уйти ни с чем, — я прислонилась к стене, следя как открывались и закрывались двери, за которыми и скрывались так называемые рабы. Само слово «раб» мало что говорило. Безвольные пленённые люди? Но что значило не иметь воли или свободы? Даже вот этот парнишка так отчаянно цеплялся за свою новую жизнь.

Сделав жадный глоток из фляги с водой, Арчи завинтил крышку. Только теперь я заметила, как сильно у него тряслись руки. Насколько тяжело оказалось переступить порог теснившихся здесь зданий? Но он всё равно пошёл и сделал, что было необходимо.

— Сожалею, — проговорила я, — о том, что хотела тебя убить.

— Извинения приняты, — слова прозвучали неуверенно, как будто он только учился их произносить.

— Сделаем кое-что, — я выпрямилась, потянувшись и размяв мышцы, зашагала прямо по переулку, ожидая, когда отворится одна из дверей. Это случилось немного неожиданно, и жёсткий кусок дерева чуть не расквасил мне нос. Отшатнувшись, я схватилась за край одежды сидящего старика, выходящего наружу, но затем быстро укрепилась на своих двоих.

Извиняться не пришлось, мужчина оказался безоружен и, сверкая пятками, исчез за поворотом. В моих же руках оказался сжат мешок монет, на которые здесь обменивали всё. Я вручила его Арчи. Он взирал на меня с полуоткрытым ртом.

— Не знал, что в Эхо обучают воровству.

— Воровству? У нас нечего красть, у всех есть необходимое. Но навык остался из одной детской игры. По правилам мешочки заполнялись до отказа камнями и нужно было отнять такой вот мешочек у другой девочки, оставшись при этом незамеченной. Выигрывала, собравшая большее количество мешочков.

— Странная игра.

— Развивает наблюдательность и учит ловкости и незаметности. Навыкам, без которых не выжить, когда поблизости от твоего дома обитают великанши, — я хлопнула его по спине. — Вперёд.

Мы вернулись в здание, которое посетили самым первым. Воняющего мужчину заменила парочка солдат, сжимавшая подлокотники кресел потными ладошками.

— Ты уверена, что справишься одна? — шепнул мне Арчи, когда мы уже готовились разделиться.

Я кивнула. И Арчи отсыпал волосатому хозяину несколько серебряных. Нас провели в узкий проём за разноцветную занавеску. Я продолжала томиться в неведении относительно назначения данного места и услуг, что должна была получить. Хотя могла бы просто спросить у Арчи, но предпочла этого не делать, всё равно вот-вот сама узнаю.

Миновав короткий коридор, мы прошли в просторное, светлое и чистое помещение, посреди которого в один ряд стояли люди не похожие ни на кого, виденного мной прежде. А ведь, казалось, что после сильно волосатого лица удивляться больше нечему.

Худенькие как тростинки, с распущенными волосами длиной до самых бёдер, в шёлковых локонах которых сияли многочисленные стеклянные бусинки. Тощие ручки висели вдоль бледнокожих тел, редко видевших солнце. Полупрозрачная ткань облегалась, доходя до самых пят, была обрезана по бокам и полностью обнажала костлявые ноги. Тонкие бретельки небрежно спадали с покатых плеч. Из-под длинных ресниц, накрашенных чем-то густым и чёрным, на меня глядели опустошённые взгляды, в то время как измазанные красной краской губы растягивались в неискренних улыбках. Я бы легко приняла эти фигурки за фигуры пятнадцатилетних девочек, но худоба легко скрадывала несколько лет. И ни одна девочка, которую довелось мне повстречать, не выглядела настолько хрупкой.

Немощные тела изгибались в неестественных позах. Они выпячивали задницу, демонстрировали ноги, откидывали назад голову, проводя кончиками пальцев по тонкой шее. Я заметила оторопь, с которой Арчи тыкнул в раба, вскоре скрывшись за дверью одной из прилегающих к помещению комнат. Перед этим он успел шепнуть, что предупредил хозяина о моём незнании имперского языка.

И волосатый мужчина выжидательно уставился на меня, скаля зубы в угодливой улыбке. В сравнении с остальными здесь присутствующими он казался ещё толще. Проходя вдоль ряда, я почти не отличала одного раба от другого. И как понять, какой из них мог встречать похищенных женщин? В итоге указала пальцем на того, что улыбался вымученнее прочих.

В комнате, в которую нас отвели, пахло уже другими травами. Мягкий застеленный нежно-розовой тканью матрас занимал большую часть, покрытого толстым ковром, пола. Ни одного окна. А сбоку на шкафчиках стояли пузырьки с разноцветными маслами. Дверь с щелчком затворилась, оставив нас наедине.

Раб какое-то время просто стоял, робко поглядывая на меня из-под длинных опущенных ресниц. И что нам полагалось здесь делать? Я опустилась на край матраса. Может он сделает мне массаж или споёт колыбельную? Крепкий сон на удобной постели точно бы сейчас не помешал.

Заметив, что я села, раб стал стягивать с себя одежду. Он сбросил и без того мало что скрывающую ткань, оказавшись передо мной полностью обнажённым. Теперь и мне довелось лицезреть разницу, отличавшую женщину от мужчины, и всё-таки я оказалась обескуражена. Почему он разделся?

Раб опустил передо мной на колени и потянулся к шнуровке на штанах. Наконец, поняв, что тут происходило, я отпрянула, резче, чем хотелось бы, и оттолкнула раба на ковёр. Появилась неприятная горечь во рту. Здесь покупали удовольствие? Здесь платили за любовь? Нет...это не любовь. В этом пустом взгляде нет ни капли любви, а в измученном

теле нет и капли желания. Так вот, что такое рабство...

Застигнутая врасплох, я не знала, что и делать. Протянула руку упавшему рабу. Он взялся за неё с неохотой, поднявшись на ножки-палочки, снова вытянул измазанные краской губы в улыбке. Длинные волосы покрывали грудь наподобие расстёгнутой жилетки. Совсем плоскую грудь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я вынула из кармана листок с посланием, которое заранее написал Арчи на имперском языке. Но он предупредил, что большинство рабов не умели читать, потому и написал по-имперски нашими буквами. Я постаралась зачитать сообщение такого содержания: «Я ищу друзей, их продали рабство. Не знаю куда и кому, но, может быть, ты видел их? Они похожи на меня.»

Закончив читать, я отложила листок в сторону и стала снимать кожаный панцирь, затем стянула кофту. Раб наблюдал за мной с широко распахнутыми глазами и полуоткрытым ртом, стискивая ладонью предплечье второй руки. Раздевшись, я стала раскручивать ткань, стягивающую грудь. Раб судорожно выдохнул, лицезрея женскую грудь, а мне стало чуть легче дышаться без повязки.

Я чуть наклонилась, заглядывая в его тёмные глаза. Раб часто закивал и начал лепетать на имперском, а я спешно чиркать карандашом на обратной стороне листочка, записывая услышанное родными мне буквами. Вскоре раб замолк, а я, совершив планируемое, не знала, что мне делать теперь. Не будет ли подозрительно уйти так быстро?

Снова присела на край матраса, а раб пристроился рядом со мной, как и прежде не поднимая глаз. Мы просидели так некоторое время, пока тонкая рука не потянулась к моей обнажённой груди. Скорее всего, ему было просто любопытно. В благодарность за помощь я позволила коснуться и ощутить её мягкость.

Изумление всё сильнее покрывало юное лицо. Оказалось приятно увидеть искреннюю эмоцию у этого похожего на куклу создания. Он вопросительно посмотрел на меня, указав на место между ног. А потом указал на нечто свисающее у него между ног. Даже у любопытства должен был быть предел. Но здешний воздух странно действовал на рассудок, или сам раб действовал на меня?

Всё же я стянула и штаны, и бельё, обнажая волосатый лобок. Раб прикрыл рот ладонью, сквозь пальцы я заметила улыбку. Его пробило на смех. Мне отчаянно захотелось услышать его смех, если бы только я могла сказать «пожалуйста, смейся», но я не знала как и почувствовала себя глупой в своём прежней упрямой враждебности по отношению к Арчи.

Я коснулась поразительно длинных, вьющихся волос раба. Какие гладкие и блестящие они были и славно пахли, как и его, натёртая чем-то шея. Сама не заметила, как стала касаться хрупкого тела, осторожно, словно опасаясь, что оно рассыплется. Но, вдруг опомнившись, остановилась, отодвинувшись.

Раб схватил меня за руку и поднял её, направив в сторону своего мужского органа. Мне стало не по себе. Действительно ли он хотел, чтобы я касалась его тела или просто делал то, зачем и был предназначен? Большие тёмные глаза глядели в нетерпении. Не знаю почему, но я всё-таки сделала это. Быстрая реакция тела раба на мимолётное касание смутила меня.

Он обхватил мою шею руками, садясь на колени будто дитя, и его орган тёрся об мой живот. Я ощущала щекочущее дыхание на своей шее, но уже ни о чём не могла думать или просто рассуждать здраво. Может это место развращало людей или во мне самой было нечто, о чём я даже не подозревала?

Не зная, как это делали мужчины, действовала как привыкла, одновременно направляя тонкие пальцы раба вниз моего живота. Он действовал аккуратно и выглядел крайне взволнованным, считывая малейшее изменение моей реакции. Моя же рука запачкалась чем-то белым и липким. Щёки раба зарделись. А я поцеловала покрывшийся потом лоб.

Когда всё закончилось, в комнате вдруг посвежелело, весь дым, здесь витавший, развеялся. Я одевалась, раздавленная виной за то, что сделала с этим незнакомым мне безымянным парнишкой. Он натянул свои полупрозрачные одежды обратно и снова улыбнулся, взглянув на меня большими печальными глазами. Мне хотелось верить в эту искренность на остром лице. Обнять за тонкие плечи и забрать из пропитанного пьянящим дымом и похотливым потом здания запертое здесь создание, что в следующий раз возляжет на матрасе с кем-то другим всего за пару серебряных монет.

Но я не могла этого сделать, я не могла сделать ничего. Нельзя просто менять чужие жизни, какими бы ужасными они нам не казались, если мы не ведали, чем это обернётся. И я, и остальные могли сгинуть уже завтра, уличённые на месте в своей истинной личности. А стыд за содеянное и нежелание, чтобы хоть кто-нибудь из подруг узнала о моей низости, гнали меня прочь из места, чьё название на имперском звучало не иначе как «бордель».

Я едва успела обменять последним взглядом с рабом, как он исчез за дверью, а когда вышла следом, в просторной комнате совсем никого не оказалось. На улице уже ожидал Арчи. Звон колокольчиков больно резанул по ушам, когда выходила.

— Ты долго, — заметил парнишка. — Всё хорошо? Прости, что заранее ни о чём не предупредил. Мой поход оказался безрезультатным. А твой?

Я вынула смятый листок, стараясь напустить на лицо свойственную мне невозмутимость, пока Арчи пробегал глазами по корявым написанным в спешке строчкам.

— Это уже кое-что. Твой раб видел женщин, и большинству из них проставили клеймо на лице.

— И?

Он посмотрел на меня:

— Это значит, что их отметили как «чёрных рабов», годных только для самой тяжёлой и грязной работы вроде каторжного труда на рудниках.

Я подумала, что не видела клейма на теле того раба. Наверное, оно располагалось на мало заметном для других месте.

— Правда, что у всех этих юных мужчин нет имён?

— Не мужчин, — поправил Арчи. — В Империи за мужчин считаются лишь воины прочих зовут полумужами, а рабы не относятся ни к тем, ни к другим. У рабов нет ничего своего, в том числе и имени. Они полностью и без остатка принадлежат хозяину.

Кивнув, я не решилась больше спрашивать, боясь показать излишнюю заинтересованность в жизни рабов, хотя меня волновала только одна из них. Этот запах, его запах, отпечатался на моём теле, напоминая о моменте, когда его искренность и тело принадлежали лишь мне одной. По непонятной причине я была уверена, что больше никому он так не улыбался.

Но размышления оборвали крики высыпающей на улицу толпы.

— Пожар! Пожар! Горит пустой склад в западной части города!

В воздухе воняло гарью, что принёс ветер.

— Уже позвали кровопускателя? Он мигом затушит, — уверенно заметил кто-то из толпы. Остальные дружно закивали, и не думая срываться с мест и что-то делать с

внезапным бедствием.

— У меня дурное предчувствие, — обеспокоенно проговорил Арчи. — Нужно найти остальных.

Мы бросились бегом по улице, расталкивая всех на своём пути. Я обернулась напоследок, чтобы точно запечатлеть в памяти месторасположение борделя, встречающего посетителей переливчатым звоном связки медных колокольчиков.

Примечание: безымянный раб, бывший с Ром, является восемнадцатилетним, но в силу некоторых особенностей выглядит на несколько лет моложе. Об этом будет упоминаться в дальнейшем.

Глава 12. Цена свободы

В допросной пахло плесенью, сквозь решётку просачивались косые капли дождя, лившего с самого утра, а может и с самой ночи. Каменная кладка выглядела свеженькой, это здание выстроили не так давно, но уютно в его помещениях не было никогда. Да и бывало ли уютно в стенах тюрьмы?

Весь зад стал квадратным, пока я сидел на жёстком стуле с прямой спинкой, прикованный цепью к кольцу, торчащему из пола, и рассматривал плесневелые потёки у решётчатого окна. Воображение рисовало образ несчастного безымянного раба Олли Мота, чьи воспалённые и печальные глаза смотрели на меня с этих стен. Требовательно урчал желудок, а горло наполняла лишь влага, витающая в воздухе. Правое плечо болело от удара, который ему пришлось вчера выдержать. И это ещё ничего, если бы не громадный синяк, пятном проступивший на коже, но всяко лучше кровоточащей раны.

Более прочего меня мучила неизвестность. Успела ли сбежать Адигора? Очнувшись на холодном полу, покрытом соломой, от которой несло мочой, я не обнаружил стражницы рядом. Не успел обмолвиться и словом с Олли Мотом, мирно дремавшем в камере по соседству, как меня забрали в допросную и оставили мариноваться в одиночестве и скуке.

Дождь усилился, начав яростнее барабанить по крыше. Дверь отворилась, впуская сразу двух посетителей. Мрачного мужчину лет пятидесяти на вид с сединой в волосах и серой бородой по самую грудь, облачённого в чёрные кольчужные доспехи со стальным нагрудником такого же цвета. Второго я узнал сразу, хоть и при свете дня его лицо чётче вырисовывалось пред взором. Из левой мочки красного рыцаря свисало сплетённое из золотых нитей пёрышко.

Мрачный мужчина замялся на пороге, не сводя глаз с рыцаря, но получив в ответ лёгкий настойчивый намекающий кивок, вышел, оставив нас наедине.

Какое-то время воин смотрел на меня свысока своего роста и положения, которое, очевидно, являлось значительным. Ощущая, как сильно истрепались волосы, я раздражался, потому что скованный тяжёлыми стальными наручниками не мог их поправить. Грязный, побитый и безоружный, я чувствовал себя ещё более жалким на фоне ухоженного и величественного незваного посетителя. И просто отводил глаза, делая вид, будто не замечаю изучающего взгляда рыцаря, взявшего меня в плен. И что за дурак? Стоило просто сразу сдаться или бежать, как появилась возможность. Как же я всех подвёл, ввязавшись в эту авантюру. Непрошенный вздох сорвался с губ.

— О чём вздыхаешь? О своём заключении или, быть может, о свершённом преступлении? — поинтересовался ясный голос, схожий с тем, что вчера отдавал приказ об атаке.

— О друге, — ответил я, не поворачивая головы.

— Вот как, — краем глаза я заметил, как красный рыцарь занял противоположный стул. — Этот ловкач сумел ускользнуть от нас. Просто взял и запрыгнул на крышу соседнего здания, словно оно гора, а приятель твой — горный козёл.

Я улыбнулся, вспомнив о горных козочках.

— Печалился бы ты о своей участи, Вас.

Услышав такое укороченное обращение, от неожиданности я резко повернул голову,

недоуменно взглянув на внимательно наблюдающего за мной рыцаря.

— Неужели исключительно по имени тебя лишь друзья называют? Прими мои извинения, Вас Ха, — проговорил он с расстановкой, дробя моё имя на две части и делая ударения на каждой из них.

Не удержавшись, я даже расхохотался от нервного облегчения и шока. Имперские имена состояли из двух частей: личного и родового. У жительниц же Светлого края имена состояли из одного слова и были уникальными, хотя следующие поколения могли брать себе имена уже почивших предков.

И всё же я подивился этому имперскому сознанию, убеждённому, что всё в этом мире ему подобно, а другому и места быть не должно. Какие имена носили реальные жители Островов не имело значения, теперь, когда они часть Империи, то перемянутся ей в угоду.

— Твоё плечо болит? — поинтересовался красный рыцарь, дождавшись, когда мой нелепый смех стихнет.

— Вы меня едва не ранили, — предпочёл быть вежливым, чтобы не обострять и без того безвыходную ситуацию, — и ударили по голове.

— Ударил не я. Никогда бы не стал бить исподтишка, предпочитаю добрую схватку. Ведь в случае победы твои волосы достались бы мне, а так они всё ещё украшают твою голову, — тяжёлая изумрудная коса лежала на плече красного рыцаря, перекликаясь с цветом камней на его перстнях.

«А от вашего «украшения» шея не болит?» — хотел спросить я, но промолчал, облизывая пересохшие губы, ловя отскакивающие капли дождя вытянутыми в сторону окна пальцами.

— Меня всё мучил один вопрос, — продолжал донимать красный рыцарь. — Почему ты не сдался? Это была не твоя битва, а мелочь, которую заплатил этот мошенник, явно того не стоила. Почему до самого конца не опускал меча?

— Потому что дурак, — буркнул я, скорее говоря с самим собой, нежели отвечая на вопрос.

Воина пронял безудержный хохот, полностью заполнивший допросную. От смеха он откинулся назад, полу открыв рот, выставляя на обозрение белые ровные зубы. Такой контраст по сравнению с пугающим прогнившим частоколом Олли Мота. Да и смех у него оказался приятный. Вне всякого сомнения, благородная кровь явилась вести со мной беседу. Надо же какая честь...

Закончив хохотать, красный рыцарь наклонился вперёд и проговорил:

— На тебя не падёт обвинение в государственной измене, если запишешься на добровольную службу в великую императорскую армию, — он выпрямился на стуле как на троне. — Вся эта ситуация довольно неприятна. Прогнившие люди на государственных постах, которые наживаются за счёт закупки негодного снаряжения по низким расценкам, а разницу кладут себе в карман. Даже наказание в виде перехода в чёрные рабы их не пугает, столь уверены, что глаз Бога минет, стоит только укрыться в сумерках. Хотя рыцарей предпочтительно уничтожать, чтобы не учинили вреда на новом месте.

— Олли Мот...

— Этот мусор ничего не стоит, а ты умеешь держать в руках меч, да ещё так искусно, что выдержал мой удар. Я прославился им и сломал немало костей и мечей, пытающихся противостоять его мощи. Но в твоём запястье нет ни трещины, а на мече ни царапины.

Мысленно я оценил качество руды Светлого края и нахмурился, думая о ещё одном

ресурсе, который могла возжелать Империя. Но кем бы в действительности ни являлся красный рыцарь, я не сомневался в его власти устроить мне несладкую жизнь. Меньше всего хотелось вовлекать в это остальных.

— Похоже у меня нет выбора.

Красный рыцарь удовлетворённо улыбнулся и встал, широко распахнув тяжёлую дверь, возвестил:

— Отпустите этого честного человека и верните ему вещи. Это верный слуга Империи! — повернулся ко мне. — Ещё свидимся, Вас Ха.

И удалился. Широкие решительные шаги таяли в коридоре, пока я рвал кончики растрёпанных волос, не зная, как объясню всё это Новже. План катился в пропасть, как и все наши надежды отыскать похищенных женщин.

У выхода из тюрьмы меня ожидали двое. Лицо первого показалось знакомым, тот самый наглец, плеснувший Падве пиво в лицо. Он криво и мрачно усмехнулся, завидев меня, но не подал виду будто узнал. Второй стоял как натянутая струна и обратился ко мне формально:

— Нам приказано сопровождать вас в армейский район до самых дверей штаба.

Нахмурившись, я заглянул за спины навязанных мне сопровождающих и заметил махающую Новжу и Арчи, стоявшего рядом с ней. Быстро же они сообразили, где стоит меня разыскивать.

— Там мои друзья, — указал я в сторону. — Могу я поговорить с ними прежде, чем мы пойдём?

Коротко переглянувшись, солдаты кивнули. Дождь успел закончиться, и я быстро перешёл дорогу, оставив хвост возле дверей тюрьмы. Новжа радостно мне улыбнулась:

— Ты цела, Васха. Мы переволновались, думая, что с тобой случилось. Рассказ Адигоры, бросившей тебя, несколько не обнадеживал, — она приправила своё замечание изрядной долей осуждения.

— Я сказала ей бежать, Новжа. Если бы захватили нас обеих, как бы вы узнали о случившемся? — я покачал головой. — Моя ошибка и вина. Теперь я обязана записаться на службу в армию, чтобы не оказаться проданной в рабы. Меня отпустили только на этом условии.

Новжа выглядела опарашенной, но выпалила без всяких колебаний:

— Тогда я пойду с тобой.

— Нет. Мы не должны действовать впопыхах, довольно ошибок. Нужно разработать план. Вы что-нибудь выяснили о пропавших?

Арчи кивнул.

— Мы знаем, что их направили на самые чёрные работы, но не знаем, куда именно. Империя велика, повезёт, если всех разом купил один человек. Вертись мы в кругах работорговцев, было бы проще всё разузнать. Но это для нас невозможно, — он прибавил ровно. — Чтобы получить лицензию работорговца нужно подарить императорской семье пятьдесят молодых рабов.

— Похоже, ты обдумываешь самые гиблые варианты.

— Мы в Империи, Васха, здесь нет не гиблых вариантов.

— Неужели ты и правда станешь служить Императору? — Новжа, казалось, сама не верила своим словам.

— Придётся, — я ободряюще улыбнулся подруге. — Но это всё ради дела, только

временно. Есть ещё кое-что, — вернул себе прежнюю серьёзность. — Нам нужна армия, того, что есть, недостаточно.

— И что ты предлагаешь? — спросил Арчи, явно заинтересованный.

— Люди, ушедшие в холмы. Их сердца наполняют гнев и жажда возмездия. Это можно использовать. Пусть Димбо, Падве и ты, — я посмотрел на Новжу, — отправитесь туда и будете тренировать всех, кто захочет участвовать в спасении похищенных женщин.

Новжа схватила моё запястье:

— Я не брошу тебя, Васха!

— Новжа, — положил ладонь поверх её руки, — Димбо слишком ветрена, чтобы руководить, а Падве слишком вспыльчива и не способна находить общий язык с людьми. Только тебе я могу доверить это крайне важное дело. Я видела здешнюю армию, дралась с ними. Наших сил недостаточно, и в нужный час понадобится подмога.

Стиснув зубы, подруга кивнула, хотя было видно с каким трудом это ей далось.

— Кажется, те солдаты теряют терпение, — заметил Арчи, кивая в сторону моего «хвоста». — Встретимся в порту, когда закончишь.

— Хорошо, — я осторожно забрал свою руку у Новжи, отвернувшись, вернулся к вынужденной меня сопровождать сладкой парочке.

Но на деле один шёл впереди, показывая путь, а второй сзади, следя, чтобы я не смылся. Вот вам и «добровольная» служба, больше похоже на конвой. Ну, хоть Велимир снова был при мне.

Армейский район составлял контраст по сравнению с остальными частями города. Он оказался полон вооружённой солдатни, снующей туда-сюда и заполнявшей собой здешние пабы. Занятые уборкой, стирали, развешивая бельё на верёвках. На улицах горели костры с кипящими на них котелками. Похоже, солдаты не отличались состоятельностью и не могли позволить себе домашних рабов. А платили им, безусловно, копейки, после которых те девяносто медяков, что остались со мной после неудачной сделки Олли Мота, покажутся целым состоянием. Зато как почётна служба Императору...

Атмосфера в районе витала на удивление дружелюбная. Звучали смех и непринуждённая болтовня. И никому не оказалось дела до коротышки, сопровождаемого парочкой солдат.

Военный штаб возвышался над жилыми постройками, он был двухэтажный, в отличие от остальных здешних зданий. Обвешанный знамёнами с изображением трёх глаз от большого до малого сверху-вниз, словно принадлежащими трёхглазому чудовищу. Зрачками им служили распустившиеся цветы с четырьмя острыми лепестками. Золото на багровом фоне. Дождавшись, пока я открою дверь и переступлю порог штаба, «хвост» отвалился, даже не попрощавшись, а ведь мы так «славно» вместе прогулялись.

В просторном помещении, половину пространства которого скрадывали многочисленные шкафчики, заполненные туго скрученными свитками, расположенными в алфавитном порядке, за письменным столом восседал бежевый рыцарь с лицом, испещрённым глубокими морщинами, что делало его отдалённо похожим на старое дерево. Рыцарь водил пером по пергаменту, не замечая ничего вокруг. Прямые волосы грязно-оранжевого цвета лежали на могучих плечах, но большая их часть была стянута резинкой на макушке. Вид у человека был настолько усталый, что мне не захотелось его беспокоить. И, тихо развернувшись, я уже собирался незаметно выйти через ту же самую дверь.

— Мне о тебе сообщили, — прозвучал твёрдый и звонкий как металл голос. — Вас Ха,

верно?

Испытав огорчение от провалившейся попытки побега, я повернулся:

— Так точно.

Глаза, окаймлённые снизу увесистыми морщинистыми мешками, посмотрели на меня, а рука перестала писать, отложив перо в сторону. На лице, которое так и тянуло к земле, судя по отвисшей коже и многочисленным складкам, показалось лёгкое удивление, достаточно мимолётное, чтобы вовсе его не заметить.

— Задаётесь вопросом, как такой коротышка отбил удар красного рыцаря, которого этот удар прославил? — поинтересовался я.

— Сядь, — велел бежевый рыцарь, указывая на стул напротив.

Я сделал, как мне велели, обнаружив, что мебель в Империи удобством не отличалась. Либо это делалось специально, дабы не позволить солдатам расслабиться. Настоящий воин всегда должен быть в напряжении, так что ли? Я заёрзал.

Морщинистая рука протянула пергамент и перо:

— Подпиши в самом низу.

Взяв листок, начал медленно читать, старательно разбирая текст на чужом языке.

— Разве я велел читать? — надавил старик.

Это меня разозлило.

— Даже если у меня нет выбора, хочу знать на что подписываюсь.

Бежевый рыцарь наполовину опустил тяжёлые веки, но больше не стал меня прерывать. Некоторых слов в документе понять так и не удалось. Общая суть же заключалась в том, что я был обязан отдать службе двадцать зим жизни. Интересно каков стандартный срок? Хотя это совсем неважно. Про сумму жалования тут ничего толком не говорилось. Всё равно что продать себя в рабство, только немного более привилегированное. И мужчины подписывались на такую судьбу, не задумываясь.

Взяв перо, я написал на имперском своё имя, но сделал это отдельно. Первое, что научил нас писать Арчи — это имена.

— Зачем здесь столько солдат? — поинтересовался я, отдавая пергамент. — Мы с кем-то воюем в Аризеле?

— В каждом городе Империи есть армейский район, — объяснил старик, скручивая пергамент и обвязывая его грубой бечёвкой. — Это армия наместника города, которому теперь служишь и ты. Солдаты не задают вопросов, а просто выполняют приказы.

Он встал и подошёл к полкам, положил договор среди других скрученных свитков.

— Ты вооружён и облачён в доспехи, — проговорил бежевый рыцарь, оглядывая поднявшегося на ноги меня. — Значит, всё что тебе требуется — только комната, — он обошёл стол и чиркнул что-то на клочке бумаги, протянув его мне. — Отдашь местному управляющему. Он должен сидеть в деревянном домике, похожем на собачью будку.

Я взял бумажку, не разобрав ни слова из-за размашистого неаккуратного почерка. И почему имперцы не могли писать ровно? Плохо, видать, учились, раз с почерками беда.

Оставив бежевого рыцаря, я покинул штаб, но не спешил к так называемому управляющему. Ноги несли меня в порт и как можно скорее. Но не удалось сделать и десятка шагов, как путь преградил тот самый задира-солдат со своей старой гурьбой заносчивых неудачников. Не располагая временем на всякие глупости, я попытался их обойти, но получил резкий толчок в больное плечо и едва устоял на ногах.

— Что ещё? — процедил я раздражённо, стискивая зубы от накатившей волны боли. —

Вам прошлого раза не хватило?

— Солдатам имперской армии запрещено сражаться друг с другом, тупая твоя башка, — ответил мой старый знакомый презрительно.

— Что вам вообще можно? Самоудовлетворяться хоть не запрещают?

Он наклонился ко мне, произнес в лицо:

— Язык бы попридержал. Теперь ты один из нас.

— Так чем обязан? — отозвался я, стараясь сохранять хладнокровие.

— Мы слышали, ты выдержал удар принца, — взбудоражено проговорил другой солдат за спиной своего товарища. — Слухи не врут?

Принца? Я был несколько сбит столку

— Почему бы вам у него об этом и не спросить? — растолкав солдат в разные стороны, я решительным шагом направился к выходу из армейского района.

Арчи рассказывал, что хоть у Империи и имелся единоличный властитель, у которого были свои дети, сама императорская семья заключала в себе четыре родовые ветви. Они всячески пересекались, редко принимая кого-то постороннего. И любой член этой достаточно обширной семьи мог стать Императором, если находил в себе силы вступить в жестокую и кровавую борьбу за власть, полную предательства и интриг. А каждый не правящий член имел звание принца. Неудивительно, что мне довелось столкнуться с одним из них.

Но тот удар стоило списать на случайность. Когда время вдруг стало шевелиться не быстрее улитки, я смог подготовиться, и сам металл, из которого был выкован Велимир, также сослужил хорошую службу. Если доведётся снова схлестнуться в бою с красным рыцарем, что маловероятно, раз солдатам не дозволено обнажать мечи друг против друга, я вряд ли выдержу ещё один удар такой мощи.

— Димбо! — окликнул я, заметив впереди непослушные кудряшки, кое-как собранные в тугой хвост.

Объездчица замерла, но вместо того, чтобы обернуться и поприветствовать меня, прибавила ход. И вообще стала улепётывать так быстро, что удивлённому мне пришлось перейти на бег, чтобы угнаться за ней. Димбо пропала на лестнице, ведущей в какой-то тёмный подвал. Я спустился следом.

Широко открытая дверь никем не охранялась. Полумрак помещения без окон скрывал личности многочисленных гогочущих и кричащих посетителей. Громко делали ставки. Растолкав толпу, я, наконец, увидел, на что ставили. Квадратный ринг, обнесённый проволочной решёткой. Деревянный пол в пятнах засохшей, а местами и свежей крови. Посередине, с венами, выступившими на мускулистых руках, бритый раб с клеймом на левой щеке в виде цветка с четырьмя острыми лепестками. Напротив него, сжимая покрасневшие от крови кулаки, рычала растрёпанная и вспотевшая Падве.

— Три серебряных на островитянина! — раздался оглушительный голос Димбо, умудрившейся перекричать всех даже в шумном помещении, полном низкоголосых мужчин.

Не знаю, чего мне хотелось больше: влечь оплеуху Димбо или оказаться на ринге против Падве. Негодование просто разрывало на части. Сомкнув веки, я сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, а затем подошёл ко входу на арену. Здесь стоял какой-то низкорослый полумуж с бегающими глазками. Наверное, раб принадлежал ему. Заметив меч на моём поясе, он отступил, а я резким движением распахнул клетку.

Падве уже мутузила чёрного раба, согнувшегося напополам, из его носа текла и

пузырилась кровь. Тяжёлая нога стражницы пнула в бок мускулистое худое тело, заставив того рухнуть на пол. С лязгом я вытащил Велимир, приставив лезвие к шее Падве. Она оторопела, вдруг замерев. Раб больше не шевелился.

— Хотела бы я сказать, как мне стыдно за тебя, но никаких слов не будет достаточно, — разочарованно и зло проговорил я на нашем языке и убрал Велимир обратно в ножны. — Уходим.

Арена осталась позади. Димбо вышла с мешком полным серебра и довольной физиономией, расплывающейся в улыбке. Падве стирала пот на ходу. Когда в лицо ударил солнечный свет, и никто не мог нас слышать, я резко обернулся, заставив девушек, идущих следом, встать.

— Вы только что славно обогатились на чужих страданиях, с чем вас и поздравляю, — проговорил я сдержанно.

— Жалеешь тех, кто поубивал наших людей, — мрачно хмыкнула Падве, сплёвывая сгусток крови, смешавшийся со слюной, на землю.

— Эти... — я вытянул руку, указывая в сторону арены, —... рабы не имеют к этому отношения. Они такие же пленники, как и наши женщины! Глаза бы мои вас не видели.

Отвернувшись, ускорил шаг. Что происходило вокруг? Какая-то нелепица. Что я упустил при подготовке к путешествию на чужие берега? Слишком положился на глубину сердец знакомых мне женщин, позабыв, что они не обязаны были сочувствовать людям во всём от них отличным. Но так уж ли отличным? Я начинал в этом сомневаться.

В порту неподалёку от причала и самой «Зари» уже ждали остальные. Димбо и Падве не сильно отстали, и не успел я никому и слова сказать, как встали рядом.

— Что-то случилось? — поинтересовался Арчи, видимо, заметивший смурность на моём лице.

Я не нашёлся, как ему объяснить то, чему стал свидетелем и просто завёл разговор на другую тему, повернувшись к любительницам боёв без правил:

— Вы вернётесь в Светлый край вместе с Новжей и поможете натренировать подкрепление.

Падве посмотрела на Адигору, та кивнула в знак поддержки этого плана.

— Ну и прекрасно, — протянула Падве. — Опостылело глядеть на все эти мерзкие рожи и ни слова не понимать.

— Как скажешь, — несколько виновато отозвалась Димбо, сжимающая всё тот же мешочек с серебром.

Я тяжело вздохнул:

— По крайней мере, у вас есть на что купить припасы.

— Новжа рассказала о твоём новом назначении, — подала голос Адигора, обращаясь ко мне. — Не стоило оставлять тебя, не удостоверившись, что побежишь следом.

Эти слова удивили меня даже сильнее поступка Димбо с Падве.

— Уже ничего не поделаешь, — я пожал плечами.

— Поделаешь. Я тоже запишусь в эту их армию.

— Есть ли в этом необходимость? — поинтересовалась Малка.

— Нам нужно держаться вместе, — веско заметила Адигора, и никто не стал с этим спорить.

Какое-то время мы стояли молча, погружённые в тяжкие думы о грядущем. А потом по тихому безлюдному порту пронёсся тягучий скрип. Обернувшись, я увидел, как большие

двустворчатые двери глазастого здания стали медленно открываться. Ещё издали заметил яркую зелень, присущую разве что сочным летним растениям. В душе понадеялся, что малозаметного меня с самым обычным цветом волос будет трудно разглядеть с такого значительного расстояния. И ошибся.

Красный рыцарь направлялся прямо к нашей группе. Все напряглись и насторожились, потянувшись к своему оружию.

— Тише, — попридержал я подруг. — С ним лучше не вздорить.

Но сердце медленно уходило в пятки. Сейчас этот красный рыцарь увидит всех женщин, приплывших на его родину, дабы посягнуть на то, что он и другие имперцы считали своим священным правом. Вдруг заметит, как сильно мы отличались от мужчин и закрадётся, пусть и крохотное, подозрение? Или кто-то из нас самих выкинет нечто, вмиг нас разоблачив? Такой длинный путь до пристани. И все замерли в ожидании.

Наконец, красный рыцарь подошёл и остановился. Словно и не заметив более никого, он смотрел только на меня:

— Знаешь, как приветствуют старшего по званию, солдат?

Я отрицательно мотнул головой.

— Положи раскрытую ладонь в области сердца и наклони голову вперёд, пряча взгляд, — тон был спокойный, совсем не поучающий, терпеливый.

Раскрыв правую ладонь, я положил её в области сердца и поклонился. Выпрямившись, увидел улыбку на чистом лице красного рыцаря.

— Теперь ты в моём отряде, Вас Ха, — сообщил он, отворачиваясь и делая первый шаг прочь. — Не отставай.

Будучи застигнутым врасплох, я всё равно двинулся следом, поманив рукой Адигору. Она поспешила, быстро поравнявшись со мной.

— Мой приятель тоже хочет записаться на службу, — сообщил я красному рыцарю-принцу.

— Тот самый? — проговорил принц, не оборачиваясь. — Чтож славные воины никогда не будут лишними в рядах имперской армии, но в мой отряд попадают лишь самые лучшие.

— Не думаю, что заслуживаю подобной чести.

Услышав эту фразу, принц резко остановился и посмотрел на замершего меня из-за полуоткрытых век:

— Откуда такие мысли? Или может ты струсил? Испугался возложенных на тебя надежд?

Вот бы Адигора понимала происходящее и пришла мне на подмогу. Но она просто стояла в стороне, не разбирая ни слова. Я уже пожалел о своём отказе Новже. Моей верной и смышлённой Новже...

Глядя на принца, раздумывал над ответом. Насколько старше меня был красный рыцарь? Наверное, зим на пять. С виду истинный воин, рождённый для этого жестокого ремесла. Сейчас стоило бы ответить что-нибудь слащавое в духе «если это ваши надежды, принц, то я сделаю всё» или горделивое «настоящий воин не ведает страха», а может незатейливое «я обычный сын портного, а не воин», последнее хотя бы отчасти соответствовало истине.

Посмотри в глаза своему врагу, Васха, и ответь уже что-нибудь. Он не станет ждать вечно.

— А что насчёт моих надежд, принц?

— Лишь на поприще война ты сможешь вознестись. Твой меч определил твою судьбу.

— Не все жаждут восседать на вершине.

Я нагло припираюсь с членом императорской семьи, напрашиваясь на очередные неприятности. Заткните кто-нибудь этот трепливый рот.

Поразмыслив минуту-другую, принц холодно спросил:

— И в чём же заключались надежды продажного наёмника? — он резко потянул алый плащ, продолжив свой путь.

Так мне и надо. Невесело усмехнувшись, я старался не отставать, но и не шагал вровень. Адигора напротив ступала рядом со мной.

— Пыталась заставить его отпустить тебя? — любопытствовала стражница.

— Попытка не пытка. Не улыбается мне служить под началом отпрыска императорской семьи.

— Так вот, кто перед нами. Поэтому он так сильно отличается от остальных.

— Чем же?

— Взглядом.

Взглядом... Я посмотрел на широкую спину красного рыцаря. Его взор падал лишь на то, что считал нужным обозреть. Не каждый мог себе такое позволить. Не в Империи точно, где чуть что и тебя просто продадут в рабство, если ты не уже раб, живущий в вечном страхе перед хозяйским гневом.

Внезапно мне сильно захотелось домой. И стало странно от осознания того, что я точно знал, где находился мой дом. Зелёные леса и речная прохлада... Древо первой матери... Отзывчивый и добросердечный народ... Мне было по чему скучать. Дощечка, вырезанная в виде солнца, касалась кожи в области груди — клочок дома, пригретый у самого сердца.

Мы возвратились в армейский район. Небо с утра несколько не прояснилось, но больше не проронило ни капли. Рот наполнился слюной от аппетитных запахов, паром клубившимися из чужих котелков. Долго же я не ел, желудок требовательно заурчал, заняв пущу прежнего. Заботы порой заставляли позабыть о потребностях. Услышав возмущённое урчание похожее на рык дикой кошки, Адигора покопалась в своей сумке и протянула мне бутерброд с сыром, завернутый в бумагу. Я благодарно улыбнулся, принимая его.

— Шин! — воскликнул принц. — А я всюду тебя ищу.

Жуя на ходу бутерброд, я выглянул из-за спины красного рыцаря. У входа в штаб стоял мужчина, облачённый в одежды цвета вина, имперского напитка, равного по популярности яблочному сидру в Светлом крае. Незнакомец обернулся на оклик, и капюшон спал с его длинных волос цвета запечённых каштанов. Такого же цвета были его усы и короткая борода. Широкие рукава едва прикрывали запястья, в то время как просторные штанины доставали почти до пят. Пуговицы сверкали серебром. А указательный палец левой руки, обтянутой бархатной перчаткой, обвивал глаз своими золотыми ресницами.

— Похоже мы были заняты одним и тем же, — заметил незнакомец, радушно улыбаясь, он явно был рад видеть красного рыцаря.

Они встали лицом к лицу, мой нынешний командир оказался выше второго на целую голову, хотя рост у незнакомца был вполне средний. И когда я начал так много внимания уделять росту? Подобные размышления отбивали всякий аппетит.

— По городу ползут странного рода слухи, — говорил мужчина в плаще цвета вина. — С трудом удаётся в них верить.

— Что же это за слухи? — весело поинтересовался красный рыцарь.

— Будто бы твой знаменитый удар отбил островитянин. Что только не выдумают люди... — он покачал головой.

— Это вовсе не выдумка, вот этот человек, — объявил принц, вставая в пол оборота и указывая на жующего меня украшенной перстнями рукой.

Взгляд незнакомца обдал меня щедрой порцией презрения и отвращения. Первая встреча, а уже такое отношение...

— Это Вас Ха, — представил принц. — Вас Ха, это мой старый друг и по совместительству праведник из местной церкви. Можешь приходить к нему исповедоваться в своих грехах.

— Боюсь, я другой веры, — ответил я, вытерев рот рукой от крошек, и убирая остатки бутерброда в карман.

— Да неужели? — холодно отозвался праведник. — И во что же веруют варвары с Островов? — я не ответил, но мужчина, кажется, вовсе ничего и не ждал, он быстро отвернулся, обращаясь теперь только к принцу. — Призыв дождя отнял у меня все силы, и, боюсь, я переусердствовал, раз тучи до сих пор не рассеялись.

— Не стоило так стараться, но ты всегда был старательным, Шин, — улыбнулся принц.

— Просто не хотел, чтобы твой город сгорел дотла.

Похлопав старого друга по плечу, принц велел ему идти отдыхать, на том они и расстались. А я обернулся праведнику вслед. Вызвал дождь? Неужели он был ведьмаком? Нет... кровопускателем. Его вроде бы вызывали, чтобы покончить с пожаром. Странное слово «кровопускатель», нехорошее слово.

— Здесь мы разойдёмся, — сообщил мне принц. — Устраивайся на новом месте со своим приятелем, Вас Ха, встретимся завтра рано утром.

— И стоило ради этого тащить меня за собой как на привязи? — проворчал я недовольно, следя за удаляющейся фигурой красного рыцаря и нащупывая в кармане рукой бумажку, которую получил от штабного бежевого рыцаря.

— Как зовут этого мужчину? — поинтересовалась Адигора, вдруг снова напоминая о своём присутствии.

— Какого? — рассеянно отозвался я.

— Твоего нынешнего командира.

Я пожал плечами:

— Понятия не имею.

Адигора посмотрела на меня как на самое безнадёжное существо в целом свете. Может, в чём-то она была и права.

Глава 13. Всё цвета крови

— Мы отправимся восточнее Аризеля, пока вы отлучитесь в поход, — сообщил Арчи, у которого всё было схвачено, мой прекрасный друг, на которого всегда можно было положиться. — Говорят, там находятся каменоломни. Нужно проверить.

— Может вам улыбнутся самые удачливые из Предков, — воодушевлённо заметил я, жалея, что не мог пойти вместе с ними. Но кто виноват в этой неприятности? Пенять оставалось лишь на самого себя.

— Берегите себя, — сказала Ром, в основном адресовавшая своё пожелание Адигоре.

— Я прослежу, чтобы он нас не предал, — шепнула мне Малка на ухо, обнимая и тыкая пяткой в сторону Арчи, делающего вид, что ничего не заметил.

Так мы и простились с подругами, отправившись на чужую для нас войну. Это произошло скорее, чем я думал или мог ожидать. Кажется, напасти так и сыпались на голову, а отправной точкой стала таверна «Безголовая курица» и злосчастный Олли Мот. А ведь мне даже неизвестно, что случилось с этим мошенником и его беднягой рабом.

Я тащился в конце отряда красного рыцаря, скачущего с остальными командирами впереди армии на гордом скакуне. Здешние лошади были не чета нашим, блеклых и неинтересных цветов с гладкими гривами и тёмными как бездна глазами. Невольно вспомнилась Димбо, что сейчас направлялась напрямик к оставленной в Быстроречье у местной конюшей Золотке. И по Новже я тоже нестерпимо скучал.

Адигоре повезло попасть в отряд с теми смутьянами, которых она раскидала в таверне. Никто к ней и близко не подходил, а оскорбления на незнающую языка всё равно не действовали. Хотя, уверен, даже понимай она его, была бы также бесстрашна. Чёрный рыцарь, к которому стражницу определили в отряд поначалу пребывал в отчаянии, ведь она не понимала команд, да и оружием владела странным. Но вскорости он оставил всякие попытки чего-либо от неё добиться и не наказывал даже за нарушение распорядка или опоздание на построение. Сойти с рук такое могло только Адигоре. Если только чёрный рыцарь всерьёз не рассчитывал, что «островитянин» поляжет в первом же бою.

Но теперь, когда Адигора пребывала где-то в другой части тысячной армии, я скучал и по её немногословности, и по холодному отношению к моей персоне. Остальные члены отряда красного рыцаря не пытались сблизиться с «тем, кто выдержал знаменитый удар», а напротив сторонились меня, чему я был очень рад. Хотелось поскорее покончить с этим, вернуться обратно в Аризель и присоединиться к Арчи и остальным. Вот, кто был занят настоящим делом.

— Встречался раньше с республиканцами? — послышался голос прямо над головой слева от меня.

Я сразу узнал принца и не стал утруждать себя поднятием глаз.

— Ответ: нет.

— Что за упаднический настрой? Может отправить тебя в первых рядах? Так обычно и поступают с новобранцами.

Дыхание коня защекотало ухо, я споткнулся о камень и чуть не упал, но успел схватиться за ногу, вставленную в стремя. Скакун остановился, а я посмотрел снизу-вверх на недоуменное и насмешливое лицо принца, за чей сапог держался.

— Может хочешь поехать верхом? А то, кажется, ты утомился. Плетёшься в самом конце славного отряда красного рыцаря.

— И что же вы одолжите мне коня?

Принц усмехнулся и тряхнул поводьями, быстро растворяясь вдаль. Даже желай я отбиться от армии и миновать этот бой, ничего бы не вышло, поскольку красный рыцарь проверял моё наличие в рядах солдат, а остальные оборачивались, следя не смылся ли. В самом деле, это был единственный красный рыцарь на всю армию, а бежевых я насчитал штук девять, чёрные же возглавляли небольшие отряды, не считая тот, что подчинялся принцу. Вся иерархия как на ладони.

— Скоро ли доберёмся? — поинтересовался я у воина, чью щёку украшало огромное красное родимое пятно. Вот кто точно устрашал врагов одним своим видом.

— Как увидишь республиканцев, значит, добрались, — ответил тот хриплым низким голосом.

— И как же я их узнаю?

— На попугаев похожи. Знаешь попугаев?

Я отрицательно покачал головой.

— Значит, узнаешь, — лаконично ответил «пятнистый» и замолчал.

Увлечательная вышла беседа и главное какая содержательная.

Стоило покинуть Аризель, как мы оказались в степи. Ни дерева, ни кустика, холодный осенний ветер заставлял многих ёжиться, но не меня, уж изобретательница Сахар об этом позаботилась. На фоне стальных доспехов рядовых солдат мой сиял всеми цветами радуги (поднимал настроение) и был хорошо виден издали (привлекал лишнее внимание). Несмотря на твёрдые заверения самого принца, мало, кто верил, что я действительно выдержал его знаменитый удар, что это не было обычной случайность. С ним не справлялись и более могучие воины, куда уж какому-то коротышке?

Должный скрыться и тихонько искать похищенных женщин, я снова каким-то непостижимым образом оказался у всех на виду. Проклятый рок!

Мышцы ног уже начинали ныть от долгой ходьбы, а глаза отчаянно искать яму, в которой можно было бы спрятаться и отстать от остальных, как тишину степи, заполненную одним лишь завыванием ветра, уничтожили громозвучные звуки рога. Топот сотен копыт заслонил собой всё. Мы оказались в окружении конницы, в то время как имперская армия располагала лишь десятком конников. Понятия не имею, как выглядели попугаи, но шлемы республиканцев украшали громадные разноцветные перья, а на груди переливались голубого цвета ленты, выкованные из металла и представляющие собой часть латных доспехов. Некоторые из всадников сжимали древка знамён, высоко поднимая над головами лазурные полотна с изображением белой головы лошади, чей лоб венчал острый скрученный рог.

Лязг оружия, вытаскиваемого из сотен ножен, резанул по ушам. Прозвучала команда красного рыцаря:

— В бой!

И все кинулись на врага с рычанием и яростными криками. Лошади противника затоптали тех, кому не посчастливилось оказаться ближе остальных к их ногам, вес скакунам прибавляла броня, навешанная поверх гладкой шкуры. С расколотыми черепами и раздробленными коленями солдаты умирали в агонии. Другие бросались в рассыпную, обходя противника со спины, тыкали острыми наконечниками в незащищённые ноги бедного животного, надеясь сбросить наездника с коня.

В степи и укрыться-то было негде, не то что спрятаться. И небо завешено тяжёлыми клубящимися тучами, хоть бы дождь не полился, тогда мы все вывалиемся в грязь.

Серая как это небо республиканская лошадь скакала прямо на меня, едва не застав врасплох своим внезапным появлением. Но Велимир своё дело знал, как и мои руки, хоть и было жаль разрезать мощные ноги благородного зверя пополам. Всадник рухнул на землю, но вместо того, чтобы сломать шею и остаться лежать, перекувыркнулся и поднялся на ноги, выставляя перед собой меч. Хотел бы я сказать ему, что это была не моя война, и нам не обязательно пытаться убить друг друга.

Но вот уже звон мечей закладывал уши, а в венах играла кровь, в висках стучало. И больше было неважно, о чём эта война, и кто мы все на ней: «скот на убой», как когда-то выразилась Свобела, или благородные воины, сражающиеся за свою страну. Я отбил первый удар. Шлем республиканца слетел с головы, выставляя на показ длинный хвост с редкими локонами цвета морской волны. В голове промелькнула непрощенная мысль, что эти локоны могли бы стать моими. И Велимир напился яростью из моих рук. Особо сильный удар разломал меч противника напополам, и не успел он опомниться, как клинок вонзился в самое сердце, окропленный свежей кровью. Велимир жил лишь тогда, когда кто-то умирал.

Не мешкая, я срезал роскошный хвост и заткнул себе за пояс, отправившись воевать дальше. Сам того не замечая, искал в толпе республиканцев самые пёстрые причёски. Вот почему они окрашивали волосы во все радужные цвета. Чтобы дразнить врагов, чтобы победа над ними принесла безусловную славу, и была слаще самого приторного мёда.

На спешившегося принца толпой бросались республиканцы один за другим, без сомнения вождедея его роскошную изумрудную косу. А он улыбался, раздавая удары отчаянным воинам, чья кровь бурлила настолько, что заглушала рассудок и страх. Здесь посреди царства смерти они верили в собственное бессмертие и умирали.

Отыскав незащищённое место в доспехах следующего атакующего меня республиканца, резким движением воткнул туда клинок, попав, видимо, в лёгкое. Потому что воин упал на колени, задыхаясь, харкал кровью. Эта победа далась слишком легко, и я оставил голову мертвеца нетронутой.

Кровь напитала бесплотные земли. От запаха начинала кружиться голова, и я пропустил удар, полоснувший в области груди, но недостаточно глубоко, чтобы убить. Тяжёлый топор просто разрезал бы меня напополам, превратив в два добротных куска, если бы не удивительные по своим свойствам доспехи. Недавняя трещина стала снова целой, как если бы удар пришёлся по воде. Но рана саднила, кровь закапала из-под нагрудника.

Этот могучий воин отрастил не волосы, а бороду аж до самого пояса и грозно ей потряхивал, снова поднимая увесистый топор. Я встал в стойку, приготовившись отбивать этот удар. Если не смогу справиться с ним, значит, остальные правы, и с принцем всё вышло случайно. Стоило доказать это хотя бы самому себе.

Вот острое лезвие уже летело в мою сторону, а я вдруг краем глаза заметил какого-то труса, решившего незаметно напасть со спины, и отступил в бок, давая возможность одному республиканцу убить другого. И пока бородач вытаскивал топор из соратника, досадно рыча, я сжимал рукоять Велимира, думая «давай, ну, давай же».

Слабость от свежей раны тихонько растекалась по телу, борясь с моей жаждой крови и битвы. Но я не мог отступить прямо сейчас, даже если коленки начинали дрожать, а ноги подкашиваться. Я должен был выдержать этот удар.

Лезвие топора падало мне на голову, всерьёз намереваясь проломить черепушку. Я

подставил лезвие Велимира, чтобы отбить его, но в последний момент сделал резкий выпад вперёд и полоснул по незащищённому пузу республиканца, обнажившемуся из-за замаха оружием. Чужая горячая кровь брызнула мне на лицо. Оставалось лишь срезать бороду. Чик и ещё один трофей.

Не должен я никому ничего доказывать, и неважно действительно ли моя рука отбила могучий удар красного рыцаря, или это была случайность. Я находился здесь не за тем, чтобы меряться с другими членом, которого у меня даже нет больше (досадный факт, с которым было нелегко смириться).

Когда внезапная гулкая тишина зависла над полем боя, ноги совсем подкосились, и я упал на колени, опираясь только о рукоять Велимира, воткнутого в землю. Опустил глаза, вдруг заметив, пропитавшую штаны с внутренней стороны бёдер, густую тёмную кровь. Но туда меня точно не ранили. Тихонько выругался себе под нос, вспомнив про напасть, что приключалась с женщинами раз в три месяца и длилась в среднем три дня. Повезло мне укрыть дерево среди деревьев.

— Вас Ха.

Я поднял голову, увидев красного рыцаря ставшего полностью красным, а не только плащом. С его пояса свисали пучки обрезанных волос.

— Можешь встать? — поинтересовался он участливо.

— Не уверен.

Принц повернул голову, прокричав:

— Приведите коня!

Теперь, когда горячка боя спала, саднившую от боли грудь обдало холодом и одновременно жаром. Я оказался близок к тому, чтобы потерять сознание, но держался из последних сил. Нельзя было допустить лекаря к моему телу. Только не сегодня, только не сейчас.

Принц затащил меня на коня и сам сел позади, связав нас вместе верёвкой и поскакал, что есть мочи. Реальность рябила и плавилась. Тело начинало сдаваться лихорадке, а кровь всё капала с ног и груди. Мне теперь точно конец во всех смыслах, они поймут, узнают и казнят моих подруг и Арчи.

— Лучше бы тот топор разрезал моё тело напополам...

— Что ты там бормочешь? — напряжённо отозвался принц.

Конь резко затормозил в какой-то деревушке. Меня спустили на землю, красный рыцарь сказал, что сейчас вернётся, хотя я едва разобрал слова, а удаляющаяся фигура и вовсе расплывалась перед измученным взором. Но стоило ему уйти, как я на четвереньках пополз в ближайšie кусты. Рука провалилась в пустоту, а я полетел кубарем куда-то вниз, по пути изрезал кожу встречными, острыми как кинжалы, шипами и хлёткими ветками.

Еле оправившись от падения, потрянул головой и пополз дальше, сам не зная, куда направляюсь. Не всё равно ли? Лишь бы подальше, лишь бы не нашли. Земля забилась под ногти, закапал дождь, быстро превратившийся в ливень. Стало слякотно, ладонь соскользнула, и я упал в яму, в которой так нуждался перед началом боя. С трудом различая что-либо в опускающихся сумерках, просто отрубился, лишившись последних сил.

Стоило продрать веки, как утро сразу не задалось. Тело превратилось в омут боли и страдания. Трудно было пошевелиться, настолько ныли мышцы, а рана, наверняка, успела загноиться. Заставив себя сесть, я дрожащими пальцами снял нагрудник. Рубаха и зипун оказались разрезаны и пропитались кровью. Но я не стал рвать ткань, надеясь потом

защопать, а просто задрал одежду и серебристую имитацию кольчуги, которой тоже досталось. Удар пришёлся под левую грудь, но, вопреки ожиданиям, никакого воспаления, рана выглядела так будто заживала уже семь лун. Хотелось бы мне взглянуть на древо, вынужденное принимать на себя все мои мучения.

Надев нагрудник обратно, я поднялся, опираясь о стену ямы, служившей, по-видимому, ловушкой для кабана. Но никакого кабана, кроме меня. Подпрыгнув, мне удалось ухватиться за край и подтянуться. Кровь между ног больше не текла, может из-за изнеможения или я провалился без сознания дольше, чем думал.

Выбравшись наружу, выпрямился, приглаживая грязные, спутанные волосы. Мучил голод. И было страшно возвращаться в Аризель к принцу, которого я бросил, будучи тяжело раненым. На такое и не всякий здоровый решится. Спас ли я себя и подруг этим побегом или напротив обрёл на нечто куда более страшное?

Не видя смысла гадать, зашагал в том направлении, откуда приполз, как я думал. Следы смыл дождь и полагаться приходилось на наитие. Через некоторое время попалась тропка, ведущая из оврага наверх, и я ступил на неё, быстро оказавшись на краю деревушки, полной ладных бревенчатых домиков и детишек, играющих в рыцарей. Они украсили рубахи кусками разноцветной ткани и махались деревянными мечами. Невольная улыбка озарила мою физиономию, стоило залюбоваться этим зрелищем.

— Я атакую тебя могучим ударом! — воскликнул один из мальчиков, замахиваясь мечом.

— Таким меня не напугать! — прокричал второй, парируя. — Я — великий островитянин!

Великий островитянин... И что за нелепое название? Знали бы они, кто я на самом деле.

— Глазам не верю, — послышалось из-за спины, я обернулся, увидев принца в повседневном облачении, которое составляли украшенный вышивкой баклажанного цвета камзол и облегающие штаны. — Беглый раненый солдат вернулся. А я уж думал, ты ушёл умирать в одиночестве, как это делают домашние питомцы, когда достигают преклонного возраста.

Фразы, должны звучать как издёвка, были пропитаны необъяснимой тоской и печалью. Похоже, он действительно волновался о новом члене своего отряда и чувствовал ответственность за мою судьбу.

— Вы всё ещё здесь, — пробормотал я неловко, опуская взгляд.

— Только представь, Вас Ха.

В несколько шагов он преодолел расстояние между нами и, тяжело выдохнув, опустил ладонь мне на плечо.

— Я всерьёз полагал тебя мёртвым, — проговорил он тихо. — Но рад возвращению. Идём.

Убрав руку, он направился вглубь деревни, а я следом.

Задумчиво глядел под ноги. Успев заранее напридумывать себе всяких ужасов, поражался тому, как же легко отделался. Тяжёлый скрип, похожий на моё представление о кресле-качалке, раскачивающемся туда-сюда на веранде фермерского дома в поселении, в котором я так и не успел побывать (но был наслышен по рассказам обменщицы Вралеты), отвлёл от размышлений. Повернув голову, понадеялся, наконец, собственными глазами оценить чудо-мебель, обожаемую старой знакомой, но вместо этого узрел три тела, тяжело

свисающие с трёх толстых ветвей старого дуба прямо посреди деревни. Мертвецы выглядели свежими, покачивались, подчиняясь играющему со своими новыми марионетками ветру, а их глаза жадно клевали вороны. Я убивал и не раз видел мёртвые тела, но от этих стало не по себе.

Мы вошли в один из домиков. Стоял щедро накрытый стол, за которым восседали члены отряда красного рыцаря. Заметив меня, они сильно удивились и даже не попытались этого скрыть. Один солдат взволнованно вскочил, но прямой взгляд принца заставил его сесть обратно и уставиться в свою тарелку. В воздухе витало нечто для меня непонятное.

Устроившись по правую руку от принца, я набросился на еду как голодный зверь, сметая содержимое ближайших блюд. Хозяин, полумуж с круглым пузом, безропотно подавал гостям вино. Наевшись досыта, я опустошил кубок, запивая проглоченную пищу.

— Где ты был все эти три дня? — требовательно спросил тот, кого я мысленно прозвал «пятнистым».

— Валялся в какой-то яме, — пробормотал я, лишь через пару мгновения осознав смысл услышанных слов. Значит, меня не было целых три дня, и дикие звери не обглодали костей. Везунчик.

— И как ты там оказался? — продолжал воин свой допрос.

— Не помню, — ответил я расплывчато. — Я вообще-то был ранен, помнишь? Думаешь, в таком состоянии я мог уйти так далеко, чтобы меня не нашли?

Неистово изображая обиду и поруганные чувства, я скрестил на груди руки.

— И что с раной? — спросил кто-то с другого конца стола.

— Успела затянуться. Может грязь в которой лежал, оказалась целебной.

— И вы верите этой чепухе, принц? — поразился третий солдат.

Красный рыцарь поднялся, громко отодвигая стул:

— Я думаю, с нас хватит этих разговоров. Вас Ха.

Я тоже встал. Мы направились к выходу. Краем уха я уловил чужое бормотание: «из-за этого коротышки повесили жителей деревни, а ему хоть бы хны». Из—за этого коротышки? Из-за меня что ли?

Шагнув на улицу, я остановился, снова повернувшись к мирно покачивающимся трупам. Чьи-то отцы, сыновья, братья? Мне не стоило жалеть их, но эти люди не были воинами и погибли не в честном бою.

— Тебя тревожат повешенные? — поинтересовался принц, заметив мою оторопь.

— За что их казнили?

— За покушение на убийство солдата императорской армии, — слова красного рыцаря звучали подобно стали и больно резанули по моему сердцу.

Я не знал, как определялась вина тех, кто не мог быть виновными, но доведись мне признаться в содеянном, это бы ничего не изменило, не вернуло мертвецов к жизни. И я отвернулся, более ничего не спросив.

По причине разбирательства, связанного с моим внезапным исчезновением, отряд красного рыцаря застрял в деревне на несколько дней и нескромно уничтожал чужие припасы. Но стоило пропавшему вернуться, как все стали собирать вещи и седлать коней. Один нашёлся и для меня. Неуверенность и страх перед верховой ездой смешались с решимостью не ударить в грязь лицом, и я кое-как забрался на скакуна, усевшись, сжал поводья.

Дав команду лошадям, члены отряда один за одним выезжали на просёлочную дорогу.

За их уходом наблюдали жители деревни, прилипшие к окнам, но не осмеливались выходить наружу и не позволяли этого своим детям. Я оказался последним, неуверенно дёрнув поводья, скомандовал:

— Но!

Конь сдвинулся и поскакал вперёд. Я уже ездил верхом вместе с Димбо и стал вспоминать, как объездчица управлялась с Золоткой. Нужно сказать, что отношения с лошадкой у них были очень доверительные, и Димбо не приходилось постоянно надирать глотку, потому что Золотка реагировала на одни лишь мимолётные движения её тела. Тогда я не задумался об этом, но теперь подобная связь между наездницей и лошадей показалась поразительной. Мой конь неохотно реагировал на простейшие команды, и не сразу перешёл на галоп, в итоге вынудив меня плестись в хвосте отряда.

По дороге размышлял, волновалась ли о моём отсутствии Адигора, и что она успела себе напридумывать относительно меня. Искала ли стражница мой хладный труп на поле боя? Оплакивала ли возможную смерть? Столь, казалось бы, мрачные думы поднимали настроение, когда я представлял искреннюю скорбь и потерянность Адигоры, вдруг осознавшей сколь много я для неё значил. И безграничное сожаление, отпечатавшееся на бледном лице от мысли, что больше ничего не вернуть и не исправить.

В итоге я был уверен, что моё появление живым и здоровым произведёт фурор, и гордо восседал на коне, как и положено герою, столь долгожданному кем-то любимым.

Мы въезжали в Аризель через главные ворота, город был огорожен довольно высокой стеной. Жители, завидев всадников, опускали головы, прикладывая к груди ладони. Было ясно, кому они кланялись. Но красный рыцарь не удостоивал обывателей ни взглядом, ни скупой улыбкой.

Спешиваясь и оставляя коня, с которым мы так и не поладили, я ощутил, что буквально валюсь с ног от усталости. Хотя может объятия встревоженной Адигоры смогут напитать силами это, измученное ранениями и выздоровлением, тело?

— Зайди к военному лекарю, — велел мне принц, вручая коня конюшему.

— Но...

Он поднял брови:

— Хочешь, чтобы я лично тебя проводил?

— Как прикажете, — проямлил я, точно зная, что мой красный надзиратель наверняка проверит выполнение своего приказа. И почему просто не оставить в покое коротышку «островитянина»? Некоторые люди не способны смириться даже с малейшим неподчинением, а моя душа была слишком непокорна, чтобы не противиться навязанной службе кому бы то ни было.

Конюшни располагались не в армейском районе, и мне предстояло миновать несколько улиц, чтобы добраться до военного лекаря и до постели. Солнце садилось, и пока я шагал, насыщенно-оранжевый закат стал кроваво-красным. Это случилось за одно моргание, а в природе такого не бывает. Воздух наполнился вязким и металлическим запахом, возвратившим меня обратно на поле боя.

Я остановился, обернувшись, и увидел ровный ряд людей, облачённых в алые балахоны, держащих в руках металлические чаши. Шествие возглавлял праведник Шин — друг красного рыцаря. Через каждые десять шагов церковники останавливались, к чашам подходили люди. Но я видел одни только спины и не мог точно сказать, что они делали, но предположил, что пили содержимое чаш.

завёрнутую в бархатную перчатку.

— Кто ты ещё такой? — прошипел Шин мне в лицо без намёка на прежнюю учтивость.

— Я это я. А все эти люди знают, чем вы действительно занимаетесь, и как используете их добровольно сданную кровь?

Меж бровей праведника образовалась глубокая морщинка, он резко отвернулся, громко возвестив:

— Кровавая месса окончена!

И шествие изменило свой ход, исчезнув вдалеке скорее, чем появилось на этой улице. Я пожалел о своих дерзких словах, звучавших так, словно я знал о делах местной церкви. Но ложь действительно раздражала, особенно, когда бесстыдно лгали в лицо.

Я ступил в армейский район, когда уже совсем стемнело, но в окне домика лекаря всё ещё горел свет. Он принимал раненых и больных допоздна, а я не сомневался, что мужчине велели дожидаться островитянина. Если бы ранили в руку или плечо проблем оказалось бы куда меньше, но в грудь... Достанься мне плоская грудь, и печалей бы не знал и спать на животе было бы в разы удобней.

Но даже медленные шаги доставляли до цели. Коротко постучав в шершавую деревянную дверь, от которой можно было запросто получить с десятков заноз, я вошёл. Просторное и светлое помещение освещали многочисленные свечи. Лекарь, облачённый в снежно-белую рубаху длиной почти до самого пола, сидел на жёстком стульчике за квадратным столом. Взрослый мужчина лет сорока на вид, но он не был воином. Светлые волосы аккуратно и ровно срезаны до плеч, да и взгляд совсем не высокомерный.

В Империи все ремесленники за исключением кузнецов относились к полумужам. Арчи рассказывал, что часто такие покупали рабов-мальчишек, ещё не получивших клеймо, в подмастерья. Даже работа по спасению жизней не могла сравниться по почётности с искусным убийством и избеганием смерти на поле боя.

— Вас Ха, — мягко и вежливо улыбнулся лекарь. — Мне сказали, что вы зайдёте.

— Мне пришлось. Но, уверяю, я в полном порядке. Чувствую себя прекрасно, — даже широко улыбнулся для убедительности.

— И всё-таки мой долг хотя бы осмотреть вашу рану.

Я нахмурился. Наверняка, принц разозлится, если узнает, что я избежал осмотра, а лекарь не рискнёт солгать. Повешенные, всё ещё покачивающиеся у меня перед глазами, красноречиво свидетельствовали о нраве красного рыцаря и о том, насколько непростительны любые действия, направленные против императорской армии и её верных солдат.

— Впервые вижу, чтобы кто-то так противился осмотру, — лекарь положил руки себе на колени. — Что за страшную тайну скрывает ваша рана?

Не зная, что ещё предпринять, я расстегнул ремень, прислонив Велимир к стене, стал медленно справляться с ремешками нагрудника.

— Может мне вам помочь? — поинтересовался лекарь, который наверняка хотел уже, как и я, оказаться в постели.

Но на полпути к изрезанному зипуну, меня осенило. Моё слово против слова полумужа. Он мне никто, вижу-то впервые и судьба его меня несколько не волновала. Хотя в этих глазах не растворилось ни капли злобы или каких-либо дурных намерений. А мне поплохело от одной лишь мысли о том, что я собирался сделать, только бы не выдать себя. Разве я настолько дурной человек? Впрочем Адигора бы на моём месте ни секунды не сомневалась,

но я бы не стал от этого думать о ней хуже.

— Ты отпустишь меня без осмотра, но красному рыцарю отчитаешься, что проверил рану, — проговорил я жёстко и хладнокровно, застёгивая ремешки обратно. — А взамен я не расскажу, что ты домогался меня, старый извращенец.

Лекарь замер с полуоткрытым ртом. Даже при таком блеклом освещении было видно, как сильно он побледнел, стал практически по цвет халата.

— Никто не поверит в эту гнусную ложь, — выдохнул он нервно.

— Неужели? — я прищурился. — Почему бы красному рыцарю, повесившему троих жителей деревни, заподозренных, но в действительности несколько невиновных в моём внезапном исчезновении, мне не поверить? Кажется, члены собственного отряда для принца важнее какого-то легко заменимого лекаря.

— Я бы не справился с вами... — мямлил бедняга.

— Может и так, а может быть хотел дать мне лошадиную дозу снотворного. Сейчас темно и тихо, никого вокруг.

Больше лекарь ни слова не сказал, потупив испуганный взор. Я забрал Велимир и быстро покинул домик, направившись в сторону казарм. Наша с Адигорой общая комната выходила окнами в сторону душевых. Стражница порой с любопытством наблюдала за тем, как солдаты мылись. И мы всегда точно знали, когда можем принять душ без опасений быть застигнутыми врасплох.

Я шагал, надеясь, что холодный ночной воздух выветрит стыд из моей души. Но когда входил без стука в крохотную комнатку, чьё убранство составляли лишь пара скрипучих кроватей, да узкий шкаф, было всё ещё очень гадко на сердце. Адигора сидела на краешке кровати у самого окна, на бледное лицо падал свет от старой масляной лампы, стоящей на подоконнике.

Закрыв дверь на засов, я расправил плечи, приготовившись к нежным объятиям. Адигора повернула голову:

— С возвращением. Где ты была? Развлекалась с красным командиром?

— Ты разве не слышала о моём тяжёлом ранении и невзгодах, вынудивших идти на всякие уловки, лишь бы не оказаться разоблачённой? — я положил Велимир у изголовья и сел напротив Адигоры. — Ты-то цела?

Адигора чуть улыбнулась и положила ладонь мне на колено.

— Всего пара царапин, Васха. Но мы можем обсудить это завтра.

Она убрала руку и легла в кровать, укутавшись в одеяло, отвернулась к стене.

Пусть и крохотная толика внимания, и лёгкое дружеское касание Адигоры, но этого оказалось достаточно, чтобы отогнать последние следы вины перед несчастным лекарем и заснуть сном невинного младенца. Может не я сам, но это измученное тело заслуживало отдыха после всех выпавших на его долю испытаний.

Глава 14. Шёлк и бархат

Мне были известны разные эмоциональные состояние Адигоры, включая оттенки её бесстрастности, смешивающейся порой и с другими чувствами. Но скучающей я видел её впервые, может потому что стражница привыкла быть всегда начеку и никогда не расслабляться.

Сейчас же она сидела напротив меня в армейской столовой и ковыряла железной ложкой в овсяной каше, щедро удобренной маслом. Не самое вкусное блюдо, но необходимое, чтобы как-то продержаться до более сносного обеда, в который входили мясные котлеты.

Окна столовой выходили на площадь армейского района. Посередине неё располагался деревянный столб, глубоко вбитый в землю. Раньше я гадал о его назначении, хотя ни разу не видел, чтобы его использовали до сего утра.

— И давно это продолжается? — поинтересовался я у Адигоры, из последних сил стараясь вернуть себе аппетит и насильно запихивая в рот ложку каши.

— С тех пор как вернулись из похода. Я удивлена, что он так долго продержался. Но, похоже, солдатам действительно нравится, и очередь не исчезает, даже когда-то кто-то сжалившийся бросает пленнику чёрствый кусок хлеба. Хотя на его месте я предпочла бы умереть от голода.

В её голосе не было сочувствия, но сквозила некоторая горечь, может Адигоре просто опостылело зрелище, которого я, бывалый воин, не мог выдерживать вовсе. Но не пересаживался от окна, чтобы не показывать свою слабость в основном перед солдатами, Адигора бы поняла.

— Интересно, за что подобное выпало именно на долю этого парня? — пробормотал я на имперском.

— Выбрали бесполезного для командования и самого смазливового, — послышался непрощенный ответ знакомого задиры над головой.

Я обернулся. Солдат широко улыбался, поставив руки в боки. Его пояс обхватывали самодельные браслеты, сплетённые из локонов волос убитых в недавнем сражении республиканцев. Многие нынче ходили с подобными аксессуарами, хотя внимание, конечно, привлекали только самые необычные расцветки. Что касалось моих трофеев, я бросил их ещё в той грязной яме, когда, придя в чувства, осознал, что таскаю волосы, срезанные с мертвецов.

А сейчас всё никак не мог взять в толк, почему независимо от толщины кирпичных стен и закрытости стеклянных окон, я различал глухой кашель пленника, прикованного цепями к столбу, и отплёвывающегося лишь затем, чтобы его рот снова наполнился.

— Хочешь попробовать? — обратился ко мне старый знакомый. — Конечно, он уже не такой узкий как в самом начале, но ощущения всё равно приятные, и главное твой кошелёк не пострадает.

— Какое соблазнительное предложение, — процедил я сквозь зубы, отодвигая кашу, которую так и не смог в себя запихнуть. — Но я воздержусь.

— Не охота брататься с другими? — солдат прищурил правый глаз. — Особенным себя считаешь, только потому что сразу попал в отряд красного рыцаря?

Опершись ладонями о стол, я поднялся:

— Вот значит, как. Может мне передать моему приятелю твои слова? Кажется, он тоже лишь наблюдал, — я кивнул в сторону скучающей Адигоры.

Солдат сразу стушевался, растеряв прежний пыл. Ледяная аура стражницы пугала его, и в этот раз мне не пришлось себя оправдывать, выдумывая всякую нелепицу. Назойливый приставала развернулся и ушёл. Нас оставили в покое, я опустил обратно на стул, решив хотя бы допить воду, которую здесь разводили с молоком, щедро приправляя при этом сахаром.

— Я начинаю понимать, — проговорила Адигора, сцепляя пальцы перед собой, — их язык. Но не вижу разницы между прикованным цепями мужчиной и остальными, относящимися к нему как к мусору.

— Может, как раз в цепях и разница, — задумчиво пробормотал я.

— Нет. Ведь на них тоже цепи. Они скованны обязательством служить своему Императору, а если не станут, то их оковы обратятся в тюремные, либо в клеймо жалкого полумужа. В этом крае нет свободных людей. Поскорее бы вернуться домой...

— Мы здесь, чтобы спасти наш дом от этого рабства.

— Хватит ли нам сил на это, Васха? Меня гложут сомнения. Мы не готовы к столкновению с таким врагом, никогда не были и никогда не будем.

— Неужели тебя охватило отчаяние?

Адигора отвернулась от тошнотворного зрелища за окном и посмотрела на меня:

— Ром и остальные пока не вернулись. Мы ни на шаг не приблизились к нашей цели, а лишь всё больше увязаем в этом чуждом нашему сердцу мире, каждый раз бессмысленно подставляя себя под удар. Но самое худшее, что мы заражаемся этим миром. Кто знает, не стояли бы мы сейчас в очереди к пленнику, если бы нам было, что в него засовывать?

Я наконец набрался духу и повернулся к окну. Голый и израненный со слипшимися волосами республиканец стоял на четвереньках и только и делал, что обслуживал ненасытную похоть пленивших его солдат. Если слёзы и были на приобретшем тупое выражение, исхудавшем лице, то они давно высохли. Глаза выглядели остекленевшими. Пара ложек овсянки, что я съел, стали проситься наружу.

— Я не позволю тебе так думать, Адигора, — вскочил, направившись к выходу из столовой, хлопнул дверью, ступая на мощёную камнем улицу.

Велимир привычно постукивал по бедру с каждым моим шагом. Заметив приближающегося «островитянина», солдаты, стоящие в очереди к измученному республиканцу, вдруг расступились. Наверное, они развлекались уже в какой раз, а я здесь объявился впервые. Улыбки на лицах стали шире. Имперцы довольно шурились, ожидая, когда «островитянин» пригретый красным рыцарем станет одним из них. Это был не просто обычай, но негласное соглашение на уровне куда более глубоком, чем сознание. Демонстрация безусловной власти и превосходства над существом равным должна была превознести чинивших насилие и сделать их значительней в собственных глазах, а жертву напротив превратить в нечто грязное и жалкое, незаслуживающее ни милосердия, ни сочувствия, ни жизни.

— Смотри, я тот, кто это делает с тобой, — шептал я, не замечая слёз, что вдруг заструились по щекам. — Ты — ничто, а я — всё, — я возвысился над республиканцем, чью голову подняли за волосы, выставляя вперёд лицо.

— Хочешь начать спереди или сзади? — поинтересовался сторонний голос.

Лязг обнажающегося Велимира стал ответом. Кажется, я даже успел разглядеть благодарность в этих потухших глазах, прежде чем перерезал ему глотку. Истёкшее кровью тело республиканца обмякло, солдат, держащий волосы, отпрянул. А Велимир вернулся в ножны.

Толпа наполнилась недовольным ропотом.

— Кто дал тебе право лишать нас заслуженного веселья?! — выступив вперёд возмутился парень примерно одного со мной возраста с пушком на подбородке. — Многие наши братья отдали жизни, а мы каждый раз рискуем своей шкурой!

— Так много грязи, — процедил я резко. — И стоит такая невыносимая вонь, что никакое благоуханное мыло не отмоеет.

— Что сказал? — разозлившись, он толкнул меня в грудь. — А может ты республиканский шпион, раз их жалеешь?

Я безрадостно улыбнулся:

— Помолись, чтобы, когда окажешься на его месте, кто-нибудь оказал бы тебе такую же милость.

Если бы не закон, уверен солдаты разорвали бы меня в клочья. Их взгляды полные ненависти и презрения вонзались в каждую частичку моего тела. Никогда мне не стать одним из них. И эта мысль здорово поднимала настроение.

Адигора вышла на улицу и сейчас стояла перед входом в столовую. Её привычная бесстрастность смешалась с едва различимым облегчением. Мне кажется, что глубоко в душе она понимала, на какой грани ныне стоял Светлый край. Я уже видел эту грань, когда-то в прошлой жизни или может быть во сне. Там на месте республиканца была любая безымянная женщина. Точнее не она сама, а её тело, вдруг по чужой злой воле обратившееся в бездушный предмет. На войне не разбирают, а просто берут. Я не мог допустить этого в Быстроречье.

— Почему ты плачешь? — поинтересовалась Адигора, когда я к ней подошёл.

— Я плачу? — шокировано пробормотал я, хватаясь за мокрое от слёз лицо. — И правда. Просто подумала, что не могу сдаться даже ценой всех своих оставшихся смертей.

Быстро стёр влагу с лица, всё ещё ощущая непередаваемый ужас от мысли, что я сам легко мог оказаться на месте бедняги республиканца. Тяжёлые навязчивые думы прервал голос принца:

— Вас Ха!

При появлении красного рыцаря толпа стала расходиться по своим делам. Я же откликнулся на зов, как и положено верному слуге императорской семьи. Принц глядел на меня сверху вниз с полуулыбкой.

— Впервые вижу, чтобы кто-то столь милосердно обошёлся с пленником. Да ещё рядовой солдат. Слова того парня действительно встревожили меня. Не республиканский ли ты шпион?

Но я видел, что он насмехался, а не спрашивал об этом всерьёз.

— Наверное, и рабов тебе дарить не стоит, потому что непременно даруешь им волю. А что дальше, Вас Ха, пойдёшь раздашь свои пожитки беднякам? Или усыновишь пару бездомных сирот? Простишь обиды всем своим врагам? Раскаешься в грехах и пострижёшься в монахи? — тело принца сотрясал беззвучный смех.

Не будь мне страшно несколько мгновения тому назад, я непременно пребывал бы в бешенстве.

— А может, — принц внезапно успокоился, переводя дух, и понизил голос, больше не шутя, — раз ты так жалеешь нашего врага, то хочешь занять его место?

— Мне вовсе не жаль его, принц, — честно признался я. — Дело не в страданиях, выпавших на его долю. Мне становится гадко от мысли, что я буду служить с людьми, которым даже в глаза не смогу посмотреть, потому что испытываю непреодолимое отвращение. Республиканца ни разу не помыли, я подозреваю. Он валялся в пыли, измазанный смешавшимися соками сотен мужчин, которые совокуплялись не с ним, а друг с другом посредством тела, что больше не считали за человека. И смотреть на это больше не было сил.

Я замер, ожидая очередного приступа веселья, но улыбка окончательно сползла с лица красного рыцаря, в чьих глазах читалось внезапное мрачное озарение.

— Ты! — рявкнул он на ближайшего проходящего мимо чёрного рыцаря. — Чтобы этого столба не было на площади к вечеру. А тело сожгите и развейте по ветру.

— Как прикажете, принц, — всполошился рыцарь и засуетился, собирая солдат и раздавая необходимые указания.

Отмерив меня долгим задумчивым взглядом, красный рыцарь отвернулся и зашагал по улице. Я последовал за своим командиром, которого вдруг так задели сказанные мной слова. Получив такой внезапный сильный отклик, я даже слегка ошалел. Ещё станут говорить, будто островитянин дурно влияет на принца. Я и на кого-то влияю? И такое возможно?

— Полагаю, что теперь, посещая бордель, я буду каждый раз вспоминать твои слова, — сказал красный рыцарь и прибавил рассудительно. — Хотя можно заказывать девственников, пусть они и стоят намного дороже.

Момент триумфа длился недолго. Влияю? Вот уж размечтался. Кто-то с волосами цвета мха так ничего и не понял. Невольный вздох сорвался с моих губ.

— Шин хотел видеть тебя, и мне стало действительно любопытно почему, — вновь заговорил красный рыцарь, когда мы оставили армейский район позади. — Обращайся к нему почтительно, может так и не скажешь, но Шин тоже принц, только из другой ветви — Кíран. В городе же ходят толки, что у нас завёлся демон, явившийся из самых глубин Ада. Тебя им величают.

По непринуждённым интонациям было понятно, что принца развлекали все эти слухи, которые могли доставить мне немало хлопот.

— Объясняют отбитый могучий удар твоим демоническим происхождением, — рассмеялся принц, толкая тяжёлую дверь глазастого здания, оказавшегося здешней церковью.

Вот я и очутился внутри этой притягивающей загадочной постройки. Просторная зала с высокими потолками. Деревянные кресла стояли полукругом, огибая большую чашу из золота, сейчас пустую. На стене за чашей висело громадное полотно с изображением утопающих в крови мужчин, их лица скривила мука, руки простирались к небесам, с которых на них равнодушно взирали ангелы. А между небом и землёй парила фигура в длинном балахоне цвета красного вина и протягивала руку помощи утопающим, на раскрытой ладони был изображён широко открытый глаз. Скромное убранство помещения ярко освещал неестественный слепящий белый свет от свечей из насыщенно красного воска.

В пустой церкви стояла звенящая тишина. И приближающиеся лёгкие шаги праведника показались мне топотом сотен ног,двигающихся в такт. Наверное, он услышал, как открывалась и захлопывалась дверь. Немудрено в такой тишине, пожиравшей любые звуки.

— Я привёл его, как и обещал, — возвестил принц весело.

Праведник смерил меня взглядом с головы до ног, словно проверяя не ошибся ли красный рыцарь островитянином. Мне же совсем не хотелось находиться в стенах чужой и во многом неприятно странной церкви, пусть я и осознавал, что сам в который раз навлёк на себя беду. Но ведьмовское колдовство не было в моей власти и отвечать за что-то настолько малопонятное я не мог.

— Я действительно сожалею, что испортил вашу мессу, — проговорил я, раскаиваясь в своём глупом и опрометчивом поступке. Гораздо проще было раскрыть истинную личность и выложить всю историю как на духу, чем снова вертеться как уж на сковороде.

— Видишь, Шин, он сожалеет, — сказал принц насмешливо. — Чего же ты ещё хочешь?

— Только взглянуть Оком Господним, — праведник стянул бархатную перчатку, заткнул её за пояс, вытянул правую руку, раскрыв передо мной ладонь и начал что-то едва слышно шептать себе под нос.

На меня глядел нарисованный глаз, который с каждым словом кровопускателя преобразался. Он превращался в настоящий яркого красного цвета — цвета крови. И вот уже взмахивал длинными ресницами, моргая, уставился в оба моих глаза. Жуткое зрелище, от которого мурашки поползли по коже. Но я не мог отвести взгляда. И пялился в око, кажущееся бездонным и бурлящим, жаждущим поглотить меня целиком.

Только когда чужая ладонь сжалась в кулак, наконец пришёл в себя и поднял голову, заметив оторопь на лице праведника.

— Что случилось? — поинтересовался, внимательно наблюдавший за происходящим, принц.

Шин повернулся к другу:

— Я должен был узреть его смерть, но увидел только цветущее дерево. Кривое, с глубокой зазубриной посередине, дерево...

В какой-то мере видение кровопускателя не было обманом, но я не собирался об этом рассказывать.

— Так или иначе, ты не увидел разверзшиеся адские глубины, значит Вас Ха не демон, как все судачат, — покачал головой принц. — А дерево... что может значить дерево? — в поисках ответа он почему-то посмотрел на меня.

— А вашу смерть око тоже может узреть? — вдруг стало мне интересно. — Или такая «честь» лишь мне выпала?

— Кровопускатели не видят смертей потомков Бога, — жёстко отозвался Шин.

— И что же вы даже не пытались?

Красный рыцарь в голос рассмеялся и повернулся к другу:

— Давай же, Шин, не попробуешь не узнаешь.

— Вижу, у тебя сегодня приподнятое настроение, — пробурчал праведник. — Но Око Господне — не игрушка.

— Неужели откажешь близкому другу?

Это был явно запрещённый приём, потому что Шин сразу сдался, стусевавшись, и протянул раскрытую ладонь в сторону принца. Со стороны красный рыцарь выглядел как замороженный чем-то, но сам появившийся из ладони глаз для меня не был заметен вовсе.

— Ещё более странно, — пробормотал праведник растерянно, натягивая перчатку обратно. — Я видел тебя в этих одеждах, идущим по улицам города с этим «демоном». Если верить Оку, ты умрёшь сегодня, мой друг.

— И как же я умру? — принц напрягся.

— Этого я не видел, потому что кровопускатели, как я и сказал, не могут узреть смерть потомков Бога.

— Значит, это всё глупости, — он развёл руками. — Ты увидел сегодняшний день, а это уже нельзя назвать грядущим. Уходим, Вас Ха, оставим праведника наедине с его путанными видениями.

Когда мы уходили, я заметил беспокойство, смешанное с неуверенностью на лице кровопускателя. Он и сам до конца не поверил в то, что увидел. Дерево столку сбило, не иначе. Однако Око Господне не солгало, а раз так, красному рыцарю суждено встретить мудрую старуху Смерть в рваном истрепавшемся от времени балахоне именно в сегодняшний день, а я, наконец, избавившись от постоянного бдительного надзора, вздохну свободней.

Толстая зелёная коса лежала на широкой спине, наталкивая на мысль, что никто так и не заберёт её как победный трофей. Я не мог представить, насколько искусным и могучим воином надо быть, чтобы победить красного рыцаря в бою. Красного рыцаря... я до сих пор не знал его имени. Но какая в действительности разница, если мне всё равно не придётся вспоминать о нём после смерти?

Императорской семье приписывали божественное родство, но они умирали, как и все обычные люди. Может что-то с их кровью и было не так, однако Бог тут был совершенно ни при чём.

На людной улице полумужи, как и положено, расступались перед воинами, почтительно склоняя головы и боясь встретиться с вооружённым человеком даже взглядом. Вышагивая с высоко поднятой головой и глядя исключительно перед собой, принц не замечал ни одного из них, и это являлось его самой большой ошибкой. Паренёк лет шестнадцати на вид с взъерошенными волосами, едва достигающими до плеч, отделился от остальных. Я заметил кухонный нож, скользнувший из-под протёртого запачканного рукава, и взгляд, горящий ненавистью и жадной мести.

Сегодня принц, облачённый в повседневное одеяние, состоящее из длинного шёлкового красного плаща, украшенного камнями камзола и обтягивающих бархатных штанов, не был защищён крепкими доспехами. А страх народа не закрывал грудь от всех мечей. Я практически затаил дыхание, выжидая, лишь краем глаза следя за движениями мальчишки, чтобы его не спугнуть.

Так странно было смотреть, как смерть шла по пятам за своей жертвой. Вот-вот и нагонит. И какое неожиданное обличие она приняла. На поле боя ты играешь со смертью, буквально сражаясь за каждый вздох, но здесь... здесь... я оступись, споткнувшись о камень, и едва не упал. Принц остановился, обернувшись, проверяя в порядке ли я.

— Такой неуклюжий человек как ты и столь долго остаётся в живых... Не иначе, ты убиваешь этой неуклюжестью своих врагов, Вас Ха, — усмехнулся он.

Я нахмурился, ничего не ответив. Мы продолжили путь.

И почему красный рыцарь постоянно смеялся надо мной? Я разве шут, которого можно таскать за собой на верёвочке? И ведь это именно мне оказалось по силам справиться с мощным ударом красного рыцаря, если только он сам всё это не выдумал по какой-нибудь ведомой только ему одной причине.

Мальчишка пытался выгадать подходящий момент, чтобы вонзить клинок как можно глубже и обойтись при этом без свидетелей. Но вот мы миновали дозорного, приложившего

ладонь к груди в знак приветствия старшего по званию. А я начинал уставать от ожидания. И когда этот горе убийца наконец решится? Я бы справился гораздо лучше.

В голову закралась непрошенная мысль: а что если я спасу жизнь члену императорской семьи? Но я не успел ничего обдумать, какой-то грузный воин пихнул в бок, при этом кривя губы в усмешке, явно сделал это специально. Замешкавшись, я быстро потерялся в толпе людей, спешащих на рынок, и упустил принца из виду.

Безотчётный страх накрыл рассудок. Распихивая всех попадавшихся на пути, я искал взглядом красный шёлк. И, пусть всем, кроме рыцарей было запрещено носить плащи таких цветов, поразительно как часто красный встречался на одежде и не только. Продуктовая сумка красного цвета... штаны... корзинка... игрушечный совёнок за стеклянным прилавком магазина игрушек...

— Свежая рыба! Свежая рыба! — кричал во всю глотку зазывала, а другой ему вторил.

— Свежая зелень! Зелень! Не проходите мимо, возьмите петрушки пучок!

Рынок работал лишь три раза в неделю, и всегда оказывался полон народа в эти дни. В основном здесь можно было повстречать полумужей и домашних рабов. Солдаты редко сами посещали рынок, ведь кормились и одевались за счёт государства. То же касалось и рыцарей, способных если что отправить с поручением подчинённого полумужа, потому я не был уверен, что принц завернул именно сюда. Но других развилочек или общественных заведений по дороге тоже не заметил. Если только он не решил наведаться к кому-нибудь в гости. В таком случае нерешительный мальчишка, жаждущий мести, уже упустил свой шанс.

Я ощутил, как вспотели ладони. Неужели и правда решил спасти жизнь красного рыцаря? Не из благородных побуждений, а ради награды, способной привести меня к желаемой цели. Но поступи я так, принц сразу всё поймёт, глупым его не назовёшь. Может и вовсе не стоило пытаться.

— Просто иди в казармы, Васха, — пробормотал я себе под нос. — Ты ничего не видела и ничего не знаешь. Вернись к Адигоре.

Красный шёлк мелькнул в толпе, я бросился следом. На рынке располагалась лавка кондитера, она работала всю неделю и пленила прохожих пирожными в разноцветной глазури, которые мог позволить себе далеко не каждый. Рыцарский плащ скрылся за закрывшейся дверью. Я и не знал, что принц питал слабость к сладостям.

Вход в кондитерскую становился всё ближе, и я вертел головой по сторонам, высматривая мальчишку. Но различить его лохматую причёску среди других таких же разлохмаченных голов других юнцов оказалось невозможной задачей. Может он сдался? Не убьёт же он красного рыцаря на глазах у всех? Хотя в толпе укрыться от преследования дозорных намного проще.

Я толкнул дверь, ноздри сразу же наполнил запах бисквита и корицы. Красный рыцарь стоял у прилавка и, ожидая, пока ему упакуют заказ, рассматривал сахарные леденцы в форме бабочек.

Если я спасу принца и ничего за это не затребую, он заподозрит неладное и не поверит в моё искреннее желание его спасти. Я и сам ни за что бы в такое не поверил. А корысть вознаграждать он точно не станет, просто рассмеётся.

— Вас Ха, — улыбнулся принц, завидев меня. — Тоже любишь пирожные?

— Боюсь, они мне не по карману.

— Что же ты тут делаешь? Можешь вернуться к своим делам, твои услуги мне не требуются.

— В таком случае, до встречи, — я развернулся, направившись к выходу.

«Твои услуги мне не требуются...» Нашёл себе слугу. Мне нет дела до этого жестокого человека, полагающего, что может распоряжаться чужими жизнями как пожелает. Если сегодня ему суждено умереть, так тому и быть.

Дверь кондитерской захлопнулась за спиной, а я вздохнул полной грудью. Едва спустился на мостовую, как на ступени ступил знакомый сапог, выделанный золотисто-коричневым мехом. Короткое как сама жизнь мгновение. Мальчишка с взъерошенными волосами и неистойвой жадой в глазах проорал, выставив перед собой кухонный нож:

— За моего несчастного отца!

От неожиданности принц выронил только что купленные пирожные. Коробка упала на бок, бисквит вывалился наружу, измазывая мостовую пурпурной глазурью. А перед моим взором возникли со скрипом покачивающиеся на ветвях дуба висельники и ребёнок, которого я тогда не заметил, потому что смотрел вверх, оставив основание дерева без особого внимания. Он сидел под кудрявой кроной коленями на жёстких желудях и горько оплакивал своего казнённого по ложному обвинению отца. Просто безмолвное блеклое пятно на фоне старого дерева. Лишённый права голоса сирота, до которого никому не нашлось дела. Мне в том числе.

Всё происходило так быстро, что я едва успел сделать ещё один вдох, заслоняя грудью тело принца. Клинок скользнул по доспехам, созданным выдерживать гораздо более сильные удары, и выпал из дрожащих рук нерадивого убийцы. Я схватил его за запястья, не давая вырваться и сбежать и проговорил в бледно-красное от испуга и ярости лицо:

— Это моя вина.

— Что? — сипло спросил он.

— Я сбежал, и невинные люди погибли по моей вине.

В воспалённых круглых глазах мальчишки постепенно отражалось понимание, смешанное с сожалением из-за того, что он набросился не на того человека.

Объявились дозорные, среагировавшие на зов свидетелей происшествия, и быстро увели сироту, застегнув кандалы на тонких запястьях. Отделанный мехом сапог раздавил пирожные, превратив их в сладкое месиво, рука принца опустилась мне на плечо. А его серьёзный голос спросил:

— И почему же ты сбежал, находясь на грани жизни и смерти?

— Я вовсе не умирал, — ответил я, ощущая тяжесть на сердце, вспоминая боль от утраты первой матери. — И никто не должен был умереть из-за меня. Что теперь с ним будет?

— Если вмешаюсь, то ничего.

Я повернул голову, вдруг столкнувшись с пронизательным взглядом красного рыцаря. «Ты поверил видению кровопускателя и последовал за мной», — говорил этот взгляд.

— Благородство — это не то, что можно получить с солдатским мундиром или званием рыцаря, — сказал принц вслух. — А честь невозможно купить даже на Императорском рынке, — убрав ладонь с плеча, он обошёл меня и направился в сторону, где исчезли дозорные.

Горький ком застрял в горле. Не знаю, как бы я поступил в тот дождливый день, если бы знал, что в моём исчезновении обвинят кого-то другого. Нет поступка способного искупить вину, и жажда мести мальчишки, оставленного сиротой, не растворится, навсегда поселившись в его сердце. И может однажды мы встретимся вновь, чтобы сыграть со

старухой Смертью.

Внезапное озарение, посетившее меня именно в момент убийства как само проведение мудрейших из Предков, направляющих путь одной из своих дочерей. Уж они-то ведали о грядущем поболе всяких кровопускателей. Я мысленно в который раз поблагодарил изобретательницу Сахар за её исключительные по своим свойствам доспехи и неспеша побрёл в сторону армейского района, надеясь хоть немного развеяться и забыть полный ненависти взгляд, мне предназначавшийся.

Уже на следующее утро я получил приказ немедленно проследовать в имение наместника города. За неимением иных дел Адигора решила составить мне компанию.

— Не могу поверить, что ты действительно закрыла его своей грудью, — качала она головой.

— Само как-то получилось. Такое происходит, когда не хочешь, чтобы за твои проступки страдал кто-то другой.

— Красный рыцарь отдал приказ повесить тех людей.

— Потому что должен был из-за моего исчезновения прямо у него под носом.

Искреннее недоумение во взгляде стражницы ясно дало понять, что мы расходились в ещё одном вопросе. И почему у нас так мало общего, но я всё равно терял голову от этой девушки?

Имение наместника располагалась у городской стены. Трёхэтажное, богато украшенное лепниной здание, вход в которое охранялся несколькими солдатами. Они пропустили нас в просторный холл. В совсем раннее утро здесь суетились домашние рабы, убирая дом. Но быстро попрятались, стоило объявиться гостям.

— Пожалуйста, пройдите в приёмную залу, — пригласил полумуж в наглаженном костюмчике дворецкого. — Только господин Вас Ха, — заметил он, выставляя перед Адигорой ладонь.

Она пожала плечами и встала у окна, наполовину закрытого тяжёлой бархатной тюлью. Я выдохнул, сам не зная, чего ждать, и миновал широкие двери.

Среднего размера зала с пустыми громадными вазами по бокам, украшенными орнаментом, и обитое шёлком кресло на возвышении похожее на упрощённый вариант императорского трона. Широкие мягкие подлокотники и длинная резная спинка. Правую половину стены за креслом наместника занимала карта Предвечной Империи, вышитая на полотне ткани умелой рукой. А на левой красовался холст с деревом, которое плодоносило не яблоками, а именами в изящных ленточках — родословная наместника, наверное. Хотя с такого расстояния я не мог разобрать имён.

Замаскированная под стену боковая дверь отворилась, и в залу вошёл красный рыцарь, облачённый в пышный мундир, сияющий золотым тиснением, и красный плащ до самого пола (совершенно неудобный в бою, но впечатляющий своим видом на приёмах вроде этого). Я заглянул принцу за спину, рассчитывая увидеть, выходящего следом за ним наместника, но дверь тихонько затворилась обратно. А он сам поднялся на возвышение и опустился в кресло с высокой спинкой, положив руки на удобные подлокотники. Перстни на длинных пальцах сверкали.

— Принц и наместник Ари Зель! — возвестил дворецкий.

— В вашу честь назван город! — вырвалось у обескураженного меня.

Наместник рассмеялся:

— Так и есть. Мой отец — нынешний Император подарил мне его, когда десять лет

назад отвоевал у республиканцев до самого последнего камешка. Отвечая на твоё удивление, скажу, что красные рыцари редко становятся наместниками, обычно для этого нужно достигнуть звания белого рыцаря. Но звания — это не то, что дают за выслугу лет или просто по прихоти, их нужно заслужить своими делами. А городу требовался верный Императору и надёжный наместник, потому я здесь.

Не найдя слов, я кивнул. Всё это время припирался с наместником!

— Подойди сюда, — велел наместник, и я поднялся на возвышение. — Опустись на одно колено, — и я опустил. — Внесите его сюда.

Боковым зрением заметил блестящий поднос в руках дворецкого, с которого принц Ари Зель что-то взял. В следующую секунду моё плечо обхватил чёрный шёлковый плащ, закрепившийся на груди застёжкой в виде глаза с цветком вместо зрачка.

— Я посвящаю тебя в чёрные рыцари, Вас Ха. Теперь можешь встать.

Я поднялся, поражённо глядя на спасённого мною наместника и сына нынешнего Императора.

— Почему же ты не улыбаешься? Неужели ты не рад своему восхождению на более высокую ступень?

— Я рад, что наконец узнал ваше имя, — сорвалось у меня с губ.

Ари Зель расхохотался, искренний и лёгкий смех наполнил небольшую залу. А мне лишь оставалось смотреть в это беззаботное лицо, коря себя в том, что не видел дальше своего носа. Это нужно было срочно исправлять. Иначе совершенно непонятно, сколько ещё я продержусь в городе, названном в честь ещё живого и такого молодого мужчины.

Предаваясь размышлениям, я не заметил вдруг образовавшейся тишины.

— Отныне ты командир целого отряда, того, что прежде был моим, — сказал принц. — Я доверяю его тебе, Вас Ха.

— Как прикажете, — выдохнул я, всё ещё ошарашенный. — Могу я перевести в отряд своего приятеля?

Ари Зель склонил голову на бок, пристально глядя мне в лицо:

— Поступай, как считаешь нужным.

Я отступил назад, спускаясь с возвышения и, поклонившись, вышел в холл. Адигора смерила меня бесстрастным взглядом, видно, нисколько не удивившись. Эта стражница оказывалась готова ко всему, не то что я.

— Надеюсь, это принесёт нам пользу, — сказала она.

— Уверена, не зря Предки ведут нас именно этим путём, — я прищурился, ощутив дощечку древа первой матери, прижатую к груди.

Адигора ободряюще улыбнулась, показывая, что не забыла о моей тяжёлой утрате. Я благодарно улыбнулся в ответ.

Глава 14.5. Глазами мошенника: с места в карьер

Все места, в которых мне доводилось останавливаться, имели похожий запах плесени, одинаково убого выглядели, а владели ими трусливые и жадные куски дерьма, каждый раз угодливо расплывающиеся в мерзких улыбочках перед воинами, и небрежно плюхающие миску супа перед моим носом, обрызгивая половиной содержимого рубаху и штаны. Хотел бы я, чтобы за подобное обращение с гостями вешали. Очередная дыра не стояла и той мелочёвки, которую пришлось отдавать за постой. А от довольных солдатских рож хотелось плевать, так что пришлось отдать суп горбуну.

В обычное время он был горбун, когда же я был зол, он мог стать кем угодно ещё, но всегда различал, что обращались именно к нему. Лысая головушка хорошенько соображала, дабы не схлопотать щедрую порцию побоев. Домашний раб, которого мог позволить себе далеко не каждый солдат, являлся не столько предметом роскоши, сколько приносил убытки. Одни своим убогим видом вызывал приступы неудержимого хохота у этих напыщенных вояк. И я пнул горбуна в коленную чашечку, пока он стоял, опустив голову и дохлёбывал суп. Раб упал на колени и так забавно скукожился, что солдаты стали ржать пуще прежнего.

Вот бы плеснуть им в рожу помоями, которые они теперь ели. Но бесполезно растрчивать злость на то, что не можешь изменить.

— Пошли, хватит валяться, урод ты богомерзкий.

Кое-как поднявшись, горбун поплёлся за мной на улицу. С тех пор как сделка накрылась медным тазом, деньги утекали сквозь пальцы как вода, и никакие перспективы найти что-нибудь прибыльное не маячили на горизонте. Наместник велел не показываться ему на глаза, и пришлось покинуть город, пока всё не утихнет. Я так и не узнал, что случилось с пленённым коротышкой-островитянином. Но отчасти надеялся увидеть его в качестве чёрного раба. Это бы стёрло самодовольство с холёного личика. Тяжёлый неблагоприятный труд, ведущий не к богатству, а лишь к смерти в забвении живо поставил бы его на место.

Прямо как здесь в мраморном карьере. Рабы стирали себе пальцы в кровь, их губы трескались от недостатка влаги, а кости ломались из-за плохой пищи. Спины сгибались, превращаясь в горба. Отрадно было на это смотреть. Звонкий стук кирок о гладкий, твёрдый, плохо поддающийся давлению материал, как музыка для моих ушей.

— Гляди, червь, их участь куда тяжелее твоей. Потому не смей сетовать на судьбу даже в своих убогих мыслях.

Горбун неопределённо покачал головой как поломанная кукла. Иногда я жалел, что лишил его языка, хотя множество глупых вопросов «вы довольны, хозяин?», «всё ли я сделал правильно, хозяин?», «куда мы теперь, хозяин?» жутко выводили из себя.

Постоялый двор «Карьер» был самым дешёвым в округе, а я уже всерьёз начал задумываться о продаже горбуна, настолько плохо шли мои дела. И лишь нежелание самостоятельно надевать сапоги по утрам до последнего пресекало эту вынужденную необходимость.

Краем уха я услышал разговор, прервавший мрачные думы. Не то, чтобы в услышанном содержалось нечто страшно интересное. Напротив, я не понял ни словечка, но узнал говор и речь была точь-в-точь как у тех пустоголовых островитян. Неужели пара мушек сама

прилетела в мои сети? Улыбка растянула губы, но не стоило радоваться раньше времени. Я обернулся, оглядывая компанию незнакомцев, топтавшихся под окнами постоянного двора.

Один мальчишка с луком за спиной, второй ненамного старше, но уже отросшая борода прибавляла ему возраста. Третий обрезок как тот с именем начинающимся на «А»... никак не припомнить. Доспехи такие же чудные, как у Вас Ха. Похоже, островитяне его друзья. Интересно рассказывал ли он им об Олли Моте?

— Приветствую, господа, — я выступил вперёд, вежливо улыбаясь. — У вас растерянный вид. Позвольте предложить помощь.

Бородатый смерил меня прохладным взглядом и с жалостью посмотрел на моего раба, праздно покачивающегося на пятках за неимением каких-либо поручений.

— Ваша помощь нам ни к чему, — ровно ответил он.

— Кто сказал? — возразил мальчишка, выступая вперёд, такой юный, что ни одного волоска на чистом подбородке или усиков под носом. — Мы пытаемся кое-что выяснить про чёрных рабов с местной каменоломни.

Я удивлённо вздёрнул брови, не расставаясь с вежливой улыбкой:

— И что же?

Мальчишка нахмурился и замолчал, то ли подбирая слова, то ли думая, стоит ли доверять незнакомцу.

— Я здесь живу некоторое время, возможно, что-нибудь слышал, — постарался сделать свой голос как можно более участливым, а взгляд сочувствующим.

— Может быть, — начал мальчишка неуверенно, — здешние чёрные рабы какие-нибудь необычные?

— Необычные? — мне и правда становилось интересно.

Бородатый глядел на меня так, будто я обидел его родного отца, но пока не пытался вмешаться. Что касается обрезка, этот, кажется, не понимал ни слова из разговора, и блуждал взглядом по карьеру, до дна которого было слишком далеко, и разглядеть что-нибудь кроме сливающихся в единое пятно бритых макушек рабов было невозможно.

— Может они из неизведанных земель? — предположил мальчишка осторожно.

До меня доходили слухи о неизведанных землях, располагающихся где-то за Белым морем (так его прозвали живущие прежде на побережье республиканцы, чёрт их поберёт почему). Что вроде бы там тоже жили люди, пока что свободные от Имперского гнёта. Не воины, а обычные трудяги. Это звучало слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Вроде мечты раба о лучшем мире, где все свободны и равны. Хотя вряд ли рабы о чём-то мечтали кроме тёплой постели, горячей похлёбки, и чтобы хозяин не лупил по чём зря. Но обладай они большими мечтами, то непременно бы грезили о свободе.

— Никому нет дела до рабов, — заметил я честно. — Хотя солдаты, охраняющие мраморный карьер, порой болтают, что эти рабы какие-то очень выносливые по сравнению с обычными. А некоторые бунтуют, отказываясь есть, и даже побои не в состоянии заставить их вернуться к работе. И ещё... — вдруг меня озарило.

Как-то вечером я распивал бутылку вина с самим собой, жалуясь на горькую судьбу и жестокость Бога горбуну. И услышал, как солдаты говорили, что рабы истекали кровью без всякой на то причины. Мрамор был измазан в этой крови, так что пришлось отмывать. Для этого даже арендовали домашних рабов. А потом эти кровотечения проходили сами собой также, как и начались.

Мозг лихорадочно соображал. Что если стоящие предо мной не островитяне вовсе, а

только выдавали себя за них, чтобы добратся до похищенных имперцами друзей? В противном случае откуда они знали о неизведанных землях и зачем разыскивали этих рабов? В груди сладостно защемило в предвкушении сказочной судьбы. Если помогу, то мне позволят стать частью их свободного мира. Кольнуло сомнение. А вдруг мне там не понравится? Тогда наверняка найдётся, чем поживится. Эти же прибыли в Империю далеко не в обносках.

— Убеждён, местные рабы из неизведанных земель... — начал я было, чтобы медленно подвести к награде за мою искреннюю и сердечную помощь. Земля затряслась под ногами, прервав монолог. Раб рухнул на горб и задрыгал ногами и руками как перевёрнутая черепашка. Пожалуй, это бесполезное существо в неизведанные земли брать совсем не стоит, а то ещё возомнит о себе невесть что.

— Землетрясение! — вскрикнул мальчишка испуганно, хватаясь за плечо бородатого.

— Наверное, карьер обвалился, — предположил я, и правда тряска быстро прекратилась.

«Островитяне» бросились к широкой лестнице, ведущей на самое дно мраморной ямы. Внизу их остановят солдаты, и хлопот тогда не оберёшься. И как бы мне обеспечить себе билетик в лучший мир? Неужели придётся пойти на преступление против Императора? Опять? Эта мысль вызвала блаженную улыбку на моём лице. И как только мне всё сходило с рук?

Очень скоро этим бедолагам понадобится помощь находчивого Олли Мота, нужно лишь немного подождать. Но, прождав несколько минут, я начал терять терпение и решил спуститься вниз сам, проверить как там обстояли дела. Нельзя позволить чужестранцам ускользнуть.

— Не ходи за мной, — велел я благополучно перевернувшемуся на живот горбуну, а сам направился к лестнице с широкими и скользкими ступеньками.

Никто не удосужился установить перила для удобства и безопасности, держаться не за что, а навернуться довольно легко. Потому на и без того крутой спуск ушла уйма времени. Ноги тряслись от перенапряжения, когда я ступил на дно карьера и только сейчас оторвал взгляд от пола, оглядевшись по сторонам.

Я оказался прав, часть карьера просто обрушилась, придавив глыбами нескольких рабов, превратив их тела в месиво из крови и мяса. Омерзительное было зрелище, а запах и того хуже. Остальные рабы побросали инструменты и прижались к пока ещё целой стене, крепко держа друг друга за руки.

— Вы немедленно должны отпустить их! — требовал мальчишка, целясь стрелой в голову одного из десятка солдат, столпившихся тут же.

Остальные двое тоже успели обнажить оружие. Трое против десятка, а наверху найдётся ещё пара десятков солдат, не успевших покончить с жирным мясным обедом. Пока полностью не опустошат тарелки, вниз точно не спустятся, независимо от грохота и недавнего землетрясения. Но времени у меня оставалось не так уж и много.

Почему-то я не сомневался, что эта отчаянная тройка справится с десятком трусов, привыкшим иметь дело в основном с безоружными рабами. Мне бы даже хотелось насладиться подобным зрелищем, за которое положена казнь через повешенье.

— Друзья, что за кутерьма?! — я выступил вперёд с широкой улыбкой, расставив руки в стороны, словно желая обнять весь мир.

Солдаты едва успели схватиться за рукояти мечей, когда появился я.

— Прошу простить моих дорогих друзей, — склонил голову в учтивом поклоне перед этим жалким сбродом самодовольных вояк. — Они нездешние и плохо знают законы. Позвольте увести их отсюда, предотвратив ещё одно напрасное кровопролитие.

Солдаты переглянулись между собой. Без вышестоящего рыцаря им было трудно принимать решения.

Мальчишка посмотрел в мою сторону, блеснув яростью в ярко-голубых глазах. Такие прекрасные, они были подобны чистому небу в момент, когда дождевые тучи вдруг расходятся, уступая место палящему солнцу. Я точно знал, что вижу перед собой истинного воина и испытал отвращение. Легонько отрицательно мотнул головой, демонстрируя этим насколько нелеп и неправилен их поступок напасть на солдат Империи. Поразительно, но мальчишка опустил лук и спрятал стрелу обратно в колчан.

Группа чужеземцев направилась обратно вверх по лестнице, бросив взгляды полные сожаления и вины на исхудавших и сгорбившихся чёрных рабов, вид у которых, прямо скажем, был похуже, чем у горбуна, а тот никогда не блистал. Солдаты поворчали, но не стали их останавливать. Какие же ленивые ублюдки.

Только когда карьер остался позади, мальчишка повернулся ко мне и резким движением схватил за шиворот, сжав. Несмотря на юный возраст, он не уступал мне в росте и был довольно силён.

— Как ты посмел остановить нас? Кто ты вообще такой?

— Олли Мот, если позволите, — просипел я с наполовину придушенным горлом. — И только что я спас вас от казни.

— Тут он прав, — вставил слово бородатый.

Мальчишка отпустил меня с недовольством на лице, адресованным, впрочем, не мне, а бородатому. Похоже, они не ладили, настолько, что из-за личных обид едва не оказались в большой беде. Это могло сыграть мне на руку, если только удастся втереться в доверие к мальчишке.

— И ваше имя? — намекнул я.

— Мал Ка, а это Ро Ом, — ответил мальчишка с неохотой и указал на молчаливого обрезка.

Я посмотрел в сторону бородатого, чьё выражение лица стало таким же каменным как этот мрамор. Его мне не представили, а Мал Ка не подавил виду будто кого-то пропустил.

— Если правда хотите нам помочь, Олли Мот, то, скажите, как вызволить оставшихся рабов, — потребовал Мал Ка. — Пока мы не потеряли ещё больше людей.

— Вы? Значит, как я и думал, вы прибыли из неизведанных земель.

— Ты слишком много болтаешь, — прохладно заметил безымянный. — Вас Ха этого не одобрит.

Знакомое имя резануло слух. Получается Вас Ха жив, да ещё и на свободе! Впрочем, неважно... Я ведь вызволил его друзей из беды. Теперь за ним должок.

Мал Ка не успел парировать своего спутника. Из дальнего конца карьера объявился чёрный рыцарь. Я не видел его приближения, потому что стоял спиной, и отчётливый грохот доспехов достиг кончиков ушей только сейчас. Но бежать было уже поздно. Стоило сразу после стычки дать дёру, напрасно я рассчитывал на благодушные трусов.

— Вы арестованы за покушение на убийство солдат императорской армии и попытку ограбления! — прогремел голос.

Нас окружили с пару десятков солдат с мечами на перевес. Ещё несколько вывалились из

«Карьера» и присоединились к действию. Холодные острые лезвия почти что утыкались в спины и бока, заставив сдаться даже разгорячённого юнца, у которого отняли лук и колчан блестящих стрел, чьи древки были украшены пёстрыми пёрышками.

Толстые кандалы застегнулись на запястьях моих новых знакомых. И билетик в новую и лучшую жизнь стал медленно удаляться по направлению к здешним камерам, приспособленным для непокорных рабов.

Мал Ка бросил на меня острый как кинжал взгляд, проговорив напоследок:

— Отыщи наших друзей в Аризеле, Олли Мот, — и отвернулся, подталкиваемый нетерпеливыми солдатами, одному из которых недавно целился в голову.

Стоило толпе исчезнуть вдалеке, как на меня напала жуткая скука. Почему бы не вернуться в «Карьер», бросив чужеземцев на волю судьбе? Хотя я прекрасно знал, что их ожидало. Без денег, которых, судя по всему, в их карманах не водилось, некому будет выкупить чужеземцев из тюрьмы. И, так как здесь не было дозорной службы, чёрный рыцарь запросит законный приговор из столицы. За попытку убийства и ограбления отрубят по одной руке, если только владелец рабов не надавит на столичную дозорную службу и не затребует более сурового наказания. Неплохая моральная компенсация после значительной потери рабочих рук на добыче мрамора.

А этот мальчишка Мал Ка и впрямь решил, что я человек с добрым сердцем, любящий помогать другим. А вот безымянный сразу понял, кто перед ним. Несмотря на более старший возраст и значительную осведомлённость в местных делах, не он являлся лидером этой группы и решал, как стоит поступать. Третий же, Ро Ом, и вовсе вёл себя пассивно, хотя был достаточно взрослым, чтобы взять на себя ответственность за остальных. Чудная группа. Будь они из Империи можно было бы предположить, что Мал Ка член императорской семьи, а остальные обыкновенные воины, потому такое особое отношение. Но на чём основывалась их иерархия?

Я всерьёз задумался об этом, оглядываясь по сторонам в поисках горбуна. Раб гулял по краю карьера, норовя поскользнуться и упасть на самое дно, сломав шею. Невелика потеря. Может в следующий раз я, так и быть, окажу ему такую милость и пну под зад в нужном направлении.

— Бесплезный червяк! Иди собирай вещи! Отправляемся сию же минуту!

Замерев с поднятой правой ногой, горбун вопросительно вскинул брови.

— Мы едем обратно в Аризель! — ответил я нехотя и добавил тихо себе под нос. — Придётся потратить последний серебряный на срочную повозку. Надеюсь, оно того стоит.

Сердцем чуял, что Вас Ха не обрадуется нашей новой встрече. Знать бы ещё, где теперь искать этого простачка коротышку.

Глава 15. Морской бриз

В широкие окна приёмной залы проникал яркий солнечный свет. Пылинки, парящие в воздухе, переливались, попадая под его лучи. День ясный с самого утра наполнял сердца отрадой, заставляя улыбнуться даже привычно угрюмые лица. В самый разгар весны всюду цвели деревья. Несколько белых лепестков попали и на плечо наместника. Я всё никак не мог оторвать от них взгляда, пока стоял по левую сторону от кресла с высокой спинкой в качестве главы отряда красного рыцаря и его личного дозорного.

Тёплый воздух был чист и свеж, манил на улицу насладиться погодой, прогуляться под цветущими деревьями, любуясь их возрождением и столь мимолётной красотой. Но вместо этого я стоял в пыльной зале и охранял наместника, хотя по бокам от дверей снаружи у входа в залу стояла ещё пара солдат. Да и самого Ари Зея беззащитным не назовёшь.

После получения чёрного плаща из рук наместника, я оказался избавлен от каждодневной солдатской рутины вроде обязательных тренировок и хозяйственных обязанностей, исполняемых всеми без исключения солдатами, начиная от мытья посуды за всем отрядом, заканчивая уборкой на территории целого района. Но теперь был вынужден сам проводить тренировки и следить за дисциплиной, порученных мне людей, которые стали относиться к выскочке островитянину с куда большим уважением, узнав, что я спас жизнь их дорогому командиру и наместнику портового города.

Ничего из этого не доставляло мне удовольствия или удовлетворения, только всё нарастающее беспокойство за до сих пор не вернувшихся Арчи и остальных туманило рассудок. Более того, я уже успел порядком устать от этого мира и его законов, ставших настолько противных моему существу.

И, стоя сейчас на почётном месте в приёмной зале, я мог мечтать лишь о высоких деревьях Быстроречья и прежде ненавистных розовых стенах собственной спальни. Даже голос Свобелы мог наполнить радостью измученное сердце. Ничто не способно сравнится по пышности с весной Светлого края.

— Многоуважаемый муж Вайлин Рас! — объявил дворецкий, вырывая меня из глубоких дум и отрывая от рассеянного рассматривания шёлковых лепестков на широком плече наместника.

Я повернул голову, но увидел не человека, а барса с пятнами белого цвета на фиолетовой шерсти, грудь тоже светилась белым на фоне тёмной спины и боков. Лапы короткие, но крупные, наверное, почти с мою ладошку. Невероятно длинный пушистый хвост покачивался при движении зверя. Круглые уши подёргивались из стороны в сторону, прислушиваясь к случайным шорохам и звукам.

Следом за животным вошёл и его владелец. Он переваливался с правой ноги на гладкую покрытую лаком палку, торчащую из левого колена с подвёрнутой поверх штаниной. Мужчина лет пятидесяти, с редкими чёрными прядями в седых волосах длиной по самую грудь. Жёсткое лицо избородили глубокие складки морщин на лбу и между бровей, жестокость сверкала в тёмном взгляде. Одет в дорожную на вид мешковатую одежду из плотной и добротной ткани, с широкого кожаного пояса свисала громадная сабля, настолько, что ещё чуть-чуть и чиркнула бы по полу, продырявив ковёр.

— Сидеть, — велел низкий трескучий голос, от которого так и повеяло зимним хладом

в такой-то тёплый весенний денёк.

Посмотрев в сторону хозяина глазами бледно-жёлтого цвета, барс опустил на ковёр. Такой умный был взгляд у этого диковинного зверя, чья мягкая шёрстка так и манила погладить.

Вайлин согнулся в полупоклоне, а выпрямившись, проговорил формально:

— Моё почтение принцу и наместнику.

— И что привело вас снова в наш край, Вайлин? — поинтересовался наместник небрежно. Он сидел развалившись, подложив под голову кулак.

— Крайняя нужда, ваша милость. Несколько моих кораблей попали в ужасную бурю, я потерял и судна, и людей. Пришлось прервать поход в неизведанные земли за новой партией рабов.

Последняя фраза кольнула иглой в самое сердце. Теперь я глядел на Вайлина Раса, многоуважаемого мужа и работорговца, во все глаза, сколько мне позволяли всего лишь два зрачка. Но и этого было недостаточно, чтобы заглянуть в прогневшую душу человека, напавшего на мирный народ.

— С чем же вы явились ко мне? — спросил наместник, по тону которого я прочитал заинтересованность.

— Новые корабли мне пришлют через пару месяцев, — продолжал Вайлин формальным тоном, сдобренным его природной жёсткостью. — Но я всё ещё нуждаюсь в людях, — он поднял взгляд, посмотрев прямо на принца с нескрываемым неудовольствием, — особенно после недавно вступившего в силу закона Императора, запрещающего даже солдатам в отставке служить в качестве наёмников.

— И вы хотите запросить людей у меня?

— В обмен на треть суммы от продажи рабов.

Наместник задумчиво сцепил пальцы перед собой. Мои же ладони вспотели, а в ушах начинало звенеть от того, насколько обыденно звучал такой страшный разговор.

— Мне доводилось слышать о рабах из неизведанных земель, — с ноткой любопытства проговорил Ари Зель. — И сколько вы выручили за предыдущую партию?

— В основном их клеймили как чёрных рабов.

— Неужели они только для этого и годятся? — посетовал наместник. — За чёрных рабов много не выручишь.

— Так-то оно так, но наши люди брезгуют к ним прикасаться, ваша милость, — Вайлин Рас стоял, выставив изувеченную ногу вперёд, по его лицу было невозможно понять, доставляло ли ему неудобства продолжительное стояние, но наместник и не думал предложить работорговцу присесть. — Можете сами взглянуть, коли любопытно. Я пошлю за тем, кого оставил себе в качестве домашнего раба.

Наместник утвердительно кивнул. Тяжело топая, Вайлин Рас вышел из залы. А я заметил пристальный взгляд барса, прикованный к моему лицу. Может зверь чуял мои растревоженные чувства? Понимал, что я нервничал, изо всех сил стараясь не терять самообладания и присутствия духа?

Вернувшись, работорговец встал в ту же позу.

— Не слишком ли затратен поход с такой малой прибылью? — спросил Ари Зель.

— Мог бы быть, ваша милость, но совсем юные недомужи похожи на мальчиков, и мне удалось продать их в качестве рабов для удовольствия. Нашлась масса любителей экзотики подобного толка, — ни единой эмоции в голосе или лице.

Я стиснул зубы, чтобы сдержать слова, которым не должно было вырваться здесь и сейчас. Вонзил ногти в штанины, чтобы не схватится за Велимир в порыве яростной вспышки.

В залу толкнули домашнего раба Вайлина Раса. Взрослая женщина в одежде, висящей мешком на исхудавших плечах, настолько велика она ей была. Светлые волосы короткие, а глаза не уступали в своей яркости и голубизне ясному весеннему небу. Старшая сестра Малки — Соль!

Подойдя к ней, мужчина схватил раба за предплечье, поднял на ноги, встряхнув, и потащил в сторону возвышения, на котором располагалось кресло наместника. Барс вскочил на лапы при виде женщины и отодвинулся в сторону, плюхнувшись на пол там.

— Вот, ваша милость, — резким движением работороговец скинул и без того едва держащуюся рубаху и широкие штаны вниз. Они спустились по телу, обхватив щиколотки.

В отличие от Малки Соль не могла похвастаться мускулами, хотя и хрупкой её тоже назвать было нельзя, несмотря на худобу. Рёбра виднелись под кожей. Женщину плохо кормили, скверно обращались, судя по фиолетовым синякам то тут, то там, расцвечивавшем загорелое тело. Но Соль не стремилась скрыть наготу и стояла, не опуская сурового и непреклонного взгляда.

— Дерзкий выродок, — пробормотал Вайлин Рас и отвесил рабу тяжёлый подзатыльник, заставив её низко опустить голову.

Ари Зель поднялся с кресла и неспешно спустился с возвышения, приблизившись к Соль. Он с любопытством осматривал необычное для него тело. Обвисшие по сравнению с мужскими груди и отсутствие отростка между ног. Второе заинтересовало его более прочего. Принц беззастенчиво лапал Соль, а она стояла, не шелохнувшись как дерево в лесу, которое не могло ничего поделывать, когда кто-то решал навредить его коре.

Рука Ари Зеля в перстнях просочилась между ног женщины. Казалось, он разыскивал то, чего там не могло быть.

— Как странно, — бормотал он с улыбкой ребёнка, получившего новую игрушку. — Как вы их назвали? Недомужи? Очень подходящее название.

Он вытащил руку. Дворецкий сию же секунду предоставил господину влажный платок, которым тот протёр кисть. Из груди Соль вырвался тяжкий вздох. Ари Зель резко повернулся ко мне:

— Вас Ха, не хочешь взглянуть поближе на недомужа?

Очевидно, он считал, что таким образом оказывал мне милость.

— Как глупо, — мрачно процедил я, спускаясь вниз. — Недомужи? Серьёзно? Работороговцы не отличаются фантазией, верно? — одарил Вайлина Раса холодным взглядом.

— И как же бы ты назвал их, Вас Ха?

Я посмотрел на опущенное лицо Соль, скрытое за криво отросшей чёлкой, и проговорил на языке Светлого края слово, неприносимое никем доселе в пределах Предвечной Империи:

— Женщины.

Соль дёрнулась, взглянув на меня краем ярко-голубого глаза.

— Никогда не слышал этого слова прежде, — задумчиво пробормотал Ари Зель. — Это язык Островов?

«Это язык свободных людей», — подумал я, но ничего не ответил, вместо этого

опускаясь на корточки и поднимая смятую одежду, возвращая её на положенное место. Соль подтянула свисающие рукава, подвернув их.

— Он всегда такой, — пояснил моё поведение работорговцу наместник, пожимая плечами и возвращаясь в кресло. — Я с удовольствием выделю вам необходимое количество солдат, Вайлин. Предоставьте мне договор, когда придёт время.

Оторвав от меня тяжёлый и настороженный взгляд, работорговец кивнул:

— Тогда разрешите откланяться, ваша милость? Я человек занятой.

— Не сомневаюсь в этом. Можете идти.

— Сабин, — обратился Вайлин к барсу и заковылял к выходу из зала, грубо схватив раба за предплечье и таща следом за собой.

Соль оглянулась, посмотрев в моё лицо, словно запечатлевая в памяти, а затем исчезла за толстой занавесью в проходе. Как же сильно мне хотелось броситься вслед за ней.

— И что скажешь об этих женщинах, Вас Ха? — болтал принц увлечённо. — Похожи на мужчин вроде бы, но ужасно изуродованы. Хотя бёдра выглядят аппетитными, всё остальное скорее отвращает. Мягкое на ощупь, но омерзительное на вид, тело, — он посмотрел на меня. — Вас Ха... ты что же плачешь?

Я и не заметил, как упрямая слеза скатилась по щеке, оставив мокрую скорбную дорожку. Не вышло её удержать. Нельзя... нельзя... нельзя... разрыдаться на глазах этого ублюдка. Я быстро стёр слезу с лица.

— Наверное, что-то в глаз попало. Если я больше вам не нужен, то позвольте вернуться к своим обязанностям, принц, — я прятал взгляд.

— Конечно. Почему нет?

Почтительно поклонившись, чуть ли не бежал к выходу из дома наместника. Но не успел нагнать Вайлина Раса и Соль, которую он как алчный паук утащил за собой. Немой крик застыл на губах. Я ступал по улицам, не замечая пути.

Девочки, маленькие девочки уже прямо сейчас переживали судьбу несчастного Арчи, который никогда никому не сможет рассказать обо всём, через что ему пришлось пройти. Их сёстры и матери погибали на тяжёлых работах, лишённые надежды когда-нибудь воссоединиться со своими семьями. И я не знал, как мне всех их спасти хотя бы от будущих напастей, потому что прошлое изменить было нельзя.

Рыдания подступали к горлу, но я не имел права дать им волю. Ведь Соль, стоя передо мной раздетая и избитая, и слезы не проронила. Может потому мне так отчаянно хотелось заплакать за всех, кто не мог обнажить слабинку перед своими мучителями?

Толком не глядя куда иду, столкнулся с каким-то полумужем, сразу начавшим рассыпаться в извинениях. Дородный, явно зажиточный, он буквально тараторил, а я просто прошёл мимо.

Работорговцы — богатейшие люди Империи после белых рыцарей и членов императорской семьи, конечно. Кто же дышал им в спины? Держатели борделей. Именно туда меня и привели своевольные ноги.

Изогнутый прямым углом переулок утыкался в тупик. Так его и прозвали в народе «тупиком наслаждений». Несколько борделей, расположенных в ряд, не конкурировали, потому что каждый предлагал уникальные услуги своим клиентам. Солдаты часто об этом трепались в казармах и столовых в свободное от долга время. Обсуждали рабов, делились впечатлениями и советовали друг другу попробовать что-нибудь новое. В такие моменты я завидовал Адигоре, не понимающей большую часть имперской речи.

Арчи рассказывал, что посетил все бордели Аризеля, хотя пустили его только в один из них. Я же, чёрный рыцарь, мог наведаться с проверкой в любое заведение города. Именно это я и собрался сделать прямо сейчас.

Ворвавшись в первый же испытал раздражение от мелодичного звона колокольчиков над головой. Светлая и яркая музыка как эта мало вязалась с истинным предназначением подобного места. Уютная обстановка встречала посетителей, в воздухе витали ароматные травы. Я слышал об аде, в который веровали окопклонники, наверное, вход в него выглядел бы примерно также как это помещение. А клиенты играли роль бесов, мучавших невинные души. Конечно, ни один из имперцев со мной бы не согласился. Интересно, пользовался ли праведник здешними «услугами»?

— Чем могу услужить, господин? — расплылся в сальной улыбке хозяин борделя.

— По служебным делам. Покажите мне всех своих рабов, — потребовал я твёрдо.

Хозяин сперва растерялся, забегал глазами, но быстро собрался и отвёл меня в помещение с длинным рядом юных рабов для удовольствия.

— Некоторые сейчас с клиентами, — осторожно проговорил хозяин.

— Похоже, что меня это волнует? — жёстко поинтересовался я.

— Но...

— Это приказ наместника.

— Конечно, — он опустил взгляд, наверняка, мысленно подсчитывая убытки.

В будущем мне, может быть, и придётся заплатить за только что произнесённую ложь и сам опрометчивый поступок, но сейчас я наблюдал, как из комнат выводили растрёпанных рабов. Клиенты же выходили раздосадованные и раздражённые. К моей удаче, сегодня здесь не присутствовало ни одного вышестоящего рыцаря, перед которым пришлось бы отчитываться в своих действиях.

— Разденьтесь, — потребовал я слегка дрогнувшим голосом, показавшись себе ненамного лучше Ари Зея.

Рабы скинули на пол и без того полупрозрачные одежды. Я обошёл ряд, пристально оглядывая каждого, чтобы ничего не упустить. Большинство рабов прятали глаза, все, кроме одного. Этот юноша дерзко уставился на чёрного рыцаря, от цвета плаща которого должен был трепетать.

— Что ещё? — спросил я нарочито резко, останавливаясь напротив.

Он положил руку мне на грудь, горячо и развратно прошептал:

— Я знаю, что вам нужно, — медленно облизал губы, добавив, — и умею хранить тайны.

Меня как молнией поразило.

— Ты уже слышал акцент как у меня, верно? — поинтересовался я тихо.

Раб кивнул:

— Но вы знаете наш язык. И ещё вы чёрный рыцарь, — он алчно провёл кончиками пальцев по шёлковому плащу.

Мог ли сегодняшней день стать ещё хуже? Я презирал имперцев за их развращённость, жестокость и безразличие к чужим страданиям, а прямо под носом одна из жительниц Светлого края просто взяла и воспользовалась беззащитным рабом. И не было закона на целом свете способного её осудить, ничего, кроме моих бесполезных слов.

Я отвернулся. Здесь не оказалось тех, кого я искал. Но худая рука вцепилась в шёлк. Большие глаза так и вопрошали: «вы не можете так просто уйти.» Конечно, он мог взять и

всё разболтать, но слову раба никто не поверит. Чего же мальчик хотел от меня? Как же настойчив он был.

Арчи рассказывал, что рабов редко выкупали из борделей, но могли брать в аренду, одаривать щедрыми подарками, если уж настолько раб нравился или хорошо ублажал. А чёрный рыцарь вроде меня вполне мог позволить себе подобное, жалование было достойное, в три раза превышавшее солдатское, плюс надбавки за командование отрядом наместника.

— Сколько раз он приходил к тебе? — поинтересовался я.

Расправив ладонь, которой удерживал плащ, раб показал четыре пальца. Хозяин, стоящий в стороне и наблюдавший за происходящим, не на шутку забеспокоился, наверное, решив, что речь о каком-то разыскиваемом преступнике.

— Мне придётся забрать этого раба, — сообщил я. — Он располагает необходимой мне информацией. Вот, — я высыпал хозяину в ладонь несколько серебряных. — Всего на пару дней.

— Надеюсь, я могу рассчитывать на честь вашего плаща, — обеспокоенно проговорил хозяин.

— Разумеется, — ответил я с нажимом. — Оденьте его во что-нибудь менее... прозрачное, я скоро вернусь.

Покинув этот бордель, я осмотрел остальные, но не обнаружил там ни одной девочки. Тяжести на сердце лишь прибавилось. Сегодня я никого ни от чего не спасу.

Моего временного личного раба для удовольствия одели в подобие узкого сарафана из плотной ткани с длинным вырезом, начинающимся у правого бедра, волосы закрепили на затылке блестящей заколкой скверно имитирующей золото. Щиколотку обхватывал стальной браслет с вычеканенным именем законного владельца борделя и этого раба. Юноша мне широко улыбнулся и схватился за руку, едва завидев. Мы покинули бордель под звон колокольчиков.

— Сколько тебе лет? — поинтересовался я, когда дверь за нами захлопнулась, оборвав медный перезвон.

— Восемнадцать. А как вы будете меня называть?

Лишь немногим выше меня, по сравнению с большинством мужчин он был довольно мелковат. Младше меня всего на три зимы, учитывая, что я недавно пережил свою двадцать первую зиму, но хрупкий на вид словно кукла, юноша вёл себя подобно ребёнку, непрестанно играя отведённую ему роль беззащитной игрушки.

— Пока не решил, — откликнулся я мрачно, увлекая юношу за собой.

Он выглядел действительно счастливым и с любопытством оглядывался по сторонам. Ещё бы, рабам не позволялись прогулки. Они так и сидели в четырёх стенах, постоянно обслуживая клиентов, больше не зная ничего в своей не слишком продолжительной жизни. По словам Арчи, рабы для удовольствия из борделей редко доживали до тридцати.

Не было в Империи ничего естественней, чем идти по улице за ручку с рабом, но мне хотелось провалиться сквозь землю от стыда. И теперь из-за Ром, а в личности виновницы я не сомневался, придётся ещё и комнату снимать, потому что рабов было запрещено приводить в армейские казармы. Я не должен был расплачиваться за её проступок, но оказался не в силах поступить иначе.

Подойдя к границе армейского района, наткнулся на одного из знакомых солдат и попросил тоном вышестоящего рыцаря:

— Пришли ко мне Адигору.

Тот кивнул, поклонившись и бросив странный взгляд на моего юного раба. Удивительно, но стражница пользовалась среди солдат даже большей известностью, чем я. И для этого ей оказывалось довольно окидывать всех прохладным взглядом, источая пугающую ауру. Не имея возможности поговорить с Адигорой и узнать, что она за человек, имперцы успели придумать про неё множество небылиц, суть которых заключалась в том, что та запродала душу Дьяволу в обмен на дьявольское по своим свойствам оружие, которым владела.

Мы прождали недолго. Адигора явила себя, а её бесстрастное лицо полностью затмило недоумение от неожиданного зрелища.

— Я всё объясню, но только не здесь.

В конце концов, комната отыскалась в «Безголовой курице»: скрипучая старая кровать, продавленное кресло, обшарпанный стол, шатающийся стул и покосившийся шкаф. Раб фыркнул, не слишком довольный здешним убранством, и высунулся в окно, свесившись, дрыгал ногами.

Мы с Адигорой встали в сторонке.

— Раб? — она подняла брови.

— По милости Ром. Несколько раз она приходила к нему за тем же, за чем приходят солдаты.

— Не может быть, — резко отреагировала Адигора.

— Он бы не стал такое выдумывать. Но и это ещё не всё. Я встретил работорговца, напавшего на Ракушку, и Соль, старшую сестру Малки, которую он держит в качестве домашнего раба. Корабль Вайлина Раса должен быть в порту и на какое-то время там и останется.

Шокированная стражница повернулась к рабу, потом опять ко мне, пытаюсь осознать услышанное. Она тряхнула отросшими уже до самых плеч пепельными волосами и пробормотала огорчённо и разочарованно:

— Не могу поверить.

— Я готов спасти сразу с двумя, — сообщил раб, внезапно появляясь между нами. — И буду очень стараться, если купите мне пирожное. Я всегда хотел попробовать шоколадное.

— Мы не станем спать с тобой, мальчик, — ответила Адигора на имперском, чем немало меня удивила, и опустила руку на его длинные волосы, нежно поглаживая. — Больше никто к тебе не притронется, уж я об этом позабочусь.

— Вы выкупите меня?

— Боюсь, нам такое не по карману, — заметил я Адигоре, полностью разделяя её чувства.

— Даже в Империи не всё решается одними только деньгами, мы найдём способ.

Оставив раба одного в комнате, я пообещал принести пирожное, и запер дверь на ключ ради его же безопасности. Спустившись вниз, мы ступили в пропахшую дешёвым алкоголем и свиным жиром столовую и услышали голос похожий на тихое змеиное шипение. Опершись локтем о барную стойку Олли Мот упрашивал хозяина таверны сдать ему самую захудалую комнату по дешёвке.

— Войдите в положение отчаянного человека, — пучил мошенник несчастные глаза, но выражение лица обрюзгшего мужчины не изменилось, оставшись таким же непробиваемо жадным и тупым.

— Не верю глазам, что тебя просто отпустили! — заметил я громко.

Голова Олли Мота повернулась в мою сторону, но, вместо того, чтобы дать дёру, полумуж спешно подбежал:

— И кто скажет, что Олли Мот не в фаворе у Бога? Вас-то я ищу, чёрный... рыцарь? — его глаза удивлённо округлились при виде моего плаща.

— Ты нам задолжал, — заметил я, указывая на себя и Адигору.

— И расплачусь сполна, — мошенник неправдоподобно улыбнулся. — Я здесь по поручению ваших друзей из неизведанных земель. Они пытались освободить чёрных рабов с каменоломни и были арестованы солдатами.

Мы с Адигорой переглянулись. Что-то количество имперцев, знающих наши настоящие личности, значительно выросло всего за один день.

— И кто же прислал тебя? — поинтересовалась стражница.

— Мал Ка, — неуверенно ответил мошенник, как будто сомневаясь, правильно ли запомнил имя.

— Не стоило их отпускать в одиночку, — вздохнул я. — Придётся мне поехать на выручку, а тебе остаться присматривать за нашим новым другом, — вручил ей ключ от комнаты.

— Быстро ты не воротишься. Как мне объяснить твоё отсутствие наместнику, Васха? Он будет недоволен.

Я нахмурился. Буквально начинала раскалываться голова от всех неприятностей и задач, вставших в ряд и ожидающих, когда я, наконец, приступлю к их решению. Мальчишка-раб, Соль в руках работорговца, подруги, упрятанные за решётку и, возможно, похищенные женщины на принудительных работах в каменоломнях. В одиночку с таким ворохом ни за что не справится. И вдвоём тоже, хоть я безусловно мог положиться на Адигору.

Обессиленный, я присел на ступеньки, протяжно и жалостливо скрипнувшие под моим весом. Даже если я каким-то чудом и выгашу подруг из переделки, рабов освободить всё равно не удастся, а имперских солдат в разы больше, чем нас. Но если не сделать что-то сейчас, неизвестно сколько мы ещё потеряем. Бездна отчаяния разверзлась под моими ногами.

Как же самодоволен я был, думая, что просто прибуду в чужой край и заберу всех, кто мне дорог. Как же наивен и глуп. Считал других трусливыми и ничтожными, а сам оказался ничем не лучше. Заблудился в хитросплетениях жизни имперцев.

— Бесполезно и пытаться, — выдохнул я тяжело. — Кто мы такие? Просто парочка горячих голов, пока ещё каким-то чудом не слетевших с плеч. Сможем ли мы сами вернуться домой целыми, если не в состоянии спасти тех, за кем явились?

Адигора опустила рядом со мной.

— Ты узнала что-то ещё, — коротко проговорила она на родном языке, так что стоящий здесь же Олли Мот мог лишь догадываться о содержании нашей беседы.

— Дети... маленькие девочки... — я до боли вонзил ногти в ладони. — Их продали в качестве рабов для удовольствия, скорее всего, в частные руки. Нам никогда их не вызволить, Адигора. Все наши попытки разбиваются об этот мир, о его холодную жестокость. В конце концов, вскоре сгинем и мы, разоблачённые кем-то вроде Олли Мота.

Мошенник дёрнулся, услышав своё имя, и подозрительно прищурился. Адигора положила руку мне на плечо, а я заглянул в её тёмно-серые как пасмурное небо глаза, поборовшись с искушением коснуться ладонью бархатной щеки.

— Даже если мы не в силах спасти всех, мы спасём кого сможем. Не бери на себя

слишком много, Васха, ты ведь просто человек. И тебе придётся с этим смириться.

Я поразила её здравомыслию и рассудительности. Разница всего в одну зиму, но Адигора была гораздо взрослее меня и намного сознательней. Она убрала руку, хоть мне и хотелось подольше ощущать тепло её ладони на своём плече.

— Я сказала неправду, — вдруг призналась стражница.

— О чём это?

— Тогда в Жемчужине. Старейшины вовсе не посылали нас со спасательной миссией, они отлично понимали насколько это рискованно и мало выполнимо. Мы должны были просто разведать и вернуться обратно. Так что, никто кроме тебя не решилась хотя бы попытаться кого-то спасти.

Грустная усмешка слетела с моих губ.

— Позвольте напомнить о всё утекающем времени, — вмешался порядком заскучавший Олли Мот. — Если не успеем в срок, ваши друзья лишатся рук, это при самом удачном для них исходе.

Я поднялся, тряхнув плечами, и ободряюще улыбнулся:

— Веди.

У выхода из «Безголовой курицы» столкнулся с лысым и горбатым несчастным рабом Олли Мота. Он стоял, держа на своём горбу пухлую сумку, по-видимому, с вещами своего хозяина. При моём появлении сразу же воткнул взгляд в землю.

— Какую выгоду ты преследуешь? — поинтересовался я, оставив Адигору в таверне, и шагая с мошенником и его рабом к станции перевозок.

Олли Мот продемонстрировал жёлтый частокор зубов, криво улыбаясь, будто бы не ожидая, что я так легко обо всём догадаюсь. Быть мало осведомлённым и глупым всё-таки разные вещи. И за тот период, что пробыл в Империи, я многому успел научиться.

— Просто предположил, — он прибавил мягкости своему скользкому голосу, — что в неизведанных землях отыщется местечко и для меня.

Я едва удержался, чтобы не хмыкнуть. Так вот, оно что. Может ещё и отдельный домик выделить с видом на реку? Далеко завели фантазии этого низкого и алчного человека. От Олли Мота не укрылся мой скептицизм, и он как-то весь напрягся, может, раздумывая, стоило ли помогать или нет. Но Велимир, свисающий с моего пояса, и чёрный шёлковый плащ были убедительнее всяких доводов.

— Шторм! — вопль разрезал будничные разговор горожан. — Держитесь подальше от порта!

Мимо нас пробежал дозорный, гремя чёрными стальными доспехами. Я задрал голову. На небе как прежде ни облачка. Какой ещё шторм? Остановившись, взглянул в конец улицы, откуда появился дозорный, и двинулся напрямик навстречу ненастью.

— Нам в другую сторону! — бросил мне в спину Олли Мот, но следом не направился. Трус, как и ожидалось.

Когда я приблизился к порту, то увидел воду, залившую собой причал и затапливающую берег, сапоги погрязли в ней по щиколотку. Вода пенилась и бурлила, волны нарастали, хлётко ударяясь о камни. Четырёхмачтовый тяжёлый корабль шатался как игрушечный, удерживаемый лишь толстыми канатами, привязанными к стальным петлям, торчащим из каменных глыб волнореза.

Жители разбежались, двери церкви были закрыты. Ни единого дуновения ветра не коснулось моего разгорячённого лица, но море продолжало яростно бушевать.

Шлёпанье чужих ног за спиной заставило обернуться. Праведник Шин Киран бежал прямо сюда с прозрачной круглой бутылкой в руках полной красной жидкости, похожей скорее на кровь, нежели на вино.

Он остановился всего в нескольких метрах впереди от меня, отдышавшись, стянул с обеих рук бархатные перчатки, заткнув их за пояс, и щедро плеснул кровь себе на ладони. Он простёр руки к ясным голубым небесам, а дальше я оцепенело наблюдал.

Кровь вскипела на руках кровопускателя, пузырилась, капая на мощёную улицу, смешивалась с морской водой, вдруг так живо отреагировавшей на колдовство. Вода отступила от ног праведника, очертив вокруг него овал похожий на широко открытый глаз. И новые подступающие волны не проникали за этот незримый барьер.

Без сомнения, кровопускатель произносил заклинания или молитвы, как и в тот раз, заглядывая в будущее, но я не мог ни разобрать, ни понять слов. Буря немного стихла, и я всё чётче различал шёпот Шина, видел, как расслабились его плечи, а фигура выпрямилась. Праведник был готов принять очередную победу над стихией, внезапно обрушившейся на портовый город.

Волны тихонько отступали, подчиняясь чужому науськиванию, и возвращались в берега. Пока под моими ногами не осталось ничего кроме пены. Губы кровопускателя сомкнулись, он смолк, начав опускать испачканные в крови руки.

БАМ! Огромной силы волна, появившаяся словно из самых морских глубин, сбила Шина с ног, окатив его водой, разбила сосуд с кровью на мелкие осколки. Она потащила наглеца с собой в море, накатывая, раслаиваясь, не позволяя сделать и короткого вдоха, норовила утопить на суше.

Не раздумывая, я подбежал к Шину и схватил за запястье, потянув. Но, вопреки ожиданиям, сильно напрягаться не пришлось. Волна рухнула, стоило мне приблизиться, и быстро растаяла, став частью Несмолкающего моря. Праведник тяжело закашлялся, опираясь ладонью о землю.

Я поднял голову, увидев фигуру в мешковатой одежде не по размеру, стоящую на одном из волнорезов. Убегающие обратно в море при полном штиле волны обегали её. Малка и словом не обмолвилась о том, что её старшая сестра никто иная как морская ведьма. И сейчас она звала меня, под страхом разоблачения применила свою силу и даже схлестнулась с кровопускателем. Но что мне было ей сказать?

Оставив Шина приходить в себя, я подошёл к краю пристани. Соль протянула руку. Хотя ей было меня и не достать, она продолжала молчаливо тянуться, пока стрела не возилась в исхудавшее плечо и не заставила её колени подогнуться. Прямо с палубы корабля в морскую ведьму из лука целился Вайлин Рас.

Она подняла голову, с презрением глядя в ненавистное лицо, готовая принять смерть от его руки. По крайней мере, я не видел иного исхода. Громогласный крик белой чайки огласил воцарившуюся после бури тишину, и перо слетело с длинного крыла прямо над макушкой морской ведьмы. Вторая стрела была пущена в самое сердце и почти достигла цели. Но пальцы Соль сомкнулись на пёрышке, и она обратилась в белую чайку, взвилась в небо, с удивительной быстротой растаяв вдалеке.

Непрошенная слеза защекотала мне щёку, и счастливая улыбка отпечаталась на губах. Теперь я в полной мере понял значение выражения «свободна словно птица».

Глава 16. По «словам» горбуна

Хватка сравнимая с тисками и тяжёлая как наплечник латных доспехов сжала моё плечо, резко развернув на месте. Жёсткое, перекошенное от гнева лицо работорговца уставилось на меня. Убрав руку, Вайлин Рас потянулся за саблей. Я отскочил назад, хватаясь за рукоять Велимира.

— Вы серьёзно? — задал я прямой вопрос, указывая взглядом на палку, что служила мужчине вместо ноги.

— Не недооценивай меня, мальчишка! — прорычал работорговец со стальным шелестом вытаскивая саблю из ножен. Она действительно была настолько длинной насколько казалась.

Но не успел я обнажить Велимир, как порыв сильнейшего ветра похожий на невидимый сжатый кулак исполинского размера ударил между нами, разбросав по сторонам. Я оказался сидящим на мокрой земле. Повернул голову в сторону, откуда и появился кулак, и увидел праведника, с чьего израненного мизинца вытекала его собственная кровь. Всего пары капель хватило для такого мощного удара!

Поднявшись, я отряхнулся. Работорговцу оказалось гораздо сложнее снова встать на ноги. Он согнул колено здоровой ноги, но увечная не слушалась. К работорговцу на мягких лапах приблизился барс, подставляя свою гибкую спину, опершись о которую Вайлин, наконец, поднялся, кряхтя.

— Мне, принцу Шину из рода Киран, пришлось стать свидетелем прискорбного зрелища нападения обычного работорговца на чёрного рыцаря, — заговорил кровопускатель, выжимая мокрые перчатки. — Вы злоупотребляете гостеприимством наместника, Вайлин Рас.

Работорговец нахмурил густые брови, но усмирил свой гнев и дальше говорил с холодной враждебностью:

— Не знаю, как этот человек стал чёрным рыцарем, но видел, как и вы должны были, что мой домашний раб не просто бежал, каким-то непостижимым образом превратившись в птицу, а призывал этого мужчину.

— Правда, что ли? — усмехнулся кто-то за спиной. — Какое смелое заявление, — принц Ари Зель прошёл мимо меня, приблизившись к работорговцу. — И что же, раб назвал моего чёрного рыцаря по имени? Что именно он ему сказал, вы не могли бы повторить?

Вайлин Рас сжал губы, наполовину опустив тяжёлые веки, его ноздри раздувались от ярости и презрения, что не находили выхода.

— Моя ошибка и вина, — процедил он сипло, как будто каждое слово причиняло неопишемую боль и, развернувшись, направился обратно к кораблю, тяжело переставляя ноги.

Прежде чем уйти следом за хозяином, барс бросил на меня короткий пристальный взгляд. И только после этого, махнув пушистым хвостом, бесшумно побежал за работорговцем.

— В одном я согласен с этим стариком, — заговорил Шин, — раб обратился в птицу. Как такое вообще возможно? И море... — взгляд праведника стал обеспокоенным и напряжённым. — С самого начала бури всё выглядело странным. Но что если это раб

повелевал им?

— Его всё равно объявят в розыск как беглого, — заметил Ари Зель, обернувшись и сбрасывая тяжёлую косу с плеча. — Поймаем, тогда и выясним, с кем столкнулись.

Распереживавшийся кровопускатель кивнул, а затем посмотрел прямо на меня, прищурившись, но ни единого слова благодарности не слетело с окаймлённых тёмными усами и бородкой губ. Оставив нас, Шин скрылся за парадными дверьми церкви.

— Если ты надеялся, что получишь повышение за спасение жизни праведника, то напрасно, — проговорил красный рыцарь не то насмешливо, не то всерьёз.

Слишком взволнованный побегом Соль, я не нашёлся, что на это ответить и просто молча стоял, надеясь улучшить минутку, чтобы вернуться к брошенным делам и, если повезёт, ещё не удравшему Олли Моту.

— Слышал, что ты арендовал раба. Любишь молоденьких, Вас Ха?

Это произошло только сегодня, а кто-то уже доложил наместнику. Возможно, зря я рассчитывал, что с приобретением плаща избавился от надзора. Кто-то мог присматривать за мной краем глаза, а, значит, просто так не уехать, чтобы красный рыцарь не сразу хватился.

— Что вам за дело до моих предпочтений, принц? Даже солдаты имеют право на частную жизнь, почему же я этого лишён? — проговорил я уязвлённо, отводя взгляд в сторону.

— Просто думал, насколько сильно этот поступок расходится с твоими прежними словами. Или ты что-то задумал, Вас Ха?

— Задумал? — да, я много чего задумал, но тебе это знать ни к чему. — Он приглянулся моему приятелю, вот я и сделал ему подарок.

— Весьма дорогой подарок.

— Приятель тоже...

— Тоже что? Дорог тебе?

Это начинало превращаться в допрос, а ведь я был отпущен из тюрьмы значительное время назад. Проницательный и пытливый взгляд Ари Зеля не выпускал меня из своего поля зрения. И чего он хотел добиться?

— Разве друзья не самое ценное, что у нас есть? — ответил я вопросом на вопрос. — Кстати, об этом. Мне нужен небольшой отпуск, чтобы съездить в одно место. Не будет слишком дерзко с моей стороны просить о таком?

— Обычно отпуск обговаривают заранее с штабным бежевым рыцарем. У него, знаешь ли, всё расписано, чтобы временно перераспределить солдат другим рыцарям. Нельзя вот так внезапно запрашивать себе отпуск, если только не умер близкий родственник. Насколько ты планируешь уехать?

— Сложно сказать.

— Думаешь, наши с тобой отношения позволяют тебе что-то у меня требовать? За спасение моей жизни ты уже получил награду, — принц покачал головой. — На этом всё.

Закончив допрос, Ари Зель развернулся и ушёл, оставив и меня и постепенно заполняющийся людьми порт. Безумие какое-то. Я тяжело вздохнул. Придётся уехать так. Как бы ещё дезертиром не объявили? Только этого мне сейчас и не хватало. Наверняка, лишат чёрного плаща, когда вернусь. Но не время думать о пустяках.

Когда я достиг станции перевозок, Олли Мот уже ожидал там вместе со своим рабом. Он успел договориться с перевозчиком, мне оставалось лишь отсыпать пару серебряных

монет, которых за сегодняшний день значительно поубивалось в моём кошельке. Поездка намечалась не из приятных, с компанией не повезло.

Устраиваясь на жёстком сидении, обитом протёртой до дыр тканью, я раздумывал, как отыскать Соль. Или это она меня отыщет? Может прямо сейчас морская ведьма глядела с высоты птичьего полёта на стремящуюся к черте города повозку? Задрал голову, я увидел множество различных птиц, пролетающих в вышине, и цветочных лепестков, разносимых ветром. Но Соль была ранена и едва ли пробыла долго в своём новом обличье. Жаль не мог прямо сейчас поведать о случившемся Адигоре. Я покидал Аризель с тяжёлым сердцем, не зная, чего ждать за следующим поворотом.

Мраморный карьер находился в нескольких днях пути, и когда лошади достигли цели, то едва держались на ногах. Получив от меня ещё один серебряный сверх меры, перевозчик гнал изо всех сил. Остановки были короткими, а в путь мы отправлялись с первыми же лучами солнца. Но, достигнув цели, оказались перед лицом иной преграды.

— Простите, чёрный рыцарь, но проход в карьер закрыт, — сообщил солдат, тормозя нас неподалёку от местного постоялого двора.

— Что же случилось?

— Чёрные рабы обрушили карьер. Множество жертв среди солдат, — он почесал затылок. — Никто понять не может, как им это удалось. Никак заранее сговаривались. С самого начала, как прибыли сюда, это порешили. Уж очень ладное вышло обрушение, от спуска вниз ничего не осталось. А самих рабов заперли в заброшенной пещерной темнице, оставивдохнуть от голода. Хотя их хозяин совсем не в восторге от такого исхода.

— И сколько же осталось в живых?

— Хорошая пара сотен из четырёхсот.

Они оказались готовы на всё лишь бы не прогибаться ни перед кем. Отчаянная достойная восхищения смелость.

— Не укажешь, где располагается здание дозорной службы? — спросил я у солдата.

— Здесь нет дозорной службы, только управление по надзору за каменными работами, — он вытянул руку, тыкая пальцем поодаль от здания постоялого двора. — Там.

Кивнув, я направился в указанную сторону, перед этим отсыпав Олли Моту медяков, чтобы под ногами не путался, а снял комнату в «Карьере». Отосланный мошенник не выглядел довольным, наверное, опасался, что я его брошу. Хорошая, между прочим, идея.

Здание с замысловатым названием было сооружено из серого мрамора и походило скорее на древний храм с квадратными необтёсанными колоннами, чем на пристанище рядовой солдатни. Воины сновали туда-сюда по широким ступеням, в основном празднично шатались. Моё появление привлекло внимание. На внезапно объявившегося чёрного рыцаря оборачивались и о чём-то шептались за спиной.

Я переступил порог управления, примяв подошвой сапога красный мягкий ковёр, похожий на реку крови среди всей этой серости. Никто не спросил, куда я направлялся и не пытался меня остановить. Поразительная сила чёрного плаща. Так я достиг комнаты с деревянной дверью, среди которой сверкала металлическая табличка с надписью «Глава управления». «Дозорный за рабами» было бы куда вернее. Я ворвался в чужой кабинет без стука.

За столом восседал чёрный рыцарь. Ничем непримечательный мужчина средних лет с отпечатком усталости на лице. Сама комната была обвешена гобеленами, изображавшими солдатскую службу. Вот они кланялись рыцарям в сияющих доспехах, а вот отдавали жизнь

за Императора, погибая в муках, но освещённые благословением Господним. Ковёр на полу лежал особенно толстый. Холодно, должно быть, в здании, построенном из одного только мрамора.

Услышав посторонние шаги, чёрный рыцарь оторвался от бумаг, которые так пристально изучал. На его лице отразилось удивление, смешанное с неподдельной тревогой.

— Значит, этот слизняк всё-таки решился, — ругнулся глава управления себе под нос, вставая со стула.

— Приветствую... — начал я, но не успел договорить, как был перебит.

— Я уже сказал, что не покину место, пока договор не истечёт. И если хозяин карьера решил заменить меня другим чёрным рыцарем, то я вынужден обратиться в дозорную службу столицы для восстановления справедливости, — сказал он в запале, обошёл стол, бросил на меня возмущённый взгляд и вышел, хлопнув дверью.

Чтож... не удивительно, что главу управления, при котором погибла половина рабов решили заменить другим. Я сильно сомневался, что столичная дозорная служба изберёт его сторону в этом споре. Тем временем, пока чёрный рыцарь не опомнился, я стал изучать его бумаги.

Отчёты о расходах, отчёты об убытках, запрос на отпуск... Ничего увлекательного или полезного. Попалось запечатанное письмо. Особо не церемонясь, я порвал конверт, сломав печать.

«Глава дозорной службы столицы рассмотрел ваше обращение относительно наказания преступников, уличённых в попытке ограбления и убийства. Приговор: лишение рабочей руки. В срочном порядке привести в исполнение и отчитаться.

Г.Д.С. Предвечной Империи.»

Внизу витиеватая длинная подпись.

И письмо, и конверт я спрятал в карман штанов, начав лихорадочно соображать. Теперь мои подруги приговорённые к наказанию преступники. И если просто выпущу их, то стану пособником в преступлении. Что хуже: дезертирство или это? В любом случае я не мог выдавать себя за главу управления, которым в действительности не являлся. Принц Ари Зель лично оторвёт мне голову за такое. Погодите-ка... мне нельзя, но знаю, кому было можно.

— Э-э-э, простите... я точно не ослышался? — оторопело переспросил Олли Мот, пока мы сидели в одной из комнат постоянного двора.

— Ты же не глухой? Облачишься в мои доспехи, скажешь, что ты новый глава местного управления и выпустишь моих друзей на свободу.

— За такое не просто повесят, а порвут на кусочки и скормят диким собакам.

— Ты хочешь попасть в неизведанные земли? Такова цена.

Выражение лица Олли Мота на протяжении этого короткого разговора изменилось несколько раз. Сперва бледное и испуганное оно стало постепенно возвращать свой естественный цвет. В глазах мелькали мысли, проносящиеся хороводом. Когда ещё полумужу вроде него доведётся ощутить себя настоящим мужчиной, прочувствовать, какого это быть уважаемым и полноценным членом общества? А после избежать наказания, если повезёт, конечно. Но когда это Олли Моту не улыбалась удача? Вот, что я читал на его, во всех отношениях, неприятном лице.

— Клянусь Богом, эта игра стоит свеч, — осклабился мошенник. — Но только если сразу же сбежим, пока солдаты не разберутся, что к чему.

— Свою задачу ты знаешь. Прочее оставь мне, — и добавил строго. — Не испорти плащ.

Облачившись в моё одеяние и получив все необходимые инструкции, Олли Мот отправился на выручку моим подругам. Но даже ради маскировки я не стал отдавать этому прохвосту Велимир. Всё равно оружие не пригодится, а если всё-таки разоблачат, точно не спасёт от нескольких десятков солдат неумеху неспособного обращаться с мечом.

Сидя в четырёх стенах один на один с немым рабом, от скуки ковыряющем в носу и размазывающим свои козявки по укромным уголкам комнаты, я умирал от тревоги и нетерпения. Устав от бездействия, повернулся к горбуну, так его иногда называл Олли Мот, но слишком редко, чтобы считать это слово именем.

— Рабы находятся под неусыпным надзором солдат. Но доведись мне избавиться от них, всё равно незаметно вывести двести человек и успеть спрятать задача не из простых, а из невозможных.

Прервав своё занятие, домашний раб уставился на меня, внимательно слушая. Очевидно, с ним не часто вели беседы, не употребляя при этом оскорбления и не пытаясь унижить. Но проговаривание вслух мучающих меня мыслей очень помогало, даже без возможности получить хоть какой-то отклик от безгласного и неграмотного раба.

Лишённые ресниц круглые глаза горбуна расширились настолько, что я мог разглядеть красноту вокруг белков. Он отчаянно и размашисто зажестикублировал, но я не мог понять, что он пытался сказать.

— Помедленнее, — попросил я, не рассчитывая, впрочем, и так что-либо уразуметь.

— Он говорит, что не нужно покидать пещеры, чтобы сбежать от солдат, — слышался голос со стороны широко распахнутого окна.

Это оказалась Соль с раненым плечом, перевязанным куском ткани, оторванным от её рваной штанины. В её спутанных волосах торчало белое перо чайки, а сияющие ярко-голубые глаза внимательно следили за движениями раба.

— Там есть секретный проход. Он завален камнями, но можно довольно быстро расчистить, — продолжала расшифровывать она, говоря, впрочем, на родном языке.

— Как ты поняла? — удивился я.

Соль устало пожала плечами, сядя на постель рядом со мной и неожиданно укладываясь мне на плечо.

— Откуда он знает об этом проходе? — задумчиво пробормотал я.

— Его отец был чёрным рабом с этой каменоломни, когда её только начали разрабатывать. В пещерах держали рабов и их детей. Работников тогда здесь было гораздо больше.

Горбун перестал жестикублировать, и я заметил слёзы, стоящие у него в глазах. Раб шмыгнул носом и повернул голову в сторону окна, печально созерцая голубое небо, покрытое редкими рваными облачками.

— Считается, что при нынешнем Императоре рабам стало легче жить. Например, жестокое обращение дозволительно лишь в случае непокорности, а если послушного и прилежного раба мроят голодом, то с хозяина взыскивается крупный штраф, — продолжала говорить Соль. — Правда жестокое обращение понятие шаткое, как и непослушание. Каждый это видит по-своему.

— Как ты...

— Поживи с моё под боком у работорговца и не такое узнаешь, — заметила Соль, устраиваясь поудобнее на моём плече.

— Может на подушку ляжешь?

— Ненавижу их постели. Ненавижу всё в этом прогнившем крае. А твоё плечо — это кусочек дома.

С таким доводом и не поспоришь. Соль довольно быстро уснула, крепко вцепившись в моё предплечье, словно опасаясь, что я лишь сон, который во что бы то ни стало нужно удержать, и тогда он точно станет явью.

Когда на карьер опустились сумерки, а моё плечо окончательно онемело, я аккуратно встряхнул Соль. Она распахнула веки, а взглянув на меня, улыбнулась.

— Пора идти, — сообщил я. — Если у Олли Мота всё получилось, мы скоро это узнаем.

Оставив горбуна при свете, зажжённой им, единственной свечи, вдвоём мы покинули постоянный двор. Мошенник переодетый в чёрного рыцаря должен был отвести освобождённых за сложенные и оставленные без охраны груды добытого мрамора, который оказалось некому загружать на повозки (не благородным же воинам заниматься грязной работой, честное слово!).

В сумерках легко затеряться, но и патрулирующих территорию солдат стало гораздо больше. Благополучно миновав парочку из них, мы продвигались тенями и вскоре оказались на заранее оговорённом месте. В сгущавшемся мраке едва вырисовывались фигуры подруг, а блеск металла доспехов, сделанных искусными руками Сахар, и вовсе померк.

— Вас Ха, — прошептал голос Малки. — Это ты?

— Это мы, — проговорил я тихо в ответ. — Я и Соль.

— Что? — это уже был поражённый голос Арчи. — Соль...

— Гребешок, это ты? Сестра?

Они усиленно разглядывали друг друга, но глазам не хватало на это способностей.

— Я... — тихо пробормотал Арчи, отступая на шаг назад и избегая неуклюжей попытки Соль его обнять.

— Ром, ты пойдёшь со мной, — велел я, застёгивая пряжку плаща обратно на собравшемся раздеваться Олли Моте. — Все, готовьтесь. Прямо сейчас мы ворвёмся в пещеры и выпустим женщин. Другого шанса не представится, потому следите, чтобы никто не поднял тревогу.

— Есть, — откликнулся Арчи как будто с облегчением.

Масляные лампы патрулирующих солдат освещали путь. Никто не остановил чёрного рыцаря, возглавлявшего целую процессию. Надменность Олли Мота была заметна даже во мраке, а его шаги стали более размашистыми.

— Преступников надлежит перевести в темницы к остальным рабам, — пояснил «чёрный рыцарь» солдатам, караулящим вход в пещеры, и добавил нарочито приказным тоном. — Помогите запереть их.

Приложив ладони к сердцам и поклонившись, солдаты окружили нас, прятая оружие в складках огромной одежды Соль. В пещерах стояла ужасная сырость, а с потолка прямо под ноги обильно капала вода. Повезло, что сейчас лето, а не зима, но меня всё равно пробрала дрожь. Здесь и весной можно было запросто заболеть и умереть.

В темницах никто не патрулировал. Я взял Велимир и убил первого солдата, вонзив лезвие в живот. С остальными быстро управились Арчи и Ром. Застигнутые врасплох те просто не успели схватиться за оружие. Быстрая смерть куда лучше тех мук, что ныне испытывали чёрные рабы, медленно угасая в этом страшном месте, лишённые солнечного света, тепла и всякой надежды на спасение.

— И что дальше? — пробормотал Олли Мот нервно.

— Снимай мои доспехи. Остальные открывайте камеры, — я бросил Арчи связку ключей, найденных на теле одного из солдат.

По бокам на стенах горели факелы. Их ровный оранжевый свет делал это место ещё более зловещим. Я увлѣк мошенника за собой вглубь пещер.

— Твой раб сказал, что где-то здесь заваленный проход. Интересно, куда он выходит?

— Ты говорил с горбуном? — не понял Олли Мот.

— Не совсем. Неважно. Ищи проход. Или хочешь занять камеру по соседству с чёрными рабами?

Он зашевелился. В темноте не видно не зги, рука мужчины, чья тень запросто бы сошла за громадного паука, сняла со стены факел. Мы приступили к поискам. Но всё поросло скользкими водорослями или мхом, а камень выглядел, хоть и кривым, но цельным. Я начинал беспокоиться, что если кто-то приблизится ко входу в пещеры и не обнаружит охраны...

За спиной слышались шаги, ощущалось всё нарастающее присутствие. И вот уже незнакомые грязные пальцы рыскали по стенам. Держа в вытянутой руке фонарь, который забрал у мѣртового солдата, разглядел клеймо на молодом, но таком измученном лице женщины. Оно было в форме цветка с четырьмя заострёнными лепестками и занимало левую щѣку целиком. Самый жуткий цветок, который мне доводилось встречать.

Женщины не говорили. Безмолвие стало их сестрой, а может им было нечего сказать, только не сейчас. Шуршали рваными одеждами, стучали костяшками коленных чашечек. Искали из последних сил путь к свободе. А время всё утекало.

— Здесь, — тихое сообщение почти оглушило меня в этом безмолвии.

И все разом бросились на голос. Пещеры заполнились грохотом падающих на пол камней, он нарастал.

— Вас Ха, — обратилась ко мне встревоженная Малка. — Сюда кто-то идёт. Наверняка, солдаты. Мы не успеем.

— Я разберусь.

Развернувшись, я зашагал к выходу и столкнулся лицом к лицу с настоящим главой управления по надзору за каменными работами (надо же, всё-таки запомнил название). Высоко держа лампу, он какое-то время рассматривал меня, будто вспоминая виделись ли мы прежде. Глупец явился сюда один.

— Что ты...

Лезвие Велимира мягко проткнуло бок, незащищённый доспехами. И правда кто мог напасть на чёрного рыцаря вдаль от границы и армии республиканцев? Не свои же, в самом деле. Лампа разбилась, выпав из ослабленных пальцев. Я отвернулся, не взглянув на тело, нужно было спешить.

Когда подошёл к краю темницы, то заметил, как женщины по очереди пролезали через узкий проход.

— Мы завалим его на обратной стороне, — сообщил Арчи и прибавил обеспокоенно. — Кто это был?

— Уже никто.

Женщины просачивались сквозь щель как тѣмная вода. Олли Мот быстро прошмыгнул за ними, затем Соль и остальные. Я оказался последним, и, убедившись, что все благополучно перелезли, вонзил Велимир в щель между верхними шатками на вид камнями, сдвинув один. Валун рухнул вниз, потащив за собой остальные. Дальше нас ожидал лишь

долгий путь к свету, которого могло и не оказаться на том конце.

Не знаю, сколько времени бесчисленное количество ног топтало сырые полы пещер, но, когда долгожданный яркий луч наконец полоснул по глазам, солнце стояло высоко. А впереди расстелилось бескрайнее поле, примыкающее к сосновому бору.

Все без исключения попадали на траву от изнеможения. Слышались редкие усталые, но радостные смешки, и я наблюдал бессчётные улыбки, слёзы облегчения омывавшие изувеченные щёки. Женщины обнимались, дрожа от рыданий.

— Где мы? — озадаченно проговорила Малка.

— Вдали от моря, — констатировала Соль уверенно. — Я не чувствую его мощи, не слышу шёпота волн, — она обратилась ко мне, отряхиваясь и вставая. — Мы должны двигаться к морю. Только там мне по силам защитить остальных.

— Почему же морская ведьма не сделала этого раньше? — подняла брови Ром.

— Я была выведена из строя, а когда очнулась оказалась посреди людного города в кандалах на руках и ногах, — отвернувшись от стражницы, Соль вертела головой в поисках кого-то ещё. — Гребешок?

Снова эта странная кличка. Но на неё откликнулись. Арчи?

— Он — один из них, сестрёнка, — упрямо и жёстко заметила Малка. — Всё докладывал о нашем жизненном укладе и мире, из-за него вас и похитили. И страдали вы тоже по его вине.

Арчи стоял, низко опустив голову, безвольно свесив руки вдоль тела. Соль с трудом узнавала его, отросшие волосы и борода сделали своё дело. И всё же она улыбнулась, коснувшись жёсткой щетины на знакомой щеке. Арчи посмотрел ей в глаза, а его губы растянулись в виноватой, проникнутой печалью улыбке.

— Так вот, как ты улыбаешься, Гребешок, — выдохнула Соль, и слёзы заблестели в голубых глазах. Она обняла поражённого неслыханной добротой Арчи.

Малка стояла с разинутым ртом и сильно пихнула парня в бок, когда старшая сестра разжала свои тесные объятия. Встала рядом со мной.

— Даже Соль простила его, а ты всё не можешь.

— Самая мягкосердечная ведьма на белом свете, — процедила Малка обиженно. — Кажется, что его она рада видеть больше, чем меня.

— Это преувеличение, — я повернулся к Ром, предлагающей женщинам воду из своей фляжки.

Не было никакой возможности вернуться с ней и остальными в Аризель. Теперь они беглые преступники. Более того, у меня прямо здесь в наличии двести беглый рабынь. Сбежать-то, мы сбежали, но что теперь? Этот же вопрос читался в глазах Арчи. Соль дала ответ и на него:

— Ты должна вернуться в Аризель, Васха. Остальное предоставь мне. Я отведу всех в море безопасным путём. Мы укроемся среди бесплотных скал, где никто не живёт. Я видела такие, когда пересекала море с работорговцем.

— А как же остальные похищенные? Ты знаешь, где они?

Соль отрицательно покачала головой, но прибавила:

— Учётная книга Вайлина Раса. Он записывает в ней все свои сделки. Но такую вещь так просто не стащишь. Хранится в запертой каюте капитана. Ключ от каюты Вайлин всегда носит при себе, а у самой двери на коврике спит сумеречный барс Сабин. Но ещё нужно как-то ступить на тщательно охраняемый борт корабля, оставшись при этом незамеченной.

Я выдохнул:

— Не знаю, что бы мы без тебя делали, Соль.

— Вы приплыли за нами, Васха, — она положила руку мне на плечо. — Я никогда этого не забуду.

— Между прочим, я оставил горбуна в «Карьере», — напомнил о своём существовании Олли Мот, изрядно подпортив мне настроение.

Но Малка улыбнулась этому скользкому червю, получив странную немного неловкую, но вроде бы искреннюю улыбку в ответ. Я оглянулся на гору, которую прошёл насквозь. И как такое обойти? Сколько времени займёт пешее путешествие?

— Я заберу горбуна, а ты останешься с остальными, пока не понадобится. Хотелось бы мне взять и вас с собой, — оглядел Арчи, Малку и остановил пристальный взгляд на Ром. — Но...

— ...это мало выполнимо, — закончила фразу Малка. — Мы понимаем.

Привал устроили прямо на поле, разожгли костры из пахучих сосновых веток. Всем нужно было отдохнуть и набраться сил. Женщины насобирали грибов к ужину, а Малка подстрелила нескольких рябчиков. Слишком мало, чтобы наесться, но достаточно, чтобы не умереть, особенно для голодавших вот уже несколько дней пленниц.

Было странно и дико видеть их изувеченные лица. Но сами женщины словно бы научились их не замечать и улыбались, растягивая уродливые шрамы. Но свет в глубине многочисленных глаз сиял по-иному. Это больше не были беззаботные жительницы Ракушки. Часть себя они навсегда утратили на просторах Предвечной Империи.

— Ты правда превратилась в чайку на глазах у имперцев? — поражалась Малка истории старшей сестры, когда мы устроились вокруг костра, принохиваясь к жидкой грибной похлёбке, которую старательно помешивал Арчи деревянной ложкой.

— Не была уверена, что получится с всего одним пером и без окраски под чайку, но, наверное, когда оказываешься между жизнью и смертью всегда так и выходит.

— Видели бы вы, какой шторм устроила Соль, — заметил я, стирая с Велимира засохшую кровь.

Морская ведьма скромно улыбнулась, наблюдая за танцующими языками пламени:

— На самом деле, я не так уж и сильна. Считается, что лесная и горные ведьмы самые могущественные, и не спроста.

Я вспомнил о магии леса, хранившей мою жизнь, и не стал спорить.

— Ведьмы могут превращаться только в птиц? — поинтересовалась Ром, всё больше раздражавшая меня своим лживым невинным видом.

— Не только, — откликнулась Соль. — Но частые превращения влияют на наш человеческий облик и наш разум, потому это не то с чем можно развлекаться. Я обращаюсь в чайку только по крайней нужде.

Это хорошо объясняло странный цвет глаз ведьмы Соши, как и её настойчивое отрицание собственной человеческой сущности.

— Всё равно, моя сестра самая удивительная, — гордо хвасталась Малка. — Она справилась с кровопускателем.

— Только потому что он не знал с чем столкнулся и сражался не со мной, а с морем, напрасно потратив приложенные усилия, — возразила Соль мудро. — Знай колдун, кто его истинная врагиня, то направил бы своё колдовство на меня.

Определённо, Соль и Соши как небо и земля. Настолько разные ведьмы. А это я ещё не

был знаком с горной и равнинной, но любопытство уже разобрало.

Олли Мот примостился между Арчи и Малкой, безнадежно следя за разговором, которого не понимал. От Арчи в его сторону исходили отторгающие отрицательные волны, а Малка даже налила мошеннику похлёбки.

Когда с обедом и праздными разговорами было покончено, я отвёл Ром в сторонку поближе к бору и подальше от лишних ушей. Её отросшие волосы всё также были аккуратно зачёсаны на бок, хоть и блестели от жира, настолько давно не знали мыла и воды. Взгляд стражницы неизменно спокойный выводил теперь из себя. А ведь когда-то я ставил Ром выше Падве.

— Адигора волновалась о тебе, — начал я без обиняков. — И ещё она просила передать, что позаботится о рабе в твоё отсутствие.

— Каком рабе?

— Думаю, ты знаешь, — проговорил я с нажимом.

Спокойствие как ветром сдуло с её лица. Глаза растерянно забегали, руки нервно стискивали пальцы.

— Это всё, что я хотела сказать, — отворачиваясь, собрался уйти, но Ром крепко схватила за запястье.

Направленный на меня взгляд был полон отчаянной мольбы и сожаления:

— Я не хотела, честно. Не знаю, как так вышло. Но... но... он ведь действительно влюблён в меня, ты знаешь? Как я могла отказать?

— Влюблён? — жестокая усмешка слетела с моих губ. — Он вешался мне на шею, как только завидел чёрный плащ. Хочешь узнать о любви рабов? Спроси у Арчи.

Резко отняв руку, я успел запечатлеть в памяти шок, отразившийся на удручённом и побледневшем лице Ром. Не думал, что когда-нибудь стану свидетелем подобного зрелища.

Оставив стражницу наедине с её позором, я наполнил грудь свежим лесным воздухом, отдалённо напомнившим запахи Шепчущего леса. И пускай мы ещё очень далеко от дома, но сейчас, глядя на зелёное поле, до отказа заполненное освобождёнными женщинами, наблюдая, как морская ведьма подбадривала всех, а Малка боролась с Арчи за внимание старшей сестры, я больше не ощущал себя беспомощным.

Мы вместе станем сопротивляться гнёту Империи, поддерживая друг друга. И теперь мне ясно видно, за что всё это время так упорно сражался, сражаюсь и буду сражаться до последнего вздоха.

Глава 17. Безутешные откровения

По возвращению в Аризель горбун был оправлен в съёмную комнату в «Безголовой курице». Там же я повстречал нашего новоприобретённого раба, после того как получил запасной ключ от злобно глядящего на меня хозяина таверны и ворчащего себе под нос: «сделали из моего приличного заведения бордель». Но при этом он продолжал исправно принимать плату.

Переводя дух после поездки и подминая под себя скрипучую постель, я не торопился идти в армейский район, предчувствуя, что ожидали там чёрного рыцаря, ушедшего в самоволку, далеко не с распостёртыми объятиями. Паренёк уставился на меня, ожидая, когда на него обратят внимание и упорно не замечал горбуна, принявшегося складывать смятые вещи неряхи-раба и уносить грязную посуду на кухню.

Но мне было не до безымянного приятеля Ром. Вот бы выпить сейчас кружку яблочного сидра, пошло в большинстве таверн и в подмётки не годилось напиткам Светлого края. Вкусные же напитки позволить себе могли лишь богачи. Каждый кусочек моего тела просто звенел от напряжения и усталости.

Мягкая ухоженная ладонь опустилась на колено и поползла по внутренней стороне бедра, от неожиданности я вздрогнул, тут же схватив запястье парня, прильнувшего ко мне. Он сморщился от боли тисков:

— Ай-ай-ай!

Я отпустил руку, поднявшись.

— Неужели я настолько вам противен? — спросил раб, потирая покрасневшее запястье.

— Когда рабы стали настолько наглыми, что касаются без дозволения свободных людей?

Милое личико неприятно скривилось, но всего на мгновение, уступив место яркой улыбке:

— Я увидел, как вы напряжены, и всего лишь хотел помочь.

— Почему ты ещё здесь? — я скрестил руки на груди. — Адигоре удалось тебя выкупить?

— Не знаю. Разве похоже, чтобы мне что-то докладывали?

— Точно. Подумай над своим именем на досуге, — я взял Велимир, привязал его к поясу, затем вручил ключ от комнаты вернувшемуся с кухни с краюхой хлеба горбуну. — Не выпускай его. Можешь применить силу, если придётся.

Бросив взгляд на озадаченного и как будто бы испуганного паренька, я вышел. С рабами случалось столько ужасных вещей, а ему внушила страх необходимость придумать себя имя? Или, быть может, покорила вероятная свобода, в которой все решения придётся принимать самому, так же, как и искать пищу и жильё? Всё-таки он разительно отличался от Арчи.

Ноги несли меня к неизбежному, тому, от чего я не мог убежать, по крайней мере, не прямо сейчас. Но улицы города выглядели по-прежнему унылыми и полными голодных и беспризорных стариков, просящих подаяния. Ничего не переменилось за время моего отсутствия.

Проходя мимо здания дозорной службы, я заглянул на доску с надписью

«Разыскиваются». Ни одного знакомого лица на набросках лиц, сделанных каким-то талантливым художником, разумно рассудившим, что дозорная служба куда почётнее существования в качестве творца полумужа. Но в списках сбоку значилась троица островитян, путешествующих вместе, и давалось описание бедолаги Олли Мота, изображавшего из себя чёрного рыцаря. Обладающий довольно приметной и запоминающейся внешностью, он теперь едва ли мог скрыться от властей без помощи Соль и остальных.

Отправившись дальше, я поймал себя на том, что уже привык к расступающимся на пути полумужам и почти не глядел в их сторону. Отчасти я надеялся встретить по дороге Адигору и рассказать ей о счастливом вызволении пленниц из мраморного карьера, но с этим не повезло.

Переступив границу армейского района, я стал замечать на себе взгляды солдат и других рыцарей. Недобрые, настороженные взгляды. Однако никто не раскрывал рта и, как и было положено, выказывали уважение, прикладывая ладони к сердцу. Даже если не знали о моей скорой неизбежной участи, то непременно догадывались о ней. Недолго плечу осталось носить на себе чёрный плащ. Хорошо, что я не успел злоупотреблять властью, задирая обычных солдат, но мне ещё могли припомнить убитого пленного республиканца.

За столь, казалось бы, короткий срок я успел сродниться с шёлковым куском ткани, струящимся по руке. И с грустью размышлял о своей скорой утрате. Наверняка, Ари Зель сорвёт его с меня у всех на глазах, чтобы было особенно позорно и неповадно другим ослушиваться приказов красного рыцаря.

Без приключений достигнув казарм, я проверил нашу с Адигорой комнату, но не обнаружил её и там. И куда стражница могла подеваться? По дороге мне попались члены, пока что, моего отряда, значит их не посылали с заданием. А до обеда было ещё далеко. Душевые тоже пустовали. Наверное, задержали какие-то дела, связанные с рабом Ром. Хотелось бы узнать, как Адигоре удалось сохранить его у нас, когда оплаченная аренда уже истекла.

Задумчиво глядя себе под ноги, я вышел из казарм и наткнулся на удивительную тишину, сменившую недавний оживлённый говор и солдатскую суету. С замирающим сердцем я поднял голову и увидел принца Ари Зеля в доспехах, украшенных красным плащом, искрящимся на солнце подобно бушующему пламени.

— Вот и блудный рыцарь вернулся! — возвестил красный рыцарь с усмешкой на губах, но не было смысла повышать голос, все вокруг и так притихли, не отрывая алчущих взглядов от разыгрывавшейся сцены.

Я приблизился к командиру, опустив глаза, всецело признавая свою вину и не думая дерзить. Возможно Ари Зель не ожидал от меня такого смирения, и сказал следующее:

— И даже не станешь бороться?

— Что же я могу сделать, принц?

— Я, — красный рыцарь отошёл назад на несколько шагов, выходя на площадь, посреди которой больше не торчал столб, а выемка от него была засыпана землёй, — вызываю чёрного рыцаря Вас Ха на поединок! Стычки между солдатами запрещены, но законные поединки между рыцарями дело другое, — пояснил он озадаченным лицам, в числе которых оказалось и моё. — Одержжишь победу надо мной, заслуженно получишь бежевый плащ. Проиграешь, сохранишь чёрный, но потеряешь свои шикарные волосы. Если откажешься от поединка, то лишишься звания чёрного рыцаря.

Ответ был очевиден. Плащ мог пригодиться ещё для множества дел. Но я знал, Ари Зель не станет меня щадить. Может он мечтал о возможности скрестить со мной мечи с того самого вечера, когда мы схлестнулись на складе в окружении обжигающего огня и удушающего дыма?

Толпа оживилась, взбудоражилась, потирая руки в ожидании увлекательного зрелища. Чтож, хоть кому-то сейчас весело.

— Я согласен, — ответил я принцу. — Здесь и сейчас?

Он улыбнулся ещё шире, ядовито-зелёные глаза заблестели:

— Здесь и сейчас.

Воины расступились, образуя удивительно ровный широкий круг. Выставили вперёд глазастые щиты для собственной безопасности или чтобы лишить меня малейшего шанса на побег.

— Сражаемся до тех пор, пока один не сложит оружие, — объяснил правила Ари Зель, вытаскивая меч и хватая длинную рукоять обеими руками.

Отточенное длинное лезвие блестело на солнце. Конечно, этот меч был длиннее Велимира, потому что и сам принц превосходил меня в росте. Ему гораздо проще достать меня. Но и я обладаю некоторым преимуществом — намного более лёгкими доспехами, что обеспечивали быструю реакцию и манёвренность. По крайней мере, так я считал, пока Ари Зель не сделал два резких выпада с места, на котором стоял. Всё произошло так молниеносно, что я едва успел заметить и увернулся лишь благодаря своим природным рефлексам, заработав, впрочем, глубокий порез на лице.

Меч противника рассёк правую бровь и щёку снизу, каким-то чудом не задев веко. Кровь стала затекать в глаз, я её стёр краем плаща и с шелестом вытащил Велимир.

— Теперь точно останется шрам, — заметил Ари Зель довольно. — На память обо мне.

Я замахнулся, ударив, но разрезал лишь бесплотный воздух. Принц уже был за моей спиной. Пригнувшись, чтобы вновь не напороться на меч, я откатился в сторону. Такая скорость вообще реальна для человека?

Нет... не время паниковать. Просто соберись, Васха, сосредоточься, но не на его мече, а на движениях мышц. Нужно предвидеть удар, чтобы его избежать. Мои глаза прилипли к телу противника, а моё собственное тело живо отреагировало на начало движения, развернувшись, я ударил Велимиром по ноге Ари Зеля. Кожаная подкладка доспехов в этом месте порвалась, на сухую землю брызнула кровь. Но рана оказалась недостаточно глубокой, чтобы замедлить принца.

Он снова бросился на меня, заставив отпрыгнуть в сторону и врезаться в щиты. Сильный толчок со стороны солдат вернул меня в центр круга. Я использовал это себе на пользу, нанеся немного неуклюжий, но точный удар в подмышечную незащищённую часть доспехов красного рыцаря прямо под левую руку. Он скривил физиономию от накатившей боли, но сразу же ухмыльнулся, разрубая мечом пространство вокруг себя, заставляя меня попятиться. Я понял зачем это. Ари Зель освобождал место, чтобы нанести свой знаменитый могучий удар, который должен был поставить меня на колени.

Я надеялся, что, как и в тот вечер успею подготовиться, но время и не думало замедляться, а молниеносный удар красного рыцаря был внезапен, и я едва успел выставить Велимир. В очередной раз тело отреагировало быстрее разума. От оглушительный звона, столкнувшейся стали, заложило уши. Кисти обеих рук, сжимающих рукоять, дрогнули, но не пошатнулись. Я слишком сильно этому удивился, чтобы предвосхитить следующее движение

противника.

Точно зная, что я выдержу его мощный натиск, Ари Зель с силой ударил круглой верхушкой длинной рукояти по моим пальцам, защищённым стальными перчатками, выбив Велимир, отскочивший в сторону и вонзившийся в землю в то самое место, где раньше торчал столб. В следующее же мгновение холодное лезвие защекотало мою шею.

— Ты проиграл, Вас Ха, — в голосе слышалась бравада и какая-то детская радость, вперемешку с тяжёлым дыханием переводящего дух воина.

Он обошёл меня сзади и срезал с макушки волосы, обвязанные куском ткани. Стискивая их в своём кулаке, самодовольно ухмыльнулся, убирая меч обратно в ножны, и покинул армейскую площадь размашистым лёгким шагом триумфатора. Вскоре стали расходиться и зрители, сполна насладившиеся зрелищем моего унижения.

Какое-то время ушло на осознание случившегося. Я рассеянно трепал кончики обрезанных волос. Целую вечность назад сам себя остриг, почему же сейчас так паршиво на душе?

Конечно, я проиграл в честном поединке, стыдится тут было нечего, но... но... какой же на самом деле я слабый и неуверенный в себе воин. И это самый горький урок, который преподал мне Ари Зель, превратив чёрного рыцаря в обрезка, но, как будто бы в насмешку, сохранив ему плащ. Я подошёл к Велимиру и вытащил его из земли, вставив обратно в ножны.

— Какой захватывающий бой, — поделился своими впечатлениями старый знакомый смутьян, чьего имени я до сих пор не знал, да особо и не хотел знать. — Есть минутка, чёрный рыцарь?

— Хотелось бы рану промыть. Что тебе от меня понадобилось?

— Там и промоем, — улыбался солдат, указывая мне путь.

Слишком удручённый, чтобы спорить, я направился следом. Путь вёл напрямиком из армейского района в жилое здание, расположенное неподалёку. Провожатый огляделся по сторонам, прежде чем открыть дверь и пропустить меня внутрь. Ставни были плотно закрыты. В помещении, освящённом лишь тусклым пламенем нескольких свечей, я увидел Адигору. Она дружелюбно мне улыбнулась, явно обрадовавшись нашей встрече, но я не успел ничего ей сказать.

— Вы действительно прекрасно держались в поединке с принцем Ари Зелем, — заметил старый знакомый, вдруг изменившийся и в лице, и в стойке, он выпрямил спину и глядеть стал совсем без презрения. — Мало кто был способен так долго с ним сражаться один на один.

Адигора заметила мои обрезанные волосы и прищурилась.

— Что происходит? — поразился я внезапному преображению солдата, который до этого момента казался мне достаточно понятным жалким человеком.

— Это республиканский шпион, — ответила стражница. — Он помог мне выкупить раба, Васха.

— Чего? — я перевёл ошарашенный взгляд на мужчину. Совсем непримечательный, точно такой же как сотни других имперцев.

— Моё настоящее имя Вáльтор. Ваш друг сказал, что я могу вам довериться, что вы презираете Империю. Заметив ваше неприятие имперских порядков и отвращение к рабской системе, я — агент Республики Завета решил открыть перед вами возможность на иную судьбу.

Я посмотрел в сторону Адигоры, но она и бровью не повела. Вальтор, тем временем, продолжал:

— Вы поможете нам, а мы поможем вам, Вас Ха. Предоставим место в Республике для вас и всех ваших друзей. Благополучную и свободную жизнь без риска быть проданным в рабство.

— А что же взамен? — какой, однако, интересный поворот.

— Аризель, — глаза республиканца засверкали праведным гневом в полумраке. — Это наш город, незаконно отнятый имперцами. Прежде величественный град, превращённый в помойку и сосредоточие разврата.

Устало опустившись на стоящий тут жёсткий стульчик, я подпёр подбородок рукой:

— И что же может сделать один человек?

Республиканец заговорщически улыбнулся, садясь напротив и подаваясь вперёд.

— Вы и не ведаете какой силой обладаете.

— Силой? Я только что проиграл красному рыцарю и лишился волос. О какой силе речь? — тон против воли пропитался раздражением и досадой.

— Позвольте перефразировать. Не силой, а властью над принцем Ари Зелем. Разве не видите, что тот давно безответно в вас влюблён?

Я подавился слюной, которую глотал. Адигора легонько похлопала по спине. А я начал вертеть головой в поисках каких-нибудь дыр в стенах, через которые глядел, возможно, сам принц и от души смеялся над тем, как удачно смог меня разыграть. Сначала солдат, обливший Падве в «Безголовой курице», оказался республиканским шпионом. А теперь ещё и Ари Зель якобы был влюблён в парня, который по меркам Предвечной Империи коротышка, а теперь ещё и обрезок.

— Я понял, — нагнулся ближе к Вальтору, прошипев ему в лицо, — вы просто издеваетесь, — поднялся. — Идём-ка отсюда, Адигора.

— Тебе придётся выслушать республиканца, Васха, — откликнулась стражница, не сдвигаясь с места. — Всё-таки он выкупил раба.

Я вынужденно плюхнулся обратно, положив ногу на ногу. Вальтор напротив откинулся на спинку:

— Принц Ари Зель уделяет столько времени исключительно вашей персоне, Вас Ха. А ведь обычно мало чем интересуется и, уж тем более, не ведёт бесед ни с кем кроме членов императорской семьи, — он вытащил из кармана платок и промочил в кружке с водой, протянув влажную ткань мне.

Я стёр засохшую кровь с брови и щеки, ощутив неприятное болезненное пощипывание. Неужели и правда останется шрам?

— Допустим, я верю в эту нелепицу. Но что с того?

— Разве не очевидно? Вы сблизитесь с самим наместником и будете знать обо всех действиях армии, и в момент, когда город станет наиболее уязвим, Республика введёт войска и вернёт своё по праву.

Вальтор говорил с жаром, словно его план уже осуществился, а я уже на всё согласился.

— Однако, — я отложил смятый окровавленный платок, — мне недостаточно одних ваших слов. Мне нужны доказательства, а без этого не может быть и речи о работе на Республику Завета или как там её.

— Я понимаю, — республиканец кивнул, вставая. — Встретимся вечером у паба «Золотая рыбка», когда часы будут показывать семь. И вы сами во всём убедитесь.

Я отнёсся с огромным скепсисом к каждому слову подозрительно богатого мужчины, выкупившего нашего безымянного раба. Вальтор выпроводил меня и Адигору на улицу и запер дверь злополучного дома для заговорщических встреч. Пошёл вдруг ставшей вальяжной походкой только по ему известным делам, по дороге пнув коробку с горстью медяков, принадлежавших беспризорному старику. Бедняга стал спешно собирать мелочь, стараясь не попасть под ноги какому-нибудь спесивому воину.

— И ты ему веришь? — поинтересовался я у Адигоры.

— Я уже ничему не удивляюсь. А у тебя как там дела?

— Все освобождённые из карьера рабы теперь в бегах, как и наши подруги. А ещё сестра Малки Соль оказалась морской ведьмой.

— Похоже, Предки не покинули нас.

— Ага.

— И с короткими волосами тебе гораздо лучше, Васха.

— Спасибо, — я смущённо улыбнулся, вдруг обрадовавшись своему неприятному поражению.

Скоротав остаток дня за обязанностями чёрного рыцаря, в которые входили составление расписаний по уборке столовой и казарм вместе с другими чёрными рыцарями, индивидуальные расписания тренировок для отрядов, чего я никак не смог избежать после своего проступка. Ещё на провинившегося навесили проверить навыки новобранцев, чтобы распределить в соответствующие их уровню отряды. На последнее ушло больше всего сил и времени. Замечая мои обрезанные волосы, юноши всерьёз не воспринимали столкновение с тренировочным инвентарём, сжатым в моей руке, но быстро за это расплачивались. Приятно было ощутить себя умелым, пусть и по сравнению с новичками.

Навалившиеся заботы почти вытеснили из головы мысли о республиканском шпионе и его нелепых предположениях. Но, освободившись к семи, я ждал напротив паба «Золотая рыбка», прославившегося тем, что тамошний хозяин обслуживал исключительно рыцарей, богатеев и членов императорской семьи. Но мне с моим опустевшим кошельком было не место в таком заведении, хотя говаривали, что в пабе подавали отменное вино.

— Приветствую, — обратился человек в тёмном балахоне ко мне, рассматривающему стальные, выкрашенные в золото, чешуйки рыбки, висящей над входом в питейное заведение.

— Мы знакомы?

Наполовину высунув лицо из-под капюшона, Вальтор дал мне себя опознать.

— Что за маскарад? — недоумевал я, потому что и так мог свободно зайти в «Золотую рыбку».

Республиканец протянул другой балахон и перстень, украшенный цветком с четырьмя лепестками (я начинал ненавидеть этот вид цветов):

— Накиньте. А это кольцо символизирует принадлежность к гильдии работорговцев.

Я подумал, что не видел такого на морщинистых руках Вайлина Раса, но он мог и не носить его постоянно. На самом лице старика ярко отпечаталось его ремесло, и никаких перстней не нужно.

Накинув балахон и надев кольцо на большой палец, только ему и оказалось впору, я чувствовал себя глупо, входя следом за шпионом в «Золотую рыбку».

Чистое и просторное помещение, наполненное аппетитными парами с кухни и запахом крепкого вина, не шло ни в какое сравнение с «Безголовой курицей». И мебель здесь стояла

обитая шёлком, мягкая и приятная на ощупь. А пол не покрывала чья-то засохшая блевотина, он напротив блестел свежестью и чистотой.

Ещё издалека я заметил зелёную косу принца Ари Зеля, так и бросающуюся в глаза, что в пабе, что на поле боя. Он сидел за одним столом с Шином. Они распивали вино и ели жареное на огне мясо. Рот сам наполнился слюной.

Вальтор увлёк меня за стол, располагающийся прямо за спиной наместника, и усадил на место ближайшее к нему. Так я мог слышать беседу принцев, но не видеть их лиц.

Не спросив о моих предпочтениях, республиканец сделал заказ, а я, не расслышав его слов, лишь надеялся, что принесут вкусные блюда. Даже если ничего не выяснится, хоть поем почти как дома. Еда чёрных рыцарей мало отличалась от солдатской, в мясных котлетах было много жира и шкурки, а вот само мясо, видимо, скупалось владельцами подобных пабов.

— Слушайте, — шепнул мне Вальтор, как будто и так было непонятно. — И не выдайте себя.

Вздыхнув, я откинулся на спинку стула, целиком обратившись в слух.

— Зачем ты принёс его сюда, Ари? — возмутился праведник, царапая тарелку ножом, пока резал мясо.

— Чужая косичка отбивает тебе аппетит? — рассмеялся наместник, прожёвывая свой кусок.

— Она похожа на дохлую крысу.

— Когда ты последний раз видел дохлую крысу? Эти разумные существа обходят твою церковь стороной, мой милый друг.

— И что же, — Шин сделал глоток из кубка, поставив его обратно на стол, — ты собрался всюду её таскать?

— Вовсе нет. Говорят, если убрать под подушку локон волос любимого, то тебе приснится с ним жаркий сон.

— Но это вовсе не локон, Ари, — с нажимом произнёс праведник. — Устраивать целое представление на радость солдатам ради куска волос этого... этого дерзкого коротышки. Что на тебя нашло?

— У Васа такой неистовый взгляд. Признаюсь, каждый раз, как вижу его, трудно удержаться от поцелуя. Но, боюсь, если попытаюсь, он откусит мне язык, — Ари Зель произнёс это с мечтательной грустью.

Перед нами поставили блюда мясного жаркого и бутылку с вином. Схватившись за ложку, я понял, что не смогу впихнуть в себя ни крошки. Неужели речь действительно шла обо мне? Вдруг наместник отрезал волосы кому-то ещё по имени Вас? Этот мужчина, вечно насмехающийся надо мной, неспособный на уступки или обыкновенную доброту, сделавший из меня обрезка на глазах у всех?

Нет... нет... просто не может этого быть. С шумом отодвинув стул, я поднялся, республиканец потянулся, чтобы схватить за руку и удержать от опрометчивого деяния. Но его ладонь загребла воздух. А я уже скинул с головы капюшон и предстал прямо перед Ари Зелем.

Праведник не донёс кусочек окровавленного мяса до рта, но сам наместник смотрел на меня, не мигая. Русые волосы, обёрнутые зелёной тканью, безжизненно лежали на краю стола. И, оперевшись о стол ладонью, я нагнулся, поцеловав красного рыцаря. Всего лишь лёгкое прикосновение к губам вкуса пьянящего вина.

Выпрямившись, спешно покинул паб до того, как Ари Зель успел отреагировать на мой очередной наглый поступок. Вальтор выскочил следом.

— Вы сошли с ума? — выпалил республиканец, пока я швырял и балахон, и перстень ему в руки. — Что это было?

— Что было? Теперь я работаю на вас.

Сделав необходимое заявление, я чуть ли не бегом направился к казармам, яростно оттирая след принца со своих губ. Я никогда не хотел ничего подобного, не представлял и даже не мыслил. Мне ненавистен Ари Зель и ему подобные. Ненавистен весь этот город. Но независимо от чувств, переполнявших сердце, я просто не мог упустить шанс воспользоваться влиянием члена императорской семьи и ресурсами республиканцев. Двести женщин ожидали возвращения домой, а ещё я должен был добраться до учётной книги работарговца Вальина Раса.

Я ступил на тонкую грань. И, начав безжалостную игру, не должен был раскрыть себя до самого конца.

Адигора ожидала в нашей комнате и поднялась, когда я вошёл. Не задумываясь (а стоило бы), я бросился к ней в объятия, прильнул губами к плечу, обнажившемуся от натяжения ткани ночной рубашки. Стражница предприняла осторожную попытку вырваться, но, не отдавая себе отчёта, я только крепче её обнял.

— Я поцеловала Ари Зеля, — сообщил я, как будто это хоть как-то оправдывало мои действия.

— Ты всё ещё влюблена в меня, Васха? — совершенно спокойным тоном поинтересовалась Адигора, как будто спрашивала о погоде, а не о чём-то действительно крайне важном, а то и болезненном.

Ощувив лёд в её равнодушных словах, отпрянул, отворачиваясь к стене. Всё ещё? Лучше сказать, снова. Подёрнув плечами, ответил:

— Вовсе нет, — но голос дрожал, и даже я не поверил в собственную ложь.

Повисла неловкая пауза, показавшаяся мне ужасной вечностью. Но затем Адигора произнесла прежним тоном:

— Похоже, ты приняла решение помочь республиканцам. Но к чему это нас приведёт? Порой кажется, что ты постоянно действуешь наугад и лишь надеешься на удачный исход.

Я обернулся, посмотрев на стражницу, и заметил тень сочувствия на её бесстрастном лице, капельку жалости в пленительных серебристых глазах. До боли стиснув кулак, постарался не выдать голосом наполнившую меня горечь.

— К тому, что мы стравим двух давних врагов, а сами исчезнем под шумок их распри.

— Это уже похоже на план, — Адигора удовлетворённо кивнула и опустилась на постель. — Я спать, — легла и накрылась одеялом, отвернувшись к стене. — Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Вот так, Васха, вот так. У тебя с ней нет вообще никаких шансов. Можешь перестать бесплотно мечтать о каком-то совместном будущем. Адигора не считает тебя привлекательным или интересным, ты вообще ей не симпатичен. Она просто хорошая подруга, на которую можно положиться в беде.

Сев на край жёсткой и скрипучей кровати, я обхватил голову руками, вонзив пальцы в обрезанные волосы, потеря половины которых утратила для меня всякую значимость за один лишь вечер. Нестерпимо ныло в груди. Будь здесь Новжа, она бы утешила и пожурела бесчувственную Адигору. Но здесь только мы и моё в который раз разбитое сердце.

Пол ночи не удавалось заснуть. Я ворочался. Ком путаных мыслей пожирал часы необходимые для хорошего отдыха. Глаза сомкнулись, когда за окном уже начало светлеть. И, поднявшись утром, я ощущал себя просто отвратительно. В зеркале отражался какой-то не выспавшийся и от того пугающий парень или девушка, не так уж и важно.

Нельзя было в подобном виде появляться перед Ари Зелем. Отныне я должен более тщательно заботиться о своей внешности, потому как следует расчесал спутанные локоны, хоть и вышло болезненно. Несколько раз умылся холодной водой, чтобы хоть немного взбодриться. Почистил одежду и доспехи. Стал всерьёз подумывать о проколе ушей, хотя на серёжки всё равно не было денег. Может выкрасить волосы? Тогда образ станет более ярким. Впервые за долгое время я вспомнил о швее Вигуш и её потрясающих моделях одежды.

Вальтор, которого ожидал увидеть вскорости, не подошёл ко мне за завтраком, да и заметить его где-либо ещё тоже не удалось. В свою очередь красный рыцарь также себя не явил, и, отпустив всех после утреннего построения, я вместе с Адигорой решил навеститься к нашему рабскому другу.

— Я велел ему придумать себе имя, — сообщил я стражнице, изо всех сил стараясь вести себя как обычно, словно и не было тех неловких минут.

— Честно говоря, я уже отчасти жалею о том, что не вернула его обратно в бордель.

— И почему же?

— Он наглый и, зная, что мы не станем его бить, как это могли бы делать мужчины, наглеет ещё сильнее, — судя по Адигоре, ей особо не составляло труда относиться ко мне по-прежнему. Вполне ожидаемо.

Я вздохнул и сказал ровно:

— Сдерживаться вовсе необязательно, если уж так хочется врезать. Оплеуха, например, не так уж и страшно.

— Я тоже так думала, но потом одёрнула себя. Каждый день наблюдая чудовищное насилие, в какой-то момент начинает казаться, что оплеуха — это не так уж и страшно. Но это здесь он под нашим попечением, дома же пойдёт на все четыре стороны, и пусть делает, что хочет. Я готова потерпеть.

Адигора толкнула дверь «Безголовой курицы», мы вошли внутрь. На первом этаже, полном выпивающих солдат, использующих всю свой законный выходной, стоял гвалт и было душнее обычного. А ведь близилось лето.

Я заметил семенящего со стороны кухни горбуна и махнул ему рукой. Раб подошёл к нам, склонив голову и глядя себе под ноги, как и положено домашнему рабу.

— Много тебе хлопот доставил тот ребёнок? — поинтересовался я, особо не рассчитывая на ответ.

Горбун неопределённо качнул головой и, указав взглядом на тарелку с тушёными овощами, кивнул затем в сторону лестницы.

— Чтож, пойдём покормим нашего «узника», — согласился я с рабом, начав потихоньку понимать, как тогда Соль удалось облечь в звуки безмолвные «речи» немого.

Адигора отпёрла дверь ключом и пропустила горбуна вперёд.

— Вот и ты, наконец-то, старая морщинистая черепаха, — надменно и небрежно бросил юноша, рассиживающийся в продавленном кресле как на троне наместника. — Я тут от голода подыхаю, а ты всё не торопишься.

Положив тарелку на стол, горбун отошёл в сторону, и в комнату вошли мы. Юноша

сник, вперив взгляд в протёртый ковёр, словно бы растерявшись, но пухлые губы тут же растянула радушная улыбка. Раб вскочил на ноги, припорхнув ко мне, и нежно погладил по предплечью.

— Ты придумал себе имя? — поинтересовался я, убирая его руку подальше, и изо всех сил удерживаясь от оплеухи.

— Я думал, думал, думал... — он изобразил жуткую задумчивость, начав рассказывать по комнате туда-сюда. — И решил, — посмотрел на меня сияющим взором, — какой огромной честью для меня будет получить имя от самого чёрного рыцаря.

Мы с Адигорой невольно переглянулись. Она всучила парню тарелку, указав на кресло, молча велела ему сесть. Он так и поступил, начав быстро наполнять рот едой. Не отличаясь манерами, вымазался в овощном соке и масле, вытерев после рот краем собственной одежды.

— Мол, — я посмотрел на Адигору. — Как тебе? От слова «молния». Ром означает гром, так? Гром и молния.

— Яркая и мистическая молния, — восхищённо проговорил Мол. — Разве можно было получить имя прекрасней этого?

Меня начинало тошнить от его пустой лести.

— Жаль, что он доставляет тебе столько хлопот, — обратился я к горбуну. — Если что-то понадобится, обращай к Адигоре или ко мне.

Получив утвердительный кивок от скромного раба, я покинул комнату. Хотя Мол и был вздорным, он не посмеет ударить другого такого же раба, и по сравнению с Олли Мотом должен казаться горбуну не более чем капризным ребёнком. Мне пока так и не удалось поблагодарить горбуна за помощь, без которой мы все бы просто пропали. Но я и не собирался сделать это просто на словах. Нет, в награду раб отправится в Светлый и край и там станет свободным человеком.

Выйдя на улицу и, глотнув свежего воздуха, неизменно приятного после вони, которой была пропитана «Безголовая курица», я стал дожидаться Адигоры, как заметил шагающего в мою сторону Ари Зеля. Вчерашний подслушанный разговор и поцелуй встали перед глазами. Захотелось убежать как можно дальше, но я заставил ноги прилипнуть к месту, а лицо не выдавать испуга.

Остановившись прямо передо мной, красный рыцарь привычно усмехнулся:

— Стоит отдать тебе должное, Вас Ха, быстро ты сообразил, какую выгоду может принести роль возлюбленного самого наместника и члена императорской семьи. Но чувства не ослепляют моего рассудка. Сколько по-твоему у меня было поклонников? Я прекрасно вижу, когда кто-то искренне в меня влюблён. Вот Шин давно уже питает это ужасное неразделённое чувство и страдает от разговоров о тебе. Но ты, Вас Ха, — он буквально впился взглядом в мои глаза, — вовсе не любишь меня, — развернувшись на пятках, отошёл на несколько шагов, бросив напоследок. — И тот поцелуй был действительно убог.

Короткий взмах рукой, и вот уже статная фигура наместника стала исчезать вдаль. А моё тело сотрясал беззвучный смех, который, впрочем, я осознал не сразу. Лишь когда разболелся живот, и я схватился за него, согнувшись пополам.

— Васха, — обеспокоенно позвала Адигора, объявляясь рядом. — Что с тобой?

— Ничего, — стёр слёзы, выступившие на глазах, всё ещё глядя принцу вослед. — Совершенно ничего.

Глава 17.5. Глазами принца: свидетельство его страсти

Он всё слышал. Только эта мысль и звенела в голове. Он всё знал. Втайне я надеялся, что однажды ноги приведут чёрного рыцаря в этот паб. Такова неизбежность для всех, кто хоть чего-то стоил — присоединиться к уважаемым членам общества и стать таким же как они. Но, вопреки мечтаниям, ожиданиям, я оказался не готов. Глаза цвета первой весенней зелени уставились на меня, а затем... затем... что?

Поцелуй... короткий и мимолётный как летний ветер, дарующий лишь мгновенную, обманчивую прохладу, затем давая нещадному солнцу захватить нас в свою палящую тюрьму. Ощувив прикосновение столь желанных губ, я целую секунду не дышал. Но Вас Ха не позволил мне и слова вымолвить, он просто сбежал как трус. Я обернулся, наблюдая как бесформенный балахон на его плечах скрывался за дверью. И опустошённо откинулся на спинку стула, схватив полупустой кубок.

Вертел сосуд в руках, наблюдая как на свету переливалось вино. Напиток тридцатилетней выдержки, вкус которого Вас Ха унёс на своих губах. Эта мысль заставила меня улыбнуться.

— Полагаю, теперь ты доволен, — проговорил Шин, отставляя в сторону вилку и отодвигая ещё не до конца початую тарелку. — Твои чаяния наконец-то осуществились.

В его голосе слышалось плохо скрываемое уныние.

— Как же ты ошибаешься, дорогой друг, — вздохнул я, отрывая взгляд от вина. — Вас просто воспользовался моментом, кто угодно на его место поступил бы точно так же. Но это не значит, что его порыв был искренним.

— Получается, ты в это не веришь? — с облегчением откликнулся Шин.

— Я вовсе не наивен, — я придал своему голосу цинизма и залпом осушил кубок.

Мы с Шином ещё какое-то время просидели в «Золотой рыбке», но разговор не ладился, а я не мог сосредоточиться ни на одной из тем. Оставив паб раньше обычного, направился в дом наместника, мой дом. Порой хотелось переселиться в рыцарские казармы, чтобы чаще без всякой особой или попросту выдуманной причины видеть Васу. Но такую привилегию не мог себе позволить наместник города.

Жалкий, бессильный наместник, высокий и красивый по меркам Империи принц, умелый воин, неспособный взволновать сердце варвара-островитянина, на которого большинство бы и не взглянули настолько мелок и немужественен он был. Чем-то напоминал раба для удовольствия, только глаза совсем другие, такие яростные, пронзающие как стрела, смертельные, словно яд. А язык своей остротой запросто мог поспорить с холодным оружейным лезвием.

Ложась в постель, я стискивал косичку Васу, прижал её к ноздрям. Зажмурился, представляя, что чёрный рыцарь здесь рядом со мной, а его плащ висел по соседству с красным. Эта спальня слишком велика для меня одного.

Открыв глаза, спрятал косичку под подушку и лёг, уставившись в потолок. Мне хватало власти и влияния, чтобы сделать Васу своим любовником. Тогда я бы получил всё, что хотел... практически, кроме его любви. Высокопоставленным персонам свойственно заводить любовников, которым падали самые сочные и жирные объедки с их столов. Но Вас

не из тех, кто довольствовался объедками. Он не станет мило улыбаться, притворяясь, и лгать лишь ради крох привилегий.

Поцелуй, чей след всё ещё обжигал губы, впрочем, говорил об обратном. Хотя это могло оказаться мстью за проигранный поединок и обрезанные волосы. Это хорошо объясняло, почему он так быстро сбежал.

Я повернулся на бок.

Ни в коем случае нельзя показывать, что меня его поступок задел. Маска равнодушия, как и всегда. Ничто не способно поколебать принца Ари Зеля, ничто и никто.

Смыкая веки, не переставал представлять какой бы могла стать сцена в пабе, успею я схватить Васа за руку. Мне снились сладко-горькие сны, в которых вся нежность, которую подарил мне обожаемый чёрный рыцарь, была всего лишь ложью. И я плакал во сне, не переставая благодарить Бога за то, что всё-таки смог испытать, несмотря на неизбежную боль.

Утро выдалось паршивым, а под глазами залегли тени. Маскирующая мазь их скрывала. Домашний раб расчесал волосы и заплёл косу. Вставив в мочку левого уха золотую серёжку в виде воронова пера, я оказался готов к встрече с ним.

«Просто будь собой, просто будь собой», — твердил себе без остановки, пересекая улицу и останавливаясь напротив Васа. Мой холодный монолог должен был поубавить его пыл. Развернувшись и удалившись, в этот раз я лишил его возможности защититься. И чувствовал какое-то мрачное удовлетворение вперемешку с любовной тоской.

Несколько позже заглянул к штабному бежевому рыцарю узнать о количестве новобранцев и их подготовке. Этот повидавший немало сражений старик умудрился не только заполучить своё место, но и закрепиться на нём, избавившись от всякого риска потерять плащ или жизнь. Вот уже десять лет он занимал кресло за этим столом, с самого дня захвата города, и выполнял нудную для всякого другого человека канцелярскую работу.

Кое-как расположившись на неудобном стуле напротив бежевого рыцаря, я стал просматривать скучные по своему содержанию отчёты. Давно стоило завести помощника, который бы занимался подобной чепухой вместо меня, но всё подходящего человека не находилось. Воины редко склонны к возне с бумажками, а полумужу такую ответственность доверять нельзя.

— Между прочим, — подал голос бежевый рыцарь, и я охотно оторвал взгляд от бумаг, — недавно ко мне наведывался ваш чёрный рыцарь Вас Ха и просил о переводе в другой город.

— Что? — эта новость меня огорошила.

— Я не вижу препятствий для отказа, но решил спросить у вас, принц, всё-таки вашей волей островитянин стал солдатом императорской армии.

Отложив пачку бумаг, которую уже не имел сил дочитывать, небрежно махнул рукой:

— Коли ему недостаточно моего расположения и той ответственности, которая была возложена на плечи по управлению отрядом самых замечательных воинов, то пусть катится ко всем чертям.

Штабной рыцарь кивнул, не поднимая глаз и не отрываясь от документа, который писал. А мне стало необъяснимо паршиво.

Последующие обязанности красного рыцаря оказалось выполнить гораздо труднее. Начинала раскалываться голова, и я вернулся домой, решив приступить к менее обременительным делам наместника. В приёмной зале было душно, и я велел широко

открыть окна. Расстегнул верхние пуговицы на камзоле, чтобы хоть немного ощутить кожей прохладу.

— Солдат императорской армии с донесением! — возвестил дворецкий.

Поудобней расположившись в кресле наместника, я приготовился принимать очередной отчёт. Стремительно пройдя внутрь, солдат глубоко и почтительно поклонился, сразу же начав говорить:

— Ваша милость, нам удалось разобраться, как именно исчезли двести рабов из мраморного карьера.

Я вопросительно поднял брови, не утруждая себя вопросом.

— Мы опросили рабов, прежде работавших на этой каменоломне из тех, кто остался в живых. Они рассказали о старом, заваленном камнями проходе. Его расчистили. Сам проход выходит напрямик на другую сторону гор. Однако рабов там не оказалось. Наверное, успели уйти дальше. Стоит ли продолжать поиски?

Подложив кулак под щеку, я уставился в открытое окно на маленькую птичку, сидящую на ветке дерева и мирно чистившую пёрышки.

— Насколько мне известно, — проговорил я лениво, — эти горы являют собой границу Империи, за пределами которой легко наткнуться на республиканцев. Слишком велик риск. Оно того не стоит, к тому же от этих рабов всё равно были одни убытки.

— Их хозяин точно не останется доволен, — заметил солдат с улыбкой облегчения.

— Из-за прекращения поставок мрамора в ближайшее время, здание порта будет строится ещё лет десять вместо запланированных пяти. Обе стороны в проигрыше.

— Так и передать?

— Именно так.

Ещё раз низко поклонившись, солдат спешно удалился.

— Чёрный рыцарь императорской армии с аудиенцией! — подал голос дворецкий, явно не собиравшийся давать мне передышку.

Следующий гость вошёл неспешно, и я не сразу удостоил его хоть каплей внимания. Но когда всё-таки повернул голову, то напрягся всем телом, живо выпрямляясь в кресле. Остановившись в нескольких шагах от возвышения, Вас поклонился, положив ладонь в области сердца.

— Я решил, что должен лично доложить вам о своём переводе в другой город, — проговорил он ровно. — Бежевый рыцарь сообщил мне о вашем одобрении, несколько удивившем меня. Но, уверен, так будет лучше.

— Конечно же, — с напускной бравадой откликнулся я, но искусственный пыл сразу потух, и повторил уже куда тише. — Конечно же... Когда ты уезжаешь?

— Через пару дней.

— Тогда, — ноги перестали подчиняться здравому рассудку, и, спустившись вниз, я крепко обхватил Вас руками, прижимая к своей груди, — позволь обнять тебя напоследок.

Зажмурившись, я наслаждался этим моментом, одновременно ощущая, как стремительно стучащее в груди сердце рвалось в клочья от неизбежности горького расставания. Но, свесив руки вдоль тела, Вас не спешил обнимать в ответ, вместо этого он произнёс:

— Не понять мне ваших порывов, принц. Твердите о любви, а сами причиняете лишь боль и отворачиваетесь от того, кто бы должен быть вам дорог. Изуродовали лицо, обрезали волосы, не дали отпуск, когда в нём нуждался.

Вас оттолкнул меня. Не сильно, но я недостаточно крепко стоял на ногах, вдруг ослабевших от внезапных обвинительных речей, и рухнул на широкие ступени, ведущие к креслу наместника. Спиной прочувствовал их жёсткость, опёрся ладонями о покрытое ковром дерево, приподнимаясь.

— Я всё думал, — продолжал Вас безжалостно, прожигая меня сердитым взглядом, — что, быть может, вам нравится страдать. Настолько благополучна ваша жизнь, а капля муки расцвечивает монотонные дни. А мне повезло стать вашей игрушкой. Относись вы ко мне как к человеку, то стали бы добрее, потому что чувства есть не у вас одного.

Он отвернулся, обойдя меня, поднялся по ступеням и опустился в кресло с высокой спинкой.

— Ты не можешь занимать это место, — заметил я веско, вставая и приближаясь к чёрному рыцарю так удобно расположившемуся в кресле наместника, словно сидеть на нём его обыденное занятие.

— Почему же? Здесь довольно удобно.

Я вцепился в подлокотники, склоняясь над Васом, глядя в изувеченное заживающей раной лицо. Он не опустил взгляда.

— Прости за боль и этот шрам.

Нагнувшись, попытался его поцеловать, но Вас увернулся и ловко пролез под моей рукой, отступая в сторону.

— Словами тут ничего не исправишь.

— И чем же исправишь? — я обернулся вслед. — Ты заманиваешь меня в ловушку?

— Ловушку... в чём же тогда подвох?

— Не знаю, — честно признался я, изнывая от желания к нему прикоснуться. — Но я вовсе не считаю тебя своей игрушкой, Вас. Это ведь ты бездумно поцеловал меня.

— Разве вы не назвали тот поцелуй убогим?

Не удержался от улыбки, снова приближаясь к нему, и взял за руки. Маленькие, они так легко уместились в моих ладонях.

— Остайся со мной, — попросил я, хотя мог приказать. — Не оставляй город.

— Зачем?

— Потому что я хочу дать тебе шанс полюбить меня, — эти слова дались труднее всего. Привык быть обожаем, даже когда не стремился к подобному и перестал действительно стараться для собственного счастья. Всё давалось легко сыну нынешнего великого Императора. Жизнь обратилась в монотонную рутину без смысла, но теперь я впервые за долгое время увидел свет. Собственную судьбу в этом островитянине, чьи холодные руки сжимал в своих горячих ладонях.

Неожиданно губы Васа растянулись в благодушной улыбке.

— Мне бы этого хотелось, — сказал он без прежней жёсткости и отнял руки, отступая назад, собрался уходить.

Отвернулся, направившись к выходу. Я не мог дать ему уйти так просто. Не хотел отпускать, но кожа на руках всё ещё пылала от недавних прикосновений.

— Однажды вам придётся ответить за этот шрам, принц Ари Зель, — с насмешкой произнёс Вас, обернувшись у самого выхода, и указывая на своё лицо. — Однажды вы ответите абсолютно за всё.

— Очень на это надеюсь, — прошептал я, неотрывно следя, как он переступал порог и исчезал в холле.

Внутри прошёл дворецкий, чтобы сообщить о следующем госте.

— Закрывать двери и никого не впускать, — велел я. — На сегодня приём окончен.

Кивнув с опущенными глазами, слуга-полумуж удалился.

Медленно я стал возвращаться к креслу наместника, но не рискнул сесть в него. Вместо этого опустился рядом на пол и положил раскрытую ладонь на то место, где ещё недавно сидел Вас. Бархатная ткань сохранила тепло его тела. А руки ещё помнили касания его кожи.

Одну за одной я расстегнул пуговицы на ширинке штанов. Мне удалось держаться всё то время, что Вас был здесь рядом со мной, не показывать, как же сильно возбуждён. Но больше не оставалось сил.

В залу никто не войдёт, пока не разрешу. Здесь между древом своей родословной и картой земель, принадлежащих Предвечной Империи, я грезил лишь об одном. Не о власти или богатстве, превышавшем все мыслимые пределы. Не о великих победах или генеральском плаще белого рыцаря, но о странном островитянине, однажды встретившемся мне на сорванной сделке алчного предателя.

— Вас... Вас... Вас Ха... — шептал я сквозь тяжёлое прерывистое дыхание, убажывая себя.

Сегодня был особенный день, и я мог нарисовать в своём воображении его руки вместо своей. Стоило кончить, как разум стал медленно проясняться. Сквозь туманные дымки прорезались очертания дорогого лица. Я и впрямь был неоправданно жесток и оставил эту рану нарочно. А его прекрасные волосы... теперь такие короткие. Пройдёт много времени, прежде чем они снова отрастут.

Раслабившись на полу, не переставал размышлять. Искал способ загладить вину, заслужить его искренний поцелуй. Никогда прежде не приходилось стараться для других, если речь не шла о званиях или дорогих подарках. Но благородный по своей природе Вас не оценит ни того, ни другого.

И меня осенило. Довольная улыбка сковала губы. Я точно знал, как его порадовать! И может быть даже стать немного ближе. Что скрывалось под диковинным, лёгким на вид, но таким прочным доспехом? Обещая себе не строить догадок, не переставал восхищаться приятным персиковым цветом кожи Васа. Так и хотелось съесть всего целиком.

Резкий и громкий стук в дверь прервал блаженные мечты.

— Я же велел не беспокоить! — гневно отозвался я.

— Прошу прощения, принц. Но это ваш друг принц Шин Киран!

Какая нелёгкая его принесла? Я встал, спешно приводя себя в порядок, вытер руку платком и занял кресло наместника.

— Пусть войдёт!

Двери с шумом отворились, впуская порцию пыльного воздуха и праведника им овеянного.

— Это правда? Я слышал, Вас Ха переводится, — начал он, едва показавшись.

— Новости устарели, мой друг. Вас никуда не уезжает.

Расстроенное лицо. Пора бы ему найти себе другой объект для воздыхания.

— Ты выглядишь как-то иначе, — заметил Шин, приглядываясь ко мне.

— Неужели? И как же?

— Преисполненным надежд.

Ничего на это не ответив, я снова повернулся к окну. Птичка успела улететь, но солнечные лучи, проникающие в залу, стали казаться в сто раз ярче, как и сам этот день.

Прежде сжимающееся от ноющей боли сердце взволнованно трепетало, а лица коснулось лёгкое дыхание счастье.

В этот чудесный весенний день я оказался безоглядно влюблён и жаждал верить лишь в благоприятное осуществление своих чаяний. «Однажды вы ответите абсолютно за всё», — сказал Вас, уходя. Что он имел в виду?

— Надеюсь, нечто приятное, — пробормотал себе под нос, проводя указательным пальцем по губам, — и лишь каплю болезненное.

Заметив, что я вовсе перестал обращать на него внимание, Шин удалился. Шаги праведника быстро растаяли в холле, и двери приёмной залы затворились вновь, оставив меня наедине со сладостными мечтами.

Глава 18. Новый старый мир

Начало лета ознаменовалось массовыми отпусками солдат и переходом на лёгкую повседневную форму часто исключавшую полное обмундирование и доспехи, если не шла речь об очередном военном походе. Но с боя в степи прошла уже пара месяцев, а новый не намечался, и в основном все шатались без дела, либо приписывались к той или иной работе, связанной с охраной (большая часть средств от которой, конечно же, текла в городскую казну).

Порт оживился. Хотя работа на стройке и встала, к берегам стали причаливать купцы и прочий люд. Постоялые дворы и таверны заманивали приезжих низкими ценами, и вскоре даже в «Безголовой курице» не осталось свободных комнат. Мола, казалось бы, привыкшего сидеть взаперти, стало всё труднее удерживать в четырёх стенах. При каждом моём посещении он пускался в восторженные монологи о пользе солнечных ванн и купании в как раз потеплевшем море.

Поразительно, как за всего пару недель воняющий рыбой портовый город стал местом праздности, кутежа и даже по-своему расцвёл. Причаливали всё новые лодчонки с цветастыми парусами, но корабль Вайлина Раса выделялся на их фоне как несокрушимый титан среди лилипутов. Богатейший работороговец Предвечной Империи буквально жил на борту, хотя мог позволить себе покои пороскошной. В свободное время я всё старался застать его вне корабля, но удача так ни разу и не улыбнулась, а расспрашивать Ари Зея без веской на то причины не хотелось, чтобы не привлекать к этой теме ненужного внимания.

В очередное безрадостное утро покинув казармы я обнаружил листовку, пришпиленную к наружной стене. На картинке изображались различные виды оружия, формирующие смертоносное кольцо, и сжатый кулак в металлической перчатке в самой середине.

— «Общегородской турнир», — прочитал я вслух, припоминая, как о чём-то подобном шла речь на очередном собрании рыцарей, но в тот момент я настолько сильно ушёл в себя, что упустил практически всё связанное с намечавшимся мероприятием. На мои плечи никаких обязанностей не навесили, и этого было довольно.

— Выпивка и развлечения, — объявляясь у меня за спиной, откликнулся Вальтор изображавший из себя нелепое подобие имперского солдата. — Все без исключения воины и просто охочие получают возможность померяться силами. Кому угодно можно бросить вызов, даже рыцарю любого ранга. А какой-нибудь полумуж сможет стать мужчиной, если одержит пять побед.

— Звучит многообещающе, — скучающим тоном протянул я, направившись в столовую.

Республиканец не отставал. Засунув руки глубоко в карманы штанов, делал вид будто выспрашивал насчёт турнира, а сам задавал наводящие вопросы на самую неприятную для меня тему:

— И как дела с принцем?

— Не всё сразу, — ответил я, борясь с желанием выругаться. После того раза, когда Ари Зель лапал мои руки, пришлось вымыть их три раза с мылом, но и этого оказалось недостаточно, чтобы избавиться от мерзкого ощущения на коже.

— Мне кажется, или вы плохо стараетесь?

Бросив в сторону Вальтора убийственный взгляд, я проговорил громко, чтобы

достигнуть сторонних ушей:

— Займись своими делами, солдат, пока я не влепил тебе взыскание!

Республиканец сразу же отстал, неприятно скуксившись. Я в любой момент мог отказаться работать с ним и его страной и даже просто выдать личность шпиона красному рыцарю. Не стоило этому таракану быть таким назойливым. Как будто у меня и своих проблем не хватало.

Нагрузив поднос завтраком, состоящим из свежей булочки с изюмом, положенной только рыцарям, и яичницы, я отыскал серую шевелюру Адигоры и опустил на жёсткий стул напротив стражницы. Она задумчиво глядела в окно, кроша в длинных пальцах чёрный хлеб.

— Что у тебя на уме? — поинтересовался я.

Адигора повернула голову в мою сторону:

— Даже чёрному рыцарю не под силу попасть на борт корабля работорговца, — взгляд упал на крошки, и она стала формировать из них гору.

— И что же нам с этим делать? — протянул я, без аппетита вгрызаясь в тёплую булочку. Отдал бы её Адигоре, но она ненавидела изюм. — Вайлин Рас вдвойне не доверяет лично мне, потому что считает меня связанной с его беглой рабыней. Он довольно сообразителен.

Закончив с хлебной горой, Адигора стала слеплять крошки, превращая их в чёрный ком теста.

— Я брошу ему вызов на турнире, а ты проберёшься на корабль, убьёшь барса и сломаешь замок на дверях каюты.

— Сражение со стариком и калекой, — я взглянул на рвущуюся в бой стражницу с недоверием. — Он почует подвох и сможет запросто отказаться, не боясь сойти за труса.

Уставшей от бездействия подругой двигала жажда мести за Ракушку и всех пострадавших женщин. Она не меньше меня желала расквитаться с Вайлином Расом, но на земле головорезов мы были скованны законом Империи, ревностно защищавшей своих верных чудовищ.

Адигора раздражённо подёрнула плечами:

— Какие ещё варианты?

— Ты определённо должен научить меня этому диковинному языку, — прозвучал ясный голос над моей головой и тёплое дыхание с запахом мяты защекотало щёку. — Как же любопытно, о чём вы там шепчетесь.

Парфюм Ари Зеля заполнил ноздри, стоило, впрочем, отдать должное, запах был довольно приятный. Принц навис сверху, положив ладонь на столешницу, но я не спешил повернуть голову, чтобы встретится с ним взглядом.

— Моему приятелю интересно ремесло работорговца. Это и обсуждаем. Хотелось бы, конечно, расспросить самогó знаменитого работорговца, обосновавшегося в порту, но дружелюбным человеком его не назовёшь.

— Этот сыч живёт затворником и предпочитает не являться без крайне нужды даже к наместнику. Только записочки передаёт, — беззаботно болтал принц, садясь на соседний с моим стул. — Хотя наше бывшее соглашение под вопросом после того, как выяснилось, сколь непокорны и безумны рабы из неизведанных земель. Но Вайлин убеждает меня, будто там водятся ещё такие же как эта беглая птица, наделённые удивительными способностями, которые непременно подарят Империи преимущество в бесконечной войне с Республикой.

— И что же он его ещё не поймал? — поинтересовался я осторожно.

— Отправил охотника за рабами по следу, тот из-под земли достанет, — наместник не сводил с меня пристального взгляда, а я это отлично чувствовал, всё ещё никак не реагируя.

Нога Адигоры настойчиво пнула моё колено под столом. Я, наконец, посмотрел на принца, улыбнувшегося крохе внимания своего обожаемого чёрного рыцаря.

— Увидимся позже, — сказал он, вставая. — Нужно закончить ещё кое-что крайне важное.

— Жду с нетерпением, — откликнулся я, потирая ушибленную ногу.

— Ощущение будто тебя пытаются, — заметила Адигора.

Хотел огрызнуться, но не стал, наши отношения и так натянутые после злосчастного вечера признаний. Поссориться ещё не хватало.

Однако весть об охотнике за рабами встревожила нас обеих. Известно, что это единственный вид наёмников, продолживший своё существование после принятия закона о найме имперских солдат, более невозможного в обход высшего командования, что вынуждало многих продлевать срок собственной службы, подписывая с Империей новые договора. Пожизненная кабала так называемых свободных людей. Но рабы постоянно сбегали в основном от очень жестоких господ (по сравнению с которыми Олли Мот показался бы образцом заботы и ласки), стремясь, впрочем, не к свободе, а желая обрести добрых хозяев. И кто-то должен был их ловить или убивать на месте, в зависимости от предпочтений нанимателя. Но Вайлину Расу чудесная Соль нужна была живой, пусть лишь немного, но эта мысль утешала.

Колено ныло от недавнего пинка. Точно останется синяк. Кажется, будто Адигора вложила в удар всю свою злость, и всё-таки она была права. Если Ари Зель столь много выложил мне, ещё когда эти неприятные отношения находились в зачатке, то что он расскажет, стерпи я нечто большее? Как стать ближе, едва сдерживая накатывающие волны омерзения? Мне стоило научиться относиться к этому проще.

Погрузившись в пучины сомнений и борьбы с самим собой, я упустил момент, когда Адигора оставила меня одного. На её подносе так и лежал ком теста похожий на гору. И она тосковала по дому, хоть и не делилась своими чувствами со мной. Никогда не открывалась. Я почему-то не сомневался, что с другими стражницами она точно такая же. Влияние моей второй матери, возвращающей сильную и независимую личность? Но и таким бывает необходимо выговориться или обнять кого-то, уметь довериться. Адигора — одинокая гора. Если бы только в моих силах было изменить судьбу, предначертанную этим именем. Проживая дни рядом с Адигорой, я ни разу не осмелился к ней прикоснуться, а когда это всё-таки случилось, лишь отдалил её от себя. И за что такие напасти? Взаимная любовь реальный ли ты зверь или явился из сказок, чтобы неизменно больно стукать нас головой о землю, когда мы падали с небес?

Крики, доносящиеся снаружи, прервали не самые приятные измышления, заставив вернуться в малоприятную реальность. Покончив с завтраком, я вышел наружу, только теперь разобрав смысл восторженных воплей.

— Кто это такой?!

— Почему он ещё не в нашей армии?

— Десять из десяти с самой высокой дальности, вы не шутите?!

Солдаты бежали к стрельбищу, едва ли не спотыкаясь. Турнир уже начался, и армейский район наводнила дерзкая и горячая молодёжь, ожидающая скорой службы и обещанной неизбежной славы. Им под расписку выдавали оружие со склада. Я решил

посмотреть поближе вокруг чего столько шума.

Соревнующиеся друг с другом юноши сформировали длинную очередь, нетерпеливо сжимая казённые луки. Я обошёл и их и толпу зевак. Пришлось даже тыкать некоторым в лицо чёрным плащом, чтобы пропустили ближе к стрельбищу, настолько увлечены оказались представленным зрелищем.

— Кто рискнёт сбить яблоко с головы этого храброго молодца?! — обратился к вышедшим на изготовку лучникам солдат, отвечающий за данный вид соревнования между юношами. Его взгляд скользнул по мявшимся в нерешительности и испуге участникам и замер на лучнике, стоящем с левого дальнего края, но со своего места я не видел ни лица, ни фигуры паренька.

На дальнем расстоянии, так что едва вырисовывалось красное пятно спелого яблока, стоял другой солдат с целью на макушке.

Стрела, пущенная с левого края, стремительно рассекла воздух. Зрители затаили дыхание. А уже через секунду тот самый смельчак с яблоком, из середины которого торчало древко, бежал со всех ног, крича впопыхах:

— Я живой, живой!

Толпа разразилась аплодисментами.

— Как твоё имя, искусный юноша? — поинтересовался организатор. — Выйди к нам и покажи своё лицо.

Мягкие шаги приминали сочную траву, пока он ступал по ней скрытый плащом с капюшоном. Я сразу узнал эти сапоги, но несмотря на вспыхнувшее негодование, терпеливо ожидал исхода.

Малка скинула капюшон с головы, длинная чёлка выбилась из-за уха, и она спешно убрала её обратно. Два раза благодарно поклонилась рукоплескавшей ей толпе.

— С вашего позволения, мне бы хотелось забрать свою стрелу, — с улыбкой заметила она, отнимая фрукт с воткнутым в него наконечником и откусывая спелый кусочек. — Насколько мне известно, чтобы получить награду необязательно называть имя, — повернулась к организатору, вручившему победительнице мешочек с серебром.

— Он лучший, — болтали вокруг, благоговая, юноши. — Никому точно не переплюнуть. Кто-то с досадой швырнул казённый лук, ударив его об землю.

— Эй, не обращай так с чужой собственностью! — выкрикнул солдат сердито, но я уже покидал толпу, следуя за Малкой, снова скрывшейся в тени капюшона.

Я схватил её за предплечье как раз у выхода из армейского района. Резко обернувшись, она замахнулась стрелой, испачканной в яблочном соке, явно намереваясь проткнуть мне глаз, но замерла, когда до зрачка оставалось расстояние не толще мизинца. На будущее: никогда внезапно не хватать вооружённых людей.

— Васха, — улыбнулась лучница радостно. — Я как раз искала тебя или Адигору. Но мне постоянно указывали на каких-то других чёрных рыцарей, а потом...

— ... тебя занесло на стрельбище, — закончил я предложение. — Разве не знаешь, что вас разыскивают?

— Ну, да, — она заткнула стрелу обратно за пояс, — но только троих островитян. Никто не станет обращать внимания на одиночку.

— Если нарочито не привлекать к себе внимание.

Улыбка Малки стала виноватой. Было видно, что она просто не смогла ничего с собой поделаться, когда выдалась такая великолепная возможность продемонстрировать свои

навыки. Да и ругать за уже содеянное всё равно бесполезно.

— Что ты вообще делаешь в Аризеле? — удивился я.

— Пришла кое-что сообщить. Но хорошо бы сперва ещё и Адигору найти, чтобы два раза не повторять.

— Думаю, она пошла проведать Мола.

— Что ещё за Мол?

— Это длинная история. Расскажу по дороге.

Выражение лица Малки почти не менялось на протяжении моего короткого рассказа. Так или иначе, я не мог долго скрывать проступок Ром, и рано или поздно все бы о нём узнали. Но, вопреки ожиданиям, Малка не восприняла это остро или негативно, а даже наоборот.

— Какие пустяки, Васха. Мы потеряли больше людей, чем имперцы когда-либо смогут возместить. А этот Мол цел и невредим, так? В отличие от жительниц Ракушки, часть которых нуждается в серьёзном лечении после тяжёлых работ на каменоломнях.

— Но Ром не должна была... — пытался возразить я, но по упрямой жестокости на лице Малки понял, что моим словам не пробиться через эту стену, и замолчал.

Стоило приблизиться к дверям «Безголовой курицы», как я чуть не оказался сбит с ног выскочившей наружу Адигорой.

— Мол ушёл, — сообщила она встревоженно, завидев нас, не особенно удивилась внезапному явлению лучницы, пробормотавшей под нос «скатертью дорожка».

— Что значит ушёл?

— Стащил ключ у горбуна, пока тот дремал. Обычно он всегда прятал ключ, но в этот раз слишком устал и забыл.

— Не удивлюсь, если Мол его нарочно загонял. Нужно отыскать парнишку.

— Зачем это? — подала голос возмущённая Малка. — Может лучше меня выслушаете? Я принесла сообщение от Соль, — посмотрела на Адигору, — и Ром.

— Он попадёт в беду, — настоял я на своём. — Можешь не помогать, если не хочешь. Просто подожди внутри, закажи себе что-нибудь на выигранные деньги.

Пожав плечами, Малка вошла в «Безголовую курицу» и демонстративно хлопнула дверь. Долго не думая, мы разделились, решив проверить наиболее привлекательные места для раба, лучше знакомого с четырьмя стенами, нежели с миром. Рынок и море. Адигора отправилась к лавке кондитера, а я прямым в порт.

Вполне взрослый парнишка на поверку обладал опытом и кругозором психически искалеченного ребёнка. Обученный с ранних лет своей роли, он не имел понятия о чём-то ином. И, конечно, не ведал об опасностях, ожидающих раба вроде него на улицах города, полного вооружённых мужчин. Хотя с хилым тельцем Мола и полумуж бы справился.

Охваченный самыми мрачными думами, я не на шутку перепугался и чуть ли не бежал, сбивая с ног случайных прохожих, среди которых, к счастью, не оказалось ни одного рыцаря. Наверное, все заняты на турнире.

Порт наводнили толпы народа. Как раз причалил корабль со свежей порцией отдыхающих, приплывших позагорать, поплавать и запастись ракушками для своих знакомых. Но между толкающихся плеч и спин я разглядел длинные, украшенные бусинками, волосы и тонкую фигурку, увлекаемую куда-то двумя высокими и мускулистыми мужчинами.

Стараясь не потерять их из виду, я бросился следом. Успел отдавить кому-то ногу и

получить порцию брани от приезжего чёрного рыцаря, чью гражданскую одежду дополнял шёлковый плащ.

Зайдя за поворот покинутого рабочими недостроенного здания порта, я остановился. Двое дочерна загорелых моряков в полосатых майках стояли по бокам от Вайлина Раса, гладившего голову довольного Мола.

— Ваш малыш? — поинтересовался работорговец, обращаясь к внезапно появившемуся запыхавшемуся мне.

— Мой. Мол, иди сюда, — позвал я, протягивая руку.

— Какой же чёрный рыцарь может позволить себе личного раба для удовольствия? — задавался вопросом Вайлин Рас, глядя на меня с неприкрытой враждебностью. Мол сразу же прибежал ко мне и встал рядом, схватившись за руку.

— Я любовник наместника, и не такое могу себе позволить, — холодно отозвался я, ощутив, как ногти парнишки впились в мою ладонь.

Работорговец ничего на это не ответил, обходя нас вместе со своими людьми и смешиваясь с толпой. Выглянув из-за поворота, я мог наблюдать, как Вайлин Рас возвращался к кораблю, могучие моряки расчищали ему путь, и поднимался на борт, тяжело переставляя деревянную ногу.

Повернувшись к Молу, я только теперь заметил, что всё это время он не сводил с меня широко открытых глаз.

— Не стоило сбегать.

— Я бы вернулся. Просто хотел увидеть море. Я в городе уже долго, но ни разу его не видел, потому что был привезён по суше.

Отпустив руку, я схватил Мола за плечи, глядя в опечаленные глаза. Почему-то моя ложь, адресованная работорговцу, его расстроила.

— Никогда больше так не поступай, — велел я мягко. — Настанет время и тебе больше не придётся сидеть взаперти. Просто нужно потерпеть, понимаешь?

Но Мол, казалось, вовсе и не слушал:

— Поэтому вы не хотите трогать меня? Из-за наместника? Он вам нравится больше? Но ведь это нормально спать и с рабом тоже.

Тяжёлый вздох вырвался из моей груди. Я посмотрел за спину Мола, задумавшись в том, что могло привести сюда Вайлина Раса. Но ничего и никого не увидел в пустом переулке. Может у него была назначена здесь встреча. Но с кем? И почему за пределами корабля?

— Какой жуткий шрам на вашем лице, — охнул Мол, намереваясь коснуться изуродованной кожи. — Откуда он взялся?

Я рефлекторно отшатнулся от чужой руки. Такая реакция ещё сильнее расстроила парнишку, и, отвернувшись, он убежал в глубину того самого переулка, вынудив меня броситься следом за ним. Арчи бы точно знал, как справиться с рабом, видевшим смысл жизни лишь в удовлетворении желаний хозяина, жаль его не было сейчас рядом со мной.

На не натренированных ногах, знающих только ходьбу по комнате, Мол не мог далеко убежать. Но остановила его вовсе не слабость, а чужая спина, в которую парень врезался, не глядя куда несётся. Широкая, обтянутая вываренной кожей грязного серого цвета. Её обладатель обернулся, и, завидев виновника столкновения, схватил его за тонкую шею, подняв над землёй. Мол отчаянно заскреб пальцами грубую ладонь, задрывав ногами. Он медленно задыхался. Но мужчина душил вовсе не с намерением убить, потому что в противном случае просто сломал бы хрупкую шею.

— Убери свои руки! — угрожающе рявкнул я, обнажая Велимир.

Незнакомец опустил руку, разжав хватку, и повернул ко мне отягощённые мешками глаза. У меня от этого тёмного тяжёлого взгляда мурашки по коже пробежали. Мол упал на четвереньки, закашлявшись.

— Драка ни к чему, — заметил незнакомец сиплым голосом. — Я просто играл с вашим рабом. Могу заплатить, если угодно?

— Разве это не жестокое обращение с чужой собственностью? — дрожащим от ярости голосом поинтересовался я, всё ещё направляя на него острие.

— Когда сбежит в следующий раз, найду и приведу бесплатно, — спокойно ответил мужчина и, покопавшись в своей поясной сумке, вынул сложенный пополам листок из шершавой дешёвой бумаги, протянув мне. Добавил с садистской усмешкой: — Целым.

Я взял листок свободной рукой и расправил его. Прочитал вслух:

— «Тимас Шру — выдающийся охотник за рабами», — под именем был приписан адрес, куда стоило отправлять письма с заказами.

Когда поднял взгляд, охотник уже уходил, демонстрируя свою спину. Поступь у него была тяжёлая, а спутанные блеклые чёрные волосы длиной до половины спины лежали неаккуратной косичкой, с торчащими во все стороны волосками. Странно то, что мужчина оказался не вооружён. Хотя с таким обликом никому не нужно доказывать свою мужественность.

Спрятав Велимир обратно в ножны, я протянул руку Молу, но тот её проигнорировал и встал сам, больше не пытаясь ко мне прикоснуться. На его шее остался жуткий красный след, вскоре рисковавший превратиться в отёк.

— Нужно приложить льда, — заметил я.

Никак на это не отреагировав, Мол просто стоял, потупив взор, но больше не пытался сбежать. Мы благополучно добрались до «Безголовой курицы», и он сам поднялся на второй этаж. Малка, сидевшая за столом, посреди которого блестел жиром запечённый гусь с яблоками, проводила парня внимательным взглядом.

Я устало опустил голову напротив неё, всё ещё сжимая между пальцев листовку, и показал её лучнице:

— Он охотится за Соль. И, судя по всему, нет причин кроме смерти способных остановить это чудовище.

Сверху неожиданно спустилась Адигора. Она присоединилась к нам.

— Хорошо, что нашёлся, но вид у него просто жуткий, — заметила стражница.

— Горбун позаботится о Моле. В порту я столкнулась с охотником за рабами, с которым встречался Вайлин Рас. Страшный человек.

Мы с Адигорой мрачно переглянулись. Всё-таки быть пугающим даже по меркам Предвечной Империи это значило выйти за рамки всех мыслимых представлений о зле.

— Так, хватит уже грозных прогнозов, — постаралась развеять напряжённую атмосферу Малка, терзающая ножом гуся. — У меня для вас новости, забыли? Всем женщинам удалось спрятаться в пещерах у моря. Рыбы вдоволь, источник пресной воды тоже есть неподалёку. Ещё Соль отправила по морю бутылку с посланием в Жемчужину. Его обязательно найдут и перешлют дальше, пока оно не попадёт в руки Новже. И наше подкрепление вскоре окажется на имперских берегах.

— Если только Новже удалось сформировать это подкрепление, — откликнулся я безрадостно, наблюдая, как Малка использовала стрелу вместо вилки. Когда только

задумывал весь этот план, казалось, что осуществить его легко и просто. Но в действительности слишком много взвалил на плечи лучшей подруги, требуя от неё невероятных усилий и ожидая изумительных результатов, которыми и сам не мог похвастаться. Правда в том, что не было в жизни ничего лёгкого и простого.

— А что за сообщение от Ром? — напомнила Адигора.

Малка на секунду оторвалась от трапезы, приняв скорбный вид, изрекла:

— Она очень сожалеет.

Судя по ставшему суровым лицу Адигоры это извинение ничего не изменило.

— Не оборачивайся, — предупредила стражница, вдруг низко опуская голову и пряча лицо за остатками гуся.

Не шелохнувшись, я прислушался. С говором солдат и приезжих смешивалась незнакомая речь. Использующие её чужеземцы заняли соседний с нашим стол прямо позади меня. «Не может быть», — подумал я с замирающим от страха сердцем. Почему именно сейчас?

Один из них, отделившись от товарищей, приблизился к стойке, чтобы сделать заказ. Сейчас там работал приятный на вид и вежливый полумуж, вместо вечно краснеющего от недовольства хозяина таверны. Может тот тоже решил устроить себе отпуск?

Незнакомец попал в моё поле зрения. Он был громким, почти как Димбо, и говорил на прескверном имперском:

— Мы прямиком с Острова! Я и мои друзья. Иметься здесь какая-нибудь ядрёная выпивка? И хорошо прожаренное мясо, — приняхавшись к воздуху, обернулся, окинув взглядом наш стол. — Птицу, такую! — показал на гуся пальцем, улыбнувшись.

От увиденного я вскочил на ноги. Широко открыв глаза, просто пялился на островитянина, ничем не отличавшегося от... меня. Хлопковая ткань платья длиной до колен с широкими рукавами обтягивала женские груди, а круглое безбородое лицо окаймляли чёрные волосы до плеч, меж локонов которых торчал подвявший цветок.

Островитянка уже отвернулась, когда Адигора дёрнула меня за рукав и строго посмотрела в ошарашенное лицо. Тяжело опустившись обратно на стул, я чувствовал, как весь мир перевернулся с ног на голову в единый миг.

— Арчи рассказывал, что они добровольно сдались Империи, — вспомнилось мне. — Неужели никто не оказалась обращена в рабство? Как такое возможно?

Я пристальней взглянул на островитянку, когда она, закончив с заказом, возвращалась к столу. Выглядела счастливой, довольной жизнью. Без брони, совершенно безоружная. В голове всё спуталось, а потом нашло внезапное озарение. Да такое, что захотелось провалиться сквозь землю.

— Ари Зель знает, что я женщина. Просто на их языке это «островитянин», — мози лихорадочно соображал. Почему тогда он устроил целое представление с Соль? Просто хотел задеть меня и раньше такое проворачивал. Впрочем, мог прежде и не сталкиваться с островитянами, а лишь слышать о них, вот и проявил любознательность, если можно так выразиться.

Но главный вопрос оставался открытым: на каких условиях островитянки сдались Империи? И почему, несмотря на очевидную схожесть, мы настолько разные, что одних обращали в рабство, а другие ходили по землям Империи свободно и заказывали себе еду?

— Мы не можем заговорить с ними и выдать себя, — веско заметила Адигора, видя мою внутреннюю борьбу, ярко отпечатавшуюся на лице.

— Знаю, — процедил я сквозь зубы, спиной ощущая присутствие тех, кого мысленно уже окрестил предательницами. Но я не должен был так думать. Их культура могла отличаться от нашей. Так сильно хотелось понять происходящее. Знал ли Арчи, уговоривший нас изображать островитян? Возможно знал, но не сказал, потому что это всё бы только запутало. Но скольких ужасных ситуация можно было бы избежать... Лучше спросить у него самого, чем гадать попусту.

Вайлин Рас прозвал нас недомужами. Для всех в Империи мы и близко не походили на островитян. В чём же разница? Я грустно рассмеялся. Столько времени и сил потрачено на обвязку груди, на сокрытие пола любой ценой. Ради чего эти ухищрения?

— Больше не стану притворяться, — принял я решение, поднимаясь и направляясь к выходу из «Безголовой курицы».

Шагая, не глядя куда, я пытался уложить в голове открывшуюся тайну, известную всем вокруг кроме нас. И прокручивал прошлые события, приходя к новым откровениям. В имперском языке не существовало женского рода, которым бы обозначали одушевлённых существ. А Острова присоединились недавно и не успели оказать влияние на чужой язык, если женщины вообще охотно покидали границы обжитых территорий. Да и кто бы стал придумывать особое обозначение в ладно работающей системе? Ведь здесь мужчиной считался тот, кто сражался на войне, а остальное не имело никакого значения. По крайней мере, пока.

Тело охватил озноб.

— Пора перестать думать о себе в мужском роде, — пробормотал себе под нос. — Это неправильно, — теперь я это понимал.

Васха — женщина, родом из Светлого края из города под названием Быстроречье, дочь своих обеих матерей, младшая сестра двум непутёвым сестрицам, верная подруга и грозная воительница, любящая временами подержать в руках швейную иглу. Я — Васха, а не островитянин или имперец. И я верну своих людей домой.

Глава 19. Исповедь после бала

Тем же вечером в казармы прислали парадный костюм, вручив прямо мне в руки вместе с приглашением на так называемый «Рыцарский бал», проводимый в особняке наместника города. Видимо, мероприятие являлось сюрпризом, потому что заранее о нём никто не был извещён, но идти или не идти выбор, конечно, не стоял, не только для меня, вообще ни для кого.

Снимая доспехи, уже успевшие превратиться в подобие второй кожи, я также избавилась от широкого бинта, стягивающего грудь под рубахой, дышать стало легче в разы. И только потом надела бело-чёрный мундир, с усилием застегнув золотистые пуговицы на груди. Имперские портные, непривыкшие шить одежду для женщин, не рассчитали одну маленькую, ну, так и быть, не такую уж и маленькую деталь. И обтянутая плотной тканью грудь выпирала, буквально бросалась в глаза непривыкшим к подобному зрелищу. В остальном костюме хорошо сидел, подчёркивая широкие плечи. И длина штанов подошла.

Осталось только закрепить чёрный шёлковый плащ и можно идти навстречу судьбе. Но мысль о том, что Ари Зель всё знал ещё с нашего разговора в допросной, не давала покоя. Стоило с этим разобраться.

Покинув комнату, я сразу начала ловить на себе несколько шокированные взгляды проходящих мимо солдат. Они просто не привыкли видеть своего островного чёрного рыцаря таким... объёмным (бинты, зипун и панцирь ладно сглаживали яркие проявления женственности). Может и наместник тоже отшатнётся и перестанет твердить о собственной страсти, вмиг остынет, заметив насколько я схожа с рабыней из неизведанных земель Соль. Тогда бы планы, связанные с республиканцами, пошли бы прахом, но с другой стороны я бы испытала облегчение, избавившись от прикосновений этого ублюдка.

Шрам, оставленный его мечом на моём лице, так и не сошёл, хоть и быстро зажил, как и прочие раны. Тяжко глядеть в зеркало, имея подобное напоминание о ненавистном тебе человеке. Но это ещё и символ борьбы с тиранией, расплата за спасение жизни Ари Зея. Я в этом погрязла по собственному желанию и не должна жаловаться на последствия сделанного выбора.

Адигора не пожелала мне удачи перед уходом. Она снова куда-то делась, на этот раз вместе с Малкой. Хорошо бы они придумали план, как достать учётную книгу работорговца, но такой, в котором бы мне не пришлось их в очередной раз спасать, по крайней мере, одну из девушек точно.

И без того роскошный особняк наместника оказался украшен венками из красных роз и такого же цвета широкими лентами. Проверив приглашение пара солдат, облачённых в парадные начищенные доспехи, пропустили меня внутрь, а дворецкий отвёл в бальную залу.

Гостеприимно широко открытые двери так и манили зайти внутрь. Играл живой оркестр, столы ломились от закусок, а хрустальные бокалы, наполненные до краёв вином, переливались от света многочисленных канделябров. Один из домашних рабов в глаженном костюмчике с лентой, завязанной бантиком на шее, предложил мне выпить, опустив медный поднос пониже, старался услужить. Я обхватила пальцами ножку бокала, но не торопилась делать глоток.

Всё здесь было отравлено рабским трудом, как начнёшь думать, так ни еда, ни вино в

глотку не полезут и спать спокойно не сможешь. Хотя здешних рыцарей ничего не стесняло. Они пили и смеялись, нагружая тарелки закусками. Приглашала друг друга на танцы. Помимо известных лиц были и незнакомцы, наверное, рыцари из других городов.

Штабной бежевый рыцарь расположился в кресле у самого окна и неторопливо осушал свой бокал, смакуя каждый короткий глоток.

— А вот и ты, — наконец объявился наместник собственной персоной. В серебристом мундире, с шей, украшенной платком с крупным рубином, он блистал. — Вас, прекрасно выглядишь. Рад, что размер подошёл.

Заметив выпирающую грудь, он и глазом не моргнул.

— Разве я не омерзителен? — поинтересовалась я, щурясь.

— Что? — принц от души рассмеялся. — Это из-за тех моих слов?

Я не сводила глаз с его лица, внимательно наблюдая за реакцией.

— Мне на мгновение показалось тогда, что ты симпатизируешь рабу. Вот и всё, — объяснил наместник. — Но он вовсе не был похож на тебя, Вас. Ты — гордый и храбрый воин, а он просто вещь, которую должно использовать и выкинуть. Вы разные, — светло улыбнулся.

Поразительно, как имперцы определяли для себя разницу столь для меня не очевидную. Что Олли Мот, что Ари Зель — всё одно дерьмо, только в разной обёртке. Так же и я ощущала родство с островитянками, о которых совсем ничего не знала.

— Как скажете, принц.

— Ари. Можешь звать меня просто Ари. Всё это, — он охватил переполненную мужчинами залу, — для тебя.

Я залпом осушила бокал с вином, ощутив на языке его терпкий вкус. Напиток оказался крепок. Интересно, сколько нужно выпить, чтобы представить на месте красного рыцаря Адигору? Это бы мне очень помогло. Или нет? Не хочу вдруг оказаться в его постели, а потом не помнить, как это получилось. Аж мурашки побежали по телу. Из-за отпавшей необходимости претворяться мужчиной, моя бдительность значительно ослабла. Но как вели себя влюблённые имперцы? Если судить по Ари Зелю, то как бездушные эгоистичные подонки.

— Я совсем не умею танцевать, — заметила я.

— Поправимая неприятность. К тому же, это совсем несложно.

Согнувшись в учтивом полупоклоне, принц протянул руку, приглашая на танцпол. Не видя объективных причин для отказа, я оказалась вынуждена принять это предложение.

Вокруг нас уже танцевали парочки. Мужчины двигались синхронно, а их движения отзеркаливали движения партнёров. В этом танце они совершенно не касались друг друга, всё же являясь единым целым. Но я оказалась близка к краху. Пару раз запутавшись в ногах, едва не споткнулась, лишь чудом сумев удержаться, всё же сочла себя слишком непригодной для подобных развлечений. Но непрестанно улыбающийся Ари Зель явно наслаждался происходящим.

— Расслабься, Вас, просто позволь музыке стать морем, а твоему телу кораблём, повинующимся его воле.

Занятая запоминанием движений, я всё равно не могла перестать думать, как так вышло, что оказалась именно в этом месте и именно в такой ситуации. Разве не удивительно? Разве не странно? Кто бы предсказал мне это всего несколько месяцев назад, не поверила бы и слову.

Несмотря на своё отвратительное отношение к нижестоящим, полумужам и рабам, принц взял и влюбился в человека отличного от всего, что он видел и знал прежде. Хотя может в этом и заключался главный смысл. В его честь назван целый город, остался всего шаг до белого генеральского плаща. Жизнь пресытила Ари Зеля в такой короткий срок. Вот душа и тянулась к авантюрам.

— Гордость не позволила вам лишиться меня плаща, — заметила я, когда оркестр заиграл уже другую мелодию, и мы отошли выпить по ещё одному бокалу. — Любить обычного солдата вы не способны.

Усмешка отпечаталась на пропитанных вином губах. Он сделал глоток из бокала, но оказался неаккуратен и несколько капель скатились по подбородку, быстро впитавшись в белоснежный воротник рубашки, расцвели на нём алыми цветками.

— Похоже, я вынужден покинуть тебя, Вас. Нужно переодеться.

Он поспешил из зала. Настолько не выносил неопрятность? Оставшись наедине со сборищем напыщенных вояк, хотелось рвать и метать. И я осушила ещё один бокал. Потом ещё. Вино оказалось неожиданно вкусным, а вечер напротив был просто отвратительным.

Раслабившись под действием алкоголя, я опустила в ближайшее мягкое и невероятно комфортное кресло. Мысли и мечты возвращали к Адигоре. Вот с кем бы мне действительно хотелось станцевать, да и парадный мундир смотрелся бы на её статной фигуре куда лучше. Что угодно отдала бы за её улыбку, вместо ухмылки этого павлина, озабоченного лишь собственными прихотями.

Бесполезное времяпрепровождения затягивалось, а Ари Зель всё не возвращался. И я решила сама пойти и проверить его. Настолько безрассудной стала из-за вина и не думала о возможных последствиях уединения с ним. Но и в ином случае ни страх, ни сомнения не покоробили бы меня. Ведь подобное уже случилось в приёмной зале.

Покинув рыцарей, я беспрепятственно поднялась на второй этаж. Дворецкий бросил на меня короткий взгляд, но не стал останавливать. Мне стало действительно любопытно, чем сейчас был занят принц, заставлявший ждать свою почётную гостью.

В коридор, освещённый канделябрами, выходило четыре похожих друг на друга двери. Подойдя к одной из них, я приложила ухо, но не услышала ни звук. Со второй произошло то же самое. А вот за третьей велась оживлённая беседа. Прижав ухо как можно теснее и закрыв второе ладонью, я прислушалась.

— Ты не можешь сделать это и не сделаешь, — сурово и неожиданно твёрдо изрекал праведник, его голос было узнать нетрудно, да и кто ещё мог оказаться в комнате красного рыцаря?

— Почему же? — с явной усмешкой поинтересовался Ари Зель.

— Император не одобрит связь с островитянином. Можно сколько угодно пытаться изображать будто они равные нам, но это лишь временная уловка, ты и сам это знаешь. Когда настанет час, всё переменится. И, думаешь, после всего Вас Ха не отвернётся от тебя?

— Он слишком умён, чтобы не понять, какой дар я ему вручаю. Любое тело бrenно, но этот дух будет оценён Императором по достоинству.

В голосе Шина появились истеричные нотки:

— Ты собираешься прикасаться к этому... этому... существу, но нарочито продолжаешь делать вид, будто ничего не знаешь о моих к тебе чувствах. Собираешься отдать ему всего себя, а я для тебя ничто?!

— Перестань, Шин, как принц может быть ничем? — равнодушно отозвался Ари Зель.

— Довольно...

Разговор прервался, и я припала к замочной скважине, сквозь щёлку наблюдая, как праведник целовал наместника, схватив того за запястья, применив всю ту небольшую силу, которой располагал. Но сдержанно и холодно стерпев поцелуй, Ари Зель только в голос расхохотался.

— Ты явно недооцениваешь мою ненависть к этому телу, Шин, — заметил он непререкаемо и одновременно грустно. — Даже зная всю правду.

Отпрянув от друга, праведник отвернулся, быстро направившись к двери. Я вжалась в стену и, когда дверь распахнулась, лишь увидела спину Шина и руку, которой он стирал слёзы с лица.

Не думая, перешагнула порог комнаты, заперев за собой дверь на замок, дабы не оказаться застигнутой врасплох каким-нибудь скучающим гостем.

— Правду о чём?

Ари Зель стоял перед широко открытым одёжным шкафом и застёгивал последние пуговицы на рубашке. Его косичка немного поистрепалась. Принц выглядел изящно небрежным и одновременно довольно сексуальным для мужчины, но это во мне говорило вино.

Какое-то время он просто внимательно глядел меня, словно раздумывая стоило ли доверять такую тайну Васу или островитянину, или кем он там меня считал, а возможно просто подбирал нужные слова. И затем всё-таки произнёс со своей обычной улыбкой:

— О наших играх с отцом. Он любил своих родных детей исключительной любовью и не забывал нам её демонстрировать, чаще ночами, когда служители отправлялись почивать. Не то чтобы для многочисленной императорской семьи это такой уж исключительный случай или для любой другой семьи, — из груди вырвался тяжёлый вздох. — Но каждый переживает подобное по-разному.

— Значит, не было у тебя никаких рабов для удовольствия, — откликнулась я скорее с прискорбием, чем с радостью.

— Твоё сочувствие, Вас, трогает до самой глубины души.

Несмотря на откровенный сарказм, Ари Зель произнёс это без укора. Может в действительности ему и не нужна была жалость. Не всем нравилось, когда их жалели, пусть порой и невозможно испытывать что-то иное. Но я не могла сочувствовать красному рыцарю, на чьём лице и мускул не дрогнул, когда он договаривался с работорговцем о похищении женщин из Светлого края.

— Ты слышал и остальную часть разговора? — поинтересовался принц как бы между прочим.

— Какую именно?

Уж лгать и изворачиваться я научилась отлично, и напрягаться не приходилось. Поняв, почему именно меня избрал Ари Зель, я всё же была не уверена, что рада открывшейся правде. Но раз пока приходилось играть роль, да и вино всё ещё действовало на рассудок, можно было позволить себе крохотную слабину.

Приблизившись к Ари Зелю, я нежно погладила его гладкую, тщательно выбритую щёку. Он зажмурился, принимая моё прикосновение. И в душе избалованного принца, обладающего всем, что только можно пожелать, нашлось место шрамам.

Он нагнулся, поцеловав меня в губы. Мне лишь оставалось представить на его месте Адигору, будучи пьяной, это оказалось не так уж и тяжело. Тесные объятия, полный чувства,

страстный и жаркий поцелуй. От запаха парфюма принца начинала кружиться голова, всему виной плохое сочетание с алкогольными парами.

Оторвавшись от губ, Ари Зель поцеловал за ухом и стал спускаться вниз по шее, одновременно растёгивая золочёные пуговицы мундира. Наши дыхания становились тяжёлыми и отрывистыми. Остальное же было как в тумане...

Утром продрав веки, ослеплённая солнечными лучами, потревожившими мой крепкий, но путанный сон, я ощутила жуткую головную боль. Обнаружила себя лежащей в постели принца, но вопреки ожиданиям, вполне одетой, в рубаше и штанах, заботливо укрытой одеялом.

Стоило сесть, как голова начала буквально раскалываться. На прикроватном столике обнаружился стакан и записка под ним.

— «Отлично помогает от похмелья», — прочитала я витиеватый аккуратный почерк, заставив себя сразу же проглотить неприятное на вкус густоватое варево.

Как выяснилось после предварительного осмотра, в спальне принца имелся не только одежный шкаф и мягкая двуспальная кровать с балдахинном, но и туалетный столик со всякими принадлежностями, несколькими видами расчёсок и косметикой. Стекланные пузырьки с парфюмерной разноцветной водой пахли по-разному. Но я утрудила только расчёсыванием спутанных волос и умылась тёплой водой, оставленной в металлическом тазике, ополоснула рот особой мятной жидкостью, обнаруженной тут же.

Настенные часы, висящие в коридоре, показывали восемь утра. На час позже моего обычного пробуждения в армейском районе, где, наверное, отряд уже хватился своего чёрного рыцаря. Но вряд ли Адигору всерьёз волновало куда я могла запропасться. Горькая мысль.

Стоило спуститься на первый этаж, как ноздри защекотал запах свежееиспечённых булочек с корицей. Стол оказался накрыт на одного. Домашние слуги спешили услужить почётной гостье наместника, но я быстро их отослала. В доме наместника подавали неразбавленное молоко с жжённым сахаром.

— Доброе утро, господин, — поприветствовал дворецкий, заглядывая в столовую. — Наместник просил передать, что сожалеет, что не смог позавтракать вместе с вами.

Я кивнула, мысленно отблагодарив вино за помощь в своём предприятии по соблазнению красного рыцаря. Всё вышло не так уж и плохо. И я оказалась ближе к разгадке истинного положения Островов.

Расправившись с завтраком и облачившись обратно в праздничный мундир, поспешила в армейский район, чтобы как можно скорее переодеться и не привлекать лишнего внимания прохожих, только и ждущих повода начать разносить очередные сплетни. Да и без Велимира, оттягивающего пояс, ощущала себя всё равно что голой.

Неожиданное столкновение сбilo с ног прямо посреди улицы. И я оказалась лежащей на спине, ушибла затылок. А поверх, положив широкие и тяжёлые мягкие лапы мне на плечи, стоял сумеречный барс по кличке Сабин. С такого близкого расстояния я легко могла разглядеть острые клыки зверя, которому ничего не стоило прямо сейчас вгрызться мне в глотку. Но он просто смотрел, не отрываясь, в мои глаза. В ушах ни с того ни с сего зашумел плеск волн, запахло острым вяленным мясом, а вместо вытянутой гладкой фиолетовой мордочки я увидела привязанную к мачте Адигору.

Уже через мгновение хрупкий образ растворился, а уши снова заполнил городской гомон, да и вяленое мясо никто поблизости не ел.

— Не знаю, как ты это сделал, — проговорила я ошарашенно. — Но зачем ты мне помогаешь? Разве ты не зверь Вайлина Раса?

Голоса, принадлежащие разным людям, обрывки их фраз соединились в единое предложение, прозвучав у меня в голове:

— У... сумеречного барса... нет... хозяев... лишь спутники...

Для меня это почти ничего не прояснило. Сабин спустился на землю, давая подняться.

— Нужно бежать за мечом.

— Нет... времени...

— Серьёзно? — это уже было не смешно. — Только попробуй мне солгать...

Я рванула вслед за барсом напрямиком в порт. И как работорговец смог пленить стражницу? Верилось в это с трудом.

Стоило сравняться со зданием церкви, как я так и замерла на месте. Рядом с кораблём Вайлина Раса на пенистых волнах покачивались два точно таких же, различавшихся лишь цветом парусов. У главного они были блеклого оранжевого цвета, у соседних же сверкали сочными красками. Он дождался. И теперь оставалось лишь загрузить судна провиантом и солдатами красного рыцаря, чтобы отправится за очередной партией рабов на берега Светлого края. Мои кулаки сжались сами собой.

Барс подёргивал ушами, указывая острым носом в сторону корабля работорговца, торопил меня. Какой смысл вообще его слушать? Да ещё и будучи безоружной нестись сломя голову, возможно, на смерть. Но всё-таки я побежала. Ведь там была Адигора, как я могла не побежать?

Вопреки обыкновению, трап не охранялся, и я ступила на него следом за Сабиним, хоть мои шаги и возвещали о приходе посторонней, в отличие от неслышной поступи мягких лап.

— Не стоит так нервничать, парень, — говорил работорговец. — Всего один точный выстрел, и вы получите то, за чем пришли.

Взгляды команды оказались прикованы к действию, происходившему прямо на палубе, и никто не обратил внимание на появление чужачки. Однако все расступались перед Сабиним. Выйдя на расчищенную площадку, я наконец увидела её...

Адигора и правда оказалась привязана к мачте, за одной только разницей, у неё на голове блестело громадное яблоко. Лун, завёрнутый в меховой мешочек, держал какой-то неприятный и полностью волосатый матрос больше похожий на животное, чем на человека. Напротив стражницы в десяти шагах стояла с завязанными чёрной тканью глазами Малка, сжимавшая лук трясущимися руками.

Только сейчас я задумалась, как Сабин вообще узнал, что я с ними знакома? Неужели по запаху? Допустим. Но что делать теперь?

— Вайлин Рас! — позвала я, привлекая к себе внимание. — Что вы тут устроили?

Работорговец, стоящий по левую руку от лучницы, повернул голову. Сначала он взглянул на Сабина и только потом удостоил внимания и меня.

— Какими судьбами на моём корабле, чёрный рыцарь? Не помню, чтобы высылал вам приглашение.

— Боюсь, это я должен получить объяснения, которые вы мне задолжали. Что вы делаете с моим подчинённым солдатом?

Услышав знакомый голос, Малка опустила лук, но Адигора напротив напряглась ещё сильнее и не улыбнулась моему появлению.

— Я ни к чему их не принуждаю, — раздражённо и терпеливо ответил работорговец. —

Застав на своём корабле двух воришек, я проявил милосердие и вместо того, чтобы позвать дозорную службу, предложил им сделку. Если этот парень, — указал на Малку, — попадёт стрелой в яблоко, лежащее на макушке его друга, то они оба получают желаемое. До меня дошли слухи о талантах этого лучника.

Я вздохнула. Очевидно, Адигору связали, чтобы она не увернулась от летящей в её голову стрелы.

— И что же они хотели у вас забрать? — поинтересовалась я, изображая неведение, дабы не выдать свою причастность.

— Учётную книгу, — он с подозрением уставился на меня. — Не знаете, для чего вашему подчинённому моя учётная книга?

— Не имею понятия.

Какое-то время мы молча буравили друг друга взглядами. Вайлин Рас словно бы пытался считать ложь с моего лица, но оказался недостаточно искусен. Однако за короткий срок нашей безмолвной борьбы я успела обдумать план действий.

— В таком случае, позвольте мне засвидетельствовать справедливость данной сделки, — проговорила я и, не дожидаясь согласия, подошла к Малке, положив руку ей на плечо, шепнула на ухо. — Всё будет хорошо. Просто доверься своему внутреннему зрению.

— Какому ещё внутреннему зрению, Васха? Не видно не зги.

— Вы не можете вмешиваться или пытаться помочь, — резко заметил работорговец.

Я отошла и опустила на корточки рядом с сумеречным барсом. В бледно-жёлтых глазах отражалась фигура лучницы.

— Ты поможешь мне, Сабин? — шепнула я в круглое мягкое ухо. — Пусть Малка видит твоими глазами.

Зверь едва уловимо кивнул, и вот уже пущенная стрела полетела в цель, проткнув спелое яблоко, из которого брызнул сок. Я выпрямилась. Досада и гнев перекосили лицо работорговца. Малка стянула повязку, радостно глядя то на меня, то на Адигору:

— У меня получилось!

— Кажется, вам придётся выполнить условия сделки, — заметила я, приближаясь к Вайлину Расу.

— Это просто невозможно, — процедил он сквозь зубы. — Никому не под силу, — бездушный взгляд мужчины упал на Сабина. Негодование сменило разочарование, смешанное с неспособностью поверить в предательство верного спутника. Хотя я мало знала об их отношениях.

Тяжёлыми шагами Вайлин Рас пересёк палубу, на ходу вытаскивая саблю, и приставил её острый конец к мокрому носу барса.

— Мой верный спутник, единственный друг, ныне ты встретишь свою кончину, — бесцветно проговорил работорговец. — Что скажешь напоследок?

Не знаю, что именно адресовал ему Сабин, но мужчина вконец разъярился. Широко замахнувшись саблей, он промахнулся. Барс скрылся между членами команды работорговца, а затем и вовсе тихо и незаметно покинул корабль. Бросившиеся его искать матросы так и не смогли нигде обнаружить крупную кошку.

— Книгу, — освобождённая и вернувшая Лун Адигора протянула руку, нисколько не дрогнувшая перед дурным расположением духа капитана корабля.

Он смачно сплюнул ей под ноги:

— Бесчестная победа. Вы ни черта не получите. Убирайтесь!

Когда все вместе мы оказались выпихнуты на причал, подруги были действительно раздосадованы. Адигора повернулась ко мне и заявила обозлённо:

— Ты не должна была вмешиваться, Васха. Малка бы справилась.

— Ты видела, как у неё тряслись руки? — возмутилась я. — Справилась бы с попаданием в твой глаз.

— Почему бесчестно? — задумчиво протянула лучница, почесав затылок.

— Этот зверь Сабин умеет забираться в головы, — объяснила я, когда мы зашагали прочь от корабля и враждебной к нам команды. — Ты увидела Адигору с закрытыми глазами с его помощью.

— О-о-о...

Но Адигора не спешила сменять гнев на милость, не часто увидишь её вышедшей из себя. Пугающее зрелище.

— Здорово повеселилась этой ночью с наместником, Васха?

— Пф... как будто тебе действительно есть дело до моих ночей.

Мы остановились друг напротив друга, скрестив взгляды словно мечи, полные до краёв обидой и не нашедшим выхода раздражением. Адигоре не нравилось находиться в моей тени, пусть это и была всего лишь условность имперской иерархии, но помимо этого я ещё отвечала за исполнения плана по освобождению женщин и решала большинство неожиданно возникающих проблем. Стражница же, привыкшая руководить, была скорее на подхвате. Меня же выводило её самодовольство и уверенность в собственной неотразимости, раз уж она считала жительницу Быстроречья недостойной её. Может я и мала ростом и не предел всех женских мечтаний, но обладала массой других достоинств. Пора бы их уже заметить, Адигора.

Наверное, из этого столкновения мог выйти толк, если бы мы облекли собственные чувства в слова. Но этого не произошло. А в возникшее напряжение ворвалась Малка:

— Понять бы ещё хоть строчку, — она с шумом листала какую-то толстую, потрёпанную, а местами и вовсе пожелтевшую тетрадь.

— Ты стащила учётную книгу, — поразилась я, вдруг забыв о чём только что думала.

— Не стащила, а взяла заработанное. К тому же он сам оставил её лежать на той бочке, когда вырвал из рук Адигоры. Но почерк просто отвратительный.

Мы с Адигорой склонились над тетрадкой. Я могла разобрать лишь отдельные буквы и цифры, которые в Империи тоже писались совсем иначе, чем у нас.

— Без Арчи не разобраться, — вздохнула я.

— В любом случае ей уже пора покинуть город и вернуться к Соль, пока работороговец не хватился пропажи, — прибавила Адигора.

— Забегу в «Безголовую курицу» за сумкой с провиантом и в дорогу, — отделившись от нас, Малка побежала быстрее и, прежде чем совсем исчезнуть вдалеке, махнула на прощание рукой.

Помахав в ответ, я огляделась по сторонам в поисках сумеречного барса, но он как сквозь землю провалился. И зачем только бросился помогать? Это едва не стоило Сабину жизни.

Мы остановились у церкви, повернувшись к сияющим новизной кораблям.

— Времени всё меньше, — отметила Адигора. — Как твои дела с наместником?

— Сложная он личность. Сложнее, чем я думала.

— И это проблема?

— Пока не знаю.

Она посмотрела на меня. И этот взгляд с немым укором так и говорил «вечно с тобой так». Но что поделать, если не все вещи очевидны в первые секунды? Часто умение адаптироваться и реагировать на внезапные перемены гораздо полезней продуманных шагов и чётких планов.

— Хочешь зайти помолиться? — предложила я, кивая в сторону церкви.

Адигора не удостоила меня ответом, отвернувшись, ушла следом за исчезнувшей Малкой.

Двери здания церкви были широко распахнуты, и мне оставалось лишь переступить его порог. На прежде пустующих стульях, установленных полукругом, сидели незнакомые мне полумужи, сомкнув ладони в безмолвной молитве. На дне огромной чаши сверкала кровь, около двух кубков, наполненных до краёв, не больше. А по бокам от неё расположились подобно статуям церковники в алых балахонах до самого пола. Они почти не шевелились и, казалось, не дышали.

Мой вчерашний наряд был достаточно красноречив, чтобы разозлить праведника, и может тогда он о чём-нибудь проговориться с досады. Стоило попытать удачу, пока Предки сегодня улыбались мне.

Пройдя вглубь церкви, я тихонько опустилась на один из стульев. И только сейчас заметила, что из металлической чаши с кровью исходил вибрирующий протяжный звук, заполнявший всё помещение, слишком тихий, чтобы наскучить, но пронизывающий буквально насквозь.

Откуда-то слева прошаркал человек. Он шёл с низко опущенной головой, выглядел как обычный прихожанин. У него за спиной я заметила деревянную кабинку с тяжёлой плотной тканью, закрывающей вход. Наверное, там исповедовались в грехах самому праведнику. Не ведала, что именно считалось в Империи грехом, да и в Светлом крае такого понятия даже не существовало, но я неспешно подошла к кабинке и залезла внутрь, сев на дощечку, прибитую к стене и служившую тут табуретом.

— Око Господне да узрит, — слышался благоговейный голос праведника, из-за наполовину сетчатой перегородки можно было разглядеть лишь слабые очертания фигуры Шина. Он сидел буквально напротив, но глядел строго перед собой, лицо укрывала густая тень от капюшона. — Покайся в своих грехах, смертный, дабы очистить душу и уменьшить груз на твоих плечах.

— А что если на моей душе не лежит греха, который бы пришлось замаливать?

Мигом распознав голос, Шин повернулся и посмотрел сквозь сетку. Мой бело-чёрный мундир ярко выделялся в полумраке кабинки. Жаль, что не могла видеть выражения лица праведника в эту минуту, но он медлил с ответом. Тогда я произнесла:

— Почему бы не поговорить о грехах самого Императора? Кому он исповедуется?

— Святому Посреднику, — сдержанно и сухо откликнулся Шин.

— Чудовищно, что растлитель детей занимает трон.

— Он рассказал тебе... — пробормотал принц, словно не веря ушам.

— И не только об этом. Если честно, я пришёл, чтобы попросить вас перестать домогаться Ари. Он к вам равнодушен, так зачем постоянно теревить старые раны, непрестанно причиняя боль? Оставьте всё как есть.

Я говорила нарочито требовательно, жёстко и буквально ощущала, как праведника за перегородкой трясло. Но он продолжал держаться из-за прихожан, не желая выставить себя

перед ними в худшем свете. Отчасти было весело так его злить.

— Ты играешь с огнём, — заявил Шин с ноткой угрозы. — Забыл с кем имеешь дело? Я кровопускатель, а ты всего лишь человек. Не тебе ставить мне условия и выдвигать требования.

— Какие дерзкие речи. Если бы действительно могли, вы бы давно уже что-нибудь сделали. Так или иначе повторять не буду. Держитесь подальше от Ари.

Собравшись выскочить из кабинки, я ощутила мёртвую хватку, сжавшуюся на моём запястье. Под сетчатой перегородкой располагалась раздвижная панель, и сейчас там зияла дыра, достаточная, чтобы просунуть руку.

— Просто дикость спать с островитянами, — начал он беспощадно, — но Императору это кажется не такой уж и плохой идеей, до тех пор, пока вы способны выносить и наших детей. Вскоре это превратится в ваше единственное предназначение.

Сказав это, Шин отпустил. Теперь он ощущал удовлетворение, думая, будто кольнул меня ещё сильнее, чем я его, не осознавая, кто здесь победил. Впрочем, в будущем праведник непременно пожалеет о своём длинном языке.

А я уже спешно покидала церковь, на ходу обдумывая услышанное. Вскоре? Да не так уж и скоро. Если бы хотели, имперцы давно бы просто обратили островитянок в рабынь. Но им нужно было послушание и желательно добровольный выбор жительниц порабощённой страны. Условно добровольный, разумеется. Главное, чтобы островитянки в это верили. В изменчивом мире нельзя выжить исключительно одними только войнами. Императору не отказать в уме. Его план выглядел долгосрочным и от того ещё более хитроумным. Разве можно было упустить шанс возвысить мужчину как творенье божье, когда на свете вдруг объявился кто-то намного более низменный и худший, богомерзкий недомуж? Однако имперцы все ещё брезговали к ним прикасаться. Надолго ли? Пара поколений минет точно. Но если рынок наводнят рабы, добытые в Светлом крае, это явно ускорит процесс. Конечно, ещё оставался открытым вопрос относительно так называемого Источника Жизни, о котором мне до сих пор ничего не было известно.

Но теперь я больше не сомневалась в том, что среди островитянок не было воительниц. В противном случае разве они бы так просто склонили головы перед Империей, полностью отдавшись во власть чужой воле?

Я впала в такую глубокую задумчивость, что не заметила, как добралась до армейского района и до своей комнаты в казармах. Дверь оказалась не заперта, но я не обратила внимания. Однако внутри ожидала вовсе не Адигора, а наместник собственной персоной.

Он вскочил на ноги, только меня завидев, и улыбнулся.

— Где ты так долго ходил, Вас? Я ожидаю уже битый час, — красный рыцарь качнул головой, обрывая мою попытку дать объяснение. — Впрочем, неважно. Подойди.

Я так и сделала. Теперь приходилось задирать голову, чтобы смотреть принцу в лицо, хотя раньше я редко этим утруждалась. Он наклонился, шепнув мне на ухо:

— Ты станешь моим супругом?

— Кем?

Выпрямившись, Ари Зель объяснил:

— Супруги — это двое мужчин, заключившие союз по любви и согласию, впредь обязующий их разделить привилегии и ответственность. В Империи его заключают довольно редко и обычно только члены императорской семьи. И ты станешь её частью, Вас.

Я внимательно взгляделась в наместника. Он всерьёз собирался поделиться со мной

всеми привилегиями и навесить бремя обязанностей. Так вот о каком даре тогда шла речь в беседе между двумя принцами?

— Это очень серьёзное предложение, — заметила я, опускаясь на кровать и лихорадочно соображая, какая мне польза от согласия и возможный ущерб от отказа.

— Так и есть, — Ари Зель сел рядом. — Но я не хочу никогда расставаться с тобой. Когда ты просто уехал без моего на то дозволения, я не был уверен, что снова с тобой увижусь. А сегодня утром, наблюдая твой крепкий сон в моей постели, понял, что вот так и должна выглядеть моя жизнь.

«Я... моя...» Он вообще способен думать о ком-то кроме себя? На вид совершенно невинное лицо, шутка природы или её урок, призванный научить нас не доверять часто обманчивой внешности. Супруги? Хм... есть что-то знакомое в этом слове, но не припомнить что.

— Разве я способен отказать принцу Ари Зелю? — я улыбнулась, обнимая его.

Принц крепко обнял меня в ответ, прижимаясь носом к шее.

Дверь тихонько приоткрылась, и я заметила заглядывающую внутрь Адигору. Подмигнула ей, самоуверенно ухмыльнувшись. Сегодня мы приблизились к поставленной цели на ещё один шаг.

Глава 20. Сердце Аризеля

Вальтор сидел напротив меня в нашем маленьком убежище и довольно потирал руки. Эту привычку он приобрёл месяц назад, когда узнал о заключении супружества между завербованным им островитянином и наместником. Хотя у меня возникало ощущение, что это республиканец станет супругом Ари Зеля, настолько довольным он выглядел.

Один на один со шпионом. Адигора сочла своё присутствие бесполезным, всё ещё злилась. Сейчас ничто не мешало мне взять и убить республиканца, оставив его труп разлагаться прямо в пустующем здании, покрытом пылью и паутиной (здесь явно редко убирались). Порой эта заманчивая мысль всплывала в голове, когда Вальтор начинал раздражать особенно сильно.

— Город ожидает масштабное празднество. Спиртное будет литься рекой. Вином попотчуют даже солдат и лишь дозорная служба будет на ногах в эту ночь, но вряд ли в полной боевой готовности, — говорил республиканец, уже выстраивая мысленный план.

— Да, так и будет, — подтвердила я, недаром принц так долго готовился к знаменательному дню.

Вальтор склонился над столом поближе ко мне и улыбнулся:

— Но только вам и наместнику известна точная дата проведения торжества.

— Это верно, — просто дополнительная предосторожность, напрямую связанная с пограничным местоположением города. И это могло сработать в каком-нибудь ином случае.

Он снова потёр руки, наверное, восторгаясь своей находчивостью, позволившей меня завербовать, как республиканец был уверен.

— Всё же красный рыцарь довольно умён, — восхитился Вальтор невольно.

— Недостаточно умён. Собственные желания затмевают его рассудок, — так же я думала и о республиканском шпионе, но не стала уточнять.

— Мы подготовимся к внезапной атаке и вернём себе город, — сжав кулак, он победно взмахнул им вверх.

— На это я и рассчитываю.

Вежливо улыбнувшись на прощание, я покинула домик. Конечно, Вальтор вовсе не думал о моём возможном предательстве, а если и задумывался, то это бы скорее выразилось в оповещении обо всём наместника, либо в оглашении ложной даты. Оба хода были слишком очевидны, чтобы ими воспользоваться.

Пусть я пока и не видела ничего иного, всё-таки лелеяла надежду на подкрепление, на Новжу. Но даже прибудь они, кораблик Риф всё равно не вмещал больше десятка. А с таким количеством нам республиканцев не одолеть. Неужели внезапный побег — это единственный выход? Но незаметным он точно не останется, его запомнят те, кто ходили под знаменем однорогой лошади. Вот только женщинам Светлого края ещё рано вступать в полномасштабную войну, мы к этому не готовы. Никто не должен знать даже о том, что некоторые из нас способны отличить острие меча от его рукояти.

Я держала путь в «Безголовую курицу», как заметила Вайлина Раса на другой стороне улицы в сопровождении двух моряков, которых я уже видела раньше в порту, увлекающих за собой Мола. Резко затормозив, развернулась и пошла за ним следом, отставая на десяток шагов. Было любопытно, зачем работорговец в этот раз соизволил покинуть свой корабль.

Подготовка к очередному похищению невинных людей шла полным ходом, и насколько я знала, ему осталось лишь договориться о количестве солдат с красным рыцарем. Но Ари Зель медлил, оттягивая время, в основном занимаясь планированием торжества, а не разбором многочисленных запросов. Он больше не верил в успех предприятия работорговца и намеревался запросить золото вместо обещанного процента от продажи рабов.

К моему удивлению, Вайлин Рас вошёл в здание тюрьмы смежное со зданием дозорной службы и повернул направо по коридору. Я проследовала внутрь, мигом прислонившись к стене у входа, чтобы не оказаться замеченной мрачным пятидесятилетним командиром дозорных, остановившим Вайлина Раса.

— Вам придётся оставить своих людей снаружи, — настаивал суровый голос. — Согласно новому закону все пойманные беглые рабы должны проходить через дозорную службу, прежде чем снова будут возвращены хозяину. И ваш раб не исключением из этого правила, — он добавил с неприкрытым осуждением. — Сомнительные услуги Тимаса Шру заслуживают тщательного рассмотрения. И если вы пожелаете написать на этого охотника за рабами жалобу в связи с тем, в каком виде он привёл раба, мы будем рады её рассмотреть.

Услышав это, я всерьёз встревожилась. Он поймал Соль, да ещё и изувечил? Час от часу нелегче.

— Я вас понял, — равнодушно отозвался Вайлин Рас.

Оба матроса прошли мимо меня, когда покидали здание тюрьмы, не глядели по сторонам и не заметили вжатога в стену мелкого чёрного рыцаря.

Командир дозорной службы миновал проход, отводя работорговца к нужной комнате. Я сразу узнала этот коридор, хоть и была в здании всего раз. Работорговец и его сопровождающий скрылись за той самой дверью, где когда-то держали меня. Оглядевшись в поисках неожиданных свидетелей и никого по счастью не обнаружив, я приподнялась на носочках и заглянула в решётчатое окошко.

Вот только за обшарпанным столом скованная цепями, босая, в рваной одежде, с жуткими фиолетовыми подтёками на шее и лице сидела отнюдь не Соль.

— Здравствуй, малыш, — обратился к Арчи Вайлин Рас, тяжело опускаясь на скрипучий стул напротив него. — Давно не виделись. Не ожидал свидится вновь.

Работорговец повернулся к Тимасу Шру, прислонившемуся к стене прямо за спиной изувеченного Арчи. Всё внутри съёживалось при взгляде на согбенного парнишку, едва шевелившегося из-за многочисленных синяков и ушибов по всему телу. Сжались кулаки. Эта тварь, носящая человеческую личину, непременно заплатит!

— Он помог бежать рабу, которого вы хотели получить, — объяснил охотник за рабами. — Но, чтобы сохранить свою шкуру, признался мне в своём знакомстве с вами. Вот я и решил, что это лучше, чем ничего. Обнаружил клеймо на стопе. Должен признать, — он хищно ухмыльнулся, — что на раба для удовольствия этот мальчик был похож меньше всего.

Снова повернувшись к Арчи, Вайлин громко забарабанил жёлтыми длинными ногтями по столу.

— Я подарил тебе шанс на новую жизнь, и вот так ты мне отплатил, малыш, — бесчувственно произносил он.

Сколько можно безучастно наблюдать за мучениями моего друга? Но если объявлюсь, работорговец вмиг сообразит, что я вовсе не островитянка. И все труды пойдут прахом...

— Я отлично помню плату за свои труды, которую получил от ваших наёмников и матросов, — сухо протянул Арчи, привалившись боком к жёсткой спинке стула и

уоставившись в стену, каждый подтёк которой мне так же был хорошо знаком.

Вайлин Рас рассмеялся. Впервые я слышала его жуткий отвратительный смех, с которым мог состязаться лишь садистский хохот Тимаса Шру. Эти безжалостные звуки заполонили допросную и сердце моего бедного Арчи. Командир дозорной службы выглядел совершенно безразличным к происходящему. Его нервировало невыполнение имперских законов, но сама судьба рабов не тревожила, как и их страдания.

Из другого конца коридора послышались тяжёлые приближающиеся шаги. Я должна что-то сделать, пока они не начали выпытывать у Арчи местонахождение Соль и остальных. Он ничего не расскажет, но точно умрёт, не вынеся очередной щедрой порции боли.

Набрав полные лёгкие воздуха и выдохнув, я толкнула тяжёлую обитую металлом дверь допросной. Шесть глаз посмотрели в сторону внезапно объявившегося чёрного рыцаря, которого явно не ждали. Неприятное удивление читалось как минимум на двух лицах. Но Арчи всё ещё был погружён в себя.

— Вы здесь по приказу наместника? — поинтересовался командир дозорной службы, он считался равным по званию бежевому рыцарю и потому не поклонился мне.

Арчи продолжал сидеть, отвернувшись к стене. Ах, если бы обладать магией кровопускателя или хоть какой-нибудь и вот так запросто вызволить друга из волосатых лап парочки ядовитых жирных пауков.

— Я хочу этого раба, — я указала пальцем прямо на Арчи, и, услышав мой звонкий голос, он, наконец, обернулся.

Потрескавшиеся губы с запёкшейся на ней кровью задрожали, глаза увлажнились слезами.

— Что? — Вайлин Рас поднял левую бровь, но быстро вернул себе самообладание торговца. — Боюсь, нет суммы, за которую я бы согласился его продать.

— У меня есть нечто более ценное, — я опустила руку. — Информация о людях подобных птице, которую вы разыскиваете.

— Откуда... — на лице работорговца смешались недоумение и возмущение, а затем оно озарилось пониманием. — Вы... ты... — его буквально затрясло от открывшейся правды, — из неизведанных земель.

— Следите за языком! — резко пресекла я. — Я не один из клеймённый вами рабов, Вайлин Рас. Кем бы я ни был раньше, сейчас я чёрный рыцарь императорской армии. И предлагаю вам сделку. Вы же их любите, не так ли?

Взгляд работорговца направленный на меня кардинально переменился. В нём появилось... уважение? Настоящее, а не притворное. Станный он был человек. Тимас Шру напротив выглядел недовольным неожиданно оборвавшимся весельем. А Арчи... Арчи, судя по шоку, в очередной раз не мог взять в толк зачем я так рисковала ради него. Но я всё обдумала и поняла, что не рискую ничем, если сделаю правильную мину при плохой игре.

— И вам не боязно вот так раскрывать себя? — улыбнулся Вайлин Рас, демонстрируя оранжевые от налёта резцы. — Что если правда станет известна наместнику?

— Вы не знаете наместника так, как его знаю я. К тому же я родом из края свободных людей, это существа подобные вам превращают нас в рабов. Но я бесстрашный стою перед вами. Этот раб помог мне избежать участи остальных и привёл в земли Империи. Я в долгу перед ним и намерен этот долг вернуть, потому что теперь моё будущее светлее, чем могло пригрезиться прежде.

Какое-то время Вайлин Рас молчаливо и внимательно меня рассматривал, явно

обдумывая услышанное. Но в конце концов кивнул. Я видела, что он мне поверил. Ничего удивительного. Люди, привыкшие заботиться лишь о собственной шкуре и выгоде, которую могли получить, легко понимали, когда кто-то другой поступал точно так же. Да и разве можно было желать большего счастья, чем породниться с императорской семьёй? Для многих я выглядела везунчиком, солдаты и рыцари стали смотреть с завистью вослед.

— И что вы намерены сообщить о людях способных превращаться в птиц? — поинтересовался Вайлин Рас.

— Сперва составьте и подпишите документ о передаче раба, а потом обсудим остальное без лишних ушей.

Работорговец прищурился:

— Как скажете.

Мне принесли третий стул. Тимас Шру был отослан, а командир дозорной службы, удостоверившись, что никакой закон не будет нарушен, оставил нас. В воцарившейся тишине Вайлин Рас скрипел пером по пергаменту, которые так удобно оказались при нём в его набедренной сумке. Составив акт, он подписал его и надавил печатью с символом гильдии, точно таким же, какой был на кольце, добытом республиканцем. Свернул свиток и выжидательно уставился на меня.

— Тот раб, которого вы привезли не самый сильный из возможных. Есть намного мощней. Но они скрываются не на окраине, а в самой глубине неизведанных земель. Их силы не то, что приобретается с рождения, этому можно обучить, — объясняла я, сочиняя на ходу ложь, приправленную щепоткой правды, пока Арчи недоверчиво косился в мою сторону. — Если пожелаете, поплыву вместе с вами за второй партией рабов и помогу найти нужного человека. Конечно же, только после намеченного торжества.

Работорговец выглядел довольным. Он откинулся на спинку стула и проговорил миролюбиво:

— А наместник нашёл себе толкового супруга. Я бы и сам от такого не отказался, жаль, вы уже заняты, — он улыбнулся собственной нелепой шутке.

Растянув губы в нарочитой улыбке, я забрала акт о передаче из его вытянутой руки.

— В этот раз вы будете путешествовать с комфортом, чёрный рыцарь, — заметил Вайлин Рас, вставая, и даже (о какой шок!) поклонился мне перед уходом.

Как же быстро он позабыл и предательстве Сабина и о пропавшей, явно неспроста, учётной книге. Он вполне мог догадаться, что и остальные мои знакомые из неизведанных земель. Но в таком малом количестве мы не представляли угрозы для целой Предвечной Империи или для ремесла работорговца. Мечты о грядущем богатстве и том, что именно он, Вайлин Рас, своими усилиями обеспечит победу над Республикой Завета, давнишним врагом Империи, ослепили его рассудок.

Взяв ключ, оставленный дозорным, я расстегнула кандалы Арчи.

— Если даже после этого Малка продолжит на тебя ворчать, я очень удивлюсь.

— Она будет, просто найдёт иной повод, — улыбаясь, он попытался подняться, но ноги тряслись как тонкие деревья в ветренную погоду. — Не помню, когда в последний раз ел.

Я подставила плечо:

— Мы это поправим.

Кое-как дотащив Арчи в «Безголовую курицу», столкнулась там с Адигорой. Она быстро распорядилась о горячей ванне для израненного Арчи и помогла намазать целебной мазью и перевязать раны. Хорошенько накормив его уложили в постель, которая прежде находилась

в полном распоряжении Мола. Тот выглядел неприятно удивлённым, заметив клеймо на стопе нового постояльца.

— Я должен спать с ним на одной кровати? — поинтересовался Мол с ноткой возмущения в голосе.

— Можешь спать на полу на соломенном матрасе, как и Горбун, — ответила на это Адигора.

Мол скорчил недовольную физиономию и упрямо занял краешек кровати, обняв колени, подозрительно поглядывал в сторону провалившегося в сон Арчи.

— Значит, он спас Соль, — проговорила Адигора, услышав всю историю из моих уст. — А ты выдала нас работоторговцу.

— Ни он, ни другие не видят в нас угрозы, попросту не воспринимают всерьёз, — я, наконец, немного расслабилась, когда люди, представлявшие опасность, оказались подальше. — Однажды они заплатят за эту ошибку. Жаль только, что охотника за рабами я упустила.

— Как ты умудряешься сохранять уверенность при таком шатком плане?

— Это лучше, чем переживать понапрасну.

— А что же красный рыцарь? Когда он узнает...

— Ему это безразлично. Ни мои чувства, ни мой дом, ни семья, ни друзья не волнуют его. Ари Зель ни разу не спросил о моём прошлом. Я нужна ему лишь затем, чтобы закупорить дыру в сердце и ощущать хоть какую-то безопасность при полностью разрушенной оболочке его души. Он не пригласил никого из императорской семьи на торжество, кроме праведника, но тот и так участвует в церемонии. Говорит, что этот день только наш. Пф... — скрестила руки на груди. — Просто не хочет, чтобы ему помешали.

— Мы так долго притворялись, лишь затем, чтобы разрушить все маски в нужный час?

Я ободряюще улыбнулась Адигоре:

— Мы не знали, что нас ожидало, а они не ведали, кто мы такие. И до сих пор не имеют ни малейшего о том представления.

После этого происшествия дни текли обыкновенной чередой, а я старалась как можно чаще навещать Арчи. Он окреп быстрее, чем ожидалось, и синяки постепенно сходили. Начав меньше спать, больше бодрствовать, узнал о Моле и его истории с Ром. Часто я заставляла его за беседами с новым приятелем, терявшим с каждым новым усвоенным уроком прежнюю радость жизни. Стоило прийти к Арчи, как Мол садился на старое кресло и буравил меня долгим мрачным взглядом, словно выискивая ответы на собственную искалеченную жизнь.

Так настало утро торжественного события. Покидая казармы и направляясь в особняк наместника, я совсем не нервничала. Летнее солнце на чистом голубом небе служило благоприятным предвестником, так сказал Ари Зель, пока я отмокала в ванной, чтобы быть причёсанной и надушенной сразу после. Костюм сшитый умелыми руками портного полумужа действительно впечатлял. Хотелось бы мне взять у него пару уроков, жаль, что не суждено.

Шёлк и бархат бережно облевали тело, полупрозрачные рукава фонарики сужались на запястьях, обхватывая тонкие руки. Высокие парчовые сапожки украшала золотистая вышивка с изображением солнц. Сверху полагалась узкая чёрная шёлковая накидка с завязками по бокам. Сам наряд молочно-белый. В нём действительно было приятно находиться.

Волосы едва успели отрасти до плеч и мне надели на голову ткань повторяющую цвет волос, она спадала аж до самого пояса и закреплялась на макушке драгоценной тиарой.

Тщательные приготовления заняли половину дня. И я оказалась готова прямо к самой церемонии. Спустившись в холл на первый этаж, встретила там Ари Зелья. Он был роскошен. Его костюм вторил моему, различаясь лишь в цвете накидки, она была красной. Изумрудные волосы принца распустили, тоже украсив тиарой, но в этом случае не пришлось искусственно создавать иллюзию длины.

Красный рыцарь встретил меня с мягкой солнечной улыбкой. Мы выбрались наружу и оседлали парочку белых скакунов с золотистыми же стременами. Полагалось проехаться по улицам города на радость праздной толпе до самых дверей церкви.

Поразительно, как преобразился Аризель. Всё, что только можно было украсить, украсили свежими цветами и разноцветными лентами. Там и тут стояли ещё непочатые бочки с вином. Играл уличный оркестр, прибавляя веселья простому народу.

Я махала, согласно долгу, а, ощутив, как начинает ныть запястье, заменила руку. Но воздержалась от улыбок, довольно было лучащейся физиономии принца. Он буквально сиял, вызывая в моём сердце лёгкий укол сожаления от неизбежного для всех нас исхода. Вайлин Рас так и не рассказал наместнику обо мне, наверное, решил оставить на потом просто на всякий случай, чтобы ничто не помешало заключению супружества. Боялся, что я передумаю ему помогать.

Достигнув широко распахнутых дверей церкви, мы оставили по-праздничному одетых коней. В самом здании были убраны стулья, а церковники выстроились в ровные ряды по бокам, протяжно пели что-то торжественное на непонятном мне языке. Праведник занял место гигантской чаши. В своём священном облачении и в бархатных перчатках, он смотрел строго перед собой. И едва поднял взгляд, стоило нам подойти и встать прямо перед ним. Заговорил формальным тоном:

— Сегодня я соединяю неразрывными узами две жизни и две души. В этот знаменательный божественный день, я вручаю вас друг другу. Протяните руки ладонями вверх, пожалуйста.

Как и ожидалось, он уколол наши указательные пальцы. И смешал кровь на своей обнажённой ладони, шепча нечто похожее на заклинание. Ари Зель всё не сводил счастливого взгляда с моего лица. А мне стало не по себе от странного ощущения, будто что-то осталось укрытым от меня. Станный обряд. Что он означал? Но уже было поздно его прерывать.

Закончив с кровью, праведник оставил по красному круглому отпечатку на наших лбах. А после Ари Зель вручил мне перстень с изумрудом, надев себе на указательный палец точно такой же. На этом обряд завершился.

Когда мы вышли, простой люд рукоплескал, поздравляя во всё горло и так шумно, что я не разбирала смешавшихся фраз. Солнце уже закатилось, сгущался вечер, пронизывая мир синевой.

Вернувшись к дому наместника, который теперь являлся и моим домом тоже, я ощутила приятную вечернюю прохладу на коже. Сегодня должна была случиться наша первая и последняя ночь.

Спальня, в которую поднялись, тоже оказалась украшена цветами — чёрно-красными розами, никогда прежде не видела подобного сорта. Ари Зель запер дверь, на ходу снимая накидку и бросая её в сторону. При свете свечей его глаза горели вожделением.

В открытое окно дунул ветер, шелестя тонкой занавеской. Принц же приблизился ко мне и опустился на колени, расправляясь с завязками на штанах своего новоиспечённого супруга:

— Как же давно я мечтал прикоснуться к этому телу.

Вещь мягко упала на пол. Ари Зель обескураженно улыбнулся.

— Но при этом ты совершенно не знаешь, что с ним делать, верно, Ари? Давай покажу тебе.

Я протянула руку, помогая ему встать и уложила принца на постель, сама забралась сверху, сев поперёк живота. Наклонилась, шепнув на ухо:

— Закрой глаза.

Он так и сделал. Глупый безжалостный принц, ты избрал не того «островитянина». В кинжале, сжатом в моих ладонях, отразилось синее пламя свечей. На чистую белоснежную простынь брызнула яркая кровь. Прекрасный костюм портного оказался навсегда испорчен. Ари Зель не успел вскрикнуть. Настолько быстро всё случилось, что он лишь распахнул веки, глядя на меня совсем не удивлённо.

Покончив с этим, я покинула спальню и спустилась вниз на первый этаж, сжимая в одной руке окровавленный кинжал, а в другой бьющееся сердце Ари Зея. Оно частило, когда только вынимала, но теперь поуспокоилось, лишившись пыла влюблённой души. Ни дворецкий, ни домашние рабы не встретились мне на пути (может были отосланы или праздновали вместе со всеми?) И я вошла в приёмную залу, приблизившись к карте, пришилила сердце остриём к тому самому месту, где на карте Предвечной Империи располагался в крайней южной точке портовый город. Теперь мужчина, в честь которого он назван, был мёртв. Истекал кровью на любовном ложе.

— Аризель — это город, Ари Зель — это человек, — выдохнула я, вдруг ощутив страшную усталость, опустилась в кресло наместникам.

Пусть и не время было отдыхать, я словно избавилась от тяжёлого бремени. И всё же знала Ари достаточно долго, чтобы ощутить некую пустоту в месте, которое тот занимал в моей душе. И ещё этот проклятый шрам на лице, что вечность будет напоминать о прожитых днях бок о бок с красным рыцарем.

Из холла донёсся шум. Если меня застанут с окровавленными руками в приёмной зале, не миновать беды. Но я не могла заставить себя сдвинуться с места, тело словно лишилось последних крох сил. Двери резко распахнулись, ударившись латунными ручками о стены.

Широкими шагами внутрь прошла... прошла...

— Новжа! — я не поверила глазам.

Подруга, на чьём дорогом лице сверкала радостная улыбка, возвестила:

— Мы привели тебе целую армию, наместница.

— Что?

— Надевай доспехи, и сама посмотри, — она подмигнула, бегом спеша наружу.

Усталость сменилась волнением, смешанным с возбуждением. Я отмыла руки, избавилась от роскошного наряда и снова облачилась в доспехи, повесив на пояс Велимир. Стоило выскочить наружу, и по глазам полоснуло яркое пламя. Город был охвачен огнём.

Ожидающая Новжа заключила меня в объятия, на которые я оказалась безмерно счастлива ответить.

— Ты всё-таки пришла с подкреплением, — поразилась я, отпуская лучшую подругу. — Но армия? Как?

Новжа не ответила, схватила за руку и потащила в пучину хаоса. Полумужи и рабы в ужасе и панике разбежались, но тут же оказывались окликаемы голосами Арчи и Мола, просящими тех немедленно покинуть Аризель, ради их же блага.

Имперских солдат видно не было, очевидно оказались погублены республиканцами, которые теперь бились с неожиданным врагом.

— Стражницы!

Это и правда были они. Всего десяток они сражались так, будто их было в пять раз больше. Луны свистели в воздухе, снося голову очередному зазевавшемуся врагу в украшенных голубой стальной лентой доспехах. Но и это было ещё не всё.

Воительницы с клеймами на лицах, облачённые в неказистую бракованную солдатскую броню Олли Мота, отчаянно размахивали мечами, набрасываясь на республиканцев, отпугивая их своей неожиданной свирепостью и обращая в бегство. Но им не позволяли сбежать. Кровь дождём окропила мостовую.

Меня разрывало от желания смеяться и плакать. Столько чувство до краёв переполнили сердце. И я неистово закричала, обнажая Велимир, тут же вспомнив о кровопускателе, ринулась в сторону церкви. Сейчас, когда улицы пропитаны кровью, он окажется полон сил и сможет затушить пожар, помешав нам.

Я успела как раз вовремя, чтобы увидеть Шина выбегающего из церкви с флаконом крови, сдирающего на ходу перчатки с кистей. Налетев, сбила его с ног. Сосуд разбился, а острие Велимира оказалось приставлено к горлу праведника.

— Я всегда знал, что ты пригретая змея, — процедил он с ненавистью и тут же рассмеялся.

— Что тебя так забавляет? Собственная внезапная кончина?

— Ты согласился на обряд, даже не узнав, что он такое. А Ари тебе не сказал, верно? — взгляд у Шина стал страшный. — Что ты с ним сделал?

— Скажу, если объяснишь смысл обряда.

Его лицо скривилось, казалось, праведника подташнивало от каждого произносимого слова:

— Ты, Вас Ха, отныне часть императорской семьи. Смерть наведается к тебе однажды, как и ко всем смертным, но ты обретёшь бессмертие в качестве члена императорской семьи. Ты переродишься в одном из четырёх родов и так будет продолжаться до конца времён. В этом и заключается дар Ари Зеля тебе, тварь.

Я была ошарашена. Не дар вручил мне почивший красный рыцарь, а страшное проклятье.

— Он мёртв, твой возлюбленный мёртв, — ответила я бесцветно, замахиваясь мечом. — Но может тебе повезёт с ним в следующей жизни.

Но вонзила лезвие в пустоту. Шин испарился, воспользовавшись силой пролитой крови, переместился куда-то ещё. Я вертела головой по сторонам в поисках. Нужно ему помешать призвать грозу. Пусть огонь испепелит этот треклятый город вместе с останками его наместника.

Заволновались волны, намекая на близость Соль. Из корабля повыскакивали вооружённые матросы во главе самим Вайлином Расом.

— Я знаю, что ты где-то здесь! — заревел он, уже через мгновение красуясь древком стрелы в правой глазнице.

— Попала в яблочко, — весело сообщила Малка, объявляясь рядом со мной и натягивая

тетиву вновь.

Я бросилась на полупьяных вооружённых матросов, оказавшихся слишком неумелыми, чтобы продержаться долго против меня. Они падали на пристань замертво один за другим.

— Нужно найти кровопускателя! — крикнула я, заметив Соль, идущую в нашу сторону с другого конца порта.

Она кивнула, прибавив:

— А ты позаботься на наших людях! Время уплывать.

— Но мы не сможем управиться с суднами!

— Это и не нужно, — она мягко улыбнулась, вставая рядом, похоже морской ведьме довольно просто направить даже очень тяжёлые деревянные посудины.

Мы разделились. Я вместе с Малкой побежала на улицы, окликая женщин и направляя их к кораблям работарговца, теперь нашим кораблям. В конце концов остались только стражницы, разбиравшиеся с остатком войска республиканцев. Я переступила через разрезанный пополам труп Вальтора, оглядывая горящий город. Было светло как в разгар дня.

— Васха, — окликнул озабоченный Арчи, — можно мне взять тех рабов, что согласятся уплыть? На кораблях ещё много места.

— Поступай как хочешь, ты это заслужил.

Малка недовольно скуксилась, но оставила своё мнение при себе. Эта ночь казалась ужасно длинной. Задрав голову, я заметила начавшие формироваться дождевые тучи. Пока лишь два сероватых шарика на покрытом звёздами небе.

И куда делась эта сволочь? О лодыжку потёрлось нечто мягкое. Опустив взгляд, я увидела Сабина. Улыбнулась барсу, погладив по шёрстке:

— Вот и ты.

Наши взгляды пересеклись... Шин стоял на балконе спальни наместника, стискивая перила окровавленными руками. Стоило догадаться, что он побежит именно туда.

— Поплывёшь с нами, Сабин?

Барс благосклонно кивнул. А я побежала напрямик к особняку. Там же объявилась и Соль. В образе чайки она приземлилась около меня, вернув себе человеческий облик.

— Он ужасно расстроен, — заметила она с каплей сочувствия в голосе.

— Он в отчаянии, — поправила я. — Но что будем делать?

— Честно говоря, мне страшно, Васха. Я ещё не сталкивалась с подобной силой.

— Значит, я отвлеку, а ты придумай что-нибудь.

Соль было открыла рот, чтобы возразить. Но я уже кричала во всю глотку:

— Праведник! Отпеваешь мёртвого?!

Шин бросил в мою сторону полный ненависти взгляд, в небе сверкнула ослепляющая молния. Если раньше я немного сожалела об убийстве Ари Зеля, то теперь утвердилась в своём поступке. Испытывая отвращение к родной семье, он всё равно вовлёк меня в этот кошмар, полностью осознавая, с чем я могу столкнуться в следующей жизни. Негоже так поступать с любимыми.

— Один раб сказал мне, Шин, что имперцы не ведают, что такое любовь! Он был прав на ваш счёт! Вы эгоистичные ублюдки!

В этот раз волна воздуха, сжатого в крепкий увесистый кулак, полетела прямо мне на голову. Я отскочила и уцелела, но мостовой повезло куда меньше. Она обратилась в мелкие камешки, смешавшиеся с серой пылью. Опасно, но, по крайней мере, кровопускатель

отвлёкся от своего погодного заклинания.

— Зачем ты это делаешь?! — поражался Шин. — У тебя было всё, о чём только можно мечтать!

— Всё, о чём мечтал ты! Это не одно и то же!

Ещё один удар и кувырок. А потом забурлила кровь, так, что я учуяла её резкий смрад, сквозь приносимый ветром дым. И воздушные кулаки посыпались градом. Прозрачные, их было практически невозможно разглядеть. Они обращали мостовую в пыль. И один ударил у самых ног, едва не раздробив мне колени.

Из-за спины повеяло холодом. Решив, уж не старуха ли Смерть явилась за мной, я обернулась и оторопела. Под два метра ростом по земле полз водный элементаль, похожий на неровную жижу, оставлял после себя мокрые следы как какая-нибудь виноградная улитка. Внутри него плескалась пара золотистых рыбок.

Но элементаль оказался не одинок. К дому наместника приплыл целый десяток. Они сливались, превращаясь в нечто невероятно громадное, и достигли макушкой балкона, на котором стоял остолбеневший кровопускатель. Прежде чем праведник успел отреагировать, утопили его в своём бесформенном кулаке и потащили в сторону моря, а я побежала следом.

На моих глазах элементаль слился с потоком, забрав Шина в морские недра.

— Ух, ты, — вырвалось само собой.

В нескольких шагах на землю упала обессиленная Соль. Спрятав Велимир в ножны, я подбежала к ведьме, поднимая её на руки. Какое сложное, должно быть, колдовство она применила. Огонь продолжал полыхать, набирая разрушительную мощь, и больше ничто не рисковало ему помешать.

— Васха! — позвала Новжа. — Все уже на борту. И тебе пора.

— Соль ослабла. Без неё нам далеко не уплыть.

— Всё хорошо, — подала тихий голос морская ведьма. — Я справлюсь. Я должна.

— Но будешь ли ты в порядке? — я всерьёз разволновалась.

— Стоит выйти в море, как я быстро восстановлю силы.

Кивнув, я потащила её на борт флагмана работорговца. Паруса оставались собраны, не было никакого смысла их расправлять. Корабли не нуждались в ветре, чтобы плыть, лишь в морской ведьме.

Встав и выпрямившись, но всё ещё опираясь на моё плечо, Соль прикрыла веки, легко махнув рукой. И волны вняли её воле, сдвинув судна с их мест. Мы начали отдаляться от берегов полыхающего Аризеля, оставляя позади всю боль и грусть, которую нам причинил этот город, но не в силах избавиться от шрамов, что он нам оставил.

Кольцо с изумрудом продолжало сверкать на моём указательном пальце, в гранях драгоценного камня отражались улыбка и поразительно длинные волосы Ари Зеля, заплетённую в толстую и тяжёлую как канат косу. Передав Соль сестре, я сняла перстень и зашвырнула в море. Сердце сжалось в груди, и непрощенная слеза скатилась по щеке.

— Мы спасли не всех, и ещё обязательно вернёмся.

Вот теперь полыхало и здание порта, возводимое на костях живых людей, моих людей.

— Васха! — окликнула Новжа и с беспокойством взглянула в моё лицо, касаясь кончиками пальцев шрама, оставленного мечом красного рыцаря. — Ты так долго сражалась.

— Как и ты, как и каждая из нас.

— Теперь мы возвращаемся домой, — она положила руку мне на плечо.

— Дом... — я снова повернулась к растворяющемуся вдалеке оранжевому огненному пятну, которое постепенно пожирала ночь.

Я Васха, уроженка Светлого края, города Быстроречья, дочь Звёды и Велка́и, младшая сестра двум непутёвым женщинам Айе и Свевеле, лучшая подруга Новжи, влюблённая, испытывающая неразделённые чувства к Адигоре. Также известная как чёрный рыцарь Предвечной Империи и шпион Республики Завета, недолгий супруг принца Ари Зея и предательница всех его чаяний. Я Васха, и я плыву к берегам родного дома.

Губы растянулись в нежданной улыбке, и Сабин уткнулся мокрым носом в ладонь. Запахло солью, а уставшие от боя женщины постепенно отходили ко сну. Завтра настанет новый день. И я обязательно до него доживу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net